

**АНДРЕЙ
ФАЛЬКОВ**

**СОВЕТСКО-
ВЬЕТНАМСКИЙ
РОМАН**

18+

Андрей Игоревич Фальков

Советско-Вьетнамский роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36056088

SelfPub; 2018

Аннотация

Остросюжетная приключенческая повесть о событиях американо-вьетнамской войны 1964-1973 годов, основанная на документальных материалах. Советские военные специалисты, вооруженные новейшей техникой, громят американскую авиацию и пехоту во Вьетнаме. Правда о вьетнамской войне, вьетнамском синдроме, американских боевиках и советской армии. Война, любовь и непростые отношения вьетнамцев, русских и американцев.

Содержание

Предисловие	7
От автора	9
Глава 1. О том, как лейтенант Пауэрс попытался нарушить воздушное пространство Советского Союза	11
Глава 2. О том, как Хрущев припугнул американцев, и американцы испугались	43
Глава 3. Рассказ о том, как младший лейтенант Кашечкин влюбился	50
Глава 4. Обыкновенные биографии американских мальчиков	77
Глава 5. Знакомство читателя и лейтенанта Кашечкина с полковником Рузаевым	95
Глава 6. Как лейтенант Кашечкин встретился с отцом Светы и что из этого получилось	114
Глава 7. Читатель знакомится с полковником Шульцем и первый раз попадает под бомбы американцев	129
Глава 8. На землю Вьетнама приходят носители демократии	149
Глава 9. Довольно неприятная поездка полковника Шульца по тропе Хо-Ши-Мина	155
Глава 10. Сильвестр Макарони попадает на	179

воспитание к сержанту	
Глава 11. Глава, в которой герои романа собираются вместе	191
Глава 13. О том, как американцы первый раз столкнулись с русскими	246
Глава 14. Столкновение сил	261
Глава 15. Рузаев и Кашечкин охотятся на ганшипсы на тропе Хо-Ши-Мина	283
Глава 16. Грустный рассказ о том, как лейтенант Кашечкин серьезно заболел, а потом выздоровел	295
Глава 17. Битва Сильвестра Великолепного с тенями	320
Глава 18. Столкновение сил продолжается	328
Глава 19. О том, как лейтенант Кашечкин второй раз посетил Фан Ки Ну, а полковник Шульц написал на него характеристику	338
***	357
Глава 21. Полковник Рузаев наблюдает Апокалипсис XX века	368
Глава 22. О том, как полковник Рузаев принял участие в Апокалипсисе, и что из этого получилось	403
***	408
Глава 23. О том, как Кашечкин принял участие в Апокалипсисе, и что из этого вышло	431
Глава 24. Штурм Ханоя	459

Глава 26. Некоторые мысли об отношении народа и армии	499
Глава 27. Родина встречает американских героев	525
Глава 28. О том, как лейтенант Кашечкин вернулся домой и нашел себе жену	547
Глава 29. Глава последняя, о том, как живет полковник Рузаев	570

А.ФАЛЬКОВ

Советско-Вьетнамский роман

Народ – подвижник и герой

Оружье зла оружием встретил

За грех войны – карал войной

За смерть – печатью смерти метил

В борьбе исполнен новых сил

Он в годы грозных испытаний

Восток и Запад пробудил

И вот –

Полмира в нашем стане!

А.Твардовский

«За далью – даль»

Предисловие

Уважаемые читатели! Вы держите в руках замечательную книгу талантливого, хотя еще и малоизвестного писателя. Я прочел ее с огромным интересом и, что называется, залпом. Когда я читал, мне становилось ясно, что держу в руках не просто боевик, которыми заполнены книжные магазины и не просто очередную книгу о войне, а готовую к взрыву бомбу. Эта бомба заложена под ставшие привычными предметы, под несправедливое отношение русских к самим себе и под пренебрежение к нашей стране. А еще в этой книге автор вспомнил такие забытые понятия, как патриотизм, героизм, национальная гордость и победа.

В современном русском театре, кино, телевидении, к которым моя работа имеет самое непосредственное отношение, уже давно ощущается дефицит положительного героя и светлых, а не темных сторон нашей истории. Но почему-то все негативное пока что находится намного легче. А здесь автор наконец-то сумел найти неизвестный широкой общественности эпизод, которым по праву можно гордиться. Лично я с удовольствием принял бы участие в экранизации этого романа.

С моей точки зрения как критика и специалиста в области кино здесь самым ценным является обилие достоверных деталей. Автор глубоко знает предмет, и не просто рассказыва-

ет о победе, но показывает, как именно, какими средствами эта победа достигалась. Я сам недавно побывал во Вьетнаме, видел следы той войны. Впечатления от поездки наложились на текст книги и создали очень интересное впечатление.

Так что покупайте эту книгу. Не пожалеете.

Павел Алимов, продюсер

От автора

Эта художественная книга, военно-исторический роман, написана по воспоминаниям участников одной широко известной, но мало изученной войны. Соединенные Штаты Америки начали ее в 1965 году, желая одним ударом покончить с народом маленькой свободолюбивой страны. Однако победоносного блицкрига не получилось, потому что на помощь Вьетнаму пришел Советский Союз. Это было одно из малоизвестных прямых столкновений СССР и США на территории третьего государства, показавшее все преимущество отечественной военной техники. Участие СССР в этой войне было строго засекречено, и долгие годы даже родственники участников этого конфликта не знали, где побывали их близкие.

Только в перестроечные годы офицеры, воевавшие на территории Вьетнама, стали рассказывать проавду. Но правда эта не получила широкой огласки из-за засилья американских фильмов, оккупировавших наши экраны. Один из таких фильмов «Апокалипсис сегодня», 1979 года, и явился тогда полным художественным отображением, сформировавшим образ тех событий.

А история повторяется раз за разом, один и тот же сценарий рализуется вновь в вновь. Давайте вместе погрузимся в историю любви, развернувшейся в те не такие уж далекие от

нас годы.

Глава 1. О том, как лейтенант Пауэрс попытался нарушить воздушное пространство Советского Союза

Ероплан летит германский

Сто пудов сплошной брони.

От напасти басурманской

Матерь Божья, сохрани!

Кружит, кружит нечестивый

Над Престольной в небеси,

Отродясь такого дива

Не видали на Руси.

Не боится сила злая

Никого и ничего,

Где ж ты, Троица Святая?

Где родное ПВО?

Игорь Ирентьев

Стихи, написанные на прилет Матиаса Руста в Москву

Мощные приводы быстро развернули пусковую установку. Зенитная ракета стратовала уверенно и четко, и от ее могучего рева задрожали накаты блиндажей, зазвенели стекла в казармах и в офицерских общежитиях военного городка. Горячей волной сорвало лист шифера с крыши столовой, он немного покружился в воздухе и затем бессильно улегся посреди плаца.

Суровый старшина в другой момент сразу устранил бы подобное безобразие. А теперь, не обращая внимания, он пробежал прямо по скрипучим обломкам к подземному складу, откуда транспортно-заряжающая машина уже вытягивала еще одну серебристую ракету взамен улетевшей. Это не учения. Это война. Опытным глазом старшина проверил маркировку ракеты. Полный боевой заряд.

– Пошел!

Маленький ефрейтор-татарин, сидевший за рулем, дал газ, и тягач пополз к укрытию, чтобы в перерыве между стрельбой перезарядить установку.

***

Жизнь небольшого военного городка под Свердловском резко изменилась с того момента, как на его базе началось размещение экспериментального зенитно-ракетного комплекса. Небольшая заштатная воинская часть, расположенная в густом лесу в пятнадцати километрах от города, не испытала на себе обжигающего дыхания Великой Отечественной войны. В сорок первом, когда враг стоял у стен Москвы, в Свердловск срочно эвакуировали часть оборонных заводов. Для охраны заводов от шпионов и воздушных налетов сформировали воинскую часть.

Война закончилась. Постепенно, с ростом военной промышленности, с ростом аэродрома, потребности в охране усиливались, военный городок рос. Приземистые казармы и бараки заменялись каменными строениями. Резко увеличилось количество дикого рода войск, именуемого «стройбатом». Офицеры стали ездить в город и жениться на тамошних девушках. Постепенно городок разделился на воинскую часть и поселок. В воинской части, обнесенной двумя рядами колючей проволоки и охранной зоной, вместе проходили службу солдаты и офицеры. По улицам поселка, наряду с

военными, гуляли совершенно штатские лица – офицерские жены и дети. Перед каждым домом сушилось белье на длинных веревках, стояли столы и скамейки. По вечерам за столами в палисадниках сидели свободные от службы офицеры и забивали «козла». Враги находились далеко, на западных границах. Самый злой враг, начальство, сидел на аэродроме и до городка добирался редко.

Ситуация снова изменилась год назад, в 1959 году. В военный городок прибыл эшелон, на котором на закрытых брезентом платформах угадывались абсолютно новые очертания. Половину офицеров услали на переподготовку. Жен и детей переселили в другой поселок. Белье с веревок сняли.

Тут же начали прибывать новые офицеры и новые командиры, а с ними – новые гражданские лица, инженеры сверхсекретного конструкторского бюро «Факел». Военный городок и почувствовал на себе железную руку госбезопасности и строгость секретности. И узнал, что обычная зенитная артиллерия должна отойти в прошлое.

Век зенитной артиллерии отошел. Самолеты стали реактивными, сбить их обыкновенным снарядом практически невозможно. Истребительная авиация, наряду с пушками, получила ракеты. Теперь очередь дошла до зенитчиков. Под Свердловском, в N-ской воинской части, разворачивался зенитный ракетный дивизион.

***

Старший лейтенант Гарри Френсис Пауэрс только что прилетел из Турции в пакистанский Пешавар на транспортном самолете «Геркулес». С ним прилетели его напарник Кен Стоун, сержант Красовский и психолог Линда Бартон.

Лейтенант Пауэрс служил в Центральном разведывательном управлении Соединенных Штатов Америки. Контора эта, как известно, пользовалась весьма и весьма дурной славой, и самому Пауэрсу частенько казалось, что от его задания явственно отдает тухлятинкой.

Все прибывшие с ним служили в той же конторе, дела их тоже были не совсем чисты. Ни для кого не являлось секретом, что прекрасная Линда была не только врачом и психологом, но еще и любовницей Пауэрса. Сам лейтенант подозревал, что Линду подсунул ему в койку шеф департамента, выполняя личные инструкции Даллеса. Нашкодившего сотрудника стало много легче посылать на всякие странные задания. Через Линду Гарри стал ходить на коротком поводке.

Старший лейтенант Пауэрс был летчиком и водил самолеты-шпионы. Каждый раз ходя по лезвию ножа, он прекрасно осознавал, что если его прищучат, начальство особо не станет напрягаться для вызволения из неприятностей.

Не особо благородные задания выполнял и Стоун. Месяц назад, в апреле, он летал в разведывательный полет

над территорией СССР. Обследовав сверхсекретные объекты Советского Союза – Семипалатинский ядерный полигон, авиабазу стратегических бомбардировщиков Ту-95 близ него, космодром Байконур, сверхвысотный разведчик, самолет-призрак Стоуна благополучно выскользнул из пределов СССР южнее города Мары. Советская сторона в закрытой ноте протеста сделала резкое заявление. Американцы отмолались: дескать, мы к нарушению границы не причастны. А если бы Стоун совершил вынужденную посадку? Списали бы потихоньку. Теперь настала очередь Пауэрса лететь.

Не то, чтобы задание казалось слишком сложным. Оно просто грязное и неприятное. Придется болтаться почти полсуток в стратосфере, на такой высоте, чтобы не доставали никакие перехватчики, на виду у всех советских ПВО. И не военное задание, а шпионское. Армейцы-то не полетели. И не ради высоких целей он летит, а ради денег и дружеского похлопывания по плечу от. Не особая радость. Некоторые отказывались.

Но Гарри отказаться не мог – ему нужны деньги. В Аризоне у него остался дом с невыплаченным кредитом, жена, которой он изменял, и малолетний сын. А здесь торчали эта сучка Линда и этот мрачный Красовский, следивший за каждым его шагом.

За окном брезжил рассвет. Конечно, все будет нормально. А может, и не будет. Может, например, двигатель отказать. А еще вчера Линда проводила с ним психоанализ и убеж-

дала его расслабиться. А сама притащила целую пачку конвертов с записками на шестнадцать языках на случай, если миссия провалится, и тонкими пальцами с холеными ноготками вколола в воротник термобелья маленькую булавочку. На память. С кончиком, пропитанным ядом кураре. Тоже на всякий случай.

Все же Гарри не боялся. Это был не первый подобный полет. Разведывательные самолеты «Локхид U2» по праву называли самолетами-призраками. Словно издеваясь над Советами, спокойно летали они над Союзом и социалистическими странами, пока их нелепые доморощенные ПВО метались далеко внизу. Имея дозвуковую скорость, небольшую грузоподъемности, U2 мог нести только разведывательную аппаратуру. Он был бы легкой добычей истребителей и зениток, если бы не феноменальная высота полета. U2 – это машина! Она символизировала собой техническую мощь Америки, мощь, недоступную никаким другим странам.

– Пошли! – на плечо лейтенанта легла тяжелая рука. Этот мерзавец Красовский, как всегда, подкрался совершенно неслышно.

Лейтенант Пауэрс встал и направился к переходу в ангар, где техники должны были одеть его в высотный скафандр и снарядить в полет. И где стоял его красавец U2. И где весело покачивалась упругая и соблазнительная попка Линды, по милости которой он и попал сюда.

Пока Красовский подгонял высотный костюм, Гарри с

тоской смотрел на Стоуна, усиленно делавшего озабоченный вид. Ему-то сегодня не лететь. Как и Линде, которая прибудет в Швецию через сутки обычным гражданским рейсом.

Гарри не верил, что он может попасть в плен. Америка сильнее всех. Ему, как американцу, позволялось многое из того, что не дозволено представителям других народов. Задачей его полета было еще раз показать этим русским, насколько далеко они отстали в развитии военной техники и как нелепа их Красная армия, якобы взявшая Берлин и победившая во Второй мировой войне. Глупости все это! Лейтенант Пауэрс твердо помнил, что вторую мировую войну выиграли именно Соединенные Штаты. Именно Америка кормила советских солдат тушенкой, обувала их в ленд-лизированные ботинки и смело несла на врага в чудо-грузовике. А у русских ничего, кроме лучших в мире солдат и лучших в мире танков, и не было. Даже туалетной бумаги. Разве справились бы они без Америки, без ее десанта в Нормандии?

Отношения Америки и Советского Союза начали обостряться сразу после победы во Второй мировой войне. У Америки к тому времени имелось ядерное оружие и средства его доставки – стратегическая авиация. А истерзанный войной Союз представлялся американцам сборищем голодных и темных мужиков, которые только и умели, что пить водку и охотиться на медведей.

Америка вышла из войны богаче, чем была до нее. Она уже подарила миру автомобиль «Форд» и жевательную ре-

зинку. Она сбросила атомную бомбу на Японию и изобрела «Кока-Колу». Великая Америка железной рукой насадила демократию по всему миру. А что русские? Они умели валить лес да менять его на американские консервы.

Красовский закончил свое дело. Гарри встал. Линда подошла к нему, обхватила за шею, прижалась своим упругим телом, потянулась к губам. При этом он ощутил прикосновение ворота белья и вколотую в него булавку. Он грубо оттолкнул Линду. Он не хотел лететь. И в том, что ему придется занять свое место в кабине, отчасти виновата и она. Это Даллес играет в игры, строит козни и высовывает фигу из-за океана. А ему везти эту фигу в кармане.

Пауэрс развернулся и вышел из ангара. Гигантская сине-серая птица с тонкими и размашистыми, как у планера, крыльями, ждала его на взлетной полосе. Капли росы стекали по обшивке. Команда техников громко топала вокруг, осуществляя последние приготовления. Уверенность вновь проснулась в нем. Сила всегда будет на стороне Америки.

Мы, американцы, всегда побеждали. Победили Германию. Разгромили коммунистов в Корее. Это же Америка, которая диктует свою волю всему миру! Весь мир будет жить по нашей указке. И ничто нас не остановит, как не остановит нас эта империя зла. Это мы дали миру паровоз, свинг и джинсы.

Лейтенант Пауэрс дождал до упора рычаг управления двигателями и включил форсаж. Самолет задрожал и начал

стремительно набирать скорость. Разогнавшись, он оторвался от земли и постепенно растаял в рассветном небе.

***

– Ну, как там, летит?

– Летит, товарищ маршал!

Майор Головкич еще раз посмотрел на огромный пластиковый круг, установленный в штабе противовоздушной обороны, на котором планшетист переставил цветную фишку.

Утро 1 мая 1960 года, Международного дня солидарности трудящихся. И в Москве, и во всех городах Советского союза готовились праздничные демонстрации. Репортажи из Москвы передавались по всем каналам радио и телевидения Советского Союза. Тысячи празднично одетых людей с яркими красными флагами, цветами, транспарантами и воздушными шарами собирались на улицах, чтобы с музыкой и песнями радостно пройти сначала по улицам города, а потом по Красной площади. А дома участников демонстрации уже ждал праздничный обед. Яркое солнце освещало веселую толпу и свежие, пахучие, только что распустившиеся в мае листочки деревьев.

– Папа, я флажок хочу! – канючил карапуз, сидя на плече отца.

– Флаг тяжелый, возьми лучше шарик, – рассудительно ответил отец.

– Хочу! – малыш, глядя сверху на толпу демонстрантов, смеялся и хотел быть как все.

– На, – отец потянул ему большой флаг на толстом деревянном древке. Малыш радостно вцепился в него ручонками и тут же охнул, едва не уронив вырывающееся на ветру полотнище.

– Надо подрасти, – деловито заключил он, – Ладно, папа, давай шарик!

Сверкающий медью оркестр грянул марш. Колонна демонстрантов тронулась, втягиваясь на брусчатку площади Восстания. В ней, радостно улыбаясь, шли молодые и старые, мужчины и женщины, все веселые и нарядные. Многие были с детьми. Яркий, любимый, всенародный праздник начинался.

– Товарищи! – гремел динамик с грузовика, сопровождавшего колонну, – Да здравствует Первое Мая, Международный день солидарности трудящихся! Ура!

– Ура! – дружно закричали в ответ демонстранты, замахали цветами и флагами. Солдаты КГБ в синих погонах, стоящие вдоль дороги, взяли под козырек. Праздник готовился быть ярким. Но мог и не состояться.

***

Центральное разведывательное управление США вовсе не хотело портить людям праздник. Их задачей была развед-

ка, и только разведка. И небольшие провокации. А про то, что у русских существуют какие-то свои дикие праздники, да еще гордо именуемые «международными», они просто забыли. Срок миссии определялся чисто политическими соображениями.

– Если один из самолетов будет потерян, – внушал Эйзенхауэр директору ЦРУ Аллену Даллесу, – мы проявим слабость, и это лишит меня возможности на майском саммите предпринять эффективные действия. Никаких полетов в мае!

– А в апреле? – Даллес был неумолим. Он не любил, когда президент ограничивал деятельность спецслужб.

– Только до 1 мая, – президент сдался, – и только один вылет.

Лишь когда приказ уже был подписан, Даллес вспомнил, что в этот день в России что-то празднуют.

***

Высшее руководство страны выстроилось на трибуне мавзолея Ленина, чтобы приветствовать праздничные колонны демонстрантов. Но настроение было далеко не праздничным. В небе нагло летал неуловимый и неуязвимый враг. И праздник грозил быть испорченным.

– Летит? – первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев толкнул локтем в бок министра обороны Родиона

Малиновского. – Летит, я тебя спрашиваю?

– Летит. – Малиновский втянул голову в плечи.

– Скоро будет над Москвой?

– На Москву, судя по курсу, не полетит. Его цель – Сибирь, Урал и Казахстан.

– Замечательно! – у Хрущева задергалось лицо, – Во время всенародного праздника нарушитель летает над нашей страной как хочет и сам выбирает себе курс. Соедините меня со штабом ПВО! Спят они там, что ли?

Хрущев в ярости повернулся к Малиновскому спиной, сбежал с трибуны и кинулся к узлу связи.

– Маршала Бирюзова на связь. Срочно!

Офицер госбезопасности подал Хрущеву трубку.

– Центральный командный пункт ПВО! – ответил спокойный голос.

– Вы чем там занимаетесь? – Хрущев топнул ногой, – кто там у вас летает?

– Нарушитель, сверхвысотный самолет, предположительно американский разведчик. Принимаем меры.

– Знаю я ваши меры! В прошлом году американцы летали, и вы тоже все меры принимали. В апреле летали! Они в нашем небе хозяйничают как хотят, а вы все меры принимаете!

– Делаем, что можем, товарищ первый секретарь! Но у него потолок в полтора раза выше, чем у истребителей. Мы его не достаем.

– А где Королев с его ракетами? Где? Позор! Страна на-

прыгла все силы, обеспечила ПВО всем необходимым, а вы один самолет остановить не можете!

– Никита Сергеевич, если бы я мог стать ракетой, полетел бы и сам сбил этого проклятого нарушителя!

– Принять меры! Докладывать каждые полчаса.

Хрущев бросил трубку на пол. Трубка раскололась, он наподдал ее и начал топтать ногами. Праздничные колонны подходили к Красной площади. Сюда же подруливал и иноземный самолет. И ничего сделать нельзя. Америка устанавливала свои порядки. Старший лейтенант Гарри Френсис Пауэрс выполнял задание.

***

Первая ракета пошла хорошо. Рев стартового ускорителя заставил звенеть стекла в казармах военного городка. О том, что сейчас будут стрелять ракетами на поражение цели, знали все. Еще час назад металлическим голосом взревела сирена, на этот раз не так, как на учебе, а более басовито.

В кабине управления стояли жара и духота.

– Дистанция? – подполковник Рузаев, командир дивизиона, не отрываясь от планшета, смахнул пот.

– Пятьдесят километров до входа в зону поражения.

– Сопровождение?

– Автоматическое! Перехожу на ручное! – офицер наведения, старший лейтенант Семенов, переключил тумблеры.

Зеленая отметка цели поползла по экрану локатора. За ней тянулся зеленый крест сопровождения, напоминавший перекрестье прицела.

Война огненной волной прокатилась по всем офицерам. Рузаев повоевал достаточно. Семенову воевать не пришлось, но его отец погиб в сорок втором под Сталинградом, а старший брат вернулся, волоча не сгибающуюся ногу, через полгода после призыва в сорок четвертом. Войну они оба знали не понаслышке. Война – это холодные зимние ночи, это голод, это грязь, это разруха, это гибель близких. Это ночные налеты, когда, ложась вечером спать, ты не знаешь, доживешь ли до утра.

Они выжили в той войне. Молодые мальчишки, они уцелели. И они мечтали о мирной жизни. И они точно знали, что если в их руках не будет достаточно сильного оружия, война опять придет на их землю. Они очень хорошо знали войну и не хотели воевать. И в их руках теперь было достойное оружие. Вот только война опять маячила на пороге.

Было первое мая 1960 года. Третья мировая война вновь показала свой звериный оскал. А еще вчера все шло так хорошо.

***

Военный городок при дивизионе готовился к празднику Первомай. Офицеры зорко выискивали следы непорядка.

Солдаты с выпученными от усердия глазами скребли, мыли, чистили, красили. Свежей побелкой покрывали все подряд – казармы, столовую, бордюр плаца. Старшина пытался побелить туалеты при казарме, но майор запретил – демаскирует.

Офицерские жены не остались в стороне. Пользуясь хорошей погодой, они вынесли из комнат офицерского общежития все ковры и лихо выбивали их на турниках спортплощадки. Над спортплощадкой стоял орудейный грохот, и поднимались клубы пыли.

Само первомайское утро тоже выдалось напряженным. Офицерские жены в своих домиках пекли и жарили, готовили праздничный обед. Их мужья, затянутые в парадную форму, повели солдат в баню, чтобы те чистыми представляли на торжественный смотр. Сияние солнца на золотых погонах, шуршание веников, скрип хромовых сапог смешивались с запахом свежих пирогов и бравурным маршем из репродукторов. И вдруг репродуктор щелкнул и замолк. Сначала негромко, а затем все сильнее, повышая голос до крещендо, взвыла сирена. Ее вой дрожал и рвал уши.

Из домиков и казарм выскочили офицеры и, на ходу поправляя фуражки, бросились по узкой дорожке на позицию.

Тревоги сегодня никто не ожидал – не в правилах начальства было устраивать учения в праздники. Но никто и не думал медлить. Тревога – всегда тревога.

Из казармы пулей вылетел взвод солдат во главе с сержантом. Заряжающие ринулись на полигон, обгоняя офицеров,

и тут же принялись расчехлять установки. Не прошло и полминуты – а уже раздался рев дизель-генераторов автономного питания. Ворота гаража распахнулись, из них выполз первый тягач. В дивизионе воцарился боевой, слегка упорядоченный хаос. И как апофеоз боевой тревоги, из бани выскочили солдаты в нижнем белье и голые, на ходу натягивая штаны, бросились к батарее. Последним из бани выбежал старшина. Одним локтем он прижимал стопку банных шаек, другим – связку веников. Бормоча что-то под нос, он ловко метнул обе стопки в дверь каптерки и неторопливой начальственной рысью затрусил к блиндажу, где хранились запасные ракеты.

Ровно через минуту веселый, готовящийся к празднику военный городок стих и превратился в отлаженную военную машину. Уже все знали, что тревога не учебная, а боевая, и что в их сторону снова направляется неопознанный нарушитель. Подполковник Рузаев, как и шестнадцать лет назад, занял свое место в окопе.

– Дистанция?

– Вне зоны поражения.

Подполковник Рузаев глянул на планшет. Отметка сверхвысотного нарушителя стояла далеко, вне зоны действия дивизиона. Они пока еще ничего не могли сделать.

Инженер Иванов, сидевший на высоком железном табури-те посередине кабины управления, лихорадочно терзал листочки блокнота. Как разработчик, он неоднократно наблю-

дал за испытательными стрельбами, но настоящий бой видел первый раз. Он прекрасно знал возможности комплекса и понимал, что даже если бы нарушитель летел в два раза выше, он все равно был бы в зоне досягаемости. И высокая скорость не была бы им помехой. Но курс нарушителя лежал далеко в стороне.

Новейший ракетно-зенитный комплекс «Двина», которым командовал подполковник Рузаев, не доставал до цели. Ракета не долетала.

Заведующий лабораторией КБ «Факел», Виктор Иванов лихорадочно теребил свой несчастный блокнотик. Он знал, на что способно его детище. И знал, что офицеры пока что бессильны. Нарушитель старательно обходил защищаемую ими зону.

А такого оружия не было пока что ни у кого в мире. Американцы обложили весь мир военными базами, им послать на Союз бомбардировщики очень даже просто. У Союза баз не было, зато имелись гениальные ученые. И ракеты, потомки легендарных «Катюш». Такие ракеты, делать которые американцы так никогда и не научились. Техника, на десятки лет опередившая американскую, о чем Америка пока не догадывалась.

Иванов разрабатывал первые в мире радиоуправляемые ракеты, способные поднять стокилограммовый заряд на высоту более тридцати километров. Офицер наведения, находясь на земле в передвижной кабине управления, мог управ-

лять полетом ракеты и наводить ее на цель, ясно видимую на локаторе. Всего в распоряжении командира зенитно-ракетного дивизиона имелись Офицерские жены: один локатор с системой наведения и шесть ракет на шести установках, которыми он мог стрелять, как из револьвера. Все системы работали в норме. Установки были заряжены и ждали одного-единственного нажатия кнопки. Но нарушитель, словно издеваясь, огибал зону поражения комплекса.

На экране локатора появилось еще две отметки.

– Планшетист, отметки! – через плечо кинул Рузаев.

– Пара перехватчиков. Идут на сближение с целью.

– Достанут? – Иванов перегнулся через плечо капитана

Семенова, работавшего офицером наведения.

– Нет. – Семенов покачал головой, – не смогут. Но если сумеют вывести на нас, то мы его достанем.

Иванов отложил блокнот. По экрану навстречу отметке от нарушителя медленно ползли две отметки от советских МИ-Гов. Вот перехватчики, казалось бы, сблизилась с целью. Вот они прошли ниже. На экране станции наведения зафиксировался разворот. Нарушитель, не обращая внимания, шел своим курсом.

– В хвост заходят? – с надеждой вновь спросил Иванов.

– Нет. Нарушитель выше. И вне зоны нашего поражения.

***

У летчиков Айвазяна и Сафонова сбить нарушителя шансов не было. Их пара «Мигов» не дотягивала по высоте.

– 650! – вновь раздалось в наушниках. – Я – «Сокол». Как цель?

– Цель вижу. Цель над нами. – Айвазян ещё раз поднял голову. Высоко, в фиолетовом небе, чертил серебристый инверсионный след недосыгаемый «Локхид-U2».

– Я – «Сокол». Разворачивайтесь и попробуйте ещё раз.

Айвазян потянул на себя ручку и заложил вираж. Самолет хрустнул, в глазах потемнело от перегрузки. Ведомый чётко повторил манёвр. Скорость перехватчика была почти в 2 раза выше «Локхида», а вот высота не давала ничего сделать. Айвазян закусил губу. Американец был как на ладони и нагло топал на Свердловск. Увидев сверху разворот советских истребителей, Гарри Пауэрс усмехнулся и помахал им рукой. Полетают, постреляют и отстанут. А он спокойно сядет в Норвегии. Так было в прошлый раз. Так будет всегда. Так и должно быть.

– Я – «Сокол», – снова раздалось в наушниках, – Приказ «Дракона»: сбросить баки, облегчить самолёт. Сделайте хоть что-то. Готовы ли идти на таран?

– Готов, – Айвазян был спокоен, – но мы его всё равно не достанем.

– Приказ «Дракона», – отчеканил «Сокол».

– Попробуем «с горки», на максимальном ускорении. Разгонимся, потом ручку на себя, и вверх. Может, достанем.

– Добро. – «Сокол» помолчал, затем добавил, – Действуй-те.

– 502-й, – Айвазян переключился на ведомого, – слышал приказ?

– 650, – приказ слышал.

– Повторяй манёвр за мной. Разгоняемся на форсаже, и вверх. Открывать огонь сразу. И постарайся не потерять сознание от перегрузки.

– Понял. Повторяю манёвр.

Сафонов пристроился к ведущему снизу и положил руку на сектор газа.

***

То, что русские – сумасшедшие, лейтенант Пауэрс знал давно. Но то, что они сумасшедшие до такой степени, он понял только сейчас, когда далеко справа сверкнули пулеметные трассы. Два истребителя, разогнавшись, на сумасшедшей скорости рванулись вверх. Страшная перегрузка вдавила пилотов в кресла, погасила их сознание, и теперь обессилившие машины, поливая огнем, валились на хвосты. Они все еще не могли достать U-2 прицельным огнем, но шальной снаряд мог доставить неприятности.

– Сумасшедшие!

Пауэрс пожал плечами, представив, каково им там. Пришлось чуть-чуть отклониться в сторону от курса, предписанного лично шефом ЦРУ, чтобы дать этой нелепой парочке пролететь мимо. Лейтенант отключил автопилот и взялся за штурвал для маневра.

***

– Внимание всем! – подполковник Рузаев впился в экран наведения.

На экране творилось что-то странное. В кабине управления не было слышно переговоров с пилотами, но по отметкам от самолетов командир видел, что истребители совершают какой-то отчаянный маневр.

– Что там? – Иванов перегнулся к пульту. Рузаев предостерегающе поднял руку.

– Держать сопровождение!

– Перехожу на ручное! – эхом отозвался Семенов.

– Есть сопровождение по углу!

– Есть сопровождение по дальности!

Сержанты, сидевшие на местах, приняли цель.

Рузаев видел, как зеленые отметки от истребителей все ближе и ближе подходили к нарушителю. Еще, еще чуть-чуть! В кабине наведения все замерли. И тут американец, уходя от беспорядочного огня, отвернул. Все замерли, отсчи-

тывая секунды. Пунктир огневой линии на секунду скрыл отметку самолета, а затем снова открыл ее. Уже внутри.

– Цель в зоне поражения! Держать сопровождение! – громко крикнул Семенов.

– Огонь!

Рузаев понял, что это их шанс. Вокруг на сотни километров нет больше подобных станций. И истребители сделали то, что только и могли сделать – выгнали нарушителя на них.

Щелчок кнопки потонул в оглушительном реве ракетного ускорителя. Вся кабина задрожала мелкой дрожью. Зазвенело стекло. Вой ускорителя прервался, раздался хлопок. Защелкал секундомер, отмечая время полета.

– До контакта тридцать секунд! – Семенов осторожно поправил штурвальчик наведения, – десять секунд. Контакт!

Гарри Пауэрс вновь взялся за штурвал, возвращая машину на курс. Вот чудачки! Надо быть внимательнее!

Что произошло дальше, он так и не понял. Самолет совершенно беззвучно вздрогнул, двигатель захлебнулся и завизжал, как раненое животное. Фонарь кабины брызнул тысячами осколков и исчез, будто его сдуло ветром. Самолет резко клюнул носом и провалился вниз.

Многие думают, что при попадании зенитной ракеты самолет разметывает взрывом на мелкие кусочки. Вовсе нет. Ракета почти никогда не попадает точно в цель, потому что с земли нельзя абсолютно точно ее навести. Да это и не требуется. Ракета обычно взрывается в нескольких сотнях метров

впереди самолета, выбрасывая из себя облако стальных шариков и осколков, врезаясь в которое, самолет рассыпается на части.

Обломки ракеты попали в воздухозаборник двигателя, снесли остекление кабины, почти оторвали крыло. Самолет еще не взорвался, но жить ему оставалось считанные секунды. Лейтенант Гарри использовал их для спасения собственной жизни. Одним движением он сбросил остатки фонаря, защелкнул ремни и дернул вверх рукоятку катапульты. Хлопок, раскрылся парашют. Пилот остался один, раненый самолет продолжил падение.

***

Лейтенант Пауэрс выбросился с парашютом и уже не знал, что дальше стало с самолетом. Он не видел, как падал и рассыпался в воздухе подбитый ракетой разведчик, и капитан Айвазян с трудом выводил потерявший управление самолет из штопора. Не видел своего ведущего и лейтенант Сафонов, который набрал высоту поменьше и едва-едва удержал машину от срыва.

– Подрыв! – лейтенант Семенов впился в экран локатора. Отметка от ракеты исчезла.

– Ну? – Иванов дернулся на своем табурете.

– Цель продолжает движение. Отметка есть.

– Промазали, – прошипел сквозь зубы Рузаев. – Промазали.

ли. Вторую установку к стрельбе!

Они не знали, что огромный U-2 смертельно ранен и летит вперед только по инерции. Они не знали, что лейтенант Пауэрс в эти секунды лихорадочно срывает колпак кабины. И они не знали, что лейтенант Сафонов находится сейчас точно под нарушителем и из последних сил пытается не дать своему «Мигу» сорваться в штопор.

– Совпадение целей по дальности! – услышал Семенов оператора ручного сопровождения.

– Совпадение целей по углу!

На экране локатора отметка от U-2 и от «Мига» Сафонова совпали.

– Отставить стрельбу, – скомандовал Рузаев. – Пусть разойдутся. На нашем должен быть ответчик.

– Сигнала ответчика нет.

– Еще раз запроси.

– Сигнала ответчика нет. Цели расходятся.

На экране происходили и вовсе чудеса. Отметка от одной цели внезапно распалась и превратилась сначала в три, а потом – в четыре цели. Это была первая боевая стрельба «Двины», и никто, ни офицер наведения, ни командир, ни инженер Иванов не знали, что это разваливается на части «Локхид», попавший в турбулентный след от истребителя Сафонова.

– Что же они ответчик не включают! – Семенов снова пощелкал тумблером. – Ведь уйдет из зоны поражения через

тридцать секунд!

– Дистанция? – Рузаев обернулся к планшету.

– Выходит из зоны поражения через двадцать секунд.

– Цель есть, захват устойчивый! – Семенов увидел, что одна из отметок ярче других и движется равномерно.

– Огонь – не думая ни секунды, скомандовал Рузаев. – Огонь двумя ракетами сразу! Чтобы не ушел!

Кабина снова вздрогнула. Сразу две ракеты пошли вдогонку уходящей цели. Никто в тот момент не подозревал, что они видят в прицеле уже не американца, а наш истребитель. Лейтенанту Сафонову оставалось жить сорок секунд.

***

Старший лейтенант Пауэрс упал посреди вспаханного поля. Левая нога провалилась в борозду, и он больно подвернул ее. Несильный ветер погасил купол парашюта. Лейтенант выпутался из-под груди невесомого капрона, отстегнул наплечные ремни. Далеко-далеко, по краям поля, стоял ярко освещенный ласковым майским солнцем лес. Доносилось веселое пение птичек.

Лейтенант откинул стекло гермошлема и вдохнул полной грудью. Он был в Сибири. Здесь было неплохо. Здешний воздух ему нравился. И первой мыслью лейтенанта Пауэрса было то, что теперь он останется в Сибири надолго, а может быть и навсегда.

В прогалине леса виднелось далекое село. Оно не было похоже на американские фермы. Вместо белых домиков под веселыми красными крышами вдали виднелись хаотично разбросанные, темные от непогоды строения. Лейтенант сначала подумал, что это какие-то маленькие склады, а не человеческое жилье. Но оттуда уже бежали люди.

Несколько первых подбежавших остановились, не приближаясь к нему, и переминались с ноги на ногу в нескольких шагах. Лейтенант удивился, что и мужчины, и женщины одеты одинаково – в толстые стеганые черные фуфайки, прожженные в некоторых местах так, что из них торчала вата; брезентовые брюки серо-зеленого цвета и сапоги. Женщин можно было отличить от мужчин только по платкам, повязанным на голове. Трое мужчин и две женщины молча рассматривали Пауэрса. Двое из мужчин были не просто небриты, – все лицо их поросло длинными густыми волосами, похожими на черные бороды пакистанцев, но длиннее.

– Это, наверное, наш летчик, – наконец нарушил молчание скотник Демидов. – Вишь, парашют, какой.

– Нет, Силантий, не похоже. Ты посмотри, костюм на нем какой. И шлем не как у летчика, – сказала одна из женщин.

– Откуда тебе, Матрена, знать?

– А у меня Васька этим увлекается. Он уже много картинок вырезал и мне показывал.

– Да, уж. – Силантий почесал в затылке.

– Да, задача.

И они снова вперились в незнакомца, упавшего с неба, простодушно разглядывая его и не пытаясь ни заговорить, ни подойти. Лейтенант Пауэрс, не двигаясь, молча внимательно наблюдал за ними.

– Слушай, Силантий, а может, он из космоса? – догадался молчавший до того Данила.

– Как так?

– Да так. Спутников уже сколько запустили? Даже собаки летали. Может ученые уже и человека запустили.

– Вишь ты! – удивился Силантий. – До чего наука дошла. Может и из космоса. А где же его корабль?

– А самолет где? И самолет не пролетал, – вновь вмешалась Матрена

– Нет, и самолета не было. Верно, из космоса, – закивали мужики. – Ну че, закурить ему дать, да в избу вести?

Сзади раздался топот копыт. Верхом, без седла, прискакал председатель.

– Ну, что это? Кто это? – Крикнул он мужикам, осаживая коня.

– Дак ить... – Силантий развел руками, – видать оттуда.

С этими словами он поднял заскорузлый палец, посмотрел на небо и покачал головой.

– Эй, товарищ, вы оттуда? – председатель лихо прогарцевал вокруг лейтенанта Пауэрса. – Вы кто такой?

Лейтенант Пауэрс подумал, что этот селянин посообразительнее и обращается к нему. По тому, как почтительно

смотрели на него остальные, он понял, что это какой-то начальник.

– No understand¹.

Стараясь не делать резких движений, Пауэрс полез в один из карманов, достал оттуда пакет с записками, выбрал конверт с надписью “Russian” и протянул верховому.

– Ишь ты, не по-нашему говорит! – удивился Силантий.

– Немец, что ли? – насторожился председатель.

– Не, не похоже. Немец шпрехает по-другому, я в войну слышал.

– Письмо-то возьми, вишь, человек тебе дает!

– А! Ну да, – председатель наклонился с коня.

– Читай! Не тьяни!

«Я – американец и не говорю по-русски» – начал читать председатель.

– Ишь ты! Мерижанец! – всплеснула руками Матрена.

– Надо его того, в город! – сообразил председатель.

– А вдруг он вооружен?

– Дальше читай, не томи.

– А, ну да! – продолжил председатель, – «Я американец и не говорю по-русски. Мне нужна пища, убежище и помощь. Я не сделаю вам вреда. У меня нет злых намерений против вашего народа. Если вы мне поможете, то вас наградят за это».

– Во, вишь, не сделает нам вреда, – заметила Матрена.

---

¹ Не понимаю (англ.)

– Да ты думай, что говоришь! – усмехнулся Силантий, – Он нам вреда не сделает. Да кто он такой? Нас много, а он один. И земля эта наша. Плюнуть и растереть этого американца, одно слово. Тьфу, и нет его. А он «вреда нам не делает»! Он просить нас должен, чтобы мы ему вреда не сделали, комар заморский!

Силантий выразительно потряс огромным волосатым кулачищем.

– Но-но! – грозно сдвинул брови председатель, – не распускать руки!

– Конечно, – оживилась Матрена, – может, нас наградят!

– Да кто тебя наградит! – не унимался Силантий, – мериканцы, что ли? За хлыща этого? Если уж и наградят, то наши пограничники за поимку особо опасного шпиона. А с этого задохлика – какая награда может быть? Один парашют на подштанники, и ничего больше.

Неожиданно послышался гул мотора, и по дороге из леса, с трудом продираясь по грязи, выехали два зеленых грузовика. Из кузовов посыпали солдаты. На ходу они сдергивали оружие.

– Ах ты, смотри, за мериканцем приехали! – удивилась Матрена.

Солдаты молча окружили всю группу. Пауэрс, как положено в инструкции, заложил руки за голову и стоял, показывая, что он безоружен. Увязая в пашне, к ним подошел офицер с синими погонами госбезопасности.

– Этот прилетел? – офицер ткнул пальцем в Пауэрса.

– Этот, – подтвердил председатель, слезая с лошади. Вот письмо дал. Грозился. И награду обещал.

– Так, – офицер взял письмо. – А вы кто?

– Председатель колхоза «Светлый путь».

– Увести, – офицер кивнул в сторону Пауэрса. – И вы все тоже – в машину.

– А конь? – удивился председатель.

– А награда? – спросила Матрена.

– Отдайте ей коня, – офицер показал на Матрену, – пусть ответит. А остальные в машину, поедете со мной.

***

Из репродукторов гремела праздничная музыка. Яркое солнце сияло над Красной площадью, расцвеченной флагами и транспарантами. Колонны трудящихся шли и шли по площади. Люди радовались. Люди кричали «ура» и размахивали флагами.

Люди шли и шли. Некоторые катили транспаранты в виде фанерных снопов или огромных портретов Ленина. Некоторые транспаранты представляли собой галерею портретов членов политбюро. Между каждых четырех рядов демонстрантов стоял ряд солдат в синих погонах, которые добродушно улыбались людям и зорко следили, чтобы не было никаких несанкционированных выкриков.

Дети на плечах родителей махали шариками и хлопали в ладоши от радости. Дети постарше шли сами и изо всех сил вытягивали шеи, стараясь увидеть любимых вождей, стоящих на трибуне. На трибуне мавзолея, стояли рядом Хрущев и Малиновский, и махали руками в ответ на приветствия. Хрущев изредка опускал руку и показывал Малиновскому под трибуной кулак. Малиновский отворачивался и кричал «ура!» демонстрантам.

– Товарищ первый секретарь, вас Бирюзов. – офицер связи незаметно подошел сзади.

– Ну, наконец-то! Доложил?

– Так точно. Нарушитель сбит над Свердловском. Первой ракетой. Операция пошла отлично, согласно плану, разработанному в штабе. Первой же ракетой.

– Знаю я ваши планы. Передайте Бирюзову, что я свяжусь с ним чуть позже.

Хрущев улыбнулся. Перед ним шли и шли радостные колонны демонстрантов. Светило яркое солнце. Чистое голубое небо уже ничем не омрачалось. Хрущев еще раз опустил кулак под трибуну и ткнул Малиновского в бок. Малиновский улыбался.

Глава 2. О том, как Хрущев припугнул американцев, и американцы испугались

И запылал огонь войны

И две страны разорены

И поле некому косить

И мертвых некому носить

И только смерть, звеня косою

Бредет пустынной полосой

Ованес Туманян, в пер. С.Я.Маршака

– Господин президент! – первый помощник, как всегда, вошел тихо, с почтительным полупоклоном.

– Да, Коллинз? – президент Эйзенхауэр сидел в глубоком, уютном кресле.

– Из советского посольства. Приватная депеша.

Президенту не хотелось вставать. Ему не хотелось зани-

маться делами, а уж тем более распечатывать и читать эту злополучную депешу. И уж совсем не хотелось думать о том, как на нее отвечать, потому что президент догадывался, что в этом письме.

– Давайте, – он все же протянул руку, хотя делать этого вообще не хотелось, разорвал конверт, скомкал, бросил на пол и начал читать. По мере того, как он читал, лицо его все больше и больше темнело.

– Хрущёв предлагает встретиться. Письмо было передано секретно?

– Да, господин президент!

– Предлагает встретиться и приватно обсудить вопросы внешней политики СССР и США. Знаю я эти вопросы! Даллес проведет неудачную акцию, а все его затеи рано или поздно станут известны! Нам нечего обсуждать с Хрущевым.

Коллинз пожал плечами.

– Может СССР предлагает какой-нибудь план?

– Основная миссия Соединенных Штатов – это забота об интересах наших собственных избирателей. А русские медведи обогнали нас по многим пунктам. Спутник раньше нас запустили, ракеты делают. А теперь еще раз показали, как эти ракеты можно применять. Даллес снова в лужу сел. Эти русские со своими ракетами и со своим космосом у меня вот где!

Эйзенхауэр выразительно постучал ладонью по шее.

– Передать русским отказ от встречи?

Эйзенхауэр поморщился.

– Они нам еще и Вьетнам, и Ирак припомнят. Мы же предупреждали, что инцидент с разведывательным самолетом будет иметь самые неприятные последствия. А Ирак? Кто там вмешался, как это называется?

– Спецназ, – подсказал Коллинз.

– Да. Как они наших десантников перехватили? Ирак – это нефть. Это стратегический интерес. Был бы еще один тихий переворот, и все. Так нет, опять этот Даллес со своим ЦРУ сел в лужу. И, похоже, Ирак становится верным другом Советского Союза.

– Оставим все без ответа.

– Пожалуй.

– На словах нас предупредили, что в случае отказа от встречи возможна широкая огласка.

– Да, этого не хотелось бы. Думаешь, они посмеют?

– Хрущёв теперь никого и ничего не боится. Он твердо решил подвинуть в сторону наши интересы и на Ближнем Востоке, и в Азии, в пользу России.

– Да, Хрущев стал силен. Может посметь обнародовать некоторые политические моменты, – Эйзенхауэр кивнул, – Но скорее всего, это случится после заседания.

***

Представители стран Большой шестерки собрались в за-

ле. Шел третий день саммита. Все делегации прибыли вовремя, кроме двух – США и СССР. То, что американцы своим тихим хамством и постоянными опозданиями подчеркивали непризнанное главенство, ни для кого не было диковинкой. А вот СССР таких демонстраций еще не устраивал. В воздухе в очередной раз собралась гроза. Делегаты Франции, Англии, и Германии тихо перешептывались между собой.

Наконец прибыли американцы. Они молча и деловито расселись, президент Эйзенхауэр извинился дежурной фразой и сел на председательское место. Он встал, готовясь произнести вступительное слово, как появилась советская делегация. Не говоря ни слова, Хрущёв протопал к центральному микрофону, достал большой клетчатый платок, высморкался и без приглашения начал говорить:

– Уважаемые господа! Хотя наше заседание и имеет жесткий регламент, я, в интересах мирового сообщества, вынужден его нарушить. Речь идет прежде всего об интересах народов Азии, которые систематически нарушаются кое-кем из присутствующих.

– Господин президент Хрущёв.., – попытался остановить его Эйзенхауэр.

– Я не господин и не президент! – твердо заявил Хрущёв. – Не оскорбляйте меня словом «господин». Я – товарищ Первый секретарь. А вопрос вашего вмешательства в Ираке и во Вьетнаме – вопрос, не терпящий отлагательства.

– Обсудим это в приватной беседе.

– Время частных бесед прошло. Мы намерены твердо защищать интересы братских народов. Мы не позволим США хозяйничать, где бы то ни было – ни на нашей собственной территории, ни на территории дружественных социалистических народов.

При этих словах Хрущёв хитро посмотрел на Эйзенхауэра, а затем помахал в воздухе пухлыми ладошками и сделал жест, намекающий на падение самолета. А чтобы было понятнее, еще и присвистнул.

Не выдержавший такого хамства Эйзенхауэр покраснел.

– Господин Хрущёв, жизненное пространство США не является вашей компетенцией.

– А что, Урал уже стал жизненным пространством Америки? Корея была, Китай был, а теперь Ирак и Вьетнам стали? Что, нефть и бокситы понадобились? Вот!

Хрущёв сложил крупную фигу и показал волосатым пальчиком на Эйзенхауэра.

– А не бывать Америке в Ираке. Не бывать. И во Вьетнаме не бывать. Пол-армии своей положите, а не будете в Ираке! И во Вьетнаме не будете!

– Мы обсудим этот вопрос. Приватно. А сейчас давайте обсуждать вопросы торговых соглашений в Европе.

– Вы знаете, господин Хрущёв в чем-то прав, – неожиданно подал голос представитель Франции. – Наверное, вопросы интересов стран Европы следовало бы учитывать во внешней политике Соединенных Штатов.

– США преследуют интересы демократии! Как известно, нас интересует прежде всего защита прав человека по всему миру. Не будем отклоняться от глобальных экономических вопросов в угоду досадным мелочам.

– Это досадные мелочи? – Хрущёва передернуло. – Поведение США в воздушном пространстве СССР – мелочи? А судно? Наше судно в Кунь-Ши? Мы защищали только экономические интересы, мы торговали. Военное присутствие США в Юго-Восточном регионе недопустимо.

– Господа, мы извинились! Судно не прошло таможенный досмотр. Это был случайный инцидент.

– С каких это пор советские суда проходят досмотр американцев? Мы торгуем с Народно-демократическим Вьетнамом, а не с США. Я понимаю, что вы соблюдаете свои интересы в Азии. Но мы не позволим вам устраивать новый мировой порядок!

Эйзенхауэр молча пожал плечами. Эта сцена сильно раздражала его.

– Не позволим! – закричал Хрущёв, схватил толстую папку и с грохотом бросил ее на трибуну. – Мы не дадим Америке хозяйничать в мире и защитим дружественные народы!

Зал притих. Делегаты замерли, ясно понимая, что СССР действительно это может. Своевластие Эйзенхауэра им сильно надоело, и они одобрительно закивали.

– Не позволим! – снова закричал Хрущёв. – Не позволим. А если Америка полезет во Вьетнам или еще куда, – я ее в

землю вобью!

Неожиданно Хрущёв наклонился, а когда выпрямился, в руке у него красовался лакированный туфель. Он поднял туфель над головой, и, потрясая им в воздухе, продолжил:

– У вас, господа, длинные руки. Флот и авиация. Знаем, знаем. Но если надо, мы их укоротим. Очень сильно укоротим! И армию, и авиацию, и флот. Я вас в землю вобью по уши!

Выкрикнув это, он со всего маху ударил ботинком по трибуне. От бумаг полетели клубы пыли, жалобно взвизгнули микрофоны, и зазвенел разбитый стакан.

– По самые уши. Всю Америку. Вот так.

Он швырнул ботинок на пол, пнул его ногой и, не оборачиваясь, вышел из зала. Вслед ему грянули аплодисменты.

Глава 3. Рассказ о том, как младший лейтенант Кашечкин влюбился

Незнакомая девчонка

Неземная красота,

Смотрят все друзья вдогонку

Я смотрю... Моя мечта!

Я лечу за ней, как ветер

Догоняя, говорю:

«Лучше нет тебя на свете!»

И в глаза ее смотрю.

А глаза огромные,

А улыбка скромная.

»Может быть, в кино пойдём?«

А она: «давай пойдём»

Андрей Ковалев

Младший лейтенант артиллерии Василий Семенович Кашечкин, двадцати трех лет от роду, весь чистенький, свеженький, какой-то новенький и радостный, в начищенных до блеска хромовых сапогах, весело печатал шаг, направляясь к знаменитому кинотеатру «Художественный». Стоял ясный субботний день. Младшему лейтенанту Кашечкину было хорошо. Младший лейтенант только что окончил артиллерийское училище, получил новенькие погоны с одним просветом, и прикрепил к ним звездочку. Теперь же он получил направление в зенитно-ракетный дивизион и находился в отпуске с целью посещения родной матери, проживавшей в Москве в обширнейшей коммуналке на улице имени революционера Красина. Кашечкин привез матери подарки, поговорил с соседкой бабой Настей, выпил на кухне беленькой московской водочки с соседом дядей Сережей, закончившим войну в звании сержанта и с уважением смотревшим на звездочки. Проникнувшись чувством собственного достоинства от такого общения, Кашечкин отправился в кино на просмотр новой картины «Неуловимые мстители», которую с восторгом смотрела вся молодежь.

Предварительно и заранее купив билет, он посмотрел на смену караула у Вечного огня, выпил газировки из тележки на углу проспекта Маркса и не спеша отправился в кинотеатр, чтобы успеть к началу сеанса.

Этот июнь в Москве выдался нежарким, но солнечным и ясным. Столицу периодически полоскали ночные дожди, и от них на асфальте оставались прозрачные лужи, весело поигрывающие на солнце радужной бензиновой пленкой. На улице было много прохожих, одетых по-летнему. Навстречу Кашечкину шли веселые девушки в светлых летних платьицах, бежала ватага шумных мальчишек в клетчатых ковбойках, важно шагали надменные государственные служащие в висящих мешком костюмах, шляпах пирожками и с толстыми кожаными портфелями подмышкой. Кашечкин радостно топал по мелким лужицам, и прохожие отвечали ему улыбками.

Кашечкин прошел мимо библиотеки Ленина, мимо выхода из метро. На узком тротуаре навстречу ему попала пара стилиг в вызывающе узких американских штанах, именуемых «джинсами» и делающих ноги похожими на тоненькие макаронинки. Кашечкин, как и всякий советский человек, с неодобрением посмотрел на этих аморальных личностей. У одного стилиги за спиной висела гитара с наклеенной картинкой. Картинка была яркая и забавная, Кашечкин засмотрелся на нее, умерил шаг и обернулся. Тут же его начали обгонять суетливые, вечно куда-то спешащие москвичи.

Вот прошел, обливаясь потом и поминутно вытирая носовым платком лысину, потный толстяк с портфелем. Просеменила маленькая седая старушка. Размашисто прошагал милиционер в белом кителе. А за ним...

Стуча каблучками по асфальту, мимо младшего лейтенанта Кашечкина прошла девушка. Что за девушка! Стройные ножки шагали легко и быстро. Красивую точеную фигурку облегла темная кофточка. Белый поясик юбки подчеркивал тонкую талию. Покачивая стройными бедрами, она прошла мимо Кашечкина. Мимо Кашечкина проследовали густые завитки светлых волос, осиная талия и весело цокающие каблучки туфель.

Кашечкин сглотнул слюну и покраснел. Затем сделал шаг, другой и пошел за девушкой в сторону кинотеатра. Кашечкин смущался. Кашечкин ругал себя за недостойное поведение. Кашечкин повторял, что им все равно по пути и идет он за ней совершенно случайно. Кашечкин боялся, что она куда-нибудь свернет. И Кашечкин старался не отставать, но и не приближаться.

Первые пятьдесят шагов Кашечкин размышлял над тем, как хорошо, что в начале лета в Москве можно увидеть таких девушек. И как плохо, что в их городе таких девушек нет. Нет даже на танцах в клубе училища, куда слеталась вся окрестная молодежь. Пройдя еще тридцать шагов, Кашечкин почувствовал, как у него сводит живот, и смущался еще больше. А еще через пять шагов он понял, что влюбился

по уши, что это и есть та самая, единственная любовь с первого взгляда, и что погибла его душа. И ему сразу стало ясно, что он должен, просто обязан с ней познакомиться. Еще более смущаясь, смущаясь до комка в горле, до дрожи рук, он прибавил шагу и окликнул:

– Девушка!

Но ему только показалось, что он окликнул. Беззвучно пожевав губами, Кашечкин снова пошел вперед. Он придумывал сотни способов завязать знакомство. Вот, например, сейчас из-за угла выйдет толпа стилияг и нападет на нее, а он, младший лейтенант Кашечкин, побьет их всех и спасет ее.

Или случится авария, машина, потеряв управление, выскочит на тротуар, а он, Василий Кашечкин, подхватит ее и отведет в сторону. Навстречу им действительно ехала машина, такая одинокая, и даже слегка вильнула в сторону. Но аварии, увы, не было.

Или вот вдруг на Москву, прямо на них, упадет самолет, и Кашечкин спасет ее, вытащит из огня. Эх, нет! Кашечкин вспомнил, что полеты над Москвой запрещены.

Кашечкин задумался и посмотрел на небо. Как бы познакомиться? Каждый шаг приближал к расставанию, а ни хулиганов, ни машин, ни самолетов не было.

Внезапно кто-то стукнул его в колено. Упав с небес на землю, Кашечкин увидел маленького старичка с авоськой в руке. Именно этой авоськой старичок и задел его.

– Извините-с! – старичок вежливо приподнял шляпу, от-

чего у него на голове встали дыбом седенькие перышки волосиков, и слегка поклонился. – Прошу прощения.

– Нет, это вы меня извините! – остановился Кашечкин.

– Нет-нет, что вы, что вы! – пятась задом, продолжал помахивать шляпой старичок.

– Нет, это я виноват, прошу прощения, – замялся Кашечкин, досадуя на задержку, – извините.

Он ловко щелкнул каблуками, сделал «налево кругом» и пошел дальше. Девушка, на секунду заглядевшись на эту уличную сценку, отвернулась, и тоже пошла.

«Только бы не свернула, – думал Кашечкин, – только бы не свернула. Дойду до того угла и спрошу у нее время!»

Но дойти не удалось. На стене дома слева висела крупная цветная театральная афиша. Девушка остановилась, глядя на нее, прижалась к перилам дорожного ограждения так, чтобы не мешать прохожим. Люди ручейком потекли между ней и афишей.

Кашечкин сбился с шага. Теперь он должен был либо остановиться рядом с ней, либо позволить толпе увлечь себя дальше. Кашечкин сбавил шаг и прошел мимо. Она внимательно, с серьезным лицом изучала афишу. Сделав пару шагов и ругая себя за нерешительность, Кашечкин обернулся и тут же спрятал глаза. Девушка шла следом. Перехватив его взгляд, она повернулась к переходу и пошла в сторону Военторга. Кашечкин развернулся и решительно пошел за ней. Нельзя было упустить ее в густой военторговской толпе. Но,

видимо, девушка спешила не в Военторг, а куда-то в другое место, скорее всего на Никитский бульвар. По одному пути с Кашечкиным.

Подойдя к военторговской витрине, она посмотрелась в огромное зеркало, висевшее прямо снаружи, легким движением поправила прическу, улыбнулась и пошла дальше. Отставший Кашечкин, снова смущаясь и краснея, прошел сзади и весь сомлел, увидев этот удивительно женственный, исполненный изящества жест. Он уже не хотел знакомиться, он просто шел и шел следом, с наслаждением наблюдая за ней. Она же спешила по своим делам. Кашечкин радовался, что она его пока не заметила, и надеялся, что ему удастся так еще долго, тихо и незаметно, идти за ней.

Но она вдруг остановилась на углу дома, похожего на средневековую крепость, достала из сумочки маленькое зеркальце и начала платочком стирать что-то со своего прелестного носика. Открытая дамская сумочка, висящая на левом локотке, сползла, одна ручка соскочила и начала угрожающе опускаться. Девушка, не замечая этого, продолжала сосредоточенно обмахивать носик. Внезапно ручка упала, сумочка совсем распахнулась, и из нее на садовую скамейку хлынул поток всяческих дамских предметов первой необходимости – флакончик духов, помада, расческа и многое-многое другое.

Кашечкин замер. Девушка подхватила предательскую сумочку, положила в нее зеркальце, вздохнула и, смущенно

взглянув на Кашечкина, начала собирать ее содержимое.

– Извините, давайте я вам помогу! – не растерялся Кашечкин, наконец, поняв, что судьба дает ему тот самый долгожданный случай.

– Да, конечно, спасибо, – девушка кивнула.

Кашечкин ловко сгреб в огромную пригоршню все мелочи, прихватив при этом зеленый тополевый листик со скамейки, и сыпал их вместе с листком в сумочку. Девушка вздрогнула.

– Что? – испугался Кашечкин.

– Ничего, – она двумя пальцами выудила листик и отбросила его в сторону. – Светлана.

– А? – растерялся Кашечкин.

– Светлана, – снова представилась она.

– Василий.

– Очень приятно, Василий. Спасибо.

Она повернулась, и Василий неожиданно понял, что она может уйти.

– Э... – он замялся, – подождите...

Она обернулась и внимательно посмотрела на него.

– А вы москвичка? А я тут в отпуске!

Она молча продолжала смотреть.

– Я училище закончил. К маме приехал. Я в кино иду! Давно в кино не был. У нас клуб есть, но маленький. А здесь Москва! Вот и решил пойти.

– На какой фильм? – наконец-то нарушила она молчание.

– На «Неуловимых» в «Художественный»! – он слегка замялся и вдруг, неожиданно для самого себя, выпалил: – Пойдемте вместе.

– Ну что ж, – Светлана вздохнула, – пойдете. «Неуловимые» так «Неуловимые».

Когда они подошли, у входа кишела толпа пацанов и молодых людей, обожавших этот революционный хит. Несколько молодых парочек, сплевывая на асфальт семечки, важно прошествовали внутрь. Возбужденные подростки, для которых «неуловимые» были всегдашними кумирами, тоже потихоньку просачивались в кино.

– Подождите! – Кашечкин кивнул Свете и бросился в кассу. К окошку тянулась огромная, часовая очередь, и вставать в нее не было никакой возможности. Озираясь по сторонам, Кашечкин вышел в другую дверь кассы и остановился около группы старшеклассников, прикидывая, что ему делать.

– Ну что, билет нужен? – развязной походочкой к нему подошел довольно неопрятный молодой человек.

– Да, – кивнул Кашечкин.

– Рупь.

– Почему? – удивился Кашечкин. – Билет двадцать копеек стоит!

– Рупь, – снова повторил неопрятный юноша и, будто дразня, вытянул из кармана кончик билета.

Денег у Кашечкина было мало. В обрез. А кроме покупки билета, конечно же, следовало угостить Свету в буфете пи-

рожным и газировкой.

– Нет, – покачал головой Кашечкин, – не могу.

– Дяденька, скажите, вы артиллерист? – к Кашечкину подошел один из подростков.

– А ну! – неопрятный юноша замахнулся было на него, но Кашечкин спокойно отодвинул барыгу в сторону.

– Да, я младший лейтенант войск ПВО.

– Ух ты, как и мой папа! А вы где воевали?

Кашечкин молча покачал головой, не желая разочаровать пацана.

– А, военная тайна! – понял пацан. – Вы в кино хотите?

– Хочу. – Кашечкин кивнул.

– На «Неуловимых»?

– Да. – Кашечкин снова кивнул.

– Вот. Держите! – пацан протянул ему билет.

– Спасибо. – Кашечкин высыпал в ладошку пацана горсть медных пятак. Барыга скривился и, как-то съежившись под взглядом Кашечкина, побрел за угол.

– Ты сам-то как?

– Я с ребятами проскочу. И постою у стеночки.

– Спасибо! – еще раз поблагодарил Кашечкин и бросился к Свете, ожидавшей у входа. До начала сеанса оставалось пять минут.

Выпив в буфете лимонада и поболтав о жизни, они прошли в зал и заняли свои места. Василий узнал, что Светлана студентка, учится на втором курсе филфака МГУ, а сегодня

у них занятия кончились рано, и она пошла немного прогуляться.

Они уселись на холодные жесткие деревянные сиденья, жалобно скрипнувшие под их тяжестью. Василий с трепетом почувствовал рядом со своим плечом теплое, нежное женское плечико и замер. Он хотел отодвинуться, но отодвигаться было некуда. Он снова ощутил ее прикосновение. Ничего подобного он раньше не испытывал.

Перед фильмом показали журнал. Под звуки духового оркестра по экрану ползли огромные зерноуборочные комбайны и передовики рапортовали о своих достижениях. Затем с оглушающим грохотом крутились станки, и, перекрывая этот грохот, диктор рассказывал о колоссальных трудовых успехах коллективов заводов «ЗИЛ» и «АЗЛК», об их победах в социалистическом соревновании и об освоении ими новой продукции. Кашечкин ощущал теплоту Светино-го плечика, вдыхал нежный аромат духов и млеял.

После журнала в зал зашли опоздавшие, вбежала знакомая Кашечкину ватага во главе с его безбилетным спасителем, а потом на экране начался фильм...

Конечно, в клубе училища им тоже показывали кино. Но фильмы были старые, совсем потертые и неинтересные. Такие, которые гражданскому прокату не было жалко отдавать воинской части. А этот фильм был новым и суперзнаменитым. В первых же кадрах на вершину холма вылетала четверка всадников, а над ними зловеще кружил аэроплан.

Есть пули в наганах, и надо успеть

Сразиться с врагами и песню допеть...

Лихая кавалеристская песня неслась с экрана. Красные бойцы стреляли из огромных маузеров по белогвардейскому аэроплану, который беспомощно трепыхался в небе. Потный, толстый пилот-француз с закрученными усами смотрел сверху вниз на этих отважных революционных всадников, а затем свернул в сторону и полетел обратно, к белым. И всадники на лихих конях кинулись в погоню за самолетом.

И нет нам покоя, гори, но живи.

Погоня, погоня, погоня, погоня в горячей крови...

Красные всадники догнали на своих конях самолет, но у них кончились патроны. Они неслись, размахивая шашками, и ничего сделать не могли.

В удачу поверьте, и дело с концом.

Да здравствует ветер, который в лицо.

Переживая за красных всадников, не могущих достать хитрого белогвардейца, младший лейтенант войск ПВО Василий Кашечкин подался вперед. Рука его соскользнула, и ладонь ощутила обтянутое шелком упругое бедро. Ничего не замечая, он от волнения слегка сжал Светино колено и вдруг, опомнившись, смущенно отдернул руку.

А на экране творились чудеса. Красный всадник выхватил аркан, ловко раскрутил его и забросил в кабину аэроплана.

Погоня, погоня, погоня, погоня...

Песня звучала все сильнее и яростнее. Кашечкин, безот-

рывно глядя на экран, отодвинулся с края сиденья и осторожно пристроил руку обратно на подлокотник. Он краем глаза глянул на Светлану, пытаясь определить, не обиделась ли она. Светлана смотрела не на экран, а на него. Их взгляды встретились, она улыбнулась, и Василий понял, что она совсем не сердится. Он с радостью повернулся к экрану и почувствовал, как нежная девичья ручка накрывает его руку.

Аркан, заброшенный красным бойцом, натянулся и выдернул из кабины толстого пилота, который неуклюже перевалился через борт и исчез внизу. Гремела песня про погоню. Аэроплан без пилота улетел. Василий Кашечкин сидел в темной прохладе кинотеатра, смотрел фильм и думал о том, какой он молодец, что сумел пригласить в кино такую девушку. Он был счастлив.

Фильм кончился, и зрители, торопясь, начали выходить. На улице было светло, стоял ясный июньский вечер, даже не вечер, а день, склоняющийся к вечеру.

– Хорошо-то как! – Светлана посмотрела на Арбатскую площадь, на ресторан и тихонько взяла Кашечкина под руку.

– Да, хорошо! Москва такая красивая!

Они свернули на Никитский бульвар.

– Вы где живете? – спросил Кашечкин.

– На площади Восстания.

– Я вас провожу! – обрадовался Кашечкин. – Может, прогуляемся?

– Можно пешком пройти, – кивнула Светлана, – но только не до самого дома. А вы Москву хорошо знаете?

– Нет, – смутился Кашечкин, – не очень. Я здесь давно не был.

– А где вы были?

– В училище. А в училище я из Куйбышева поступил.

– А здесь как оказались?

– К маме приехал. Она замуж за москвича вышла и переехала к нему в комнату.

– Это отчим ваш? – Светлана приостановилась. – Вы с отчимом живете?

– Да, – кивнул Кашечкин, – это отчим. Отец у меня умер, когда я еще в школе учился. Только я с ними жить не буду. Я служить в гарнизон поеду.

– А что с отцом вашим случилось? – продолжала допытываться Светлана.

– Умер. – Кашечкин вздохнул, – пил много. Ранили его на войне, и как вернулся с фронта, пить сильно начал.

– Бедный! – Светлана дружески пожалала его руку, и Васин локоть слегка коснулся ее упругой груди. Василий вновь залился краской. – Так вы с мамой жили?

– Да, – кивнул Кашечкин.

– Будете скучать без нее?

– Конечно. Но только я уже привык. И у нее времени мало, она учительницей работает. В школе ей особо не до меня. А вы с родителями живете?

– С отцом.

– Да, это хорошо, – кивнул Кашечкин.

– Чего же хорошего без матери?

– Ой, извините. Я не то имел в виду. Я хотел сказать, что хорошо иметь настоящего отца.

– Да уж, – Светлана выпустила его руку и сжала губы, – конечно. Только из-за него мама и пропала. Он с ней развелся, когда я еще маленькая была, взял меня к себе, а ее выгнал. И она пропала.

– Как пропала? У нас люди не пропадают!

– Исчезла. Я спрашивала отца, а он велел мне молчать и сказал, что она пропала.

Некоторое время они шли молча. Впереди показались Никитские ворота.

– Все. – Светлана остановилась. – Не провожайте меня дальше.

– Почему? Я вас обидел?

– Нет. Но только идите домой, к маме. Я на вас не обиделась, вы мне нравитесь, но дальше нельзя.

– А можно... – внутри у Васи все замерло, – можно нам еще раз встретиться?

– Вы же уезжаете.

– Я еще неделю здесь буду. И потом я буду вам писать. Можно?

– Нет! – вскрикнула Света и отшатнулась.

– Почему? А хотите, я вас сам найду? Вы уйдете, а я вас

все равно найду?

– Не надо. Можете завтра меня после института встретить. У нас семинары в три часа закончатся. Ждите меня у памятника Ломоносову.

– Да, конечно, буду ждать! – Вася улыбался. Для того чтобы отбыть на место службы полностью счастливым, ему не хватало самой малости – девушки, которой он мог бы писать и фотографию которой мог поставить на тумбочку. В училище он так ни с кем и не познакомился по причине природной робости. Да и время в основном проходило в мужском коллективе, а увольнения и танцы в клубе были редки. В увольнениях же Кашечкин, что греха таить, не за девушками бегал, а в кино и за мороженым. А вот теперь девушка нашлась, да еще какая!

– Все. До свидания. – Светлана повернулась и пошла на Никитскую.

Кашечкин сделал было шаг ей вслед, но она обернулась и строго сказала:

– До завтра. Не смейте идти дальше.

И пошла, весело цокая каблучками по асфальту.

***

На следующий день, с самого утра, как только отчим и соседи ушли на работу, Кашечкин начал приготовления. Он выдвинул на середину кухни два стола – свой и дяди Сережи,

поставил на газ большую кастрюлю с водой и начал стирку и глажку. Застелив оба стола байковым одеялом, он выудил из чемодана чистую, но немного помявшуюся белую парадную рубашку, сбрызнул ее водой и начал ловко охаживать утюгом. Мать, подперев щеку, сидела на крашеном табурете рядом и с нежностью смотрела на него.

– Большой ты у меня стал, ловкий! – Мать встала и потянулась к утюгу. – Дай лучше я поглажу.

– Что ты, мамочка, не надо! – Кашечкин нежно обнял ее за плечи, поцеловал и усадил обратно на табурет. – Я сам все сделаю.

– Вот бы отец порадовался, – голос матери дрогнул. – Давай я тебе хоть чайку сделаю!

– Мамочка, милая, не хлопочи. Я сам теперь за тобой ухаживать буду. Вот отглажу все и в магазин схожу, за продуктами.

Мать улыбнулась.

– Вижу я, в какой магазин собрался. На свидание небось идешь.

Кашечкин молча кивнул.

– Иди, иди, – ласково заговорила мать. – Главное, чтобы хорошая девушка была, а не вертихвостка какая!

– Она, мамочка, очень хорошая! Она мне писать будет.

– Правильно, пусть пишет. Знаешь что? – Мать перешла на заговорщицкий шепот, глаза ее стали хитрыми, и она поманила его к себе. Кашечкин оставил утюг и наклонился.

– Ты на ней женись! – шепнула мать.

– Что ты, мама! – Василий выпрямился. – Мы только день и знакомы.

– Если она москвичка, женись непременно. Соскучилась я по детишкам маленьким, соскучилась. А тут вы ребеночка родите, я его нянчить буду...

– Мама! – не выдержал Вася. – Я же уезжаю!

– Ну и что? Комнатка-то у нее в Москве есть?

– Она с отцом живет, на площади Восстания!

– О! Это в высотке? Значит, большая шишка ее отец, большая. Женись на ней, Васенька, непременно. Она с тобой поедет, я здесь ребеночка нянчить буду. Не век же тебе одному.

– Да. – Василий задумался. – Я бы с удовольствием на ней женился. Но знакомы мы еще мало.

– А ты иди, иди! – всполошилась мать. – Иди, не опаздывай. Девушки этого не любят! Поговори с ней, поцелуй. Сюда приведи, в гости, чтобы и я посмотреть на нее могла.

– Постараюсь привести, – Вася расплылся в улыбке. – Мы погуляем, а потом к тебе придем.

– Да, да, – кивала мать, – конечно! И цветочки ей купить не забудь.

***

Ровно в три часа Василий в обнимку с маленьким буке-

тиком белых цветов важно дефилировал под липами вокруг памятника Ломоносову, вызывая косые насмешливые взгляды студентов и неподдельный интерес студенток, сидевших с книгами и конспектами в сквере. Их страшно интересовало, кого же встречает этот красивый молодой лейтенант. Но прошло десять минут, пятнадцать, полчаса, а лейтенант все так же ходил возле памятника, теребя букет в руках. Место и время встречи, по мнению студентов, были неудачными.

Внезапно к Кашечкину подошел высокий студент с небольшой аккуратной бородкой, сильно противоречившей институтской морали. Одет он был не вызывающе, но как-то так, что сразу выделялся среди других.

– Василий? – бородатый ткнул толстым пальцем Кашечкину в живот.

– Да. – Кашечкин отстранился.

– Ну тогда давай пять. – Бородатый протянул ему пухлую ладонь. – Паша.

– Василий Кашечкин. – Кашечкин пожал мягкие пальцы.

– Ждешь? – Паша попытался подцепить пальцем букет, но Кашечкин поспешно спрятал его за спину.

– Значит, ждешь. Светка просила передать, что задерживается.

– У нее семинары продлили?

– Ага, – как-то нехорошо усмехнулся бородатый, – продлили. Сказала, чтобы ты подождал.

– Я жду. Спасибо. А вы вместе учитесь?

– Да. Вот так вот бог свел, вместе с ней учиться.

– И скоро она придет?

– Не-а! – помотал головой бородатый. – Не скоро. Знаешь что, товарищ младший лейтенант, а пойдём-ка пива выпьем?

– Да вы что, никак нельзя! Я Свету ждать должен.

– А брось ты! – Бородач снова усмехнулся. – Она часа через два только будет. Не раньше. Просила развлечь тебя пока что. Вот и развлечемся пивком. Кстати, и цветы в воду поставим, а то из них уже веник получился.

– Это далеко? – При мысли о холодном пиве, недоступной в училище роскоши, Кашечкин сразу стал более сговорчив. Да и цветам не мешало бы отдохнуть.

– Недалеко. Тут на Дмитровке классный пивняк есть. Там раков к пиву дают! – Паша заговорщически поднял палец и потянул Кашечкина за рукав. – Пошли, пока я добрый. Успеем как раз!

Кашечкин повернулся и побрел за ним.

– Только вот что, – Паша обернулся. – Поскольку я альтруистично делаю доброе дело, развлекаю тебя, между прочим, в ущерб своему собственному времени, ты меня угощаешь.

– Что?

– За пиво заплатишь. И рака одного купишь. Я, вишь, без степухи остался.

– Без чего? – не понял Кашечкин.

– Без стипендии.

– Украли?

– Не! – Паша оскалился кривой улыбочкой. – По философии трояк огреб. Зато я тебе кое-что интересное расскажу!

Они вместе вышли в калитку. Студенты, сидевшие на лавочках, начали бурно это явление обсуждать. Как же так, гулял офицер, с букетом, явно ждал студенточку на прогулочку. А вместо студентки явилось бородатое чучело, взяло офицера под ручку, и они вместе куда-то ушли? Есть повод для кривотолков и анализа морального облика!

Немного пройдя московскими переулками, они перешли улицу Горького и нырнули в какой-то подвальчик. Спустившись по ступенькам, они действительно оказались в пивной, малолюдной в рабочее время.

– Привет, тетя Клава! – Паша радостно распростер объятья огромной буфетчице, стоявшей за грязной стойкой.

– Здравствуй, студент, – кивнула та. – Ты как сегодня, при деньгах?

– Студенты при деньгах не бывают. Вот он, – Паша указал на Кашечкина, – угощает. Нам по кружечке и по одному рачку. И не разбавляй, смотри!

Буфетчица со стуком поставила на стойку две кружки с обильным пенным верхом, глубокую тарелку и плюхнула на нее двух ярко-красных раков.

– Вот спасибо! – Паша просиял. – Я пойду, столик займу. А ты того, плати и приходи.

Они заняли мраморный столик на высокой железной нож-

ке. Отхлебнули пива. Паша с хрустом отломил рачью клешню, обсосал, пожевал и сказал:

– И давно ты со Светкой знаком?

– Какое это имеет значение? – насторожился Кашечкин. – У нее что, кто-то есть?

– Был, – хихикнул студент, – а сейчас нет. Ну, так давно знаком?

– Вчера я с ней познакомился. Случайно, на улице.

– Что, так прямо и случайно?

– Да, конечно. А потом мы в кино пошли.

– Нравится она тебе?

– Да кто ты такой, чтобы спрашивать? – удивился Кашечкин. – Пей свое пиво.

– А я тебе добра желаю. Я может, за Светкой и сам бы поухаживал. Девочка богатая и красивая!

– Да я тебе! – Кашечкин стукнул по столику кулаком. Тарелка с оставшимся в одиночестве раком зазвенела.

– Умолкаю, умолкаю! – Паша ернически прижал руки к груди.

– Я уезжаю. По месту прохождения службы. И мне очень не хочется, – Василий сделал нажим голосом, – чтобы тут что-нибудь произошло.

– Да ты не бойся, лейтенант, служи спокойно. Можешь даже жениться. Тут ее все знают. Никто с ней гулять не будет.

– Вот и хорошо.

– А знаешь, почему? У нее папаша – кремень. Ты с ним

еще не познакомился?

Кашечкин отрицательно помотал головой.

– Папашка у нее суровый. Хотя, может быть, ты ему и понравишься. Он сам, слышь ты, – Паша снизил голос, – полковник! Да не простой, а в каких-то органах. Ох и крутой мужик! Рассказывают, он за Светкой так следил, что на машине ее в школу возил и встречал. Шагу сделать не давал. И теперь не дает. Тут один за ней поухаживать решил, когда она еще на первом курсе была. Тоже цветочки принес.

Паша кивнул на букетик, заботливо поставленный в наполненную водой пивную кружку, и продолжил:

– Да, цветочки. И не домой, а на свидание. А она их домой-то и принесла. А на следующий день чуваку этому папаша и позвонил. В гости, дескать.

– Ну? – Кашечкин стал слушать намного внимательнее.

– А тот папаше отвечает, что, мол, дела, и нет времени. Так что ты думаешь? А, что ты думаешь?

– Думаю, они встретились.

– Ага! – радостно закивал бороденкой Паша, – встретились. На следующий день запихнули того друга в машину, прямо у института, и к папашке на допрос. А папашка сразу и спрашивает – мол, когда и как свадьба, где жить будете, и все такое. Мало того, сказал, что чуваку тому из универа уйти придется, чтобы семью содержать, но папашка ему, так и быть, поможет, на завод устроит. А тот чувак и говорит, что, мол, у них и не было ничего, что они и не целовались

даже, и то да се...

Кашечкин слушал с интересом, не особо понимая, к чему клонит Паша.

– Да ты слушаешь?

Кашечкин кивнул.

– Слушай, ты этого рака есть будешь? – Паша ткнул пальцем в тарелку. – А то, может, я возьму?

– Если хочешь, бери, – кивнул Кашечкин.

– Вот спасибо, вот уважаю! – Паша смачно вгрызся зубами в шейку, прожевал и продолжил:

– Так вот. А папаша и спрашивает, типа что, жениться будешь сейчас, а из института сразу после сессии уйдешь? Ну, чувак, понятно, свое гнет. Мол, чувства надо проверить, и так далее. Кому же на вылет сыграть охота? Так чувства ему проверить не дали. Папаша тут же на месте его и отметелил. Да! – Паша потрогал скулу, почесал бороду. – Кожу вот рассадил. А через неделю декан его вызвал и сказал, что или чувак этот переводится на вечерний, либо вылетает к чертям! Год пришлось на заводе вкалывать, пока не восстановили.

– Так это ты за Светой ухаживал? – догадался Кашечкин.

– Только не надо сцен! Дело давнее.

– Тьфу! – Кашечкин сплюнул, – а я тут тебя слушаю.

Он выхватил цветы из кружки и пошел было к двери, но у выхода обернулся.

– Слушай, Паша...

Паша быстро подбежал, оставив недопитое пиво на столи-

ке. Двое типов с носами-картофелинами в синих прожилках проводили его мутными взглядами.

– Ну? Не думай ты плохого, я тебе добра желаю...

– Слушай, Паша, а что, у Светы до сих пор никаких друзей нет?

– Откуда? – Паша махнул рукой. – Пробовал было еще один сунуться, так папашка его тут же вычислил и в отставку отправил. И следит он за ней. А на тебя я посмотрел и подумал, что ты вроде как офицер и с мужиком этим столкуешься. Кстати, и Света сегодня не просто так задержалась. Папашку со следа сбить хочет. Ну что ж, раз пива больше не хочешь, я допью. Бывай, офицер.

Паша протянул ему руку. Кашечкин механически пожал и вышел на улицу. Сложные чувства обуревали его. Все радостное волнение померкло, и на место его пришла какая-то жалость, щемящее чувство нежности к этой обиженной жизнью девочке.

Он не стал заходить в сквер, к памятнику, а встал в тени дерева за оградой. Ждать пришлось недолго. Светлана выпорхнула откуда-то из бокового выхода и остановилась, разочарованно глядя на площадку перед памятником. Она сразу, на глазах, погрузилась и пошла дальше медленной, тяжелой походкой.

Кашечкин посмотрел на букет. Цветы не завяли, но выглядели не совсем свежими. Он еще раз взглянул на Свету, которая так и не увидела его. В душе у него боролись про-

тиворечивые чувства. Он отшагнул чуть назад, за столб, и начал перебирать листики у цветов. Ярко светило радостное солнце. Гудели машины. Скамьи в сквере опустели, и только Ломоносов важно сидел в своем кресле.

Вздыхнув, Кашечкин сделал еще шаг, размахнулся изо всех сил и бросил букет вверх, в голубое небо. Перелетев через чугунную ограду, цветы описали красивую дугу и шлепнулись прямо к Светиным ногам. Скреплявшая их нитка лопнула.

Света вздрогнула и, все еще не понимая, огляделась по сторонам. Кашечкин приподнялся на носки и помахал рукой. Света увидела, вскрикнула и, оставив цветы на дорожке, кинулась к нему.

– Здравствуй! – она схватила его под локоть и быстро потащила в сторону. – Ты Пашу встретил?

– Здравствуйте! Да, встретил. Куда мы идем?

– Вы поговорили? – не обращая внимания на вопросы, продолжила Света. – Ведь поговорили, да?

– Поговорили.

– Хорошо поговорили?

– Даже пива выпили, с раками.

– А когда ты уезжаешь?

– Через две недели.

– А в кино меня еще пригласишь?

– Постараюсь, – кивнул Кашечкин.

Некоторое время они шли молча, пока не вышли к Боль-

шому театру и не остановились на углу. Света уже не спешила.

– Я пойду в кино. Но только я не всегда смогу с тобой встречаться. Далеко не всегда, – она замолкла, а потом вдруг спросила: – У тебя есть девушка?

– Что? – удивился Кашечкин. – Ты о чем?

– Девушка. Любимая. Невеста. Есть?

– Нет. Давай, ты будешь моей любимой девушкой. Писать мне в гарнизон будешь. Я тебя с мамой познакомлю.

– Познакомь. И пиши, – Света кивнула, – я тебе адрес подруги дам, на него пиши.

Света замолчала и легонько потянула Кашечкина за руку, в тень колоннады.

– Знаешь что? – держа за руку, она внимательно посмотрела ему в глаза и едва слышно, одними губами произнесла: – Давай поцелуемся.

Кашечкин, как во сне, почувствовал ладонями упругую, гибкую девичью талию. И тут же тонкие нежные руки обвили его шею, и ее маленькие нежные губки коснулись его губ. От нее пахло фиалками.

Глава 4. Обыкновенные биографии американских мальчиков

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,

Средь военных трофеев и мирных костров,

Жили книжные дети, не знавшие битв,

Изнывая от детских своих катастроф.

В.Высоцкий

Детство свое, прошедшее в итальянском квартале Нью-Йорка, Сильвестр Макарони помнил хорошо, но при каждом удобном случае старался его забыть. Самым ярким воспоминанием из этого детства была ванна, стоявшая прямо посередине кухни. И когда маленький Сильвестр, шлепая босыми ножками, ночью шел на кухню, чтобы напиться, и включал свет, густые полчища тараканов с веселым топотом выскакивали из всех щелей и кидались под эту ванну. Сильвестр тараканов не любил и побаивался. Тараканы вскоре это поняли и при его появлении в кухне прятаться перестали. Тогда Сильвестр, чтобы внушить почтение злобным тварям, брал

кожаный шлепанец и начинал звучно лупить их на щелястом полу. Если мальчик увлекался, и в доме стояла сплошная канонада, просыпался отец.

Встрепанный, заспанный итальянец с печальными глазами, закутанный в халат, он отнимал орудие смертоубийства у чада. Иногда, если отец был уставшим и невыспавшимся, он применял это орудие к сыну для объяснения того, как следует вести себя в благородном семействе.

Кстати, об отце. В самом начале войны житель солнечного Неаполя Джузеппе Макарони разошелся с великим дуче во взглядах на перспективы развития модного салона, составлявшим основу семейного бюджета. Правда, злые языки поговаривали, что темпераментный синьор Джузеппе по молодости лет погорел на косметическом массаже. То ли он неправильно сделал даме массаж, то ли дама была не та, но из солнечного Неаполя Джузеппе бежал через Югославию и Румынию сначала в Алжир, а затем, не задерживаясь, в Соединенные Штаты. Здесь он тоже пытался основать сеть массажных салонов, но единственным его успехом на этом поприще за годы войны была женитьба на весьма милой певичке, имевшей все шансы стать примадонной.

Именно поэтому первые семь лет жизни Сильвестра и были заполнены итальянским кварталом. Здесь он рос. Здесь он дрался с мальчишками. Здесь он воевал с тараканами, бедностью и младшим братом Фредом. Здесь он наблюдал, как мать, злая и трезвая, шла вечером петь в очередном мю-

зикле, в хоре среди двух сотен таких же девиц. И потом она возвращалась домой под утро, изрядно пьяная, но добрая. А отец орал на нее со своим смешным итальянским акцентом. А на другой день мать орала на отца за неправильно сделанный массаж.

Наконец, когда Сильвестру исполнилось семь лет, отец сделал-таки правильный массаж. Он сумел открыть салон красоты сначала в Нью-Йорке, а затем и в других городах. Отец, ставший хозяином, посмотрел на симпатичную мордочку маленького Сильвестра, надел на него соломенную шляпу и повел фотографировать. На рекламу. Снимок получился хорошо, и отец решил задать малышу правильное направление воспитания.

Отец смог позволить себе давать детям образование. Он отдал Сильвестра в частную школу, в которой вместе с науками преподавалось и искусство. В работе стилиста и визажиста синьора Макарони это было необходимо, а значит, и сын не мог без этого обойтись. Конечно, лучше было бы заниматься искусством живописи, но бедный Сильвестр страдал нарушением цветоощущения, и отец, скрепя сердце, отдал его на факультет театра и стихосложения.

Целых три года несчастный Сильвестр ходил в школу, где ему на штанишки повязывали голубые бантики и заставляли со сцены декламировать стишки, восхваляющие непорочных ангелов на небесах. В этой же школе он научился читать. В этой же школе он научился считать. Здесь же на школь-

ном спектакле его нарядили цветочком-ромашкой и поручили петь песенку про жучков. Папа с мамой, дополнительно оплачивавшие уроки хореографии, гордились и вытирали слезы умиления, глядя на его неуклюжие прыжки по сцене.

Нельзя сказать, что Сильвестру в этой школе нравилось все, далеко нет. Ему были отвратительны коротенькие форменные штанишки. Ему были омерзительны попытки родителей превратить его густые черные кудри хотя бы в отдаленное подобие ангельских волосиков. Но хуже всего были голубые бантики, цеплявшиеся за все вокруг.

Но в школе было и много хорошего. Именно там Сильвестр первый раз вдохнул сладкие миазмы дыхания сцены. Он любовался собой на сцене. Он любовался собой в школе. Иногда дома он вставал в красивую позу перед зеркалом и начинал читать самому себе героические стихи. Он великолепен, Сильвестр Непобедимый!

Ровно через три года обучение в школе искусств закончилось по весьма банальной причине развода родителей. Отец объяснил, что рафинированному образу куртуазного итальянского визажиста, стилиста и содержателя салонов красоты вредит общение с банальной певичкой. Эта певичка мешает ему делать правильный массаж нужным клиентам. Впрочем, и сама певичка, вытряхнув при разводе из своего благоверного немалую сумму, сочла, что она будет лучше чувствовать себя без итальянских стилистов. Она решила, что все Штаты будут без ума от ее турне.

Поэтому следующие два года жизни Сильвестра прошли в бесконечных скитаниях по городам. За это время он сменил пять школ. Школы были разные, и только один факт повторялся в них с завидным постоянством – Сильвестра в них били. Били не сразу, а только после блестящих выступлений на школьных спектаклях. И били всякий раз, когда он пытался прикрепить к своим штанишкам голубые ленточки, составлявшие основу его сценического образа. Впрочем, к тому моменту и мать успевала получить пинка в очередном кабаре, и они вдвоем с братом переезжали на новое место.

Лишь на третий год странствий матери повезло. Используя свое недюжинное сценическое дарование, она сумела очаровать толстого владельца пары бензоколонок на 80-м шоссе. Произошло это, когда мать выступала на одной из лучших сцен города Сан-Франциско, штат Калифорния. Ну, не совсем, конечно, в самом городе. Но рядом с ним, в Дэйвисе.

Правда, в самом Дэйвисе остаться им не удалось. Пришлось переселиться вместе с бензиновым королем немного подальше в горы, но это тоже было неплохо. Каждое утро школьный автобус останавливался возле домика у центральной заправки, забирал Сильвестра и Фреда и вез их в школу. С толстым заправщиком у них тоже сложились нормальные отношения.

Заправщика звали Гарри. Как только Гарри увидел Сильвестра, он по-деловому подошел к нему и хлопнул по ладони.

– Привет, парень! Как поживаешь?

– Хорошо. – Сильвестр потупился.

– Ха! – Гарри вздрогнул своим огромным пузом. – Кто же так отвечает?

– А как надо?

– Вот так, смотри! – Гарри поднял свою огромную красную лапищу перед носом Сильвестра, взял его маленькую ладошку и хлопнул по ладони. – Вот так хлопаешь и отвечаешь: «Лучше всех, парень!». Ну-ка, повтори!

– Лучше всех, парень! – радостно взвизгнул Сильвестр и шлепнул по задубелой коряге, представлявшей собой ладонь Гарри.

– Молоток! – оценил Гарри. – Пиво пить пойдешь?

– Не знаю. – Сильвестр замялся. – Если мама отпустит.

– Ха, мама! В твоём возрасте пора самому такие вопросы решать. Ещё раз спрашиваю – пиво пить будешь?

– Буду! – Сильвестр улыбнулся.

– Только скажи мне, эти бантики кто на тебя надел?

– Мама. – Сильвестр вздохнул.

– Отлично! А то я уже боялся, что ты их сам нацепил.

Пиво в бантиках не пьют.

– А как его пьют?

– Настоящие мужчины носят вот что!

Гарри исчез за воротами гаража, минут пять шумно рылся внутри и вышел, неся синий джинсовый комбинезон.

– Меряй!

Сильвестр утонул в нем, но Гарри ловко подвернул штаны и подтянул ляжки.

– Вот теперь ты выглядишь как мужчина. Пошли!

Они взялись за руки и двинулись в сторону расположенного неподалеку бара.

Гарри, отдуваясь, плюхнулся за столик и разместил рядом свое пузо.

– Мне пиво. И чипсы. И ему пиво.

Официантка сделала удивленные глаза.

– Безалкогольного. Чем вы тут водителей травите... То есть, поите?

Они посидели молча.

– Гарри, а я никогда раньше не пил пиво... – осторожно начал Сильвестр.

– Я это понял, – усмехнулся Гарри. – А в школу ты в этом костюмчике ходишь?

Сильвестр кивнул.

– Так... И на рождественских спектаклях выступаешь?

Сильвестр снова кивнул.

– А не бьют тебя?

– Бьют. – Сильвестр всхлипнул.

– Перестанут, – убедительно произнес Гарри. – Будешь одеваться, как я скажу. Начнешь играть в футбол. И никаких спектаклей.

– Я люблю спектакли...

– Тогда будешь играть исключительно гангстеров. Понял?

Сильвестр кивнул. Он твердо решил про себя, что будет выполнять все наставления Гарри.

А Гарри был малый не промах. На своих бензоколонках он держал исключительно мексиканцев, которым вколачивал понятия о дисциплине пудовыми кулаками. Он же периодически объяснял Сильвестру, как устроен автомобиль, как стрелять из пистолета и где ловить кошек. Он снабдил Сильвестра целым чемоданом гангстерских комиксов и внушил ему свои представления об успехе в жизни. Но все же он так и не смог научить его курить, драться и пить дешевое виски. Все же отцовские гены были сильнее.

И еще Гарри никак не мог отучить Сильвестра от пристрастия к сцене. Здесь они уже вдвоем с матерью нажали на него и приучили к школьным спектаклям. В них Сильвестр играл исключительно чертей, разбойников и авантюристов.

В пятнадцать лет Сильвестр плохо учился, зато хорошо играл в баскетбол на школьном пустыре и самозабвенно играл в спектаклях. Он каждый день по часу проводил перед зеркалом, пытаясь выбрать героический ракурс. К сожалению, его физиономия, доставшаяся по наследству от синьора Макарони, отнюдь не впечатляла. Особенно ему не нравились собственные карие, глубокие и печальные глаза. Как он ни подрисовывал к ним тени, они все не тянули на глаза беспощадного убийцы. Зато челюсть удалась на славу. Сильвестр научился по-бульдожьки выдвигать ее и выглядел при этом очень грозно.

В попытках стать мужественным и похожим на настоящего бандита, Сильвестр перепробовал много способов. Он даже сделал себе на плече маленькую татуировку, которой, впрочем, остался недоволен.

Помог ему в обретении образа, как ни странно, их учитель физкультуры. Он показал Сильвестру журналы с картинками, на которых громилы зверского вида демонстрировали свои мускулы. Он же дал ему в руки гантели. И пухленький юноша с печальными глазами начал работать над собой. Мышцы его замечательно росли, добавляя сценическому образу негодяя достаточный шарм. Он начал выходить на сцену по пояс обнаженным, натертым темным маслом, чтобы все девочки видели, какой он красивый. Впрочем, Сильвестр сам трепетал от своей красоты и силы.

Все было бы замечательно, если бы школа не закончилась. Сильвестр, не желая учиться, поступил в полное распоряжение Гарри. Днем он работал на бензоколонке или ездил вместе с Гарри на осмотр мексиканцев. А вечером он ехал в Сакраменто на развлечения. А если развлечений не было, читал комиксы. Он отметал детские комиксы про пиратов и Бумера, но зачитывался приключениями Индианы Джонса или историями про войну. Мышцы его играли. Челюсть гордо выпирала. Воображаемое оружие грело руки.

Поэтому, когда началась война во Вьетнаме, он не сразу воспользовался связями матери. Он не сразу, далеко не сразу решил рвануть в Швейцарию и пересидеть там смуту. А

когда решил, было поздно – повестка поймала его на месте, как тысячи других небогатых мальчиков с тысяч других бензоколонок.

Впрочем, неустрашимый Сильвестр и не огорчился. Он уже готов был сыграть роль неустрашимого рейнджера, спасителя человечества.

***

Генри Мюррей – человек умный и расчетливый, всю жизнь работал не покладая рук. Но он не был авантюристом или жуликом, а следовательно, не мог рассчитывать на успех в бизнесе или на бирже. Родился Генри в 1905 году в семье рабочих из Детройта, и с первых вздохов начал впитывать в себя промышленную мощь Америки в виде удушливого заводского дыма и выхлопных газов. Отец его всю жизнь гнул спину, сначала в небольшой слесарной мастерской, а затем на заводе Генри Форда. Он работал и работал, без отдыха и просвета, возя напильником по заготовкам. Как квалифицированный рабочий, он не попал на конвейер, его миновали штрафы и увольнения. Даже в годы Великой депрессии он не потерял своего места и продолжал стоять у верстака. Он словно прирос к своему месту.

Но его и не повышали. На него не обращали внимания, как на предмет мебели. Шли годы, а верстак, станок, рабочее место и заработная плата оставались прежними. Жалованье

было стабильным, но скучным, и они жили в убогой квартире в трехэтажном доме.

Наблюдая за «карьерой» отца, Генри изучал жизнь и делал выводы. Он родился мальчиком смышленным и наблюдательным. Вся семья его выросла в жизнь завода. Он знал каждого, от последнего уборщика до директора. И видя, как живет заводоуправление и офис, он поклялся себе, что не пойдет на конвейер, а проникнет туда, внутрь, к власти. Провести жизнь так, как отец, за верстаком, не улыбалось. Хотелось чего-то большего. А для этого нужно образование. А образование стоит денег. Генри стиснул зубы и рванулся на штурм успеха.

Талантливый мальчик Генри выучился и превратился в талантливого, подающего надежды инженера. Не будем говорить о том, чего ему это стоило. Скажем только, что в двадцать пять лет он имел гастрит и искривление позвоночника, а позволить себе жениться смог лишь к тридцати годам. Избрав профессию инженера-дорожника, он колесил по всей стране, работая на каждом месте год-два, а затем снимаясь на новое место. Он зарабатывал и копил, зарабатывал и копил, изредка прикупал акции, изредка продавал и пробовал играть на бирже. Временами удачно, временами неудачно.

Когда через год после свадьбы у него родился сын Дональд, он уже имел виды на обустройство его будущего. В банке имелся специальный счет, имелись вложения в государственные бумаги и в нефтяной бизнес. Генри мог дать

Дональду хорошее образование и обеспечить карьеру своими деньгами и репутацией. Единственное, чего не мог дать Генри жене Элизабет и сыну, так это спокойного тихого дома. Их семья не обзавелась постоянным пристанищем и кочевала вслед за отцом. Кочевал и Дональд.

А отец все работал и работал. Он копил заработанное, счет его рос, но с работой стало тяжело. Только с началом войны в Европе торговля оживилась, дела на бирже пошли успешнее, а счет стал расти быстрее. Потом Европа развязала нешуточную драку, и по ленд-лизу в нее потянулись военные и гражданские поставки. Оживилась торговля, и когда немцы пустили ко дну Атлантики целый караван с техникой, а русские перемололи их войска под Сталинградом, дела Мюррея-старшего пошли вовсе хорошо. Он благополучно сдал не очень старого отца в благотворительный дом, купил акций и вздохнул спокойнее. Наконец американцы победили во Второй мировой, и Генри Мюррей стал совсем благополучным. Оставались еще какие-то дела в Японии, но президент применил новейшее ядерное оружие и сжег эти нелепые острова. Генри нашел их на карте, прочитал в газете хронику военных действий и горячо одобрил такое решение. Жизнь американских солдат – превыше всего.

Маленький Дональд сначала жил в вагончике-трейлере, который папа таскал на буксире за своим «Крайслером». Первая школа, в которую пошел маленький Дональд, была муниципальной. Маленькой и облупленной. Да еще в ней

учились цветные. Мюррею-старшему это категорически не нравилось, но поделаться он пока еще ничего не мог. Поэтому ровно через год мальчика, так и не научившегося читать, погрузили в трейлер и повезли через всю страну на восточное побережье. Там они продали трейлер и наконец-то поселились в настоящем доме на фундаменте.

А с войны весь этот год возвращались молодые мужчины. Рабочие места заполнялись. Экономика, вскормленная войной, расцветала, но вокруг толкались локтями сильные конкуренты. У них не было такого образования, как у Мюррея, и они не имели опыта, который прервала война. Но у них были сила и жажда жизни. Поэтому Мюррей переехал еще раз, собрал финансы и поместил сына в хорошую частную школу. Придя на выходные с работы, отец занимался его воспитанием.

– Послушай, Дональд, – еженедельно говорил он сыну, – в этой жизни можно прорваться на самый верх. Но для этого нужно образование. Так что учись.

Наставив таким образом ребенка и выделив Элизабет деньги, Мюррей-старший снова на неделю исчезал на объекте. Он работал, счет его рос, и он вполне обеспечивал и себе, и семье существование выше среднего. И все же, помня расцвет сороковых годов, он молил Господа о новой войне, которая вновь подстегнет начинающую угасать экономику. Он даже вступил в ряды республиканской партии, надеясь как-то поучаствовать в военных заказах. По совету знакомцев,

с которыми он встречался на партийных вечерах, он удачно вложил свои сбережения в нефть и стал подумывать о партийной карьере.

Но партийного функционера из него не вышло. Зато он сумел на паях с одним компаньоном создать небольшое торгово-промышленное предприятие, и когда началась корейская война, получить хороший авиационный заказ. Затем ему подкинули еще один заказ в обмен на взнос в партийную кассу. Затем еще один. Он организовал удачную цепочку, лоббируя интересы «ястребов» и начал расти на государственных военных заказах.

О том, чтобы уделять внимание сыну, уже не шло речи. Его и на жену-то уже почти не тянуло. Дни и ночи он проводил либо в офисе, либо на заводе, либо в партийных кулуарах. А сын тем временем учился все хуже и хуже. Мюррей иногда встречался с ним и разговаривал. Пару раз в год он лично посещал школу и даже обедал с директором. Безрезультатно. Наконец, когда Дональду исполнилось пятнадцать, его родители сумели-таки улучшить свободную минуту и вплотную заняться воспитанием. Они определили мальчика в невероятно дорогой, но считавшийся лучшим на Восточном побережье интернат для мальчиков – «Академию Филлипса» в Массачусетсе. Генри, уже уверенно стоявший на нефти и военных поставках, хотел сделать из сына достойного преемника. Но не сложилось и здесь. Мюррей-младший родительских ожиданий оправдывать не собирался. Он об-

наглед, стал груб с учителями и занимался из рук вон плохо.

Не блистал Дональд и спортивными достижениями. Отец периодически звонил ему и настоятельно советовал стать капитаном футбольной команды. Это было почетно. Это давало возможность приобрести вес и связи в школьной элите. Но Дональда не только не делали капитаном, но даже не брали в команду. Тогда, чтобы быть поближе к футболу, Дональд занялся спортом и общественной работой. Он стал чирлидером. Ему дали фирменную майку, пару ярких помпонов на длинных ручках, и он выбегал на поле в перерывах между матчами. За ним следовал десяток девчонок из дружественного колледжа, они прыгали и махали помпонами, а зрители орали во всю глотку: «Филлипс, ого-ого-го-го!».

На второй год своей общественной деятельности в роли чирлидера Дональд совершил почти что подвиг, сочинив новую речевку: «Филлипс, вперед! Победа нас ждет! Ого-го, ого-го!».

Ее поместили в газету и прокричали на ближайшем матче, и Дональд на неделю попал в герои. Даже сам капитан футбольной команды лично подошел к нему и похлопал его по плечу. Но это был единственный выдающийся поступок.

По окончании академии родители настояли на его поступлении в университет. Школьные учителя отговаривали, считая, что с такими успехами в учебе в университете делать нечего. И тогда мать начала то, что потом Дональд называл «домашней строевой подготовкой». Подготовка эта шла как словесно, так и при помощи физических воздействий, ко-

торые сильная Элизабет прикладывала к прыщавому юнцу. Непутевый сын, ведомый маминой волей и отцовскими деньгами, поступил в университет.

Кроме яростной любви к науке, мать сумела вбить в сына и французский язык, бывший для нее когда-то вторым родным. Приехав из Канады, она считала, что самую лучшую карьеру сын сможет сделать именно там. За годы общения с матерью язык сын выучил. А вот остальная учеба его не блистала. Студентом он посвятил все время попойкам и хулиганству. Дважды за пьяную драку в баре он попадал в полицейский участок. Однажды он сорвал с дверей магазина рождественский венок, притащил к себе в общежитие и повесил на дверях собственной комнаты.

Дональд не любил зануд и зубрил. Он изо всех сил пытался прибиться к хулиганам, и однажды совершил поистине хулиганский поступок. Выпив вечером, осмелевшие юнцы под покровом темноты втроем прокрались на университетский стадион. Там они почти час трудились, разбирая футбольные ворота, и утащили их в парк. Они договорились молчать, но кто-то не выдержал и проболтался. Мюррея вызвал сам ректор и долго стучал согнутым пальцем ему по лбу. Зато Дональд на целый день стал героем университета, второй раз в жизни.

А еще раз на вечеринке он подошел к одной почтенной пожилой женщине в компании своих друзей-оболтусов и, глядя ей в глаза, спросил:

– Ну, и какво это – заниматься сексом после пятидесяти лет?

И опять ректор сумел замять скандал. При помощи Генри Мюррея. Словом, Дональд был весьма разносторонний юноша, и родители в нем души не чаяли. Именно поэтому отец, уже отточивший свой политический нюх, понял, что Дональд может попасть в плохую историю. Из Индокитая тянуло порохом, военные заказы шли один за другим. Его сынок, окончивший университет, вполне мог загреметь в армию, чего отцу, имевшему дело с военным ведомством, страшно не хотелось. Поэтому отец тут же после окончания университета направил его в летную школу Национальной гвардии Техаса.

Мюррей-младший в этой школе делал успехи. Он научился водить поршневым учебный самолет и даже пару раз, с инструктором, поднимал в небо реактивную машину. А также он научился петь непристойные песни и посещать публичные дома с выпивкой.

Вот в таком-то относительно недорогом борделе с ним и произошла неприятная история. Вместе с курсантом Джорджем, сынком нефтяного магната и партийного лидера, тоже скрывавшегося от армии, они немного выпили. Затем выпили еще. А затем поучаствовали в драке и утром оказались в полиции.

Папаша Джорджа срочно ринулся к губернатору штата и что-то шепнул ему на ушко. Джорджа отпустили. А вот папа-

ша Дональда правильных слов не нашел, и Дональд вылетел из Национальной гвардии. Еще не успели высохнуть на его щеках слезы от внезапной разлуки с училищем, как Пентагон ласково заключил его в свои объятия. И Мюррей, пройдя ускоренный курс обучения, получил звание младшего лейтенанта ВВС и отправился на гостеприимную землю свободы острова Фукуок.

Глава 5. Знакомство читателя и лейтенанта Кашечкина с полковником Рузаевым

Кого возьмем с собою? – Вот древняя загадка.

Кто будет командиром? Кто дежурщиком? Куда

Направимся сначала? Чья тихая лошадка

Минует все несчастья без драм и без труда?

Булат Окуджава. «Агнешке Осецкой»

Служба младшего лейтенанта Василия Кашечкина сразу же началась с боевого крещения. Не успел он прибыть на место назначения, познакомиться с командиром батареи, получить место в офицерском общежитии, как последовал приказ собираться. Их зенитно-ракетный дивизион спешно снимали с дежурства, приводили аппаратуру в походное положение и убирали все ракеты в хранилище. Офицерские жены, обливаясь слезами, пекли мужьям пирожки в дорогу. Весь гарнизон находился в каком-то движении, но это движение означало временную остановку всяческой деятельности. Что

же случилось? А случилось то, что регулярно врывается в налаженный быт всякой строевой части – учения. Полк, в котором служил Кашечкин, отправляли на стрельбы в Казахстан.

Конечно, зенитно-ракетному комплексу вовсе не обязательно куда-то ехать, чтобы стрелять по учебным целям. Да и целям, в общем-то, безразлично, где по ним стреляют. Не все равно только окружающим комплекс городам и поселкам, на которые начнут сыпаться обломки ракет и беспилотных мишеней. Поэтому весь дивизион готовился к отъезду в степь на полигон, где на сто верст вокруг не было ни души.

Наконец последовал приказ к выступлению. Дивизион свернули поздно вечером, и уже ночью, под покровом темноты, мощные тягачи поволокли агрегаты к ближайшей станции, на которую подогнали специальный эшелон. Оборудование грузилось всю ночь, а под утро в больших товарных вагонах, служивших прикрытием, уже невозможно было опознать военное имущество.

Ехали двое суток, разгружались опять ночью и утром прибыли на полигон. Сразу после разгрузки Кашечкин начал профилактические работы, после которых его вызвали на командный пункт для обсуждения оперативного плана.

Совещание проводил полковник Рузаев, которого Кашечкин видел впервые. Ходили слухи, что он отличался отличным знанием техники и неистощимой выдумкой по части всяческих тактических приемов. И еще рассказывали, что на

его счету были первые боевые стрельбы комплекса. Кашечкин с удовольствием послужил бы под началом этого опытного боевого офицера, но вся беда состояла в том, что именно Рузаеву было поручено инспектировать их полк. Следовательно, все знания и вся смекалка Рузаева направлялись на то, чтобы сделать боевую задачу Кашечкина как можно сложнее.

– Товарищи офицеры! – начал свое обращение Рузаев. – Я прекрасно понимаю, что в ваших руках находится совершенно новое оружие. Вы еще не в полной мере овладели его возможностями. Поэтому первая часть учений будет организована стандартно. Мы начнем со стрельб по одиночной мишени. Может быть, это будет высотная или скоростная цель. Но все же ничего сложнее одиночного сверхзвукового истребителя мы сбивать не будем.

Кашечкину стало грустно. Если уж проверяющий считает высотный скоростной истребитель простой целью, то у него явный перегиб учебно-тренировочного рвения. Это какую же цель придумает полковник Рузаев в качестве сложной? У Кашечкина при одной мысли о такой цели противно засало под ложечкой. А еще он вспомнил, как на каждой политинформации политрук напоминал им об огромном труде, вложенном в ракету. Политрук напоминал о необходимости повышения точности стрельбы и всемерной экономии боезапаса. И в конце каждого политзанятия говорил о недопустимости промахов и неэкономного расходования ракет.

– Стрелять будем много, – продолжал тем временем Рузаев. – Сейчас мне напомнят об экономии боезапаса. Да, конечно, в армии каждый патрон на счету, не говоря уже о ракетах. Так вот, на этих учениях экономить не будем!

Рузаев стукнул кулаком по столу так, что зазвенел графин.

– Эта экономия может дорого обойтись нам во время войны. Мы с вами не в царской России, а в свободном социалистическом отечестве. В качестве исторической справки хочу напомнить о том, что перед Цусимским сражением царская эскадра из экономии ни разу не практиковалась в стрельбе боевыми снарядами. К чему это привело, всем известно. Мы будем действовать иначе!

Рузаев откашлялся и продолжил:

– Мы должны, конечно, изучать теорию, но надо овладеть и всей практикой боевых стрельб. Поэтому в конце учений попробуем отразить налет группы целей под прикрытием интенсивных помех. И в заключение – марш-бросок на запасную позицию.

В воздухе раздался тихий стон. При стрельбе в помехах неизбежны промахи, и командование припомнит им улетевшие «в молоко» ракеты. Да и за снижение процента попаданий никто по головке не погладит. А уж марш-бросок был и вовсе неожиданным сюрпризом. Конечно, по уставу каждый дивизион имел запасную позицию. И каждый дивизион маскировал ее. Но дивизион – это целый поселок, с офицерскими женами, детьми, хозяйством и скарбом. На запасной

позиции зеленел огород, на задворках казарм весело хрюкали свиньи. Чтобы усладить взгляд начальства, городок оборудовали асфальтированным плацем, дорожками, белеными казармами. Городок был чист, подтянут и виден с воздуха, как мишень. А уж о том, чтобы поднять на ноги этот табор вместе со свиньями и плацем в установленное время и переселить его на запасные огороды, страшно было и подумать. Здесь, в степи, скарба, детей и живности не было. Но были тяжелые сборы, движение на собственной тяге и развертывание комплекса.

– И сразу после марш-броска... – Рузаев передвинул на карте цветные фишки...

«Обед с награждением лучших», – подумал Кашечкин.

– ... Дополнительные стрельбы с целью проверки качества запасной позиции, – закончил Рузаев свою мысль. – Для желающих дополнить этот план напомним, что именно так и следует действовать по Уставу. А поскольку Устав мы все знаем и любим, я даже не стану сообщать вам время первого налета. Он может случиться и завтра, и послезавтра, а может последовать и через час. Так что организуйте боевое дежурство по всем правилам. Все свободны.

***

В этот вечер Кашечкин получил свой суп не на тарелке в столовой, а в мятом алюминиевом котелке в кабине управ-

ления. И лег спать в этой кабине. А ночью в степи почему-то стоит лютый холод, тем более, что и сам сентябрь был не жарким. Один бок Кашечкина мерз, а другой припекало разогретой аппаратурой. Он натягивал шинель то на плечи, то на ноги, и шепотом ругал этого затейника Рузаева.

Впрочем, мучился бессонницей Кашечкин недолго. Прямо посреди ночи завыла сирена воздушной тревоги, и весь боевой расчет мгновенно занял свои места. Цель была не очень сложная, сложна сама обстановка. Кашечкин в первый раз стрелял настоящими боевыми ракетами. Подумав о сотне килограммов взрывчатки, насаженных на стартовый ускоритель, он сразу покрылся холодным потом. Почему-то в голову полезло сравнение с первой учебой по гранатному бою в училище. После долгих тренировок на муляжах на полигоне Кашечкину дали в руки настоящую боевую гранату – тяжелый металлический шарик с маленьким торчащим запалом. И от осознания, что он сжимает в ладони смерть, Кашечкин никак не мог разжать руку. Он два раза замахивался, и два раза граната оставалась у него в кулаке. И только с третьего замаха он смог метнуть ее в цель, крикнуть «ура» и пробежать через вонючее желтоватое облачко.

Боясь упустить цель, боясь сделать какое-то неловкое движение, Кашечкин вцепился в штурвальчик. Он аккуратно передал цель операторам и изготовился к стрельбе.

– Вторая установка – пуск!

Услышав приказ комбата, Кашечкин протянул руку к хо-

рошо знакомому пульта и нажал кнопку. И в первый раз звук зуммера и стук секундомера утонул в громе стартового ускорителя. С каким-то восторгом Кашечкин почувствовал, как дрожит кабина, передавая дрожь блиндажа.

Кашечкин следил, как на экране появилась засветка от ракеты, как она полетела к наведенному им на цель перекрестью, и как обе засветки, от цели и от ракеты, встретились и лопнули, рассыпавшись кучей металлических осколков.

– Цель поражена! – отрапортовал Кашечкин.

Но комбат не слышал его. Он уже был поглощен вопросом, успеют ли солдаты перезарядить установку в положенный регламентом срок.

Стрельбы в помехах потребовали значительно большего напряжения от Кашечкина, но он уже не нервничал. Первая в его жизни ракета поразила цель. Вторая тоже. А дальше все его действия ничем не отличались от действий на тренажерах. По едва заметным изменениям скорости, по силе засветки, а иногда и просто внутренним чутьем, Кашечкин выделял истинную цель на фоне ложных, и всегда попадал.

На третий день учений Рузаев вызвал комбата по ВЧ.

– Николай Степанович, это кто там у тебя такой меткий завелся?

– Младший лейтенант Василий Кашечкин! – отрапортовал комбат.

– Давно он офицером наведения?

– Никак нет, товарищ полковник! Только что из училища.

– Ишь ты! – удивился Рузаев. – Хорошо их учат! Значит, так, – продолжил он. – Я лично буду присутствовать на вашей батарее на марш-броске. И мы посмотрим, что у вас там за Кашечкин.

Рузаев дал отбой. Комбат повесил наушники, развернулся и пристально посмотрел на Кашечкина.

– Да, братец, – наконец протянул он, – молодец. Постарался на славу. Хвалю.

– Служу Советскому Союзу!

Кашечкин вскочил и отдал честь.

– Молодец. Возможно, к концу учений нас наградят. А вот пока что – внеплановая проверка.

Как только стемнело, комбат дал команду готовиться к маршу. Рузаев подъехал к их батарее в командирском «газике» с откинутым брезентовым верхом. Он сам, в отличие от других командиров, вел машину.

Комбат подбежал было с докладом, но Рузаев тут же отпустил его, выразительно показав секундомер и блокнот, разложенные на соседнем сиденье.

Сворачивались быстро, даже немного быстрее норматива. Взревели двигатели тягачей, и дивизион начал строиться в колонну.

– Садитесь! – Рузаев подъехал к комбату и распахнул перед ним дверцу. – Теперь и без вас справятся.

– Справятся, – кивнул комбат.

– Ну, тогда покажите мне вашего меткого стрелка.

– Лейтенант Кашечкин! – крикнул комбат. – К полковнику Рузаеву!

Кашечкин быстро подбежал к ним.

– Ну что, младший лейтенант, как служба? – спросил Рузаев с усмешкой.

– Отлично!

– Молодец. Вижу, стрелять и командовать вы научились. А что еще должен уметь офицер?

– Офицер должен быть примером для подчиненных, – отрапортовал Кашечкин.

– Правильно, – кивнул Рузаев. – А скажите мне, лейтенант, что вы будете делать, если водитель одного из тягачей будет убит?

– Вызову запасного!

– И второй убит. Вести машину некому.

Рузаев хитро смотрел на Кашечкина.

– Сам поведу!

– Молодец, – одобрил Рузаев. – Лейтенант Кашечкин, слушайте приказ! Сесть за руль и вести сцепку номер три!

Кашечкин козырнул, развернулся, побежал к кабине тягача и ловко вскарабкался внутрь.

– Вперед!

Рузаев махнул флажком.

Тягач взревел, в нем что-то лязгнуло, он дернулся и затих. Скрежетнул стартер, и тягач еще раз дернулся.

– Стой! – Рузаев махнул флажком. – Вылезай.

Бледный Кашечкин выскочил из кабины и подошел к Рузаеву и комбату.

– Ты что делаешь? Ты что, водить не умеешь?

– Так точно, не умею, – отрапортовал Кашечкин. – В училище не учили.

– А зачем же ты в машину полез?

– Приказ был.

Рузаев и командир батареи переглянулись.

– Как же ты вести собирался?

– Приказ надо исполнять, – бодро ответил Кашечкин, – а способ его исполнения зависит от смекалки. Доехал бы!

– Молодец! Вот молодец! – Рузаев радостно похлопал его по плечу. – Знаете, лейтенант, я бы взял вас с собой в разведку.

– Спасибо, товарищ полковник!

Это было высшее доверие, которое можно оказать офицеру. В разведку берут далеко не всех.

– Тогда еще один приказ, лейтенант! За год научитесь водить машину, и на следующих учениях поведете колонну!

Полковник Рузаев еще не знал, что учений у него уже больше не будет. Что ровно через месяц его вызовут в Москву и поручат подготовку группы вьетнамских военных специалистов новым методам противовоздушной обороны. А весной его, как лучшего военного специалиста, командируют во Вьетнам, которому угрожали Соединенные Штаты, для управления новым вооружением. Но все это будет потом.

Учения закончились. Гроза командиров зенитно-ракетных дивизионов, ветеран Великой Отечественной войны, кавалер ордена Славы, полковник Георгий Семенович Рузаев сидел в купе скорого поезда Бишкек-Москва, курил и думал о жизни. Поезд стучал колесами на стыках, вагон качался и поскрипывал. Ехавшие вместе с Рузаевым в купе трое колхозных чиновников, выделявшиеся среди пассажиров строгими черными костюмами и остроносими лаковыми туфлями, с утра ушли в вагон-ресторан и до сих пор не появлялись. Рузаев ехал один, и это было ему на руку – можно было не выходить в тамбур, а дымить прямо здесь. Он специально закрыл дверь и приоткрыл окно, впустив ветер. Тянуло сыростью и холодом.

Рузаев любил осень. В его родной Казани осень была на редкость красива. Будучи еще мальчишкой, он бежал к Кремлю, залезал на стену и долго-долго смотрел на одетый золотом противоположный берег Казанки. Вдалеке могучим простором текла Волга, и другого ее берега не было видно даже с Кремля. Любил он ходить и на площадь, где в двадцати шагах друг от друга стояли так и не закрытые советской властью православная церковь и мусульманская мечеть. Он прибежал рано утром и видел, как площадь торопливо перебежал одетый в странный длинный халат мулла. Перед вхо-

дом в мечеть мулла благочестиво оглаживал бородку и кланялся своему храму. Затем мулла поворачивался к церкви и так же кланялся ей. Потом мулла исчезал внутри мечети, и через несколько минут с минарета раздавалось его заунывное «Алла акбар!»

Под славословия Аллаха через площадь важно проходил поп. У него была огромная, веником, борода, а на толстом пузе горел крест. Поп крестился и кланялся иконе над входом в церковь, затем брал свой огромный медно сияющий крест, крестил минарет и раскланивался с муллой. Мулла завершал свои призывы, а на православной колокольне начинал звонить колокол. Так они и жили, в мире и согласии.

Так же мирно в воскресное утро шли сюда и двое жителей из дома Рузаева. До площади они шли вместе и лузгали семечки из одного кулька, а затем расходились. Старушка в черном платке шла в церковь, а старый бритый татарин – в свою мечеть. Бывало, мальчишкой Жора дразнил их обоих за темноту и неграмотность. Они качали в ответ головами и научили его двум фразам: «Отче наш, иже еси на небеси...» и «Нет бога, кроме Аллаха, а Магомет – пророк его». Жора в насмешку весело выкрикивал их им в лицо, а они, сидя на лавочке, важно кивали головами.

Вспомнил эти фразы Жора только в мае сорок второго, когда командир их батареи пытался хоть как-то прикрыть переправу на косе Чушка...

Этой переправе предшествовали многие важные события

в жизни Рузаева. В мае 1940 года он окончил школу. Может показаться странным, но мальчишка-сорванец получил серебряную медаль и право поступать в институт, сдав лишь два вступительных экзамена. Интересовавшийся техникой Рузаев поехал в Москву поступать в Энергетический институт на радиофак. Его приняли и дали комнату в общежитии с окнами на немецкое кладбище.

Его школьные годы прошли в бурную эпоху – время сталинских пятилеток, время грандиозных строек. Это были ДнепрогЭС и Магнитка, Волховстрой и стахановское движение на Донбассе. Газеты пестрели фотографиями передовиков, со всех плакатов смотрели сильные юноши, призывавшие развивать армию, авиацию и войска химической защиты. Значок Ворошиловского стрелка был как орден, и когда Рузаев в десятом классе сумел получить его, вся школа бегала любоваться новым снайпером. Вся страна следила за экспедицией Папанина. И каждый юноша-комсомолец стремился стать полезным своей Родине. Стремился к этому и Жора Рузаев, мечтавший стать инженером и принести максимальную пользу государству.

Учиться в институте ему довелось ровно год. Отлично окончив первый курс, Жора собирался ехать домой к матери и отцу на каникулы. Но грянула война. Рузаев, не дожидаясь призыва, сам пошел в военкомат, прекрасно понимая, что теперь его долгом является не учеба, а защита Родины. Его сразу отправили в Мытищи, в батальон связи, а затем

зачислили в штат фронтовой радиостанции зенитно-артиллерийского полка. Через месяц полк погрузили в эшелоны и отправили в Крым. К тому времени Крым был уже практически полностью захвачен немцами, и только героический Севастополь держался из последних сил. Остатков пехотных дивизий уже не хватало, чтобы удержать город. В бой шли моряки Черноморского флота. По наступавшим танкам прямой наводкой били корабли эскадры. Не в силах сломить героев-моряков, немцы в обход Севастополя рванулись на Кавказ. Для отвлечения их сил и поддержки Севастополя советское командование бросило десант на Керчь и Феодосию.

В состав этого десанта и попал бывший студент, вчерашний школьник Георгий Рузаев. Зенитный полк прикрывал переправу со стороны Керчи, а Рузаев обслуживал смонтированную на машине радиостанцию.

Стоял декабрь 1942 года. Со стороны моря дул ледяной, промозглый ветер. Шел постоянный дождь со снегом, превращавший землю в непролазную грязь. Не было ничего. Не было палаток, и пришлось копать землянки, на полу которых постоянно хлюпала холодная вода. Не было никакого топлива, не было огня и возможности обсушиться. Постоянно бомбили, и полк физически не мог отражать все атаки. Не хватало еды, не было даже воды, ее для чая черпали из луж и потом страшно мучились животами.

И все время шел липкий снег. Ночью обслуживали вечно отсыревавшую аппаратуру, а днем батареи едва успевали от-

ражать воздушные атаки. Самолеты шли волнами на расположения, бомбили и войска, и зенитчиков. Иногда самолеты сбивали. Иногда штурмовая авиация громила батареи.

Так, под дождем и снегом, просидели в землянках четыре месяца. Рузаев похудел. Ноги от сырости опухли и покрылись язвочками, которые пропали только на теплом апрельском солнышке. И настоящим счастьем показалась баня с веником, когда в первых числах мая полк отбыл на отдых.

Тот, кто не сидел месяцами в сырой и холодной землянке, тот не знает, какое это счастье – баня. Рузаев это счастье познал. Он подставлял свое тело березовому венику, выданному старшиной, мылился вонючим коричневым мылом и наслаждался. А потом он переоделся во все чистое, вышел на берег моря и сел на камень...

Счастье продолжалось неделю. Восьмого мая немцы прорвали фронт, и танковые колонны пошли на Керчь. Связь частей была потеряна. Началась паника. Войска, почти неуправляемые, кинулись к переправе на косе Чушка.

Картина была жуткая. Все шли плотными колоннами, спрятаться было некуда, а немцы бомбили и бомбили. Берег был усеян разбитыми автомашинами, повозками, вещами. На солнце разлагались сотни трупов, между ними бродили потерявшиеся кони и обезумевшие люди.

Все рвались к переправе, немецкая авиация волнами заходила и заходила, бомбила и бомбила. Не было ни моста, ни лодок. Раненые люди плыли через пролив на бревнах, досках

и автомобильных камерах.

Кто-то пытался организовать сопротивление. Командиры действовали энергично, но разрозненно. Две оставшиеся батареи полка развернулись без всякого прикрытия, на голом месте, и сразу открыли огонь последними снарядами.

После того, как удачными выстрелами сбили сразу три самолета, немцы обратили свое внимание на батарею, возле которой расположился штаб. Пятнадцать пикирующих бомбардировщиков буквально вбили орудия в землю, правда, потеряв при этом еще две машины. Едва забинтовав просеченную осколками руку, Рузаев всю ночь греб веслом на плоту, сделанном из кузова грузовика, поддерживаемого пустыми бочками из-под бензина. На плоту стояла чудом уцелевшая радиостанция. Вместе с Рузаевым гребли еще трое солдат и пожилой штабной старшина.

Потом Рузаев лечился. И как только он выписался из госпиталя, его пригласил представитель фронтовой разведки и пояснил, что для подготовки специальной операции формируются разведгруппы, а в них катастрофически не хватает радистов.

Рузаев, конечно, не мог отказаться, и попал в разведку на Сталинградский фронт. Больше месяца провел он в тылу врага. Получив очередное донесение, он разворачивал радиостанцию, отбивал шифровку и начинал играть в пятнашки со смертью в виде специальной зондеркоманды. Немцы пеленговали рацию и ловили Рузаева сначала по всему По-

волжью, а потом по белорусским лесам. Поймать не смогли. Старший сержант Рузаев закончил войну в немецком городе Йене.

Демобилизовали его не сразу. Связисты были нужны для организации жизни послевоенной Германии, и Рузаев смог вернуться на Родину лишь в сорок шестом году. За эти военные и послевоенные годы армия прочно вошла в его жизнь, и он, чтобы не расставаться ни с армией, ни со специальностью, поступил в Свердловское командное училище связи.

Именно там, в Свердловске, Рузаев и познакомился с любимой женой Анастасией.

Рузаев с удовольствием откинулся на спинку диванчика и затаился. Милая, добрая Настя! Спасибо тебе за все – за любовь, за двух детей, за то, что ездила с ним по всем местам службы.

Рузаев любил свою жену, простую русскую женщину. В послевоенные годы мужчин было мало. В офицерском клубе на танцы собиралось много девчат. Но Рузаев познакомился со своей любимой вовсе не на танцах, а на подшефном заводе, где она работала в швейном цеху.

Рузаев с нежностью вспоминал свое рыжее, все в мелких веселых веснушках, счастье. Он залез в карман и достал фотографию. Анастасия улыбалась своей беззаботной широкой улыбкой, а к ней прижимались две счастливые девочки

Сразу после училища Рузаева отправили служить в Белоруссию. Анастасия, только ставшая его женой, попрощалась

с родителями и поехала с ним. Медовый месяц они провели уже в военном городке. Утром он тихонечко вставал, стараясь не разбудить молодую жену, но Настя вскакивала и бежала готовить ему завтрак. И когда днем Рузаев тянул свою служебную лямку, он знал, что дома его ждет доброе любящее рыжее счастье. И вечером, придя в свою комнату, он обнимал ее, душа его переполнялась нежностью. Они садились ужинать. А потом их стало трое.

Однако настал момент, когда командование вспомнило о Рузаеве. Это был год полета первого спутника и год рождения его второй дочери. Рузаева вызвали в штаб округа и рассказали о новейшем оружии, для использования которого нужны связисты. Рузаев знал радиолокацию и работал с ней, и предложение освоить новую технику не вызвало удивления. Именно поэтому в шестидесятом году подполковник Рузаев принял под свое командование первый в Союзе зенитно-ракетный дивизион.

Любимая его жена Анастасия и две любимые дочери вернулись на родину, в Свердловск. Рузаев был счастлив таким поворотом судьбы. Он любил их, и не было у него на свете ничего дороже семьи и социалистического Отечества. Их он защищал, и готов был защищать до последней капли крови.

***

Вагон качало. В воздухе пахло порохом. Американские

империалисты вновь тянули свои лапы через океан. Рузаев последний раз посмотрел на фотографию и убрал ее понадежнее. Они расстанутся ненадолго. Он только обучит вьетнамских товарищей, и сразу же вернется. И любимая жена в честь его приезда испечет пирог. Они сядут за стол, и он будет рассказывать им, как он их любит. А потом, когда дети лягут спать, они с Настей выключат свет, подойдут к окну и будут долго-долго целоваться, пока не занемеют губы.

Глава 6. Как лейтенант Кашечкин встретился с отцом Светы и что из этого получилось

Не могу на родине томиться

Прочь отсель, туда, в кровавый бой.

Там, быть может, перестанет биться

Это сердце, полное тобой.

Михаил Лермонтов

По окончании учений, когда часть возвратилась в постоянное расположение, Кашечкин уговорил комбата командировать его в Москву на три дня, отвезти рапорт о проведении учений в штаб. Желающих было много, но Кашечкин назвал одну из самых веских причин, а именно показал стопку писем, полученных от Светы. Эти письма Света писала в университете и передавала подруге Людмиле. На Людкин адрес писал и Кашечкин. Комбат внял, оценил ситуацию и одобрил:

– Добро. Командирую. Только там – без глупостей. Де-

вушке голову не морочь, отца ее уважай и сразу доложишься ему. Приедешь с женой – выделю комнату в общежитии. Но смотри у меня! – Комбат выразительно покачал пальцем перед носом лейтенанта.

В Москву поезд пришел рано утром. Кашечкин сразу отправился в канцелярию штаба, посидел в приемной, сдал пакет и получил распоряжение явиться на следующий день ровно в двенадцать ноль-ноль за документами.

Получив разрешение отбыть, Кашечкин радостно побежал к матери, которая по случаю приезда сына отпросилась с работы и теперь стряпала, варила, жарила и пекла, не зная, чем порадовать сыночка. К ее радости приобщилась соседка, которая сделала пробу со всего, что готовилось. Вскоре ожидали прибытия отчима с запасом водки, и праздник по всем признакам ожидался удачным.

Отчим явился даже раньше, с двумя бутылками водки. Втроем сели за стол в комнате, и Василий начал рассказывать о службе. Говоря о командировке, он не стал скрывать способа, которым уговорил комбата.

– Вот видишь, какая девушка хорошая! – обрадовалась мать. – И домой съездить помогла, и то, и се... Жениться тебе надо!

– Да я не против, – развел руками Кашечкин, – вот только отец у нее сердитый.

– Отец – это святое! – подал голос уже изрядно набравшийся отчим. – Отца слушаться надо!

– Я с ним еще и не разговаривал.

– А сама-то она как, сказалась отцу? – встревожилась мать.

– Я ее еще и не спрашивал. Я даже не спрашивал, пойдет ли она за меня замуж. Но она меня любит!

– Нельзя под венец без отцовского благословения! – опять подсказал отчим.

– Нельзя. А то давай, честь честью, мы с отцом, – мать кивнула на отчима, – съездим к ним, просватаем...

– Да бросьте вы, мама, эти старорежимные штучки! – не выдержал Кашечкин. – Все о свадьбе говорите, а мы с ней всего неделю и виделись, да меньше чем полгода переписывались! Нам получше друг друга узнать надо.

– До революции, – отчим наставительно поднял заскоружный указательный палец, – все решали родители. А молодые друг друга до свадьбы и не видели.

– Папа, – спокойно отвечал Кашечкин, – ведь не при царе живем. При социализме живем!

– Да, – кивнул отчим, – при социализме.

Неожиданно в дверь постучали, и в проем просунулась голова дяди Сережи, который, видимо, уже принял с устатку.

– Там это, телефон! – произнес он после некоторой паузы.

– Кого, меня к телефону? – мать привстала.

– Нет, его! – сосед сделал неопределенное движение головой и с грохотом захлопнул дверь.

– Иди, отец, поговори. Кто это тебя в такое время?

– А, небось с завода. Случилось у них там что, выйти в смену попросят. Не пойду! – Он мотнул головой и вышел.

Не было его довольно долго. Мать успела дать сыночку пару пирожков к супчику и пояснить, что вкусно готовить и содержать хозяйство может только хорошая жена. Они с отчимом, мол, добра ему желают, и жаль, что он еще не познакомил их со своей девушкой. Кашечкин молча жевал.

Дверь распахнулась, и на пороге появился отчим, неожиданно протрезвевший.

– Это не меня. Это его хотели. – Он показал на Кашечкина и добавил: – Это ее отец!

– Что? – Кашечкин вскочил.

– Сиди, – вяло махнул отчим и снова сел за стол, – я уже поговорил. Как отец с отцом!

– О чем? – хором спросили мать с сыном.

– О детях! Я сказал, что безобразия не допущу! И готов поговорить с ним с глазу на глаз!

– А он?

– А он сказал, что через десять минут приедет.

– Куда? – охнула мать.

– Сюда! – отчим грохнул кулаком по столу, – на солидный мужской разговор.

– Ахти! – мать всплеснула руками. – У меня и стол не прибран! Живо убирайте грязные тарелки, несите чистую посуду. Хлеб, хлеб нарежьте!

– И выпить! Водки мало, пойду схожу! – отчим начал по-

ползновение к двери.

– Сиди! – одернула его мать. – Сам заварил кашу, сам ее и расхлебывай.

– А водка? – отчим смирно уселся на стул.

– У меня есть. Специально заначку спрятала!

– От меня? – удивился отчим.

– А от кого же? Пол-литра беленькой.

Мать схватила тарелки и кинулась на кухню. Отчим, кряхтя, полез в буфет за посудой. Кашечкин взял нож и пошел на кухню, вслед за матерью, резать хлеб.

– Мама, я хочу тебя предупредить, – Кашечкин достал батон. – Ее отец очень строгий человек!

– Породнимся, узнаем!

– Мама, он уже выгнал двух женихов.

– Ты не рассуждай, а неси тарелки!

Мать сунула ему в руки кастрюлю с горячей картошкой, обмотанную полотенцем. Кашечкин, вздохнув, понес ее на стол. И тут раздался звонок в дверь.

– Иди! Это он пришел. – Отчим так и сидел за столом перед горкой чистых тарелок.

Кашечкин дрожащими руками отпер. На пороге стоял высокий сухощавый человек в добротном гражданском черном пальто и полувоенной каракулевой папахе.

– Кашечкин Василий здесь проживает? – ледяным голосом произнес человек и пристально оценил Кашечкина холодными серыми глазами. Не дожидаясь ответа, он шагнул

через порог, так, что Кашечкину пришлось посторониться, сдвинул головные уборы, лежавшие на полке, и на освобожденное место водрузил свою папаху.

– А вы – полковник Акиньшин? – спросил Кашечкин, слегка растерявшись.

– Да. Но в данный момент исполняю не воинский, а отцовский долг. А ты и есть Василий Кашечкин?

– Да, – ответил Василий.

– Очень хорошо. – Полковник повел плечами и скинул пальто прямо ему на руки. – Повесь, будь добр. И где же твои родители?

– Здесь. – Вася показал на дверь комнаты.

Полковник тщательно вытер ботинки о половик, лежавший в коридоре, и без стука вошел в комнату.

– Здравствуйте. Вы отец Василия?

– Почти! – отчим встал и расплылся в улыбке. – Только я не отец, я отчим. Романов Иван, с вашего позволения! Прощу к столу!

– Полковник Геннадий Акиньшин. – Полковник протянул отчиму руку.

– Очень рад, очень рад знакомству. Пехотный старшина Романов! А вы какого рода войск, товарищ полковник?

– Военная разведка. Ну, и как мы будем жить?

– Во! – отчим развел руками, показывая на стол. – Водка есть. Вот огурчики соленые, вот картошечка, вот селедочка. А вот и водочка, если хотите.

В комнату вошли Василий с матерью.

– Ну, наливай, старшина! – кивнул полковник. – И знакомь с хозяйкой и с сыном.

Отчим торопливо назвал мать и Василия по именам, разлил водку по четырем рюмкам и тут же выпил. Полковник тоже выпил, с хрустом закусил огурцом.

– Во, вишь, как все здорово! – первым нарушил молчание отчим, обращаясь к Кашечкину. – А ты боялся. Да у нее мировой отец.

Полковник все молчал и глядел на отчима своими серо-стальными глазами. Под этим взглядом отчим как-то притих.

– Я уже говорил со Светланой. Она сказала, что вы познакомились в июне, встречались несколько раз. А потом вы переписывались, – наконец заговорил полковник. – Но почему-то переписывались не напрямую, а через подругу. Почему?

– Ишь ты, беспорядок! – отчим по-тихому налил еще водочки, выпил и икнул.

– Мы думали, что вам будет неприятна наша переписка, – ответил Кашечкин.

– Правильно думали. Но напрасно вы сочли, что я ничего не узнаю. А вот то, что вы делали это тайно, лишь усугубляет содеянное.

– Но переписка – это нормально, – возразил Кашечкин.

– Только не говорите мне, что вы собирались и в этот раз

тайно встречаться!

Кашечкин открыл было рот, но тут вмешалась мать.

– Зачем же тайно? Он давно хотел нас со Светланой познакомиться. Привел бы ее в гости, мы бы ее честь-честью встретили.

– Ага, и угостили бы, – обрадовался отчим.

– Светлану сюда? Знакомить с вами? – Полковник обвел безразличным взглядом стол, стены, мебель, полы с облупившейся краской. – Зачем?

– Как зачем? Родители должны знать невесту сына!

– Кого? С каких пор она невеста?

– Как с каких? – отчима снова понесло. – Гуляли вместе? Гуляли. Целовались? Ну, сознайся, целовались? Женить, и точка!

– Вот я и хотел задать вопрос, – полковник потер подбородок, – как нам быть дальше.

– А как быть? Пусть поженятся, и все, – скромно заметила мать.

Но полковника трудно было сбить с мысли.

– А жить где, как?

– Так он же на службу уезжает! – заметил отчим.

– Да, уезжаю. И комбат обещал, что если я с женой вернусь, он нам комнату в общежитии выделит. Во как! – похвастал Кашечкин. – Жить в общежитии, до города всего час автобусом, и он почти каждый день ходит. Я хорошо устроен!

– А детишки пойдут, так я им помогу! – всплеснула руками мать. – К себе ребеночка возьму, чтобы им с дитем по тайге не мотаться.

Полковник молча слушал, ни единым жестом не выдавая своего отношения.

– Не, мать, здесь тесновато будет. Выпьете? – отчим обратился к полковнику, налил и подвинул рюмку. – Вот у них квартира большая. Ведь большая? Ты с ребеночком туда переедешь, и я в гости ходить буду, с кумом родным водочки выпить!

Отчим попытался похлопать полковника по плечу, но тот отстранился.

– А не хочешь водочки, так коньячок поставь. Не обижусь! – весело продолжал отчим.

– Вы это серьезно? – прервал полковник. – А со Светланой вы говорили?

– Мы любим друг друга! – подался вперед Кашечкин. – Да, любим!

– Любовь – дело святое. А на что жить вы собираетесь?

– Так у меня зарплата офицера! – удивился Кашечкин.

– Без мебели, без дома, в тайге? – сказал полковник.

– Это суровые офицерские будни, – возразил отчим, – и Красная армия этим сильна.

Полковник кивнул.

– Да и вы им поможете, – добавила мать.

– Нет! – полковник стукнул кулаком по столу. – Так не

пойдет. Пожениться я вам разрешу, но не сейчас, а позже. Будем из вашего сына человека делать.

– Да мы уж как могли, – отчим всхлипнул и налил себе еще.

– Ему нужно хорошее место службы получить, – задумчиво протянул полковник, – такое, чтобы много заработать. Машину чтобы купить! И чтобы все уважали!

– Да, – кивнула мать, – но у нас связей нет.

– Значит, так! – твердо сказал полковник. – Со Светланой можешь встречаться только в моем присутствии.

Мать тихонько кивнула.

– О! Молодец отец, блюдет дочку! – радостно поддержал отчим.

– Переписываться разрешаю. Тут уж никуда не денешься. А насчет службы... Я узнаю у себя, похлопочу. Отправить бы его за границу, чтобы на машину накопил!

– Батюшки, – мать всплеснула руками, – спасибо! Посодействуй, родной, если знакомые у тебя есть! Помоги сыночку.

– Да, – отчим важно кивнул, – хорошо это, богато за границей. Помню, были мы в войну в Германии, так там сыто живут.

– Попробую устроить, – кивнул полковник.

– Я же только служить начинаю, – проговорил Кашечкин.

– Ничего, – глаза полковника потеплели, – и я лейтенантом начинал. Попробую устроить перевод. Поедешь, обвык-

нешь, устроишься. Вот тогда и Светлана за тебя выйдет и с тобой поедет. Род войск какой?

– Артиллерия. Зенитно-ракетные войска.

– Да, – кивнул полковник, – хороший род войск. Такие требуются. Смогу устроить. Ну, согласен?

– Конечно. – Кашечкин кивнул в ответ.

– Добро. Звонить – через меня, встречаться – только у нас. Я из тебя человека сделаю! Ну, прощайте, люди добрые!

Не дожидаясь ответа, полковник встал и вышел в коридор. Кашечкин бросился следом, провожать.

– Ишь ты, повезло парню! – слезливо протянул отчим, которого основательно развезло. – Как у Христа за пазухой жить будет.

– И не говори, – подтвердила мать.

Хлопнула входная дверь. Кашечкин, бледный, вошел в комнату.

– Ах ты, милый мой! – отчим потянулся к нему, хотел поцеловать, но промахнулся.

– Держись за эту девушку! И отца ее слушайся! – настаивательно заметила мать.

– Мама, но мы же с ней еще ни о чем не говорили!

– Отец сказал – дочка послушает. Отец-то какой хороший. Такой хороший! Вы за ним жить будете, как за каменной стеной.

– Ну что ты, мама, – Кашечкин смутился, – мы же...

– Выпить надо за такое дело! Непременно выпить! – от-

чим с сожалением потряс остатки водки на дне бутылки и налил троим – себе побольше, Кашечкину и матери поменьше.

– Ну, за счастье детей, – мать подняла рюмку. – Накопец-то и нам в жизни повезло.

– Спасибо, мама, – глаза у Кашечкина блестели.

– Ура! – рывкнул отчим и влил остатки водки себе в рот.

***

Когда Кашечкин вернулся из Москвы с документами штаба и рассказом комбату о своих приключениях в Москве, тот долго смеялся. Отсмеявшись и похлопав Кашечкина по плечу, комбат распорядился выделить ему комнату в общежитии для семейных и еженедельно ездить в гарнизон с целью посещения клуба.

– Тут невесты знаешь какие? Вмиг окрутят, и глазом моргнуть не успеешь. А отцы у них только рады будут девку за офицера отдать. Про штучку свою московскую и думать забудь.

Кашечкин заикнулся было о том, что он все же женится на Светлане. Конечно, после того, как съездит за границу. Умудренный жизнью комбат снова рассмеялся.

– До бога высоко, до небес далеко! Он вам и видеться-то не дал как следует, а уж чтобы в такую сладкую сметану чужого человека устроить – и речи быть не может. У нас за

границей, в Германии да Венгрии, сыновья генералов солдатами служат! Во как! А ты губу раскатал. Это он так, для отвода глаз сказанул.

– Неужели так тяжело за границу попасть?

– Тяжело, – кивнул комбат. – Раньше в Корею только лучших, героев войны посылали! И то партком перед этим проходить надо было. А теперь такие знакомства нужны, каких у тебя и быть не может.

– Думаете, товарищ комбат, писать ей не стоит?

– Так, для развлечения, – комбат махнул рукой, – не более.

Кашечкин приуныл, но писал регулярно, потому что в длинные зимние вечера не было лучше занятия, чем письма. Писал он матери, которая все радовалась такому покровителю и удивлялась, что полковник им не звонит. Писал друзьям по училищу. Писал Кашечкин и Светлане, которая с первым же письмом прислала ему хорошую студийную фотокарточку. Переписывались они по ее домашнему адресу, не скрываясь. Светлана писала, что любит его. Она надеялась, что он выйдет в люди и сделает карьеру. И что у нее все хорошо. Кашечкин с удовольствием отвечал, глядя на фотографию, но каждую субботу по наставлению комбата ездил в гарнизон. Посещения клуба приносили свои плоды, и Кашечкин всерьез думал о том, не начать ли ему целоваться с одной хорошенькой продавщицей. Или с ее подругой.

Однако в феврале, перед самым Днем Советской Армии,

комбат вызвал Кашечкина к себе. Не на позицию, не в блиндаж, а в святая святых, маленький рабочий кабинет во флигеле. Вызвал официально, через старшину. Кашечкин поправил форму и пошел.

– Ну, младший лейтенант, тебе повезло! – сухо сказал он. – Тесть у тебя, видимо, сильный мужик. Из округа сразу два приказа пришло!

Комбат расправил на столе лист бумаги и зачитал:

– За безупречную службу присвоить младшему лейтенанту Кашечкину досрочно... Ишь ты, за безупречную! Досрочно! Звание лейтенанта. Поздравляю!

Комбат привстал из-за стола и сухо пожал Кашечкину руку.

Изумленный и обрадованный Кашечкин слегка покраснел.

– А мне, между прочим, очередное звание только через три года дали! – Комбат фыркнул и сел на место. – Вот повезло!

Увидев смущение Кашечкина, комбат улыбнулся.

– Да ты не робей! Поймал удачу, так держи ее за хвост! Академию закончишь, генералом станешь!

– Спасибо, товарищ подполковник.

– Но этого мало! – комбат достал второй листок. – Тут тебя еще направляют на дополнительный курс подготовки. Для последующей отправки в Социалистическую Республику Вьетнам. Вот так!

– За границу? – Кашечкин был ошеломлен.

– Ну да, – комбат кивнул. – Хоть и не Европа, а все за граница.

– Николай Степанович, я не специально! – вырвалось у Кашечкина.

– Знаю, – Мальцев кивнул. – Ты на политинформации сводки слушаешь? С международным положением знаком? Там тебе не медом намазано. Там война идет, и вьетнамцы, судя по всему, проигрывают. А ты туда едешь. Понял?

– Понял, товарищ комбат.

– Ничего ты не понял. Не на легкие хлеба тебя посылают. На войну. Помочь дружественному вьетнамскому народу – наш патриотический долг. Надо стараться.

– Буду стараться, – четко ответил Кашечкин.

– Молодец. Надеюсь, не уронишь чести. Иди. Поздравляю с очередным званием и новым назначением!

– Служу Советскому Союзу!

Кашечкин картинно отдал честь, сделал «налево кругом» и четким строевым шагом вышел из кабинета.

Глава 7. Читатель знакомится с полковником Шульцем и первый раз попадает под бомбы американцев

Сабантуй бывает разный

А не знаешь – не толкуй

Вот под первую бомбежкой

Полежишь с охоты в лежку

Жив остался – не горюй:

Это малый сабантуй!

А.Твардовский

«Василий Теркин»

«Газик» встряхнуло так, что полковник Шульц едва не прикусил кончик языка. Маленький водитель-вьетнамец, ко-

торый мужественно сражался со слишком большим для него рулем, делал героические попытки объехать кучи рисовой соломы, раскиданной на дороге, и шустрых крестьян с тележками. Рядом с Шульцем в сиденье вцепился полковник Вьетконга Дао Тхи Лан.

Машина дернулась еще раз и резко затормозила. Прямо из-под колес выскочил пожилой крестьянин и разразился потоком мяукающей речи, в ответ на которую водитель разразился таким же музыкальным криком.

К удивлению Шульца, крестьянин не сошел на обочину, чтобы пропустить машину, а кинулся к своей тележке и начал быстро-быстро метать с нее необмолоченный рис прямо под колеса. Еще больше Шульц удивился, когда водитель, увидев это, меланхолично завел заглухший было двигатель, и, переехав кучу риса, двинулся дальше.

– Что это значит? – Шульц кивнул на оставшегося позади крестьянина.

– Это? – Тхи Лан пожал плечами, – это они рис молотят.

Шульц удивленно поднял брови. Он был чистокровным поволжским немцем, чьи родители еще до революции осели в Самарской губернии. Несмотря на некоторое обрусение, в его жилах текла кровь деда, настоящего немецкого крестьянина. Дед учил хозяйствовать на земле и его отца, и его самого. Дед был крут, и нередко вбивал науку об урожае при помощи тяжелого суковатого дрючка. Их село сияло чистотой и аккуратностью, лошади сыты, амбары просушены и тоже

вычищены. Если русские крестьяне позволяли себе неаккуратность, то зажиточные немецкие колонисты очень и очень внимательно следили за зерном.

И уж, конечно, в их семье обмолот занимал почетное место. У деда была своя молотилка с локомотивом. Осенью, когда снопы убраны, просушены и дозрели, молотилку вывозили на ток, разжигали огонь в паровом котле локомотива, механик Ганс Штраубе брался за рычаг, и паровик, гудя, начинала поглощать снопы. Золотое зерно текло рекой в одну сторону, клочья соломы летели в другую. Все шло по распорядку, своим чередом. Так шел обмолот, и если хоть колосок падал на дорогу, дед хмурил брови и брался за дрючок. А здесь рис валялся на дороге.

– Извините, товарищ Тхи Лан? – Шульц вопросительно изогнул бровь.

– Крестьяне зерна выбивают из растений, – коверкая слова, пояснил Тхи Лан. – Зерна из этих, из ... стеблей.

Газик несся по хорошей асфальтированной дороге, проложенной ещё при французах. На асфальте лежала рисовая солома, а, напротив каждой кучи сидел меланхоличный крестьянин в высокой конусообразной шапке, с тележкой, и ждал, когда проезжающие машины колесами выбьют рис из колосьев. После этого крестьянин собирал солому в тележку, сметал зерно мягким веником с непривычно длинной ручкой, и, довольный, уезжал.

– Ну и порядки у вас, – Шульц покачал головой. Газик

снова подпрыгнул, зубы у Шульца лязгнули, и он в очередной раз оказался на коленях у полковника Тхи Лана.

***

Военный советник Генрих Шульц, помощник военного атташе Советского Союза в Демократической Республике Вьетнам, прибыл из Москвы всего месяц назад в связи с резким обострением международной обстановки, и направлялся на инспекцию пехотной бригады, охраняющей базу торпедных катеров в Вине.

В послевоенные годы каждый советский человек мечтал побывать в чудесном мире заграницы. Во время войны солдаты прошли пол-Европы и принесли оттуда много рассказов о зажиточных странах. С наступлением «оттепели» оттуда стало просачиваться много слухов о райской жизни, о пяти сортах колбасы и о двадцати сортах пива в магазинах. То, что в парижских магазинах сейчас продают и больше сортов колбасы, Генрих знал точно. А вот о двадцати сортах пива узнал только здесь, увидев продовольственные остатки французской армии. Впрочем здесь, в ДРВ, пиво тоже было редкостью, предназначенной для дорогих гостей. Сами вьетнамцы пиво не пили и колбасу не ели. И вообще ели очень мало, потому что страна голодала. Страна голодала долго и так сильно, что даже взрослые вьетнамцы не вырастали выше плеча европейца и весили раза в два меньше советских

представителей.

Шульц знал, что вечное недоедание было основной проблемой вьетнамских ВВС – летчики не выдерживали перегрузок на реактивных истребителях. Первых вьетнамских летчиков, прибывавших на учебу в СССР, приходилось полгода откармливать, и лишь потом сажать за штурвал. Пока что истребительная авиация Вьетнама была частично укомплектована советскими летчиками, узбеками и таджиками, а также русскими ветеранами Кореи.

Да, голод в Юго-Восточной Азии, разоренной колонизаторами совместно с местными князьками, был чудовищный. Что такое голод и война, сам Шульц знал не понаслышке.

Из своего родного села в голодные годы после революции его отец не уехал. Кстати, с созданием колхозов и введением паспортов, Генрих Шульц вообще не мог никуда уехать. Он женился на русской девушке, совершенно обрусел и стал обычным советским колхозником, таким же, как и все другие. И точно так же, как и все другие, родил трех сыновей, один из которых умер от голода, а двое других благополучно выросли и в положенный срок пошли служить в рабоче-крестьянскую Красную Армию.

Оба сына стараниями деда получили неплохое образование, поэтому старшему Герману удалось попасть служить в элиту армии того времени – в артиллерию. Шел 1938 год, в армии начались сталинские чистки. «Вычищали» высший командный состав, «вычищали» офицеров, прошедших

старую школу. Кадров не хватало, и на место расстрелянной и посаженной в лагеря старой гвардии выдвигались новые, неопытные командиры с безупречным рабоче-крестьянским происхождением. Хотя биография Шульца была слегка подпорчена происхождением деда, но образование и знание немецкого языка сделала свое дело. Шульц попал сперва на курсы красных командиров, а затем, пройдя через сито службы безопасности, в армейскую разведку. Июнь 1941 года Шульц встретил красным командиром с одной шпалой в петлице и готовился к переходу из артиллерии в специальную разведгруппу.

В июле-августе немецко-фашистские войска громили Киев и Харьков. Помощник командира батареи поволжский немец Шульц отправился воевать с западногерманскими немцами. Но попал он на фронт не сразу. Сотрудники народного комиссариата внутренних дел мгновенно сориентировались в его происхождении, и в октябре месяце немец Шульц отправился бить немцев в качестве командира роты штрафного батальона.

Что значит быть офицером в штрафном батальоне, защищающем Москву зимой 1941? Это, наверное, отдельная повесть. Но только в 1945 году амнистированный лейтенант Шульц по спецзаданию командования становится военным комендантом маленького городка Цвиргхау в Восточной Германии, да так и остается там ещё на два года.

А затем лейтенант Шульц возвращается на Родину, в го-

род Куйбышев. Он больше не ездит за границу, но колесит по Союзу, выполняя ответственные задания руководства. И за пятнадцать лет безупречной службы дослуживается только до подполковника.

Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС, Леонид Ильич Брежнев, только что сменивший Хрущёва на этом посту, не мог не заметить такого непорядка. Ветерана войны, прошедшего через множество фронтов, занимавшегося обучением контингента для Китая и Кореи, следовало поощрить. Кроме того, старые хрущевские кадры были уж очень неудобны на некоторых местах. Шульца следовало послать куда подальше, желательно за границу. В это время и потянуло в очередной раз порохом из многострадального Вьетнама. Вьетнам, конечно, не был столь важным объектом в политике, как государства Европы или Америки. Он не был близким другом, союзником, как европейские социалистические государства. Отправлять во Вьетнам было приятно и почетно, и вовсе не опасно для интересов Советского Союза. Туда не рвались дети высокопоставленных родителей. Так Шулец и оказался во Вьетнаме.

Прибыв на место назначения, Шулец немного пожил в советском посольстве в Хошимине, ознакомился с положением вещей и сошелся с руководителями Вьетнама. Старый боевой офицер, он сразу понял ситуацию и вместе с представителями вьетнамской освободительной армии отправился в инспекционную поездку. Пока что результаты поездки его

не обнадеживали.

Американский флот стоял на подступе к территориальным водам Северного Вьетнама. Южный Вьетнам, науськиваемый американцами, пока что терпел поражение за поражением, но Вьетконговские войска северян были плохо вооружены и плохо организованы. И если оружие и боеприпасы уже начали непрерывным потоком идти по тропе Хо Ши Мина из дружественного Китая, то об организации войск хорошего слова сказать было нельзя. Привыкшие к партизанской войне с французами и к гражданской войне внутри страны, войска Вьетконга представляли собой нечто среднее между регулярной пехотой и армией батьки Махно. Не имея ни танков, ни нормальной авиации и артиллерии, Вьетконг, казалось, рухнет при первом же ударе мощной армии. Так же думали и американцы, считая, что одного их десанта будет достаточно, чтобы выбить социалистическую дурь из этой страны.

Шульц осознавал серьезность положения и работал, как только мог. Он уже написал и переслал по диппочте доклад об отсутствии современного вооружения и доказывал, что если удар пехоты и бронетехники Вьетнам еще может отразить, то налеты авиации с кораблей тихоокеанского флота США могут сыграть роковую роль. И еще он писал о необходимости прислать дополнительную партию советских военных специалистов.

Шульц посмотрел на часы. Они уже приближались к месту назначения. Машина прыгала по кочкам под густым зеленым пологом. В джунглях, несмотря на яркое тропическое солнце, царил вечный сумрак. Казалось, деревья-гиганты верхнего яруса вот-вот кинутся на людей, чтобы поглотить отвоєванную человеком полосу земли.

Шульц хлопнул водителя по плечу, давая знак остановиться. Под внимательным взглядом полковника Тхи Лана он развернул карту, рассмотрел ее, ориентируясь на местности, и вылез из машины. Дао Тхи Лан, не говоря ни слова, последовал за ним. За неделю совместной работы он проникся таким уважением к опыту Шульца, что безоговорочно слушался его во многих вопросах, особенно тех, которые касались боевой подготовки.

Шульц махнул водителю, велел оставаться на месте, и свернул с дороги прямо в лес. Жесткие ветки преградили путь, в рубашку вцепилась колючая лиана. Этот лес совсем не походил на родные российские леса, но все же, для Шульца он стал уже привычным.

Тхи Лан скользнул за ним в заросли.

– Туда? – он вопросительно кивнул головой, показывая на север.

– Да, – Шульц определил, что бригада стояла именно там.

Не задавая вопросов, привыкший не удивляться Тхи Лан быстро пошел в указанном направлении. Шульц тоже молчал. Он давно привык, что подчиненные вопросов задавать не должны. И хотя Тхи Лан был старше его, если не по званию, так по возрасту, отношения между ними установились как между более опытным наставником и учеником. Шульц не хотел подъезжать в расположение части в открытую на машине. Он хотел проверить караулы и бдительность часовых, а за одно и всю дисциплину.

– Дао, – окликнул он полковника, – вы, на всякий случай, пароли знаете?

– Что? – Тхи Лан удивленно обернулся

– Пароли. Ну, пропуск?

– Зачем? – Тхи Лан явно не понимал, – командир меня знает.

– А часовые? А охрана? Наши иногда без предупреждения стреляют.

– Какие наши? – Тхи Лан опять не понимал.

– Согласно Уставу караульной службы, часовые должны сначала окликнуть. Но во время войны мои солдаты сначала стреляли, а потом спрашивали. Война, что поделаешь!

– Да. Война, – согласился Тхи Лан, – и мы стреляем.

– Будьте аккуратны, чтобы нас не подстрелили.

– А, это, – Тхи Лан спокойно махнул рукой, – нет, не подстрелить никого.

Они широким шагом и, не особо скрываясь, вышли на

небольшую прогалину. На прогалине стояло бунгало, крытое соломой. Напротив строения сидело несколько солдат. Их автоматы были без всякого порядка свалены под деревом. Солдаты весело разговаривали, сидя вокруг котелка, висевшего над костерком. Один из солдат что-то помешивал, и всякий раз, помешав, одобрительно хмыкал. Неожиданно у земляного бугра под тем же деревом приподнялась верхушка, и оттуда вылез еще один вьетнамец. Он был без автомата, зато на поясе висела кобура, казавшаяся слишком большой на его узкой талии. Вьетнамец тоже заглянул в котелок и одобрительно хмыкнул.

Шульц внимательно огляделся. За бунгало снова начинались джунгли. Там не было ни одного часового. Все еще не веря в подобную безалаберность, Шульц повернулся к Тхи Лану и прижал палец к губам, приказывая соблюдать тишину. Сам же он, пригибаясь, двинулся в сторону бунгало, ожидая оклика часового. Но часовых не было. Шульц подполз к бамбуковой стене и осторожно приподнялся. Окно открыто. Шульц подтянулся на руках и змеей скользнул внутрь.

Комната была пуста. Вдоль стен стояли стеллажи, забитые папками с бумагами. Придерживая стопку папок, Шульц аккуратно вытащил одну и раскрыл. Там лежали листы, исписанные по-вьетнамски. Шульц потянул еще одну папку. На этот раз ему повезло больше – в ней находились карты и планы местности. Развернув одну из карт, он остановился в недоумении. Перед ним лежал совершенно секретный план

размещения воинских частей в окрестностях Виня. Этот документ по самой своей сути не мог лежать в неохраняемом шкафу. Взяв папку, Шульц осторожно подошел к двери, потянул ее на себя, ожидая увидеть часового хотя бы в соседней комнате. Но и там было пусто. Лишь снаружи доносились голоса и веселый смех солдат.

Уже не прячась, открыто топая сапогами по плотному земляному полу, Шульц подошел к наружной двери и мощным пинком ноги распахнул ее настежь. Снаружи раздался вскрик, удар полковника сшиб кого-то с крыльца. Остальные солдаты мгновенно кинулись к оружию. Разъяренный Шульц шагнул наружу и во всю силу своего командного голоса заорал единственное слово, которое знал по-вьетнамски: «Нгием²!». Солдаты-партизаны мгновенно замерли на месте, кто с автоматами в руках, кто еще стоя возле котелка.

– Нгием! – раздалась команда с другой стороны. Полковник Тхи Лан вышел из-за угла. – Тяо как донг ти³!

Солдаты неловко, вразнобой, но уже с глубоким энтузиазмом вытянули руки по швам. При этом часть успела взять автоматы на ремень, часть приставила к ноге. Один солдат вообще оказался спиной к полковнику и замер, глядя на того в пол-оборота.

– Командира ко мне! – распорядился Тхи Лан.

Но в этой команде уже не было никакой нужды. Земля

---

² Смирно! (вьетн.)

^{3 3} Смирно! Здравствуйте, товарищи! (вьетн.)

во многих местах зашевелилась, и прямо из нее, из каких-то нор, полезли узкоглазые солдаты в форме Вьетконга. Шульцу показалось, что в считанные секунды безлюдный лес превратился в кипящий муравейник.

– Безобразие, – холодно произнес Шульц, посмотрев, как командир батальона рапортует полковнику. – Форменное безобразие. Где ваши караулы?

– Да, беспорядок, – покачал головой Тхи Лан.

– Под трибунал. Такого командира следует сразу отдавать под трибунал.

– Нет, это не так уж страшно, – возразил Тхи Лан.

– Отсутствие дисциплины, несоблюдение устава – не страшно? – Шульц опешил.

Тхи Лан о чем-то спросил командира, тот ответил.

– Товарищ Ну Меа говорит, что караулы не нужны. Все равно здесь врагов рядом нет.

– Врагов нет? А если бы я был враг? Это как понимать? – он взял папку и потряс ею перед носом у Тхи Лана и Ну Меа, – идемте, поговорим.

Они вернулись в бунгало.

– Советский Союз и партия послали меня, чтобы обучить вас искусству правильного ведения войны. А вы игнорируете даже основные положения Устава, – начал Шульц.

– Товарищ военный советник! – удивился Тхи Лан, – но ведь врагов-то нет. Сюда некому пробираться

– А я? Я-то проник?

– Так вы же свой. Тут каждый крестьянин знал, что вы к нам едете. Все предупреждены.

Шульц немного растерялся от такого признания.

– И это армия? Никакой секретности. Никакой дисциплины. Единственное, маскировка хорошая. Да и то, штаб у вас на открытом месте.

– Это не штаб. Это для гостей. А штаб у нас там, – Тхи Лан указал рукой вглубь джунглей.

– А секретные документы почему здесь храните? – обратился Шульц к комбату.

– А как же без бумажек, – перевел Тхи Лан, – бумажки всегда нужны. Приезжают из штаба, нужны бумажки, чтобы гостям показать. Карты нужны, приказы.

– Слушайте распоряжение, – начал Шульц, твердо глядя в глаза Ну Меа, – изучить Устав. Наладить дисциплину. Выставить караулы. Собрать офицеров. Начинаем учебу прямо сейчас.

***

Шульц работал с командирами весь остаток дня. И по мере беседы опасения его то усиливались, то ослабевали. Офицеры и солдаты прекрасно понимали, что война не за горами.

– Последняя провокация американцев – это демарш эсминцев в Тонкинском заливе, – докладывал Шульц, – когда два эскадренных миноносца открыто крейсировали в пря-

мой видимости базы торпедных катеров. К ним приблизилась пограничная охрана, но они продолжали наглую демонстрацию силы в территориальных водах. На предупредительные выстрелы ответа не было. Американцы пытались вторгнуться на секретный военный объект. Произошел огневой инцидент, один из эсминцев получил повреждения. Пользуясь этим случаем, Америка готова объявить социалистическому Вьетнаму войну. Империалисты вновь зарятся на свободу вашего народа.

– Как коммунист коммунистам, членам братской партии, я вам твердо говорю – не время, товарищи, расслабляться. Не время впадать в партизанщину. Империалисты во главе с США сделают все, чтобы погубить завоевания революции. Необходимо крепить дисциплину и встретить врага во всеоружии.

Командиры сосредоточенно и внимательно смотрели на него.

К войне вьетнамская армия была готова. Солдаты стреляли отлично. Мастерски маскировались. Совершали огромные марш-броски. При этом не умели ходить строем и нести караулы. Выслушав о танках и артиллерии, Тхи Лан усмехнулся:

– Товарищ советник, вы видели наши горы и наши джунгли? Это лучшая для нас защита. Здесь может действовать только пеший десант, а с ним мы справимся.

Обратно в Винь, на базу, они ехали уже в темноте. Привыкший к порядку и дисциплине Шульц раздраженно мял пальцами блокнот. Вокруг было темно, машину трясло, но Шульцу все хотелось записать еще какую-то важную вещь. Тхи Лан, хорошо знавший стратегию и тактику партизанской войны, наоборот, был весьма доволен, и не скрывал этого. Так они и не обмолвились ни словом, пока машина не остановилась возле гостиницы.

– До завтра, – Шульц вылез, с удовольствием разминая затекшие ноги.

– До свидания, – серьезно сказал Тхи Лан, – завтра увидимся.

Шульц проснулся позже обычного, сказалось переутомление последних дней. За окном светало. Шульц не спеша встал, заправил койку и начал одеваться. Утреннее умывание стало за долгие годы службы священным ритуалом, к которому он готовился не спеша, со вкусом. Вот и на этот раз он неспешно достал зубную щетку, пасту, бритву в аккуратном замшевом чехольчике, мыло, кисточку и расставил их в идеальном порядке на тумбочке.

И тут раздался резкий свист, мощный удар и оглушительный рев, от которого зазвенели стекла в окнах. Над городом, со стороны холмов, совсем низко прошла пара реактивных

самолетов. Вьетнамцам на реактивных «МИГах» советские инструкторы категорически запрещали такие полеты. Шульц распахнул дверь и выскочил на маленький открытый балкончик.

Над городом разворачивалась пара самолетов со знакомым Шульцу силуэтом. На черных палочках фюзеляжей ясно выделялись горбики кабин пилотов.

– Американцы! – выдохнул Шульц. – Что они здесь делают?

Ответом ему был мощный взрыв внизу, в бухте. Над базой торпедных катеров поднялось плотное белое облако дыма. Земля ощутимо вздрогнула.

На базу заходила еще пара «Фантомов». Они пронеслись на малой высоте, оглушая ревом двигателей, земля снова вздрогнула. Вслед удаляющимся самолетам запоздало ударили зенитные пулеметы, а затем раздались частые хлопки пушек. Самолеты, будто заигрывая, развернулись, и уже плотной группой вновь ударили по городу.

На базе творилось что-то невообразимое. Оттуда поднимались клубы дыма, изредка просверкивали языки пламени. Непрерывно били зенитки, но их огонь абсолютно не мешал атакующим. Шульц ясно видел, что любимая им зенитная артиллерия не успевает за современным реактивным самолетом. «Фантомы» шли на средней высоте, и трассы пулеметов вообще их не доставали. Орудия, даже скорострельные, успевали сделать два-три выстрела, а цель уже пролетала ми-

мо.

Самолеты снова развернулись и сделали еще один заход, нанося удар уже не по самой базе, а по зенитным орудиям и по жилым кварталам.

Шульц, забыв о бритве, выскочил в коридор, быстро спустился по лестнице и кинулся на улицу. Над головой мелькнула тень. По старой военной привычке Шульц прыгнул в канаву и вжался в землю, обхватив голову руками.

Сзади раздался мощный взрыв, по воздуху пролетели какие-то обломки, воздушная волна резко ударила по ушам. Как только обломки перестали падать, Шульц вскочил и вновь побежал в сторону горящих кварталов.

Он завернул за угол и замер. Прямо перед ним стоял дом, половина которого была снесена взрывом. Черный пролом дымился. А перед домом, в маленьком палисадничке, лежала женщина. Судя по всему, она была мертва. Одежда ее на спине промокла от крови. Рядом, тоже весь в крови, истошно кричал ребенок.

За войну Шульц видел много смертей. Гибли солдаты. Гибли друзья. Гибли враги. Такого количества трупов, которое он сам вынес после сражения под Прохоровкой, не дай, боже, увидеть никому. И Шульц привык. Нельзя сказать, чтобы он зачерствел душой или ожесточился. Он умел убивать, а значит, умел и принимать смерть. Но война всегда была отвратительна ему гибелью женщин и детей. Он никогда не убивал безоружных, и в душе тайно надеялся, что невин-

ные не погибнут. А здесь первыми увиденными им убитыми были не солдаты, и даже не мужчины.

Шульц, забыв обо всем, кинулся к ребенку и попытался взять его на руки. Маленький мальчишка, захлебываясь слезами, ударил его кулачком по носу и рванулся обратно к матери. Шульц увидел, что тот не имеет серьезных ранений, а вся кровь течет из большого пореза на лбу. Шульц подошел к небольшому пруду, такому неуместно-мирному перед развалинами дома, достал платок и намочил его в воде. Вернулся к малышу и, не отрывая его от матери, стал аккуратно отирать кровь вокруг раны.

Сзади слышались голоса вьетнамцев. Кто-то что-то говорил Шульцу, но он не понимал слов. Молча передал платок в протянутую руку, развернулся и пошел дальше.

Перерыв после налета был не долгим. Шульц не успел попасть на базу, как в небе появилась еще пятерка самолетов и продолжила громить город. Шульц залег, и снова, как на той войне, над его головой свистели осколки. А когда поднялся, то понял, что на базу торпедных катеров ему спешить уже незачем.

Американцы утюжили город весь день. Нагло, как на учениях, они строем заходили на цель, с удобной высоты бросали фугасы и, не торопясь уходили. Шульц пытался сделать хоть что-нибудь, но быстро понял бесплодность своих попыток. Все, что можно было, вьетнамцы делали сами. Они организовывали противовоздушную оборону, эвакуировали

мирных жителей, тушили пожары. Но ни один зенитный снаряд не достиг цели. Никто не смог не только остановить американцев, но даже создать им малейшее затруднение. Ни один вьетнамский истребитель так и не появился в воздухе, а «Фантомы» все маршировали и маршировали в небе, устраивая показательный разгром вьетнамской армии.

Налеты прекратились только к вечеру. Шульц достал свой блокнот, в котором по минутам расписал все действия американской авиации и начал листать его в задумчивости, рассматривая эту стенограмму первого дня войны. Затем пододвинул к себе пишущую машинку, вставил в нее лист бумаги и начал выстукивать:

«Сообщаю, что зенитные средства оказались неэффективными. Народная армия Вьетнама не обладает средствами отражения воздушных атак. Единственным достаточным средством помощи Советского Союза в конфликте может быть либо высадка войск в количестве, адекватном американской группировке, либо поставка средства 75 в сопровождении инструкторов.

Считаю, что средство 75 может оказаться эффективнее, чем высадка воинского контингента, и нанести серьезные потери американской армии за счет лишения ее огневой поддержки с воздуха».

Глава 8. На землю Вьетнама приходят носители демократии

Идут бои, горит земля

Не нов, не нов жестокий опыт:

Он в эти горы и поля

Перенесен от стен Европы

И вы, что горе привезли

На этот берег возрожденный

От вашей собственной земли

Всем океаном отдаленный

Хоть в цвет иной рядитесь вы,

Но ошибется мир едва ли

Мы вас встречали у Москвы

И до Берлина провожали

А.Твардовский

«За далью – даль»

Сказать, что полковник Хантер похож на волка – значит сказать слишком мало. Командир полка стратегической авиации Джеймс Гордон Хантер и по внешности, и по поведению походил не просто на волка, а на старого, матерого волчару, который уже поседел в схватках, но сохранил силу и прибавил к ней недюжинный опыт. Жесткие черты лица и густые волосы с холодной проседью. Высокий рост и уверенные движения. Твердый голос. Умение думать и умение подчинять.

Полковник Хантер был кадровым военным, посвятившим всего себя авиации. Всю жизнь он провел в азиатских войсках. Пятнадцать из сорока семи лет – в Индокитае и Восточной Азии, воюя с Японией, Кореей, Китаем и Лаосом. Достаточно сказать, что самолет младшего лейтенанта Хантера был единственным, который смог подняться над горящим Пирл-Харбором и сбить японский торпедоносец. Правда, потом его самого прошили очередью так, что отвалился стабилизатор, он выпрыгнул с парашютом и потом три часа

болтался в океане, дожидаясь спасателей.

После этого ранения Хантер приобрел легкую хромоту и пересел на бомбардировщики. Летая сначала вторым пилотом, он быстро стал командиром и получил звание капитана. Пару раз ему случалось спасать русские суда, идущие из Штатов, от подводных лодок. После он пересел на «летающую крепость» и превращал в руины города Японии. К концу войны капитан Хантер стал «личным врагом флота Его Величества Императора Японии». Ему было чем гордиться.

Затем грянула Корейская война, и Хантер вновь занялся привычным делом – уничтожением танковых колонн китайских коммунистов. Война эта приняла затяжной характер и окончилась далеко не к славе американского оружия. Корею пришлось поделить с русскими, и существование Северной Кореи ощущалось им как национальный позор.

Еще в ходе войны Хантер начал изучать новую технику – стратегический бомбардировщик Б-52. Эта машина, превосходившая по своей мощи и защищенности все мыслимые границы, легко могла доставить ядерный заряд в самое логово ненавистного врага и бывшего друга – город Москву. Эти русские, ранее поддерживавшие Америку в войне с Японией и Германией, теперь окончательно вышли из-под контроля и насаждали свои идеи по всему миру. Он нисколько не удивился, когда потянуло порохом из Вьетнама. Не удивился он и назначению на пост командира полка на Фукуоке. Он просто готовился выполнить свое дело. Эта война не грозила

осложнениями. Вьетнамцы бились между собой, север против юга. Введение миротворческих сил означало поддержку несокрушимой мощью Америки одной из сторон.

«Скорее всего, – думал Хантер, – на этой войне не погибнет ни один американский солдат. Мы будем с воздуха громить основные базы сопротивления, доверяя грязную работу самим косоглазым». Полковник Хантер знал силу точечных ударов авиации США. Он знал оснащенность и выучку своего полка. Он знал, что здесь основную роль сыграют не люди, а техника.

Полковник сидел в кожаном кресле в своем кабинете и дышал кондиционированным воздухом. На улице сияло ослепительное солнце, играя отражениями на решетках бамбуковых жалюзи. Выходить на эту липкую жару не хотелось.

Ровно полчаса назад полковник получил зашифрованное сообщение о начале военных действий. Еще месяц назад эти вьетнамцы не без помощи русских атаковали пару эсминцев США. Гнилые политики, вместо того чтобы сразу заявить, кто в Азии хозяин, еще две недели думали. Да и теперь от полученной шифровки веяло не решимостью, а политикой. Предполагалось вести боевые действия исключительно силами штурмовой и легкой бомбардировочной авиации. Стратегическая авиация помещалась в резерв. Очередная глупость!

Хантер вытащил из стола книжку, присланную ему из Штатов. «Рубеж гарантированной безопасности». Книжка весьма глупая, но патриотичная. Она не понравилась пол-

ковнику, и все же он положил ее в ящик стола. Так, на память.

В ней, как всегда, паршивые политики лезли в дела армии. И писатель, никогда не воевавший, учил Пентагон уму-разуму. И, как всегда, в ней были модные пацифистские идеи.

Сюжет простой. Фантастический. Группа его любимых Б-52 совершает тренировочный вылет над Канадой. С ядерным оружием. И будто бы по ошибке получает приказ бомбить Москву.

Хантер усмехнулся. Что-что, а подобные ошибки в его службе исключались. Никакая ложная кнопка не могла заставить его совершить глупость. И уж на Москву он полетел бы лишь после развернутого личного приказа и полного выяснения обстановки. Хотя, что и говорить, а отправить водородную бомбу на Кремль Хантеру хотелось. Чтобы русские не мешали великой демократической миссии. Эта мысль Хантеру нравилась, но остальное вызывало решительный протест.

А вот дальше все шло почти как в жизни. Бомбардировщики летели через весь Советский Союз, от Камчатки, через Урал и Сибирь, до Москвы. Эскадрильи русских самолетов нападали на них, а американские летчики сбивали всех подряд. И долетели до Москвы. И превратили ее в пыль, между прочим. Четырьмя атомными бомбами. А потом политики, как всегда, вмешались и испортили все дело.

Хантер вспомнил Корею. Там русские и китайцы летали

на поршневых самолетах против реактивной авиации миротворческого корпуса ООН. Хорошими они были миротворцами, быстрыми. С нарушителями санкций ООН расправились безжалостно. Практически всей Корее уже преподнесли демократические свободы. Операция шла успешно. Если бы не политики, все было бы отлично.

Хантер усмехнулся. Политики всегда мешают армии. Сначала устраивают миротворческую операцию, а потом, когда операция превращается в настоящую войну, отворачиваются от военных. И сваливают всю вину на них, а оплеванная армия должна искать оправдания.

Еще одно несоответствие в книге забавляло Хантера. В ней присутствовала авиация ПВО, но не было русских зенитных ракет. А Хантер помнил, как разведуправление заставило их наизусть выучить доклад о провале миссии Пауэрса.

Впрочем, это ерунда. Америка непобедима. Америка нажимает на кнопку, и цель поражена. Никакой крови. Никакой гибели летчиков и машин. Один массированный удар, и эта дикая страна сама придет к американской демократии.

В дверь постучали. Хантер быстро спрятал книгу. Вошел адъютант. В запечатанном пакете был новый приказ. Хантер внимательно прочел его и усмехнулся. Начиналось настоящее дело.

Глава 9. Довольно неприятная поездка полковника Шульца по тропе Хо-Ши-Мина

Торопись – тощий гриф над страной кружит!

Лес – обитель твою – по весне навести!

Слышишь – гулко земля под ногами дрожит?

Видишь – плотный туман над полями лежит? -

Это росы вскипают от ненависти!

Ненависть – в почках набухших томится,

Ненависть – в нас затаенно бурлит,

Ненависть – потом сквозь кожу сочится,

Головы наши палит!

В.Высоцкий

Баллада о ненависти

Американцы бомбили Винь тогда, когда им этого хотелось. Иногда их авиация не появлялась неделю, и мирные жители потихоньку возвращались к своим делам. Иногда они устраивали целую серию налетов на военные базы и громили их до тех пор, пока там не оставалось ни одного целого объекта. Иногда, совершенно не понятно, по какой логике, они высыпали часть бомб на жилые кварталы. В эти моменты все старались уйти из города в лес. Довольно быстро американская авиация уничтожила практически все, до чего могла добраться. Сидя в бомбоубежище, Шульц мрачно размышлял о своем военном опыте и понимал, что теперь перед ним развертывается совершенно иная война.

Первым делом американцы превратили в груды камня и железа военную базу, на которой находились торпедные катера и один эскадренный миноносец. После этого их транспортные и десантные суда, вообще ничего не опасаясь, начали перевозить в Южный Вьетнам части морской пехоты, оружие и вертолеты.

Зенитная артиллерия, на которую Шульц возлагал хоть какие-то надежды, подверглась мощнейшему нападению с воздуха уже во вторую неделю войны. «Фантомы», даже не приближаясь и не входя в зону ее действия, спокойно сфотографировали расположения и затем так ударили ракета-

ми, что батареи не успели произвести ни одного выстрела. Все открытые базы, батареи, склады и другие объекты американцы утюжили фугасами и кассетными бомбами, не давая поднять головы. Авиация Вьетнама, на довольно старых МИГ-15, с вьетнамскими же летчиками, пыталась отбить эти атаки, но когда на одного вьетнамца наваливались три-четыре «Фантома», исход был предreshен.

А вот партизанские соединения, зарывшиеся в землю под пологом джунглей, вооруженные автоматами, пулеметами и переносными минометами, от налетов авиации пока что не страдали. Пару раз янки пытались стрелять по джунглям, но все потери ограничились убитой свиньей из подсобного хозяйства и пробитым котелком.

– Вот так, – полковник Тхи Лан выложил смятый котелок перед Шульцем, – так бы и с танками было.

Шульц взял котелок, повертел его перед глазами и отложил в сторону.

– Партизанские соединения пока что не выиграли ни одной войны против регулярной армии. Даже у нас, в войну в Белоруссии, партизаны хозяйничали в тылу врага, но отступали перед армейскими частями.

Дао Тхи Лан усмехнулся.

– Мы не партизаны. Мы – народно-освободительная армия.

– Только замашки у вас партизанские, – ответно усмехнулся Шульц.

– Партизана из леса только пехота выгонит.

– Американцы уже высадили пятидесятитысячный экспедиционный корпус. И на подходе еще силы. Они всерьез собрались воевать.

– Эти их рейнджеры нам не страшны. Не умеют воевать в лесу. Лучше скажи мне, товарищ Шульц, почему американские самолеты летают? Где ваши советские истребители? Где обещанная помощь? Нам хотя бы один, один авианосец!

– Насколько я видел, ваши войска не слишком страдают от авианалетов, – смутился Шульц.

– Туда посмотри, – Лан кивнул за окно, где дымились развалины города. – Видел, товарищ Шульц?

– Видел.

– А тропу Хо Ши Мина видел?

– Нет, – Шульц отрицательно покачал головой.

Тропой Хо Ши Мина, «дорогой имени дорогого руководителя компартии Вьетнама», называли самую важную и мощную транспортную артерию, проходящую с севера на юг Вьетнама. По ней днем и ночью шли грузовики с оружием, боеприпасами и продовольствием из Северного Вьетнама, социалистического Китая и республики Камбоджа в охваченные войной южные районы. Сама тропа представляла собой целую разветвленную сеть дорог, переправ, складов и перевалочных пунктов, которые без конца перемещались с места на место. Американцы жестоко бомбили эти объекты, пытаясь прервать связь, изо всех сил рвались к складам,

но пока ничего сделать не могли. От десантов тропа хорошо охранялась партизанами, а авиация не могла эффективно бороться с ночными перевозками в сердце джунглей.

– Хочешь посмотреть?

– Хочу.

– Можешь завтра поехать со мной. Но предупреждаю. Это очень и очень опасно.

– На войне везде опасно, – Шульц, правду сказать, был слегка удивлен таким предложением. Вьетнамцы берегли русских советников. Видимо, нервы у Лана были на пределе.

– Американцы ведут настоящую охоту, и наше командование не рекомендует пускать иностранцев. Но тебе, как другу, могу показать.

– Спасибо, – кивнул Шульц. – Знай, товарищ Тхи Лан, мы принимаем все меры, чтобы помочь вашему народу. Возможно, скоро к вам придет новейшее оружие, созданное советскими учеными, и только недавно запущенное в производство. Но я сам должен посмотреть, в каких условиях его будут применять.

* * *

В этот раз ехали ночью, вчетвером, не считая водителя. Лан и Шульц подсели в «Газик» к двум вьетнамским командирам, направлявшимся в северо-западные районы. Ехали в абсолютной тьме, пристроившись в хвост колонны из двух

грузовиков, доверху нагруженных какими-то ящиками и закрытыми брезентом. Ни фар, ни огней не включали. Запрещалось даже курить, чтобы огонек сигареты не выдал их расположение. И уж совсем поразило Шульца то, что водитель закрыл приборный щиток тряпкой, чтобы скрыть свет контрольных лампочек. Ориентировались на маячок – на заднем мосту грузовика был нарисован белый круг, освещаемый слабым синим фонарем, закрепленным под кузовом. Как находил дорогу водитель головной машины, оставалось тайной. Так, в полной темноте, они ехали от первого склада около двух часов. Периодически водители останавливались, глушили моторы и прислушивались. Пока все было спокойно. На небе вошла луна, и поехали быстрее.

Внезапно средний грузовик притормозил. Прогудел сигналом и, развернувшись почти поперек дороги, заехал по самую кабину в заросли. Из него выскочили водитель и проводник, выбежали на дорогу и стали прислушиваться.

Водитель Лана тоже резко затормозил, свернул в джунгли и заглушил двигатель.

– Яньки! – крикнул он ставшее общеупотребительным слово, – Ньынг ке тху ми⁴!

– Воздух! – по-русски выкрикнул Шульц, выскочил из машины и кинулся ничком на землю. Где-то в стороне стремительно нарастал гул двигателей крупного самолета.

– Вставайте, – тихо сказал Лан, который прислушивался

---

⁴ Это американцы! (вьетн.)

стоя, – мимо летит.

Шульц встал, отряхиваясь. Гул, достигнув максимума, постепенно стихал.

– Думаете, они нас могут заметить?

– Тепло, – Лан похлопал рукой по мотору, – они наводят ракеты на тепло. Если прикрыть, будет не так заметно, – Лан покачал рукой широкие листья, упавшие на капот.

Однако гул не стихал. Самолет, казалось, облетал их отряд по большой дуге. Вьетнамцы тревожно переговаривались.

– «Геркулес». Специально сделали самолет для охоты на автомобили, – шепотом пояснил Лан и добавил несколько слов, в которых Шульц опознал вьетнамские проклятия.

– Как мы на птиц охотимся. «Пиф-паф», – изобразил Лан выстрелы, – они охотятся. За нами. До куй ми кут ди⁵!

Он погрозил кулаком воздуху.

Внезапно ровный гул мотора прервался сухим треском выстрелов. Строчил авиационный пулемет. Затем гулко забухала пушка с самолета. Раздалось несколько взрывов.

– Впереди, – махнул рукой Лан.

Шульц сам все прекрасно слышал и ясно понимал картину боя. Впрочем, боем назвать это трудно, ни одного выстрела с земли по самолету не было произведено. Тяжелый «ганшип», транспортный самолет, вооруженный пушками, прочесывал джунгли, поливая их дождем раскаленного металла. В ответ на выстрелы на земле что-то грохнуло, ухну-

---

⁵ Американские черти, убирайтесь отсюда! (вьетн.)

ло, и небо озарила багровая вспышка. Лан снова выругался. Шульц прекрасно понимал его. Американцы обнаглели до предела, чувствуя свою неуязвимость – они переоборудовали простой неуклюжий транспортник в штурмовик. Сюда бы один истребитель... Но истребителя не было.

Впереди раздался еще взрыв. Пушка и пулеметы стучали не умолкая. Самолет заложил еще вираж и прошелся по уже пристрелянному месту. Затем, решив, что дело сделано, развернулся и улетел.

– Поехали быстрее туда, – Шульц залез на свое место.

Лан молча кивнул.

В темноте и тишине ехали около часа. Внезапно впереди показались красные огненные всполохи, в ноздри ударил запах горящего бензина и резины.

Немного съехав с дороги, стоял грузовик, а вернее, то, что от него осталось. Кабина разбита в клочья, кузов сгорел, и на земле стояла только рама с двигателем.

Вьетнамцы, не останавливаясь, проехали вперед еще метров триста и только затем загнали машины в заросли и заглушили двигатели. Сопровождающие солдаты рысцой кинулись назад, к разбитому грузовику. Шульц и Лан пошли следом. Внезапно оба солдата, осматривающих машину, закричали. Лан ответил им, сорвался с места и побежал. Не понимая, в чем дело, Шульц ускорил шаг.

– Что случилось? – крикнул он в темноту.

– Санитарный, – ответил Лан откуда-то сбоку.

Шульц подошел и понял, в чем дело. «Ганшип» расстрелял санитарную машину, на которой эвакуировали раненых. В ноздри Шульцу ударил неприятный сладковатый запах. В отблесках догорающих огоньков он увидел трупы на раме автомобиля и несколько тел рядом.

– Неужто никого не осталось? – Шульц обратился к Тхи Лану, – неужели все погибли?

– Не знаю, – так же шепотом ответил Тхи Лан и прокричал что-то в темноту.

Внезапно, будто в ответ на его крик, снова раздался рев моторов. «Геркулес» летел в их сторону. Уже поднаторевший в таких налетах, Лан бросился прямо в джунгли, Шульц за ним, понимая, что сейчас начнут обстреливать дорогу. Впереди с хрустом и треском бежал один из солдат. Внезапно ярко-белая вспышка выхватила фигуру солдата из темноты, осветила его силуэт. Раздался несильный, но резкий взрыв. Шульц, думая, что начался обстрел с самолета, упал. До него донесся болезненный вскрик солдата, а затем мучительные стоны. Шульц быстро пополз вперед, к раненому вьетнамцу, но Тхи Лан, лежащий впереди, прижал его, не давая двигаться.

– Он ранен! – Шульц попытался сбросить руку Лана.

– Нельзя, – Лан лишь сильнее вдавил его в землю.

– В чем дело?

– Мины.

– Что? – Шульц похолодел, когда до него дошел смысл

этих слов, – откуда?

– Оттуда! – Лан поднял палец в небо, – с самолета.

«Охотник за машинами» тем временем надвигался. Рев его двигателей достиг крещендо, когда ударили пушки. Осколки с гудением вспороли воздух. Впереди что-то грохнуло, – снаряды попали в один из грузовиков. Самолет пошел по кругу, расстреливая грузовики из пулемета, затем развернулся, и гул начал удаляться.

– Может, все? – с надеждой спросил Шульц.

– Нет. Он нас видит. Сейчас вернется.

Это было отвратительное состояние, – лежать посреди минного поля и знать, что за тобой следит противник, который видит тебя в темноте по выделяемому теплу.

Пулемет стеганул по ветвям. Листья и обломки сучьев посыпались на Шульца. Стреляли явно прицельно. Моторы ревели прямо над головой. Шульц вжался в землю, вытянул руки вперед и нащупал прямо перед собой какую-то липкую жижу. Он подтянулся, запустил в нее руки, затем весь погрузился в лужу, оставшуюся после дождя.

– Лан, сюда, – шепнул он.

– Мины.

– Нет мин. Сюда.

Дао Тхи Лан плюхнулся рядом. Шульц запустил обе руки в жидкую грязь и, содрогаясь от омерзения, вылил пригоршню себе на голову.

– Тепло, – шепнул он Лану, – грязь закрое тепло.

Лан шумно завозился в луже. Пулемет стих, потеряв их из виду, а затем с новой силой ударил куда-то в сторону.

Самолет заходил на третий круг.

– Дьявол, – выругался Шульц. В ягодицу ему вцепилась пиявка. Омерзительно холодная жижа облепила тело и натекла в сапоги. Вместе с жижей в сапог залезла какая-то противная тварь и начала кусаться.

Гремя пушками и пулеметами, самолет прошел над их головами. Пули звонко ударяли где-то в стороне дороги. Раздался громкий взрыв. В спину впилась еще одна пиявка. Постепенно звук моторов стих. «Геркулес» улетел, на этот раз окончательно.

– Зараза! – Шульц попробовал отодрать пиявку, не вылезая из грязи, – и долго нам здесь сидеть?

– До рассвета, – Лан был невозмутим

– А потом?

– Мины будут видны.

– А где эти мины?

– На ветках.

Проклиная все на свете, – американцев, грязь, мины, пиявок, – Шульц осторожно, задним ходом, выполз из ямы. Вслед за ним выбрался Тхи Лан. На них тут же ринулись москиты. Шульц поднял руку, обтер стекло «командирских» часов и поднес их к глазам. Стрелки слабо светились фосфором. До рассвета оставалось еще два часа

Как только стало чуть-чуть светлее, Тхи Лан легонько тро-

нул Шульца за плечо и указал наверх. Прямо над их головами висела круглая темно зеленая штукавина размером с кулак и с распушенным металлическим хвостом, которым она зацепилась за деревья.

– Мина? – спокойно спросил Шульц.

Лан молча кивнул. Осторожно, будто ступая по тонкому льду, он пошел вперед, внимательно осматривая ветви деревьев. Шульц, ежась от холода и укусов, пошел за ним. Грязная одежда противно липла к телу. В сапогах хлюпало. Частично оторванная пиявка оставила болезненную ранку. Над головой висели мины.

Осторожно, крадучись, Лан дошел до раненного солдата. Тот, скрючившись, лежал на боку и тяжело дышал. Лоб его покрылся испариной от боли, рубашка пропиталась кровью. Шульц достал индивидуальный пакет и начал перевязывать рану.

– Я его понесу, – закончив, Шульц взвалил мучительно застонавшего солдата на плечи, – выбирайте дорогу.

Дао Тхи Лан кивнул, и они гуськом пошли к дороге. Через некоторое время прошли мимо сгоревшей машины, стараясь не смотреть на нее. Шульц знал, что война в основном состоит не из атак и отступлений, не из подвигов и временной слабости, а из крови, грязи и развалин. Помня это, он все же отвык от ужасов двадцатилетней давности, и счета с фашистами тогда были другие. А здесь сытые, самодовольные, не нюхавшие пороху американцы устраивали такое, от

чего мутило даже выдавшего виды полковника.

Они шли по дороге, боясь увидеть самое худшее. Но когда подошли, оказалось, что потери меньше, чем могли бы быть. Как ни странно, никто не погиб. Два снаряда с самолета попали в грузовик. Он стоял, накренившись, и из его кузова выпали на мягкую землю несколько ящиков. Оба снаряда угодили в мотор, и от передней части машины осталась только гора исковерканного железа. Шульц положил раненого на землю. Вьетнамцы быстро о чем-то посоветовались, затем водители грузовиков взяли за упавшие ящики и начали перетаскивать их в уцелевший грузовик.

– Герман, – Лан сел в «Газик», – поехали. Нам надо торопиться. Везти раненого.

– Далеко еще? – спросил Шульц.

– Не далеко. На базе хорошие укрытия. Через два часа доедем.

Шульц сел на сидение, вьетнамцы помогли усадить раненого. Лан сам сел за руль. Первые полчаса ехали спокойно. Шульц, сбросивший нервное напряжение, вновь начал ощущать омерзительную липкость мокрой одежды. В лесу стоял густой сырой туман, и все пропиталось водой. Одежда не сохла, но и холодить стала значительно меньше.

Неожиданно в небе снова раздался гул моторов. Лан резко затормозил. Раненый упал с сиденья и вскрикнул.

Шульцу слова были не нужны. Он выскочил из машины, вытащил солдата и поволок его в лес. Здесь поросли совсем

не было, вверх уходили мощные колонны стволов, и Шульц из всех сил надеялся, что успеет заметить мину.

Сверху раздался треск пулеметов. Пули били явно по дороге, но немного в стороне.

– Лан, – окликнул Шульц, – он нас не видит.

– Да, не целится, – кивнул подошедший Лан.

– Бьет по площадкам. Может, сумеем выкрутиться.

Самолет еще раз сделал круг, прочесал очередями джунгли, и его рев стал удаляться. Они пошли к машине.

– Он нас не видел, это точно. И все же прилетел, как по расписанию. И знал, где мы примерно находимся.

– Да, – подтвердил Лан, – странно.

– У нас так бывало, когда самолеты наводил наблюдатель.

Он колонну видит, но двигаться за ней не может, и наводит не точно. У вас тут в лесу наблюдателей, часом, нет?

– Нет, – отрицательно покачал головой Лан, – откуда?

– Может, американцы парашютистов выбросили?

– Нет. Они боятся.

– Ох, смотри, не влипнуть бы. Уж очень мне это разведку напоминает. Кто-то за нами следит.

– Нет. Не бойся, – Лан завел машину и тронулся.

– Я не боюсь, – задумчиво произнес Шульц, настороженно прислушиваясь и пытаясь вглядываться в небо, полностью скрытое гигантскими кронами. И не даром он это делал.

– Воздух, так-перетак! – закричал Шульц, вторично вытащил несчастного солдата из машины. Повязка у того намок-

ла, бинт набух кровью, но оставлять его в машине нельзя.

На этот раз самолет ударил точно. Не успели они отско-
чить, как взрыв подкинул машину в воздух, и она упала, пе-
ревернувшись вверх колесами. Мощно взорвался бензобак,
столб огня и дыма взлетел до самых крон деревьев. Постре-
ляв на прощание из пулемета, американец улетел, даже не
разворачиваясь.

– Сволочь, – Шульц сплюнул сквозь зубы. – Говоришь,
товарищ Лан, наблюдателей у вас тут нет? А как же тогда все
это понимать?

– Не знаю, – Лан недоумевал.

– Будем искать.

– Кого?

– Или «кого», или «что». Но оно, это самое, наводит на
нас самолет. Или мы его найдем, или оно нас достанет.

Шульц вытащил из кобуры пистолет и пошел вперед, вни-
мательно осматривая каждую веточку и глядя под ноги. Так
он тихо шел минут десять. Неожиданно слева, метрах в де-
сяти, он увидел темно-зеленый металлический ананас, рас-
пушивший свои щупы прямо посреди палой листвы.

Американцы не стеснялись в средствах истребления лю-
дей, тем более что вьетнамцев они за людей не считали. Не
желая оставлять мину в засаде, Шульц зашел за ствол дере-
ва, перехватил пистолет и выстрелил. Грохот разрыва гулко
прокатился по лесу. Осколок свистнул над ухом. «Надо быть
осторожнее» – подумал Шульц.

Издали раздался встревоженный крик Лана.

– Все в порядке, – ответил Шульц, – я мину расстрелял.

Но Лан уже был рядом.

– Осторожнее надо, товарищ Шульц, – укорил он.

– Обязательно буду. Нашли что-нибудь?

– Нет. Никаких следов.

Шульц хотел было идти дальше, но Лан вдруг вцепился ему в руку.

– Не шевелись.

– В чем дело?

– Мина, – так же тихо ответил Лан.

Шульц застыл, почти не дыша. Лан зашел ему за спину и долго там что-то высматривал, наконец, прошептал:

– Шагай вперед.

Шульц сделал шаг и обернулся. Сзади, возле ствола дерева, из земли торчал тонкий металлический прут. Шульц посмотрел на него с явным интересом. Достав из кармана катушку ниток, он аккуратно накиннул петельку на штырь и сделал Тхи Лану знак отойти. Размотав нитку на всю длину, лег за дерево и сильно потянул, ожидая взрыва. Но взрыва не было. Шульц дернул сильнее. Прут нагнулся и вывалился из земли.

Недоумевая, Шульц подошел ближе. Перед ним лежал вывороченный из земли снаряд, похожий на большую пулю с длинным металлическим хвостом. И тут Шульца озарила догадка.

– Лан, вот он, соглядатай, – и показал на штырь.

– Что это?

– Микрофон. Передает звук мотора. А хвост у него – это просто антенна. Вы раньше такое видели?

– Нет, – Лан задумался, – не видел.

– Значит, у них теперь новое оружие?

– Да. Как с ним бороться?

– Не знаю. Придумаем что-нибудь. Этот обезвредим, и будем надеяться, что таких здесь немного.

Шульц ловко вывернул антенну и положил датчик в карман.

– Разберемся. А сейчас пошли на дорогу.

Они поспешили к своей разбитой машине и раненому солдату. Из-за поворота медленно выползал грузовик, переполненный ящиками. Больше в этот день налетов не было. Видимо, янки устали.

* * *

На этот раз совещание было деловым.

– Здравствуйте, товарищ советник, – Лан пожал Шульцу руку. Рядом с ним стояла молоденькая девушка в военной форме.

– Познакомьтесь, товарищ Шульц, это товарищ Фан Ки Ну. Она будет вашей переводчицей.

– Спасибо, – Шульц вежливо улыбнулся, – давно пора пе-

реводчика, а то работа плохо идет.

Лан вежливо улыбнулся и отошел. Он вел совещание и делал доклад на родном языке.

– Уважаемые товарищи! – слышать речь грубоватого Лана в устах молоденькой переводчицы было непривычно и забавно. – Сегодня, в присутствии наших советских товарищей, нам надо обсудить важнейшие вопросы защиты наших транспортных путей. В настоящий момент из-за налетов американской авиации мы терпим значительные потери. Наша истребительная авиация оказывает существенное сопротивление, сбито пять вражеских самолетов. Но мы несем очень и очень ощутимые потери. До сих пор мы могли оказывать достойное сопротивление на земле, но не в воздухе. Но вот только что товарищ Шульц, – Лан кивнул в его сторону, – сообщил нам, что советские товарищи присылают нам зенитный комплекс «Двина», который будут сопровождать советские офицеры. Цель нашего совещания – обсудить условия организации обороны.

Шульц встал.

– Оптимальным решением размещения комплекса будут транспортные узлы, наиболее часто подвергаемые массированным налетам и ковровым бомбардировкам. С вашей стороны необходимо подготовить в указанном районе одну основную и три запасных позиции, чтобы обеспечить возможность маневра.

– Сколько будет комплексов? – спросил командир из пер-

вого ряда.

– Пока только два. Но вскоре придут еще.

– И, думаете, этого хватит?

– Да, если учитывать фактор внезапности, даже один комплекс сможет внести такие же разрушения в ряды янки, как и целая истребительная эскадрилья.

– Как обстоят дела с инструкторами? – Фан Ки Ну переводила быстро и точно.

– Первый комплекс будет укомплектован советскими офицерами и вашими солдатами, которые уже прошли теоретический курс, и недели тренировок им достаточно. Думаю, через неделю комплекс будет готов к боевой работе.

Вьетнамцы довольно закивали, начали быстро и громко переговариваться.

– Мы тут совещаемся, где лучше начать боевые действия и как их организовать. Что вам понадобится для приема товарищей?

– Товарищи у нас неприхотливые, – усмехнулся Шульц. – Жить будут со мной, и я сам покажу им позиции. А начинать нужно так, чтобы сразу деморализовать американцев. Нужно, чтобы они войну во Вьетнаме запомнили на всю жизнь и детей своих ею пугали. Нам нужно сравнительно ровное место, с хорошей маскировкой. Янки должны совершать регулярные массированные полеты в эту область, а еще лучше, постоянно устраивать ковровые бомбардировки с применением тяжелых бомбардировщиков.

Шульц говорил медленно, с длинными паузами, Фан Ки Ну в это время переводила, а Шульц думал. Он думал о бесконечных войнах, которые затевали империалисты против простых людей всего мира. Думал о том, что в погоне за золотом, нефтью, алюминием и прочими природными богатствами, капиталистические акулы, – магнаты и олигархи из США, – не пожалеют никого, даже собственных детей, которых посылают завоевывать эту далекую страну. И только сила Советского Союза, новое оружие не даст им уничтожить все на своем пути. И еще Шульц думал о том, как нанести этой оккупационной армии такой урон, чтобы она не скоро оправилась. Советских военных специалистов во Вьетнаме было мало, всего несколько сотен, из которых еще никто не погиб. Американцев было уже около ста тысяч, и они гибли почти ежедневно.

– Хорошие позиции находятся между городами Дыктхо и Киань. – Лан заканчивал совещание. – Киань бомбят ежедневно. В этом месте тропа пролегает неудачно, и американцы наносят ей значительный ущерб.

– Так, – Шульц склонился над картой, – я одобряю ваше решение. Послезавтра прибывает командир комплекса, полковник Георгий Семенович Рузаев, которого я должен встретить. Мы вместе поедem в Киань и осмотрим позиции.

– Хорошо. Очень хорошо, – Лан прямо просветлел, когда впереди мелькнула возможность отомстить за потери, – мы обеспечим вас всем необходимым.

Война набирала силу, и принимала оборот, немного отличавшийся от планов американского командования. Первоначально миротворческие силы составляли всего пятьдесят тысяч человек, причем половину личного состава представляли авиация и флот. Теперь же их пришлось увеличить до трехсот тысяч человек и привлечь артиллерию и инфантерию.

Полковник Джеймс Хантер внимательно изучал сводки. Они были обычными. А вот между строк приказов читалась растерянность. Командование топталось в нерешительности, и это значило, что власть опять захватывает кучка политиканов. Какая-то сволочь пыталась пролезть в сенаторы на пике военного ажиотажа, а за его глупость гибли солдаты.

В войсках начались потери. Хантер точно знал, что официальные сводки занижены. И что еще хуже, вьетнамцы умудрились-таки сбить один из самолетов штурмовой авиации. Точечные удары не помогали.

Сначала, по плану, все опорные пункты противника должны были подавляться авиацией. При этом был строжайший приказ избегать потерь среди местного населения. Но какие могут быть точечные удары в джунглях? Что там штурмовать, землянки, что ли? Косоглазые, как кроты, изрыли все окрестности Ханоя тоннелями и спокойно разбегались по

ним в случае малейшей опасности, даже не вылезая на поверхность. Как крысы! Это не война, а недоразумение.

Еще больше хлопот доставляли поставки оружия из Китая и Лаоса. Черт бы драл этих политиков! Лаос бомбить нельзя. Китай не тронь. Войой только на территории Вьетнама. А как тут будешь воевать, когда на этой тропе у них кругом дороги, просеки и крысячьи норы! Развели гуманизм! Хантер не принимал этих идей. Бомбить склады и колонны машин. Да какие там склады, какие колонны! Там только эти голопузые на собственных спинах таскают ящики от норы к норе! Их не гуманизмом и освободительной миссией, а кассетными бомбами вышибать из нор надо.

Полковник давно ждал правильного приказа. Прошел почти год войны, а его полк так и не получал серьезной миссии. Были мелкие дела, но воевали в основном истребители. Все точечные удары устраивали, надеясь сломить ими партизан. Или пехоту с воздуха поддерживали. Доигрались до серьезных потерь, и только тут эти олигархи в правительстве вспомнили о Хантере. Ему поручалось почистить джунгли. Ну конечно! Один стратегический способен нанести удар, равный по силе полку «Фантомов». Вспомнили, наконец.

Хантер еще раз перечитал приказ. Цели ясны – нанести удар по складам и разорвать коммуникации. А уж средства он выберет сам.

Хантер разложил на столе карту и взял линейку. Он уже хорошо изучил повадки партизан. Фугасы на них тратить

бесполезно. Это как бить по термитнику камнем – убьешь одного, а сто разбежится. Нужны кассетные бомбы. Они имеют слабое проникновение, но покрывают большую площадь. И уничтожают все, подчистую. Никаких партизан. Никакого «мирного населения». Да тут и нет мирного населения! У них у каждого в доме есть оружие! Это днем они мирные, а ночью в джунгли и не сунься!

А еще хорошо зайти на цель строем. Хантер взял лист бумаги, линейку и начал скрупулезно вычерчивать план атаки. Да, самолеты пойдут строем, каждый обработает свою полосу. Получится сплошная ковровая бомбардировка.

Хантер тщательно рассчитал интервалы и дистанции, перенес схему на кальку и наложил ее на карту. Да, получалось очень красиво. Две квадратных мили голой земли на месте базы вьетконговцев – это неплохо. И никаких потерь.

Хантер еще раз взглянул на карту. В третьем квадрате схемы значилась деревня. Возле нее пометка: «мирная, гражданская». Хантер усмехнулся. С каких это пор здесь деревни стали гражданскими? А ради этого крысятника придется разрывать строй и делать два захода! Нет, такое дело ему не нравилось. Хантер попробовал нарисовать линии иначе, но все равно ничего не получалось. В строю оставался разрыв.

Хантер задумался. Он представил себе ровный строй бомбардировщиков, их заход на цель... Пока они развернутся, голопузые успеют убежать. Нет, не пойдет такое дело.

Хантер еще раз посмотрел отметки. «Население 1200 че-

ловек». Вот ведь расплодился! И так неудобно построили свой термитник, прямо у него на пути. Полковник задумался, затем послал всех политиков куда подальше и сомкнул строй на схеме. А затем взял ластик и стер деревню. Так будет всем спокойнее.

Глава 10. Сильвестр Макарони попадает на воспитание к сержанту

Командир у нас хреновый

несмотря на то, что новый

Только нам на это дело наплевать

Пулю в спину – гадом меньше

было б выпить что покрепче

Все равно с какой холерой воевать!

Р.Киплинг

Сильвестр Макарони, любимец публики, атлет, глубокий знаток военных комиксов, попал в армию. Он знал, что в армии главное. Главное – это схватить оружие и, встав в красивую позу и поливать врага очередями. При этом он, Сильвестр, будет стоять абсолютно невредимым под огнем целого батальона, а от каждого его выстрела будет падать по врагу. Где-то через полчаса батальон врага погибнет, а он, Силь-

вестр, спокойно дунет в ствол автоматической винтовки и закинет ее за плечо.

Винтовку Сильвестру, конечно, дали. Но вот патронов к ней не дали, а выдали флакон с маслом и заставили ее, эту винтовку, чистить. Это было новостью – Сильвестр и не подозревал, что герои сами чистят свое оружие. Он аккуратно разобрал винтовку, а вот собрать обратно уже не смог.

В тот раз сержант помог ему. А потом отвел его к каким-то людям в белых халатах, которые начали задавать ему всякие бессмысленные вопросы. Потом ему дали пластмассовый кубик, который рассыпался на детальки, и попросили собрать. Сильвестр вложил одну детальку в другую. Они не держались. Тогда Сильвестр нажал посильнее, детальки хрустнули и сцепились. Обрадованный Сильвестр своими могучими лапами так же слепил и остальные детальки, и отдал омерзительный комок психологам. Те хмыкнули и отпустили Сильвестра.

Неприятной процедурой была и строевая подготовка. Человек, называвший себя сержантом, заставлял их выполнять всякие нелепые упражнения. И лишь после того, как Сильвестр представил себя героем-победителем, дело пошло на лад.

Гораздо лучше выходили у Сильвестра гимнастические упражнения. А уж в упражнениях со штангой или с гантелями ему вообще не было равных. Сержант откровенно любовался его мускулами и говорил, что место Сильвестра не

в пехоте, а в артиллерии, чтобы таскать пушки. Сильвестр смущенно слушал похвалы и краснел от скромности.

Так прошел почти месяц его пребывания в учебном взводе, где его учили стрелять, бегать и окапываться. И вот тут произошел пренеприятнейший случай, едва не оборвавший жизнь Сильвестра.

Возле столовой в коридоре стоял автомат с «Кока-колой». Обычный автомат, какие стояли на улицах Фриско и других городов. Как всегда, Сильвестр подошел к автомату, сунул в него жетон и нажал кнопку. И протянул руку. Но прохладное тельце бутылки в ладонь ему не скользнуло.

Сильвестр выругался и снова нажал кнопку. Автомат щелкнул, но бутылки не было. Сильвестр стукнул по автомату, совсем тихонечко. Автомат молчал. Тогда Сильвестр, играя мускулами, обхватил автомат и начал его трясти. Автомат покачнулся, наклонился и с грохотом повалился на Сильвестра. Сильвестр успел отскочить, и все же автомат пребольно ударил его по ноге. Сильвестра тут же отправили в медчасть.

А на следующий день его, с забинтованной ногой, вызвал капитан. В кабинете сидел перепуганный представитель «Кока-колы», который при виде Сильвестра начал суетливо извиняться за инцидент. Капитан подробно расспросил Сильвестра о том, как было дело. Менеджер «Кока-колы» оправдывался, но капитан показал ему доклад о том, что на военных базах при подобных обстоятельствах двое

военнослужащих уже были насмерть задавлены автоматами, и Сильвестр только благодаря хорошей спортивной форме спасся от гибели. Дело кончилось клятвой менеджера намертво прикрепить все автоматы к стене, а Сильвестру в качестве компенсации выдал фирменную кепочку.

Капитан еще поразмышлял пару дней над этим эпизодом, а потом написал на Сильвестра самую лестную характеристику и оформил все его документы. А затем лично посадил в транспортный самолет, идущий в Сайгон через Гонолулу, и с довольным видом помахал рукой, когда самолет оторвался от полосы.

* * *

За время пребывания в учебном взводе рядовой Макарони успел многому научиться и сменить отсталые гражданские взгляды на прогрессивные военные. Но если служба в самих Штатах была хотя и важной, но все же службой, то оказавшись в Сайгоне, Сильвестр Макарони попал на войну.

– Здравствуйте, новички! – свирепого вида сержант ласково принял их в свои руки. – Значит, вы и есть пополнение? Откуда, из школы? Или сразу из яслей набрали?

Сержант прошел вдоль их коротенького строя, нервно потирая руки. Слова он не говорил, а выплевывал изо рта. При этом голова его подергивалась.

– Вы хоть винтовку в руках держать умеете? А бежать в

атаку под огнем? А в болоте лежать по часу? Умеете? Нет? Тогда запомните, что я для вас теперь царь и бог. Я своей задницей отвечаю за ваши долбанные никчемные жизни. Да. Поняли?

– Поняли, сэр! – нестройным хором ответили новички.

– Что? Не слышу!

Сержант сорвал с себя темные очки, и Сильвестр с ужасом увидел, что глаза у него смотрят в разные стороны. Правый глаз смотрел вправо, на строй пополнения. Левый глаз глядел прямо под ноги. Когда сержант повернул голову, глаза его, как у хамелеона, начали двигаться абсолютно независимо.

– Да, сэр! – Сильвестр напряг голос.

– Кто там такой голосистый?

Холодный жестокий глаз рептилии уперся в Макарони. Второй глаз, маленький и мутный, оглядел его с ног до головы.

– Эй ты, голосистый, запомни. И вы все запомните – меня зовут сержант Дойли. Дуглас Дойли! Прибавка «сэр» обязательна. Понял, здоровячок?

– Да, сэр! – Сильвестр вытянулся и по привычке героически выдвинул вперед челюсть.

– Пасть захлопни, – спокойно заметил сержант. – Молод еще, зубы показывать.

Сильвестр гордо выпятил грудь и не пошевелился.

– Ну? – Сержант еще раз взглянул в глаза Сильвестру.

Сильвестр икнул и стушевался.

– Запомните, детишки! Сержант Дойли уже два года месит эти поганые джунгли. На его руках – кровь двух десятков косоглазых. А троим он перерезал глотки вот этим ножом!

Сержант сделал неуловимое движение, и в его руках оказался армейский нож. Сержант поднял его над головой и повертел так, что на голубоватом лезвии заиграли солнечные зайчики.

– Видели?

Он вытянул руку с ножом и повел лезвие вдоль лиц новичков, в дюйме от их носов.

– Понял, ты, бугай? – сержант коснулся кончиком ножа подбородка Сильвестра. – Я из тебя сделаю худенького и шустренького солдата!

Сержант убрал нож и прошелся вдоль строя.

– Так вот! Я не хочу вас пугать. Я хочу, чтобы у каждого из вас был такой нож.

Сержант повысил голос и визгливо выкрикнул:

– Такой же нож! Как у меня! Поняли, ублюдки?

– Да, сэр! – дружно рявкнули новобранцы.

– Да. – Сержант тут же успокоился. – И я хочу, чтобы каждый из этих ножей перерезал желтую глотку. Я не хочу, чтобы кого-то из вас убили. Я сделаю так, что каждый из вас убьет желтых не меньше, чем я.

Сильвестр остолбенело молчал, глядя на дергающееся лицо сержанта, на его руки и на кончик своего носа.

– Ты! – Сержант снова ткнул в Сильвестра. – Книжки читал?

– Да, сэр! – Макароны поежился.

– Про гангстеров читал?

– Да, сэр!

– Слышал такое выражение «выпустить кишки»?

– Да, сэр!

– Так я тебя научу. Кишки выпускать. Возьмешь косоглазого... – в руке сержанта вновь оказался нож, – и потом чик его! Да не бойся ты, пока что твоим яйцам ничего не грозит. Вот если хоть раз меня слушаешься, тогда берегись. И вы все берегитесь.

Сержант хихикнул, и нож исчез, будто растворился в воздухе.

– Я сделаю из этого пушечного мяса солдат. Я сделаю из маменькиных сынков настоящих убийц. Поняли? Вопросы есть?

Сержант помолчал.

– Нет вопросов? Молодцы. Держать язык за зубами полезно. А теперь разойдись! Чтоб я вас до обеда не видел!

* * *

– Осмотрелся. Встал. Бегом. Бегом, бегом! Лечь!

Сильвестр нырнул в вонючую лужу.

– Встать!

Сержант недовольно задергал головой. Макарони уже хорошо узнал его и понимал, что когда щека дергается влево, это означает недовольство, а когда вправо – удовлетворение. Он знал, что глаза у сержанта смотрят в разные стороны после того, как он попал в ловушку вьетконговцев на тропе. Ловушка сработала плохо, и сержант не потерял голову, а только получил по ней изрядный удар. Он знал, что во взводе уже погибли двое, и именно после первой гибели рядового сержант Дойли завел себе нож. И все знали, что этот нож действительно перерезал горло троим вьетконговцам.

На этот раз щека дергалась влево. Сержант был крайне недоволен.

– Я научу вас дерьмо жрать! – кричал он. – Вы двигаетесь как улитки. А вьетконговцы любоваться на вас не будут. Они будут стрелять. Поэтому действовать надо стремительно. Быстро высунулся, огляделся, наметил следующее укрытие. Вскочил – и бегом, бегом к этому укрытию. Бегом! И сразу лег возле укрытия и перекатился под него. Почему перекатился? Чтобы снайпер места вашего падения не засек! Поняли? Повторяем.

Место для занятий сержант выбрал интересное. На нем было много укрытий, но возле каждого из них располагалась большая вонючая лужа. И прежде чем залечь на свое место, новичок должен был нырнуть в эту лужу.

Сильвестра возмущало такое поведение сержанта. Другие взводы уже побывали в бою, а их взвод каким-то образом

вместо боя нырять в вонючие лужи. Как удавалось сержанту отсрочить их выступление, оставалось загадкой.

Последний сюрприз от сержанта Дойла ожидал их в столовой.

– Второй взвод! – скомандовал сержант. – Ваш обед задерживается. У вас сегодня особое блюдо.

Сержант достал котелок, снял крышку и захохотал.

Сильвестр заглянул в котелок. Там плавали три толстые зеленые лягушки с желтой полосой на боку. Одна из них высунула морду из воды, посмотрела на Макарони и квакнула.

– Что это, сэр? – не выдержал один из солдат.

– Это ваш сегодняшней обед.

– Сэр?

– Есть их будете. Привыкать к местным условиям. А пока что каждый должен взять их в руки и подержать.

С чувством омерзения Сильвестр сунул руку в котелок и потрогал холодное скользкое тело.

– Э нет, толстячок, не так. Не пальчиками. Руками. Достань ее оттуда руками.

Содрогаясь от омерзения, Сильвестр вытащил лягушку из котелка.

– А теперь дави ее. Руками.

Сильвестр взглянул на лицо сержанта, пытаюсь понять, шутит тот или нет.

– Ну?

Сильвестр с содроганием сдавил скользкую голову. Спаз-

мы охватили его желудок. Он выронил лягушку в котелок и согнулся в приступе рвоты.

– Слабак! – сержант усмехнулся. – Как же ты косоглазых давить будешь?

– Я, сэр...

– Дурак ты. Где твой нож?

Сильвестр охлопал себя и развел руками.

– Чем же ты глотки резать будешь? Слушайте вы все, ублюдки! – Сержант обвел новичков взглядом. – Если завтра хоть у кого-нибудь не будет ножа, я заставлю его эту лягушку живьем сожрать. Поняли? Живьем жрать будете!

Сержант закрыл котелок.

– Я на кухню. Сварю их, и через пятнадцать минут будете есть.

Лапша в тарелке, которую они взяли через пятнадцать минут, казалась нормальной. И пахла вполне прилично. И если бы не суставчатая конструкция из тонких косточек, которая плавала в бульоне, Макарони с большим аппетитом съел бы ее.

Сильвестр побултыхал ложкой в лапше и постарался отодвинуть мясо и косточки.

– Куда!

Сержант незаметно подошел сзади.

– А ну, жри!

Макарони икнул.

– Жри при мне!

Макарони выловил кусочек мяса, пожевал и проглотил.

– Еще жри!

Сильвестр сунул в рот косточку и попытался ее обсосать.

– Вот представь, урод, – сержант сел рядом, – загонят ко-соглазые вас всех в болото. И жрать там нечего. Только пиявки и лягушки. И все сдохнут, кроме тебя. А ты не сдохнешь. Я, сержант Дуглас Дойли, обязан научить тебя выживать в таких условиях. И я научу. Жри, иначе я вобью это тебе в глотку!

Сержант прошелся вдоль столов, заглядывая в каждую тарелку.

– Пожрали? Выходи строиться!

Недовольные рейнджеры молча встали и вышли на плац.

– Ну, что притихли? – Сержант криво усмехнулся. Щека дернулась вправо. Сержант был доволен.

– Понравилось? Так вот, лягушек я не варил.

С этими словами он поднял с земли котелок и вылил из него воду. Вместе с ней выпал три толстых лягушки и шустро поскакали в кусты.

– Это цыплята были. Пока. Но вы у меня и лягушек жрать научитесь. И глотки резать научитесь. И вам еще нравиться это будет. Я, когда сюда попал, тоже добрый был и брезгливый. А потом как ребят у меня на глазах положили, злой стал. Поняли? Больше у меня никто не погибнет. Мы их как крыс давить будем, как крыс!

Глаз у сержанта по-хамелеоньи провернулся, шея дерну-

лась.

– Завтра на задание пойдем. Кто хочет дожить до второго задания, будет сегодня все лужи мордой пахать. Поняли? Жаль, собаку не смог достать, чтобы вы в живое тело нож воткнуть попробовали. А то в бою испугаетесь. Думаете, с ума сошел сержант Дойли? Как бы не так! Сержант всю эту войну без единой царапины пройдет. А пока на полигон, вороны вы щипаные. И в грязь мордой, в грязь!

Глава 11. Глава, в которой герои романа собираются вместе

Вот уже который месяц и уже который год

Прилетает "черный мессер" – спать спокойно не дает.

Он в окно мое влетает, он по комнате кружит.

Он как старый шмель рыдает,

Он как старый шмель рыдает -

Мухой пойманной жужжит.

Б.Окуджава

«Черный мессер»

– Ну, здравствуйте, лейтенант Кашечкин! Вот и увиделись!

Рузаев подошел и крепко пожал Кашечкину руку.

– Здравствуйте, товарищ полковник! Ваше задание выполнено!

– Которое задание? – Рузаев внимательно посмотрел на него.

– Тягач водить научился.

– Добро, – Рузаев усмехнулся, – а стрелять не разучился? Рузаев и Кашечкин впервые после учений встретились уже в международном аэропорту «Внуково» в Москве.

– Отличник боевой и политической!

– Рад за тебя. Растешь! Будем теперь служить вместе.

– Товарищ полковник, а вы про место службы все знаете?

– Не все, но многое.

– Расскажите?

– Конечно, в самолете.

Летели они долго. Магистральный четырехмоторный ИЛ-18 сначала нес их над родными русскими и казахскими просторами, над горами в Тегеран. В Тегеране заправились и полетели снова, на этот раз в Индию, в Бомбей. На этом перелете Кашечкин впервые увидел океан и джунгли. Он прилип к иллюминатору и отрывался от него только для того чтобы поесть. Рузаев в душе смеялся над его мальчишеством, но вслух ничего не говорил. Он был мудрый командир.

В Бомбее немного прогулялись и вдохнули тропического воздуха. После холодного самолета жара показалась чудовищной, Кашечкин сразу вспотел и нырнул обратно в самолет. Когда взлетели, он уже сладко спал, откинув кресло.

До столицы Лаоса, Вьентьяна, летели еще восемь часов. И, наконец, последний перелет до Ханоя занял всего час.

***

То, что американская армия завязла в джунглях, полковник Хантер понял довольно быстро. Даже привлечение его полка и зачистки на тропе Хо Ши Мина пока не давали результатов. Вьетконговцы, как тараканы, разбегались по лесу и тут же скапливались в новом месте.

– Я пригласил вас, господа, – начал полковник свою речь перед командирами экипажей, – чтобы довести до вашего сведения новую тактику ведения войны. Вот здесь, – он положил руку на папку, – новые директивы командования. И чтобы они не казались странными, начну с положения на театре военных действий.

Хантер замолчал. Офицеры переглянулись.

– Как вам известно, миротворческая миссия ограниченного контингента перешла в открытые боевые действия. Наибольшие потери несет пехота. Есть некоторые потери в штурмовой авиации. Войска Фам Ван Донга перешли к оборонительным боям. Эти неудачи есть следствие открытой помощи Вьетконгу со стороны Лаоса и Китая и скрытой помощи Советского Союза. Поэтому командование поставило задачу воздушным силам – пресечь любую активность Вьетконга в плане перевозок. Прошу высказываться.

– Сэр, – один из офицеров встал со своего места, – вы же прекрасно знаете условия местности. Надо уничтожить сами

джунгли, и только тогда мы сможем добраться до партизан.

– Да, – Хантер кивнул, – и каковы ваши предложения?

– Ядерное оружие? – раздался недоверчивый голос.

– Хотелось бы, конечно, – кивнул Хантер, – но в условиях Вьетнама его применение не даст результатов. Крупные города не являются стратегическими центрами. А в условиях гористой местности, по рассредоточенным базам, оно неэффективно. Командование обсудило этот вопрос и решило, что атомную бомбу во Вьетнаме мы применять не будем. Еще предложения?

– Нужно оружие массового поражения.

– Да, это ближе. Командование разрешило нам однократное применение нервно-паралитического газа «зарин» в районе Куангчи. В этом районе обнаружен подземный лагерь с госпиталем для партизан. Операция будет проводиться тайно. Разовая квота – пятьдесят тонн «зарина».

– Наконец-то мы выкурим их из нор! – радостно заметил майор Слоу.

– А как же ООН? – недоверчиво спросил кто-то.

Хантер махнул рукой.

– Есть разрешение командования. Будем давить их, как тараканов. И еще одна приятная новость. Нам передано химическое оружие, не подпадающее под конвенцию ООН.

Офицеры застыли, внимательно глядя на Хантера.

– Состав «эйджент оранж» совершенно безвреден для людей и относится к группе дефолиантов. Его разрешено рас-

пылять как над войсками противника, так и над мирным населением. Более того. Его можно распылять даже над нашими войсками. Он абсолютно безвреден. После его распыления с любой растительности в течение суток опадает вся листва, и ветконговцев видно, как на ладони. И тут появляетесь мы. Как думаете, с чем?

– С газом «зарин», сэр! – четко отрапортовал Слоу.

– Майор, химическое оружие – разовая акция! – Хантер поморщился. – Противника на очищенных от растительности местах следует уничтожать кассетными боеприпасами и бомбами типа «ананас». Наша миротворческая миссия должна войти в новую фазу активных действий.

– Мы выкурим их, как сусликов из нор! – снова повторил Слоу.

– Именно. Когда они окажутся на открытом пространстве, следует применить все средства для их скорейшей ликвидации. Операция близится к завершению. Именно стратегическая авиация решит исход нашей миссии.

На следующий день Хантер лично наблюдал за зарядкой в бомбардировщики баков с новым реагентом «оранж». Каждый бомбардировщик, стоявший возле ангара, окружало по четыре тягача, передававшие цилиндрические баки в бомбовые люки. Целями были основные направления наступления рейнджеров, чтобы те могли двигаться по чистой местности. Склад срочно получал заряды напалма и «ананасов», которые следовало применить после окончания действия дефо-

лианта.

Хантер принюхался. Из-за безвредности порошка контейнеры не заваривались, а закрывались крышками, и тонкий пряный запах стоял над аэродромом, перебивая вонь горелого керосина.

Проследив за перегрузкой, Хантер поднялся на диспетчерский пункт. Первый бомбардировщик уже начинал рулежку.

«Как сусликов», – вспомнил Хантер слова Слоу. Действительно, как сусликов. Слоу уже закончил рулежку и остановился, ожидая разрешения на взлет.

– Давай, сынок! – Хантер дал отмашку. – Вытрави их из нор!

Слоу дал форсаж и пошел на взлет. На рулежку выходил второй бомбардировщик. Миссия выполняема.

***

Июнь месяц во Вьетнаме – это начало сезона дождей. Полковник Георгий Рузаев и лейтенант Василий Кашечкин, едва сойдя с трапа в военном аэропорту Ханоя, остановились, ошеломленные солнцем.

– Здравия желаю! – чуть козырнув, к Рузаеву обратился высокий, худощавый, сильно загоревший человек. Из-под фуражки выглядывали седые волосы. Слегка прищуренные темные глаза внимательно смотрели на Рузаева. Взгляд их

был твердым и холодным. На плечах – погоны полковника с голубыми просветами.

– Здравия желаю. Шульц. Герман Генрихович. Военный советник.

Шульц протянул Рузаеву руку и крепко пожал. Ладонь его была мягкая, но сильная

– Подполковник Георгий Семенович Рузаев, командир батареи. А это лейтенант Кашечкин, офицер наведения.

Вася Кашечкин, сознавая собственное достоинство и величие, козырнул. Шульц ответил четким приветствием.

– Как добрались, товарищи?

– Хорошо. Только жарко у вас тут.

– Скоро еще жарче будет, – усмехнулся Шульц. Он был рад их прибытию, и не скрывал этого. – Как там Москва?

– Москва все хорошеет. А вы давно здесь, Герман Генрихович?

– Два года уже. Буду вас сопровождать и на первых порах помогу наладить взаимопонимание с местным населением.

Пойдемте, – Шульц повернулся и пошел в сторону ангаров.

– Подождите, а наши вещи?

– Вьетнамские товарищи позаботятся.

Двое солдат уже спешили к самолету. Вася с удивлением рассматривал этих маленьких человечков с раскосыми глазами. Но больше всего его удивили не рост и не глаза, а черные жесткие волосы, щеткой торчавшие из-под фуражки. Вася никогда еще не видел иностранцев, тем более иностранцы

никогда еще не носили его чемоданы. Вася остановился, замерев от удивления, и проводил их долгим взглядом.

– Лейтенант Кашечкин! – чуть насмешливо окликнул его Рузаев, – не отставайте!

Вася вприпрыжку бросился за командиром, но тут его нежную душу подстергала новая опасность. Навстречу прямо к ним шла девочка в военной форме. Кашечкин увидел длинные, красивые волосы цвета воронова крыла, стройную фигурку, угольно черные глаза... И еще, уж чего греха таить, увидел он маленькую девичью грудь. Эта девушка-девочка с вполне сформировавшейся фигурой, но маленькая, как статуэтка и с детски чистым лицом поразила сердце Васи. Поразила так, что на секунду померк божественный образ Светланы Акиньшиной. А когда черноволосая нимфа подошла и по-русски поздоровалась с Шульцем и Рузаевым, когда прозвенел ее ангельский голосок с музыкальным акцентом, сердце Вася замерло и глаза заволокло туманом. Лицо приобрело счастливо-глупое выражение, а в воздухе зазвенели стрелы Амура.

– Лейтенант Кашечкин, познакомьтесь. Это Фан Ки Ну, наша переводчица, – отрекомендовал Шульц. – Фан, это лейтенант Василий Кашечкин, в скором будущем старший лейтенант. Лейтенант, соберитесь! – строгий голос Шульца вернул Васю на землю с небес.

Фан Ки Ну протянула маленькую ручку, и Вася, краснея, неловко пожал ее.

– Здравствуйте, Василий Кашечкин, – прошебетала Фан. – Очень приятно.

– И мне очень приятно, – ответил Вася и покраснел еще гуще.

– Василий, идите-ка вперед, – холодно скомандовал Рузаев.

Сердце Фан сжалось от какого-то предчувствия, и хорошего, и страшного одновременно. И пока Вася шел к ангару, она непрерывно смотрела ему в спину.

– Герман Генрихович, как боевая обстановка? – спросил Рузаев, тоже глядя вслед Васе.

– Очень тяжелая. Авиация противника действует непрерывно, все время бомбят, средств ПВО катастрофически не хватает. Если бы вы знали, как Освободительная Армия вас ждет!

– Мы уже здесь. Комплекс разгрузили?

– Да. – Шульц мгновенно настроился на деловой лад, – и регламентные работы произведены.

– Хорошо. Осмотрю все лично. – Рузаев тоже сосредоточился.

– Конечно. Завтра и начнем

– Нет. Начнем сегодня.

Шульц выдержал паузу и затем с чувством пожал Рузаеву руку.

– Спасибо. Я думал, вы устали, отдыхать с дороги будете.

– На фронт отдыхать не ездят, – отрезал Рузаев.

– Тогда сегодня осмотр, а завтра едем на позиции.
– За сутки доедем? – поинтересовался Рузаев.
– Доедем. Комплекс доставят за три дня.
– Только бы американцы его на марше не перехватили.
– Я прослежу лично. Шпионов здесь нет, все спокойно, – заверил Шульц. – Я вас отвезу на склады. Фан Ки Ну будет переводить. Переночуете в гостинице, вечером заеду.

– Добро, – кивнул Рузаев – Лейтенант Кашечкин! – крикнул он в открытую дверь ангара, – берите девушку и идите к машине. Я скоро буду. Фан Ки Ну, проводите лейтенанта.

Фан Ки Ну взяла обмякшего Кашечкина своей маленькой ручкой под локоть и повела к машине. Ей было хорошо. А Вася еще не осознал, куда попал, и ему тоже было неплохо. Пока что.

***

Рузаев и Кашечкин проверили состояние оборудования и, особенно, электрики. Все было в норме. Тут же, не отдыхая, прямо в ночь, поехали на позиции. Ехали всю ночь и все утро. Советские офицеры, не привыкшие к этому часовому поясу, устали страшно, но уснуть в машине не смогли. Уже днем, при ярком свете, приехали на базу. Под густым пологом деревьев прямо в земле была вырыта целая сеть тоннелей, абсолютно не видимых с воздуха. Рядом располагалась деревня, на окраине которой стояли деревянные доми-

ки для военных. Гигантские деревья муссонного леса окружали этот с трудом отвоеванный у джунглей клочок земли. Деревья заслоняли солнце, создавая полумрак, и казалось, что они вот-вот кинутся на человеческие строения, чтобы подмять их под себя и превратить в такие же джунгли. Кашечкин, под утро все же заснувший прямо на сиденье автомобиля, потянулся, протер кулаком глаза и сладко зевнул.

– Что? Приехали, товарищ комбат?

– Приехали, Василий, приехали

Шульц вышел из машины.

– Тяо как, лиен со⁶! – к Шульцу уже подходили вьетнамские партизаны.

– Здравствуйте, товарищи, – Шульц по-русски крепко пожал им руки.

Из домика к офицерам вышла Фан Ки Ну, которую Шульц заранее направил в лагерь. Первым ее заметил Кашечкин. И замер, прикрыв ладонью сведенный зевотой рот.

– Здравствуйте, товарищ советник. – Фан Ки Ну обращалась, как и положено в армии, по старшинству.

– Здравствуйте, товарищ подполковник. Здравствуйте, товарищ лейтенант.

– Ой! Здравствуйте! – Вася отнял руку ото рта и расплылся в улыбке, – вы к нам надолго?

– Я? – удивилась Фан Ки Ну. – До окончания подготовки позиций и обучения расчета.

---

⁶ Здравствуйте, советские товарищи! (вьетн.)

– А мы долго будем готовить. И учить будем долго! – обрадовался Кашечкин.

– Лейтенант Кашечкин! – снова прервал его Рузаев, – пойдемте посмотреть новое место жительства. Нам дают день отдыха.

Осматривать поселок, состоявший из двух домиков, их повел пожилой вьетнамец, которого Фан Ки Ну представила как товарища Тхан Донга. Видимо, товарищ Донг был очень доволен тем, как он сумел подготовиться к встрече «товарищей лиен со», и весь светился от гордости, показывая запредельную в их местности роскошь.

– Вот! – хвастался он. – Здесь ваши комнаты. У каждого отдельная. Кровать вам. Тумбочка. Стул вот есть! Хороший, французский. Скоро обед приготовят, приходите в столовую, покушаете.

– А столовая где?

– Там, – махнул Тхан Донг в сторону леса, – недалеко. А вот здесь у нас даже душ имеется!

– Душ – это хорошо, – отметил Рузаев. – А вот где у вас это, как его... – Рузаев замялся.

Фан Ки Ну, готовясь переводить, терпеливо ждала.

– Оправляться личному составу где! – наконец сумел сформулировать он.

– Простите, что? – удивилась Фан Ки Ну, – вот же все так удобно.

– Я имею в виду туалет.

– Да вот же, – улыбнулась Фан Ки Ну, показывая на обширный эмалированный рукомойник, – умывайтесь, пожалуйста!

– Он про сортир спрашивает, – хладнокровно уточнил Шульц. – Армейский нужник у вас где?

Фан Ки Ну удивленно вскинула брови и что-то быстро стала говорить Тхан Донгу. Между ними завязался оживленный диалог, в ходе которого Тхан Донг становился все более озадаченным и расстроенным.

– В чем дело-то? – не выдержал Шульц.

– Товарищ Тхан Донг говорит, что вообще-то лес большой, и в любом месте можно испражняться. Еще у них есть яма, там, за домом, но ей пользуются редко, потому что запах сильный.

– А будка? – удивился Кашечкин.

– Товарищ Тхан Донг не понимает. Там над ямой лежит бревно. Садиться можно прямо на него.

– То есть сидеть на бревне посреди площади под окнами двух домов. А в соседнем доме что находится?

– Там казарма женского состава.

– Да, – протянул Рузаев, – недоработочка. Спросите товарища Тхан Донга, а нельзя ли загородочку какую-нибудь сделать? Ну, чтобы не на виду сидеть, хоть чуть-чуть закрыться.

Фан Ки Ну снова поговорила с Донгом и пояснила:

– Товарищ Тхан Донг просит прощения, он не знал, что обычаи советских товарищей такие же, как у французов. Он

извиняется и говорит, чтобы вы отдохали и не беспокоились, а он все сделает.

– А это, того, нельзя ли побыстрее... – смутившись, спросил Кашечкин.

– Сейчас все сделаем! – Улыбнулся Тхан Донг и, выглянув в открытую дверь, что-то закричал наружу. – Идите, все готово!

Офицеры вышли во двор и увидели замечательную картину – на самом краю ямы стояли три солдата и держали в руках растянутые наподобие ширм одеяла.

– Прошу, – с самодовольным видом пригласил Тхан Донг, – пожалуйста! Тужтесь в свое удовольствие, они постоят, сколько понадобится. Когда закончите, крикните погромче!

– И так каждый раз? – в ужасе переспросил Кашечкин.

– Нет, что вы! К обеду все будет как надо, – еще больше обрадовался Тхан Донг.

– Делать нечего, пойдёмте! – усмехнулся Шульц.

– Неужели и позиции так же оборудованы? – забеспокоился Кашечкин.

– Вот и посмотрим. Лейтенант Кашечкин, не задерживайте товарищей – оправиться и в душ.

Вася, сглотнув противный комок в горле, на глазах прекрасной Фан Ки Ну зашел за одеяло и подумал, что хуже этого ничего уже быть не может. Но он ошибся – самое интересное было впереди.

Когда Шульц с Рузаевым зашли в дом, Кашечкин уже мылся в душе. Из-за занавески слышался веселый плеск и пение.

– Значит, так, – Шульц обратился к Рузаеву, – вода здесь не просто плохая. Она чудовищная и кишит паразитами. Сырую воду не пить, ни под каким предлогом, даже если ее пьют сами вьетнамцы. Во-первых, они привыкли, а во-вторых, они тоже заражаются. Подцепите какую-нибудь заразу, которую в Союзе и лечить-то не умеют – намаетесь по здешним госпиталям.

– Добро. Пить только кипяченую воду. – Рузаев кивнул.

– Да. Заранее наполняйте фляжки. И еще. Чтобы вода была лучше, мы добавляем в нее немного рисовой водки. Вообще-то местная водка – дрянь ужасная. Я вам дам бутылку хорошего рома, добавляйте его в воду. Знаю, что это нехорошо, но выхода нет.

Рузаев снова кивнул.

– Далее. Белье во дворе сушить нельзя. Здесь водится муха, которая может завестись в мокрой одежде. Кашечкин, слышите меня? – крикнул Шульц, перекрывая плеск.

– Слышу! – ответил Вася. – У меня рому нет, у меня только бутылка водки. Мама дала.

– О! – одобрил Рузаев, – молодец, мама!

– И последнее, – продолжил Шульц, – в душе вода еще хуже. Упаси вас боже хоть каплю проглотить. Когда будете мыться, закрывайте глаза и затыкайте уши, чтобы глисты не

попали на слизистую оболочку. Тут у них иногда даже пиявки сквозь душевую сеточку проскакивают.

– А-а-а-а!!! – раздался дикий вопль Кашечкина.

– Лейтенант, в чем дело? – Рузаев отдернул занавеску.

Кашечкин выскочил из-под душа и, стоя с закрытыми глазами, шарил рукой по стене, ища полотенце.

– Отвечайте.

– У-у-у, – плотно сжав веки и губы, Вася с мычанием тряс головой.

– Можете открыть рот. А так же глаза, – заметил Шульц. – Вы уже на сухом месте.

– Да, – Вася ошалело потряс головой, затем икнул и согнулся в рвотном спазме.

– Воды наглотался, – понял Шульц, – и много?

– Я это, того, – Вася пытался подавить рвоту, – я думал, показалось. А оно на языке шевелилось! Думал, показалось! А значит, это правда!

– Червяка проглотил? – так же спокойно поинтересовался Шульц.

– Похоже. Я умру? – в глазах Васи стояли слезы.

– Не должен. Если быстро примем меры, стой смирно, а я схожу за лекарством.

– Да, пожалуйста, – пробормотал голый и мокрый лейтенант Кашечкин.

Шульц полез в вещевой мешок, порылся в нем и достал бутылку, заполненную какой-то желтоватой масляни-

стой жидкостью. На дне бутылки, уютно свернувшись кольцами, плавала маленькая дохлая змея.

– Что это? – удивился Рузаев.

– Лучшее лечебное средство, – улыбнулся Шульц, – китайская водка.

– А змея зачем?

– Для усиления целебных свойств. Змеиный яд удивительно сочетается с китайским спиртом.

– А можно без змеи, товарищ подполковник, – жалобно спросил Вася, – можно нашей, московской?

– Без змеи? – Рузаев взял бутылку, оценивающе прищурился и с омерзением налил стакан желтой вонючей жидкости, – без змеи нельзя. Без змеи не стошнит. Пей, нарушитель дисциплины.

Вася взял стакан, зажмурился и одним махом выпил.

– Огурца нет, – предупредил Шульц, – но есть банан. Будешь?

Вася молча кивнул. На глазах его выступили слезы. Он схватил маленький банан и затолкал его в рот.

– Хорошо пошло. Правильно, – отметил Рузаев.

– Надо повторить, – Шульц налил еще полстакана.

Обезумевший Кашечкин молча взял стакан и снова выпил.

– Молодец, – откомментировал Рузаев. – теперь срочно, товарищ лейтенант, наденьте штаны, пока не развезло.

Вася покорно начал одеваться. В одну штанину он залез

нормально, на второй его уже сильно качнуло.

– Действует! – радостно отметил Рузаев

Шульц молча кивнул и открыл входную дверь, Вася пулей выскочил в нее. Снаружи донеслись звуки рвоты.

– Сильная вещь эта китайская медицина! – заметил Рузаев.

– Пожалуйста, впредь будьте осторожны. А пока помогите.

Вдвоем они приподняли Васю, который, очистив желудок, спал на самом солнцепеке, и перенесли его в тень.

– Еще раз напоминаю об осторожности, – серьезно заметил Шульц. – Мойтесь, отдыхайте, обедайте. В пятнадцать ноль-ноль я за вами заеду.

***

Рузаев ополоснулся в душе, согласно инструкции, закрыв глаза и заткнув уши. Вода была теплая и противная, удовольствия не доставила, да еще влажный воздух не давал как следует обсохнуть. Усталость давала знать о себе, но спать совершенно не хотелось. Сказывалось нервное перенапряжение последних дней. Рузаев присел на низкий порожек двери, достал сигареты и закурил, стараясь струйкой дыма отогнать нескольких надоедливых moskitov. Выкурив сигарету, Рузаев встал и пошел посмотреть на Кашечкина, которого они с Шульцем благоразумно занесли в бунгало и положили на койку, дабы не позорить честь советского офицера перед

вьетнамцами.

Услышав шаги Рузаева, Кашечкин проснулся и вскочил с койки, все еще слегка пошатываясь.

– Иди умойся, Василий, – усмехнулся Рузаев, – легче станет.

Кашечкин подошел к умывальнику, открыл кран и с ужасом посмотрел на воду.

– А может, не стоит? – слабо спросил он.

– Что ж ты теперь, всю командировку немытым ходить будешь? Смотри, весь землей покроешься, грибы на тебе вырастут.

– А вдруг опять?

– Глаза закрывай, как Герман Генрихович говорил. И, главное, рот береги. А то ты им злоупотреблять стал. Рот офицеру, согласно Устава, для чего положен? Для рапорта начальству, для руководства подчиненными и для приема пищи. А ты им все спорить норовишь.

– Не, я не спорю, я уже, товарищ комбат! – Вася храбро зачерпнул пригоршней воду и плеснул ее в лицо.

– На, – Рузаев выложил на тумбочку армейскую алюминиевую фляжку в зеленом матерчатом чехле, – выпей полстакана, и полегчает. Но не больше!

– Что это? – Кашечкин торопливо вынул голову из умывальника.

– Вода с ромом. Герман Генрихович дал, специально для тебя. Да не бойся ты, – Рузаев заметил, что Кашечкина пере-

дернуло, – в ней градуса почти нет. Но много не пей, полстакана, и все. Не хватало, чтобы тебя снова развезло. Приведи себя в порядок и выходи.

***

Рузаев вышел наружу и снова закурил, дожидаясь Кашечкина. Внезапно неподалеку раздались выстрелы. Стреляли сразу несколько стволов, сперва одиночными, затем короткими очередями.

Тут же из дверей выскочил одетый в форму Кашечкин.

– Что это, товарищ комбат?

– Не знаю. Тихо!

Выстрелы повторились. Они чередовались через ровные промежутки, аккуратными пачками.

– Война? – снова спросил Кашечкин.

– Нет. Не похоже. Стреляют из наших, из «калашниковых». И слишком равномерно. Нет, на бой не похоже.

Внезапно там, в лесу, грохнуло так, что в домике зазвенели стекла. Пригнувшись, Рузаев тенью метнулся к деревьям, внимательно осмотрелся и махнул лейтенанту. Тот быстро подбежал.

– Как бы нам не влипнуть, – заметил Рузаев, – пока мы еще ничего здесь не знаем. И смотри, ни одного вьетнамца! Даже переводчицы нет. Спрячься тут, а я посмотрю.

Лейтенант очень не хотел пачкать свою полевую форму и

не залег, а только прижался к дереву, рассчитывая, что его и так не видно. Полковника не было минут десять, и Кашечкин начал беспокоиться.

– Лейтенант Кашечкин! – внезапно раздался веселый голос откуда-то сбоку, – маскироваться не умеете!

– Извините, товарищ комбат.

– Отставить извинения. Будете направлены на дополнительные полевые занятия. А вообще-то, отбой тревоги.

– Что там?

– Стрельбы учебные. Пойдем, посмотришь, как твой будущий расчет владеет стрелковым оружием.

– Есть пойти посмотреть, – лейтенант быстрым шагом пошел к Рузаеву. Тот развернулся и двинулся на выстрелы в сторону полигона.

– Да пошевеливайся быстрее, а то девчонка твоя там заждалась.

– Какая девчонка? – не понял Кашечкин.

– Переводчица наша, Фан. Все там, и она там. О тебе спрашивает.

– Ну что вы, товарищ комбат... – протянул смутившийся Кашечкин.

Но Рузаев его уже не слушал. Выстрелы звучали все ближе, они вышли на неширокую просеку, видимо, недавно вырубленную. Огромные деревья с еще не увядшей листвой лежали прямо на земле, здесь же валялись срубленные стволы поменьше, какие-то пальмы и папоротники. На одном кон-

це просеки, на открытом месте и в зарослях, скопилось около сотни молодых партизан с автоматами, под предводительством командиров, среди которых офицеры узнали и Тхан Донга.

– Тяо как, лиен со⁷! – обрадовано закричал Тхан Донг и пошел им на встречу.

Все вьетнамцы обернулись на этот возглас и обступили советских офицеров.

– Здравствуйте, товарищи, – приветствовал их Рузаев. – Мы просто посмотреть хотели.

Откуда-то из толпы выбежала Фан Ки Ну и начала переводить.

– Товарищ Тхан Донг говорит, что на сегодня у них запланированы стрельбы, и он будет рад показать советским, как умеют воевать бойцы Национального фронта.

– Спасибо. С удовольствием посмотрим. Это, наверное, новое поколение учится?

– Нет, что вы! У нас каждый крестьянин владеет оружием, а эти бойцы служат уже более полугодом. Мы просто проверяем их качество стрельбы.

– Зачет, по-нашему. – Рузаев с сомнением покачал головой, посмотрев на поясные мишени, стоящие всего в ста метрах от рубежа огня, – это все старослужащие?

– Больше половины.

Рузаев подошел ближе и стал наблюдать, как трое бойцов

---

⁷ Здравствуйте, советские товарищи! (вьетн.)

вышли на исходную позицию, легли, передернули затвор и открыли огонь короткими очередями.

Прозвучала команда, бойцы прекратили огонь, на смену им пришли другие.

– Фан Ки Ну, спросите у товарища Тхан Донга, какие у них нормативы, – не удержался Кашечкин, сам неплохо стрелявший, и еще в училище любивший выезды на полигоны.

– Что такое нормативы? – не поняла Фан Ки Ну.

– Это сколько раз попасть надо.

– Товарищ Тхан Донг говорит, дается пятнадцать патронов, попасть надо не менее семи раз.

– Что? – изумился Вася, – семь раз, со ста метров, по мишени в полроста? Это же...

– лейтенант Кашечкин! – попытался остановить его Рузаев, но было поздно.

Тхан Донг заметил, а Фан Ки Ну начала переводить.

– Да, так стреляют бойцы народной армии. Вы тоже так стреляете?

– Это норматив для новобранцев, – выдавил Кашечкин, – мы стреляем не так.

– А как? – заинтересовался Тхан Донг, – Расскажите. А еще лучше, покажите!

– Да нет, вы не поняли, – замялся Кашечкин, но Тхан Донг уже подавал ему автомат.

– лейтенант Кашечкин, на рубеж! – скомандовал Рузаев, исподтишка показав ему кулак.

– Есть на рубеж! – Вася отсалютовал автоматом и направился к куче веток на огневом рубеже.

С похмелья Васина голова болела отчаянно, руки тряслись. Спиртовые пары слегка клубились в голове, зеленая мишень периодически расплывалась на фоне листвы и, казалось, корчила рожи. Несмотря на солнце, в джунглях стоял полумрак, и резкие светлые пятна бликов сильно мешали.

Привычным движением лейтенант снял автомат с предохранителя, тщательно прицелился и плавно нажал спусковой крючок. Автомат, установленный на очереди, коротко стукнул двумя выстрелами. Вася поймал ритм дыхания и наконец-то совместил его с колебаниями мушки. Вздых – прицелиться – выстрел – выдох. Автомат послушно стучал ровными очередями по два-три выстрела. Вьетнамцы замерли, не сводя глаз с мишени и с Васи.

Затвор сухо щелкнул. Лейтенант отработанно поставил автомат на предохранитель, встал и отрапортовал:

– Лейтенант Кашечкин стрельбу закончил.

– Вольно! Встать в строй, – скомандовал Рузаев.

Василий повернулся через левое плечо и строевым шагом подошел к Рузаеву. Проверяющий вьетнамец выскочил из укрытия, подбежал к Васиной мишени и что-то прокричал. Все вьетнамцы загалдели.

– Тринадцать из пятнадцати, – перевела Фан Ки Ну, – товарищ Тхан Донг говорит, что это великолепный результат.

– Я мог бы и лучше, если бы не усталость, – Вася почув-

ствовал облегчение. – Да я что, вот товарищ комбат стреляет!

– Товарищ подполковник, а вы могли бы показать? – перевела Фан Ки Ну слова Тхан Донга.

– Автомат – не офицерское оружие, – усмехнулся Рузаев, – я все больше по самолетам стреляю. Из автомата не интересно.

– Да, – подтвердил Тхан Донг, – и у нас командиры вооружены в основном пистолетами. У нас есть товарищ Аунг Сан, который очень хорошо стреляет из пистолета. Не хотите посмотреть?

Этот открытый вызов на соревнование насмешил и слегка рассердил Рузаева. Но делать нечего. Он прекрасно помнил, что уклонение от вызова в глазах азиата означало открытое признание собственной слабости, а победа в соревновании давала непоколебимый авторитет. Авторитет Рузаеву нужен абсолютный, потому что завтра эти солдаты должны будут в бою беспрекословно ему повиноваться. И верить. Ему и Кашечкину, верить в их ум и меткость.

– Ну что ж, пожалуйста, товарищ Аунг, покажите нам свое мастерство.

Аунг Сан по-восточному поклонился, достал пистолет и, взяв его сразу двумя руками, тщательно прицелился, раздался выстрел, со ствола дерева шагах в тридцати полетела кора. Аунг Сан, чуть помедлив, выстрелил еще. Вторая пуля расщепила ствол рядом с первой. Восемь раз стрелял Аунг Сан,

и восемь раз пули ложились рядом. После девятого выстрела ствол дерева хрустнул, и оно переломилось. Вьетнамцы восторженно закричали.

Рузаев усмехнулся.

– Замечательно! А где вы научились такой манере стрельбы, чтобы оружие сразу двумя руками держать?

– О! – расцвел Аунг Сан, – я много лет наблюдал за учениями американцев в Сайгоне. Лучшие их десантники так стреляют. А вы как стреляете, так же?

– Нет, не так.

Рузаев достал свой верный «ТТ», перезарядил его и прицелился в другое дерево. Как на тренировках по стрельбе, он расставил ноги, вытянул правую руку, а левую заложил за спину. Свободной левой рукой он изо всех сил сжал пустую гильзу, чтобы вся дрожь мышц ушла в нее. Девять выстрелов грянули, слившись в подобие автоматной очереди, и с древовидного папоротника отлетели девять листьев с перебитыми черешками.

– О! – вздохнули разом Аунг Сан и Тхан Донг.

Все вьетнамцы разразились восторженными криками.

– Удивительно, – признал Аунг Сан, – может, отнесем мишень подальше?

– Спасибо, не стоит, – Рузаеву не хотелось открытого поражения этого пожилого вьетнамца, но не хотелось и поддаваться. – Давайте, я лучше вам пару цирковых номеров покажу.

С этими словами Рузаев вставил в свой пистолет новую обойму.

– Лейтенант Кашечкин, дайте ваше оружие!

Рузаев взял по пистолету в обе руки, глубоко вздохнул и открыл огонь сразу с двух рук. Листья с верхушки еще одного папоротника брызнули в стороны, и через несколько секунд перед изумленными зрителями торчала лишь голая палка.

– Ай-хо! – выдохнул Тхан Донг, – где вы научились так стрелять?

– Я всю войну прошел, от начала и до конца. В разведке служил. Понимаете, что это значит? С сорок первого по сорок пятый. И остался жив. Вот повоюете сами, узнаете.

– А можно так научиться?

– Кто жив останется, то научится.

Рузаев отдал Кашечкину пистолет и начал убирать свой в кобуру.

– Товарищ комбат, вас тут бойцы спросить хотят, – обратилась к нему Фан Ки Ну.

– Да, переводи.

– Они спрашивают, это вы будете командовать их силами ПВО?

– Не всеми ПВО, конечно. Только этой батареей.

Оглушительным радостным криком встретили все солдаты и командиры этот ответ.

– Товарищи говорят, что с таким командиром они легко

победят янки и их сайгонских прихвостней.

– С хорошими бойцами все получится, – кивнул Рузаев, – давайте уж я вам еще кое– что покажу. Есть у вас ненужная шляпа?

Прекрасная конусообразная шляпа из рисовой соломы тут же оказалась у него в руках.

– Нет, эту жаль. Старую дайте.

– Берите, берите, – торопливо закивал Тхан Донг, дрожа от радостной возможности услужить такому человеку.

– Ну что ж, давайте. Кашечкин, отойдите метров на пятнадцать и подбросьте.

Кашечкин, однажды видевший этот трюк, взял шляпу и отошел.

– На счет «три» бросайте, – скомандовал Рузаев, – раз, два, три!

Кашечкин ловко кинул шляпу в воздух, и она, кружась, полетела через просеку. Рузаев несколько раз выстрелил, и при каждом выстреле из шляпы летела пыль и клочки соломы. В летящий предмет легко попасть из дробовика, но не из пистолета, и вьетнамцы, знавшие это, замерли от восторга. Но выразить восторг им не дали.

– Тяо как донг ти⁸! – внезапно раздался голос Шульца, говорившего по-вьетнамски.

– Товарищи офицеры, – Шульц перешел на русский язык, – я вас там жду, а вы – здесь.

---

⁸ Здравствуйте, товарищи! (вьетн.)

Вьетнамцы загалдели, но Шульц твердо развернулся и повел Рузаева с Кашечкиным назад, в расположение части.

– Товарищи, – сказал он, когда они отошли достаточно далеко, – что за несерьезное отношение к делу.

– Это серьезное отношение. Это проверка боевого состава.

– И шляпа тоже?

– Со шляпой погорячились. А вообще, боец должен доверять командиру.

– Это же просто технический персонал и приданные части. Всего-навсего рабочие и боевое охранение. Им и оружие-то не понадобится.

– Товарищ Шульц, что-то вы слишком пренебрежительно относитесь к личному составу, – Рузаев остановился, – не по-коммунистически как-то.

– Я здесь уже два года, а вы порядков местных не знаете, – зло ответил Шульц, – а если бы вы опозорились? Кто бы вас выручил?

– Товарищ комбат не опозорился бы, – не по Уставу встрял в разговор Кашечкин, – товарищ комбат, между прочим, чемпион южноуральского округа по стрельбе.

– Это верно? – переспросил Шульц.

– Да, – кивнул Рузаев.

– Что ж, вопрос исчерпан. Пойдемте обедать.

Они вышли из сплошных зарослей к домикам. Внезапно Рузаев замер, пораженный.

– Что это?

– Где? – не понял Шульц.

– Да вот же! – Рузаев показал пальцем на задворки и зашелся в диком хохоте.

Посмотрев в указанном направлении, фыркнул и Кашечкин.

– Да, постарались вьетнамские товарищи, – сухо улыбнулся Шульц.

На месте выгребной ямы красовалось новенькое, чудовищное в своей монументальности сооружение. Это была не фанерная будочка, как предполагали офицеры. Это была крепостная стена, сложенная из крупных булыжников, залитых свежим бетоном. Стена была полуметровой толщины и диаметром метра четыре, не меньше. Но самым смешным было то, что этот монстр скрывал человека только до пояса, а выше все оставалось на виду.

– Да, – протянул Вася, обходя это фортификационное сооружение вокруг, – и ведь всего за полдня соорудили!

– Старались товарищи, – отметил Рузаев.

– А это что? – удивился Кашечкин.

И действительно, сооружение представляло собой не замкнутый круг, а нечто вроде полукольца. С одной стороны закрытое, оно зияло с другой стороны широким, как ворота, проемом. Проем этот смотрел прямо на окна женской казармы.

Сзади подошли Тхан Донг и Фан Ки Ну.

– Товарищ Тхан Донг спрашивает, все ли хорошо сделали? – перевела Фан Ки Ну.

– Да, спасибо. Товарищи благодарят, – по-вьетнамски ответил Шульц.

– А что, повыше нельзя? И дверцу вместо дырки? – спросил было Кашечкин, но Рузаев быстро вмешался.

– Не надо переводить, мы сами все уладим.

– А на мой взгляд, очень хорошо сделали, – заметила Фан Ки Ну, – ваш домик полностью закрыт, и вас никто не будет тревожить.

– А мы? – Кашечкин не мог молчать.

– О, вы нас абсолютно не тревожите. Нам даже приятно, – Фан Ки Ну улыбнулась, – пойдете обедать.

***

Столовая для гостей представляла собой плетеную хижину, рядом с которой находился очаг с вмурованным в него котлом. Ели вместе за деревянным столом. Рузаев наклонился и выловил откуда-то из-под стола бутылку настоящей пшеничной водки.

– Вот так! – прокомментировал он, – надеюсь, все будут.

– У меня только одна и есть, – смутился Кашечкин.

– Товарищ! Хотя у вас мама и опытная, – Рузаев ловко разлил водку по пяти чашечкам, – но и я путешественник бывалый. Это личные запасы. Ну, за хорошее начало!

Чокнулись и выпили. Шульц и Рузаев только крякнули, а Тхан Донг поперхнулся и полез руками в блюдо с рисом. Глядя на это, Рузаев снова нырнул под стол. На это раз у него в руках был настоящий кирпичик черного хлеба.

– Режьте, – вздохнул он, – от сердца отрываю.

Обрадованный Шульц, уже два года не видевший настоящего русского хлеба, схватил огромный штык-нож и начал кромсать им буханку на толстые ломти. Выпили еще раз и закусили.

– Плохо, стаканов нет, – заметил Рузаев.

– Зато чашки хорошие!

Тхан Донг, Рузаев и Шульц пили крупными глотками, причем вьетнамец заметно охмелел. Кашечкин и Фан Ки Ну отхлебывали по чуть-чуть, и их обоих одинаково передергивало.

– Ничего, привыкай, – Рузаев хлопнул Кашечкин по плечу, – на фронте это называлось «наркомовские сто грамм». Наркомовские, понял?

– Не надо привыкать, – заметил Шульц.

– Почему? – удивился Рузаев.

– Здесь водки нормальной нет. Табак есть, чай есть, а водки нет. Не умеют делать.

– Что же они так?

– А вы заметили, – неожиданно сменил Шульц тему, – как они к нам относятся. Как бан лиен со⁹! Запомните эту фразу.

---

⁹ Советские друзья (вьетн.)

Как бан лиен со.

– Да, советские друзья, – подтвердил Тхан Донг.

– Они ведь нам самое лучшее отдают. Нам вот на обед и рис есть, и масло, и свинина. А у самих ничего нет! Сами-то они этого позволить не могут.

Фан Ки Ну молча слушала Шульца, а Тхан Донг, не понимая, согласно кивал и улыбался.

– Вот вы над туалетом смеялись, а ведь достаточно было им намекнуть, и они за полдня построили. Как муравьи навалились и сделали, по мере своего понимания, – продолжил Шульц.

– Да, да, – кивал Тхан Донг, – верно.

– Надо – они всю батарею на руках перенесут. И вас собой закроют. Потому что вы двое – их последняя надежда на победу. На победу малой кровью!

Шульц ударил кулаком по столу.

– А вы по шляпам стреляете. А они, – он кивнул на Тхан Донга, – пылинки с вас сдувать будут. И дел важных ждать будут. Вы для них – единственное средство нагнать страху на американцев. Такого, чтобы они в самолет залезать боялись.

Шульц немного помолчал, затем продолжил:

– Они вам очень благодарны. И на все для нас готовы. На все.

Шульц, смакуя, допил водку и закусил черной горбушкой.

– Так что ешьте, и за дело.

Глава 12. О том, как американцы

учатся насаждать демократию

Empty spaces – what are we living for

Abandoned places – I guess we know the score

On and on

Does anybody know what we are looking for

Another hero another mindless crime¹⁰

Queen

Взвод сержанта Дойли погрузили в катер и повезли по реке. Другие взводы, также на катерах, следовали на некотором отдалении.

Катер шел вверх по течению, мощно взрывая воду тупым носом. По берегам реки тянулись бесконечные заросли, болота и рисовые плантации, неотличимые от болот. Здесь же дружными кучками располагались деревушки на сваях из бамбука. При виде катеров местные жители настораживались, но особого беспокойства не проявляли.

Сильвестр сидел на планшуре и наблюдал за жителями.

---

¹⁰ Пустота – для чего мы живем, Зброшенныя места – я думаю, мы знаем цель, Вперед и вперед, Знает ли кто-нибудь, что мы ищем, Другой герой и другое бессмысленное преступление

Мужчины что-то делали на широких верандах, нависающих на свайных опорах над рекой. Женщины ходили по плавающим настилам и полоскали с них белье в мутной, грязной воде. Мощная волна, идущая за катером, набегала на эти мостики, и люди еле удерживались. Одна женщина не успела вовремя убежать, волна ударила в бамбуковый настил, перевернула плетеную корзину, и белые тряпки поплыли по воде. Женщина забегала, замахала руками, открывая рот в неслышном за рокотом моторов крике. Разморенный жарой и одуряющим однообразием дороги, Макарони рассмеялся.

– Что там?

Сержант лениво, через плечо, смотрел на него.

– Корзину у вьетнамца смыло.

– Ну-ка! – Катер отошел довольно далеко от места происшествия и сержант, чтобы лучше видеть, достал бинокль. – Класс!

Минуту он с удовольствием наблюдал за суетой вьетнамцев, которых захлестывали буруны, а затем крикнул рулевому:

– Эй, там! Держи ближе к берегу.

– Есть, сэр!

– И прибавь, если можно!

– Немного можно.

Катер зарычал сильнее, приподнял нос и пошел возле самых бамбуковых свай. Мощный вал катился по человеческому муравейнику. Сержант весело хихикал. Старые солдаты и

новобранцы, понявшие маневр сержанта, сдвинули козырьки кепок и начали наблюдать.

– О, побежал, побежал! Убежит, нет? Убежал!

– Смотри, смотри, свалился!

– О, поплыли! И корзина уплыла!

– Ладно, хватит! – прекратил их восторги сержант и вновь скомандовал рулевому: – На середину выруливай!

Катер зарычал глуше и пошел ближе к середине реки. Навстречу ему, вниз по течению, спускалась длинная лодка, наполненная всяким хозяйственным добром. Два вьетнамца, один на носу, другой на корме, увидев катер, начали лихорадочно тыкать в воду длинными шестами, пытаясь отвести лодку в сторону. Рулевой, чтобы дать им пройти, немного сбросил газ.

– Куда! – усмехнулся сержант. – Держать курс.

– Так ведь это корыто!

– Дави его!

Двигатель взревел, и катер вновь поднял пенный бурун перед носом. Вьетнамцы громко заверещали, стоявший на носу мужчина бросил шест и замахал руками. Катер приближался, и оба вьетнамца сиганули в воду. Форштевень с хрустом врубился в утлую деревяшку, лодка перевернулась, и винт разрубил ее пополам. Минута – и посреди пенного следа на волне закачались обломки лодки, какие-то корзины, россыпи орехов и две головы. Одна голова спокойно поплыла к свайному домику, а другая повернулась к американцам

и начала громко кричать какие-то слова, размахивая над головой худеньким кулачком.

Глядя на этого смешного крестьянина с его нелепыми угрозами, сержант перешел на корму, расстегнул кобуру и пару раз выстрелил. Пули выбили фонтанчики недалеко от вьетнамца, и тот нырнул, подавившись последними словами.

– Вот так надо внушать им уважение! – сержант дунул в ствол пистолета и спрятал его обратно в кобуру.

Увидев этот жест, Сильвестр весь подобрался. Это был жест его мечты – дунуть в пистолет над телом поверженного врага. Замирая от внутреннего волнения, он спросил:

– Это и есть враги, сэр?

– Это? – сержант удивленно дернул шеей. – Это, парень, союзнички у нас такие.

– Что? – не понял Сильвестр.

– Наши враги – партизаны. Они далеко еще. Враги – северные вьетнамцы. А это вьетнамцы южные. Союзнички, мать их!

– Что же мы с ними так обращаемся?

– А как мы с ними обращаемся? Мы же пока эту сволочь гражданскую не убиваем. Вот пусть и будут благодарны.

Солнце еще стояло высоко, когда катера ткнулись к берегу.

– Рамос и Макарони со мной, в охранение. Остальным разбивать лагерь. От катеров не отдаляться, – скомандовал Дойли.

- Уже прибыли? – спросил Сильвестр, идя за сержантом.
- Нет еще. Здесь переночуем. Не ночью же туда являться!
- Почему?
- Ночью косоглазые тебе знаешь что устроят? Не знаешь?

Вот лучше этого и не знать.

На следующее утро катера быстро дошли до излучины реки и высадились ниже деревни. Взвод рассыпался цепью, и солдаты, стреляя, кинулись вперед. Со стороны деревни раздались выстрелы.

– Ложись! – скомандовал сержант. – Приготовились! Мелкими перебежками!

Старослужащие, повинуясь легким движениям руки сержанта, перебежками окружили деревню. Казалось, она кишит вьетконговцами, но потом огонь быстро ослабел.

– Уходят. Не хотят огонь на деревню вызывать, – откомментировал сержант.

Не заходя в деревню, взвод начал вытеснять партизан на поля, совершенно безлесные, покрытые высокой травой.

Сильвестр, пытаясь не отстать от старослужащих, бежал, падал и стрелял по маленьким фигуркам впереди. Над его головой свистели пули. Невдалеке раздался крик, затем мучительные стоны. Сильвестр понял, что кого-то ранили.

– Стой! – сержант махнул рукой. – Хватит людей терять! Вызываем авиацию!

Рейнджеры вытянулись цепью и залегли, глядя на то, как партизаны поспешно отступают. Те, чувствуя неладное, от-

крыли сильный огонь.

Неожиданно воздух буквально застонал. Хищная длинная тень пронеслась по небу.

– Вот они! – вскрикнул сержант. – Ложись, ребята!

Воздух над скоплением партизан вздрогнул, там появился огромный клуб пламени, который прокатился, снося все на своем пути. Дальний лес утонул за стеной ярко-оранжевого пламени с дымным султаном.

– Вот и все. Барбекю готово!

Сержант встал и взгляделся в стену пламени.

– Хорошо! Чувствуете, сынки, как пахнет? Это напалм. У него запах бензина. Это запах победы! Вставай!

Сержант толкнул Сильвестра носком ботинка. Сильвестр послушно встал.

– А они не вылезут?

– А там некому больше вылезать. Авиация хорошо поработала. Теперь и мы поработаем.

Первый и третий взводы остались в охране, остальные пошли обратно в деревню. Только тут выяснилось, что рядовой Морган погиб в этом бою. Сержант угрюмо смотрел на мертвое тело, которое санитары несли к катерам.

– Ну, видел?

Сильвестр кивнул.

– Запомни хорошенько. Эти крысы могут кусаться! А этот сраный клоповник, – он махнул в сторону деревни, – их кормит! Ничего, сейчас разберемся.

Рейнджеры бегом бросились к деревне. Сильвестр, в первый раз увидевший гибель человека, стоявшего с ним в одном строю, немного замешкался. Наверное, именно поэтому он и заметил, как от деревни, пригибаясь, бегут двое вьетнамцев.

– Сержант! – крикнул Сильвестр, снимая винтовку с предохранителя. – Там кто-то бежит!

Дойдя остановился и поднял свое оружие.

– Стреляй!

Сильвестр прицелился и выстрелил.

– Промаях! – откомментировал сержант. – Стреляй очередями!

Фигурки петляли, стараясь сбить прицел, но Сильвестр снова нажал спусковой крючок. Одна фигурка споткнулась и упала. Сержант очередью срезал вторую.

– Поздравляю!

У Сильвестра дрожали руки.

– Кто это был? Партизаны?

– Нет. – Сержант усмехнулся. – Крестьяне разбежались. Нас боялись. И правильно боялись.

Когда они вошли в деревню, рейнджеры уже начали выгонять на улицы всех жителей. Озверевшие солдаты не церемонились, били их прикладами, упавших пинали ногами. Одна женщина высунулась из-за угла и тут же шмыгнула в тень.

– Смит, Макарони, за мной! – Сержант заметил подозри-

тельное движение.

Они побежали за женщиной и увидели, как та пытается приподнять раненого вьетнамца.

– Стой!

Сержант рванул ее за плечо. Женщина смотрела на него безумными, испуганными глазами.

– Ну-ка, – сержант оттолкнул ее в сторону и наклонился над раненым. – А вот это партизан. У него же вся рожа в пороховой гари!

Женщина дернулась, но Сильвестр уперся ей в живот стволом винтовки.

– Так-так, – сержант покачал головой, – и что будем делать? Как думаете?

– Не знаю, сэр! – осторожно заметил Смит.

– Зато я знаю. На, – он протянул Смиту свой пистолет, – пристрели его!

– Что? – не понял Смит.

– Пристрели эту сволочь! Пристрели!

– Не могу... – Смит побелел.

– Тогда я сам тебя пристрелю, – безумные глаза сержанта снова смотрели в разные стороны. – Убей его, молокосос! Это приказ!

Смит дрожащими руками взял пистолет, помедлил и выстрелил. Живот вьетнамца окрасился кровью, он дико закричал и скорчился.

– Дурак, – откомментировал сержант, – в голову надо бы-

ло. Стреляй!

Но Смит отвернулся, и его начало выворачивать мучительными спазмами. Тогда сержант вынул из его руки пистолет и спокойно дважды выстрелил вьетнамцу в голову. Полетели ошметки мозга и кровь.

– Восемнадцатый, – усмехнулся сержант.

Сильвестр отвернулся. Сержант подождал, пока его и Смита закончило трясти.

– Ну, все проблевались? – спокойно спросил он.

– Да, сэр! – Макарони отдал честь.

– Молодец, гангстер! – сержант похлопал его по плечу. –

Готов выполнить приказ?

– Да, сэр!

– Тогда убей ее!

Дойли ткнул стволом во всхлипывающую женщину.

– Зачем?

– Чтобы вьетконговцам больше не помогала. Ну?

Сильвестр сделал шаг назад и поднял винтовку. Женщина, увидев его жест, взвизгнула, вскочила и бросилась бежать. Макарони нажал спуск, и пуля разбила ей затылок.

– Отлично! – похвалил сержант. – Ну, пошли, нам еще много работы предстоит. Надо всю эту сраную деревню очистить. Вперед, ребята!

***

Сказать, что младший лейтенант Дональд Мюррей был очень плохим курсантом, нельзя. Он оказался даже лучше, чем можно было ожидать, исходя из студенческой биографии. Он не был плохим летчиком. Просто недисциплинированным. А чего еще ожидать от студента, который всеми силами старался удрать от всяческого дела и который, в конце концов, оказался в армии, да еще и на войне?

Скажем, летать он научился хорошо. Еще в университете Дональд гонял на машине так, что сидевшие с ним девушки визжали, а парни морщились. Эта автомобильная лихость сильно помогла ему овладеть скоростной боевой машиной. Но вот приучить себя выполнять задания, спокойно и вдумчиво пилотируя в заданной зоне, он так и не смог. Именно поэтому его и выставили в первую очередь из училища во вновь формируемую часть.

Жизнь в армии казалась Мюррею омерзительной именно из-за дисциплины. Хорошо еще, что он попал в авиацию, а не в пехоту, и ему не пришлось заниматься строевой подготовкой, а потом лазать по этим джунглям с автоматом в руках. Обязанности его были сложны, но не обременительны, противник оставался далеко внизу, а миссия по восстановлению мира не грозила затянуться.

Авиационный полк, в который попал Мюррей, действовал

с острова Фукуок уже почти год. Ветераны полка почти ежедневно, как на работу, вылетали на задание, бомбили косоглазых и вечером возвращались назад. Они-то и растолковали Мюррею правила здешней жизни.

Приличных городов на этом паршивом острове не водилось. Существовала военная база и деревушки. Самые продвинутые деревушки лепились к базе и кишели косоглазыми, которые только и мечтали получить донг¹¹-другой с ее обитателей. Все пространство вокруг базы превратили во вьетнамский рынок, и не успел Мюррей выйти за ворота, как ему всучили соломенную шляпу.

На этом рынке продавали все – вещи, еду, выпивку. А за доллары могли в пять минут организовать девочек или заvertку наркоты.

Ветераны местную наркоту хвалили, а вот девочек настоятельно не рекомендовали. Точнее, они категорически не рекомендовали девочек из притонов, мотивируя это тем, что сами притоны – место темное. И что со временем, когда Мюррей освоится, ему лучше найти себе постоянную девушку в деревне. Или парочку. И что лейтенант Даллас в скором времени возвращается в Штаты и вполне может предоставить свою туземную жену Мюррею. В общем, здесь неплохо.

Не понравился Мюррею их командир звена, капитан Блай. Он совершенно не занимался вводом молодого пополнения в строй. Он не показывал им местные достопримечательно-

---

¹¹ Вьетнамская валюта

сти и не водил в офицерский бар. Он не давал рекомендаций по выпивке и девочкам. Он скомандовал тревогу и с секундомером наблюдал, как они бежали к машинам. А затем заставил бежать еще раз. А потом посадил каждого из новичков в свою машину и заставил больше часа маневрировать в тренировочной зоне. А затем построил их возле своих машин, на самом солнцепеке, и начал речь.

– Вы считаете себя офицерами. Вы думаете, что вы летчики. Но то, что на гражданке вы учились в колледже и то, что вас научили летать, еще не делает вас летчиками. Вам еще нельзя поручать ответственных заданий. Поэтому мы начнем с простых миссий. И когда вы вернетесь, не думайте, что стали ветеранами. Я лично буду следить за каждым вашим шагом. – Блай прошелся вдоль строя и посмотрел в лица летчиков и операторов. – Я буду следить за вами. Я не хочу, чтобы вы сложили головы за тысячи миль от Штатов по собственной глупости. Но и беречь вас я не буду. Запомните это раз и навсегда. Вопросы есть?

– Сэр, – начал Мюррей, сдерживая внутренний смех, – а телесные наказания вы не применяете?

Блай смерил его взглядом с ног до головы.

– Нет. Телесные наказания применяю не я. Вы что думаете, вьетконговцы совсем дикие? У них и самолеты есть, и зенитные пулеметы. Так что когда косоглазые возьмут вас за горло, а вы будете жаться ко мне, я сперва надаю вам пинков. И лишь потом возьму под свою опеку.

Еще меньше Мюррею понравился командир полка, полковник Уилсон. Этот вообще речей не произносил. Этот устроил учения и в бинокль внимательно следил за всеми маневрами новичков. А затем, после разбора полетов, подошел к Мюррею, посмотрел на него, произнес: «Мне не нужны трупы летчиков!» и назначил ему дополнительные полеты.

***

И все же характер Мюррея давал себя знать. Военная служба и лично капитан Блай сильно дисциплинировали его, но перевоспитать совсем не могли. И вот однажды вечером, получив разрешение отсутствовать сутки, Мюррей двинулся за ворота базы.

Он направился в поселок, который вьетнамцы создали специально для выжимания денег из американских военнослужащих. Это была утоптанная площадь, на которой с утра и до поздней ночи под видом колониальных товаров продавалась всякая необходимая для веселья всячина. Подойдешь к такому вьетнамскому торговцу, и он, кажется, чинно торгует фруктами, а посмотришь попристальнее – у него и другой товар есть.

Начал свое веселье Мюррей с выпивки. Пить им запрещалось, и поэтому в увольнении он решил расслабиться. Выложив кучу баксов, он купил у старого вьетнамца рисовую

водку. А потом столкнулся с Джойсом. Водку они выпили и вернулись, чтобы набить старику морду. Но старик уже успел удрать, поэтому пришлось бить морду другому вьетнамцу. А потом они пошли в бар и стали пить еще что-то. Кажется, бармен утверждал, что это виски.

– Америка! – подвыпивший Мюррей сравнивал содержимое стаканов. – Я жил на восточном побережье. И на западном. Я там учился. И чего мы здесь воюем? В Штатах сейчас лучше.

– Не скажи! – Джойс отпил из своего стакана.

– Ты что, считаешь, что здесь хорошо?

– Нет. Но есть хорошее место.

– Калифорния! – Мюррей стукнул кулаком по столу.

– Остров Тасмания!

– Что? – не понял Мюррей. – Это где?

– Это Австралия.

– Откуда ты знаешь?

– Я там родился, – мечтательно протянул Джойс. – У отца была ферма. На этой ферме пять тысяч овец. Встаешь утром, травой пахнет, овцами, молоком. Отец верхом на лошади, и меня рядом сажает.

– А меня отец все время на машине возил! – заметил Мюррей.

– Машина – не то. Вот утром, верхом, с отцом, овец гонишь...

– Джойс, – вполголоса спросил Мюррей, – а ты как сюда

попал?

– Я по контракту. Я ведь австралиец.

– Слушай, Джойс, – неожиданно для себя Мюррей прослезился, – я тоже хочу утром, на лошади.

– Приезжай в гости, – кивнул Джойс. – Земля большая, ее всем хватит. Утром встанем, выпьем молока, оседлаем лошадей, и в дорогу. Загоним стадо, вечером вернемся. Хорошо!

– Приеду! – Мюррей опять стукнул кулаком. Стаканы подпрыгнули и зазвенели. – Закончим эту войну, и приеду.

– Нескоро мы ее закончим, – Джойс покачал головой.

– Да будь она проклята!

Мюррей выкрикнул эти слова и замер, подавленный простой мыслью. Неприятие войны давно копилось в его душе, но только тут приобрело такую выраженную форму.

– Джойс, – тихо спросил он, – а за что мы тут воюем?

Джойс пожал плечами.

– Не знаю. Мне деньги нужны. Я за свои деньги воюю.

– А я за чьи деньги воюю? – удивился Мюррей.

– За чьи-нибудь обязательно воюешь. Войн без денег не бывает.

– А зачем они воюют? – он кивнул на вьетнамцев.

– За власть воюют.

– А мы с ними?

– Мы с ними. Знаешь, как они нас ненавидят? А как бояться? Южных вьетнамцев всего горстка, и без нас их бы давно

разгромили. Вот они нас и терпят. Боятся, а терпят.

Мюррей сплюнул.

– Джойс, а тут девочки есть?

– Есть. Я тут себе замечательную девочку нашел. Кинешь ей сотню в месяц, и она вся твоя. Я по девкам тут не ходок, да и тебе не советую.

– Да, – Мюррей вздохнул, – хорошо тебе.

– А хочешь, – Джойс заговорщицки подмигнул, – я ее тебе уступлю? Мне она надоела.

– А она симпатичная?

– Спрашиваешь! Хочешь, этот месяц будем иметь ее вместе, а потом она вся твоя будет?

– Годится! – Мюррей встал.

– Тогда с тебя выпивка! – Джойс усмехнулся, – и за этот месяц ей платишь ты.

– Попролам! – возразил Мюррей.

– Э, нет. Это же клад, а не девочка. Не проститутка. Только с тобой будет, и больше ни с кем. Свистнешь – в казарму прибежит. Ее охрана уже знает, пропустят. Во!

– Ладно, веди, показывай! – усмехнулся Мюррей.

– Выпивка с тебя.

Джойс подмигнул и вышел в душную тропическую ночь. Мюррей кинул деньги на стойку и пошел за ним.

Первый боевой вылет Мюррея был несложным. Он почти не волновался. Гораздо больше нервничал его оператор, сержант Макинтош, для которого это тоже был первый боевой вылет. Но все прошло гладко. Блай сам, аккуратно и точно, вывел их на цель, они сделали по два захода, и Мюррей с удовольствием заметил, как на месте попадания что-то загорелось. Второй и третий вылеты прошли также гладко, и, наконец, капитан поручил ему достаточно опасную миссию по бомбежке военных складов под Данангом.

Воздушная обстановка была спокойная, и три «Фантома» шли без строя на большой дистанции, на трех тысячах футов. Мюррей уверенно вел машину, изредка поглядывая на затылок шлема Макинтоша. Справа огромной синей чашей лежал океан, по которому были разбросаны крупинки островов. Слева, вдалеке, громоздились темные горы. Мюррей спокойно осматривал их, когда темная тень промелькнула со стороны солнца.

– Чарли-второй, справа «МИГи»! – раздался в шлемофоне голос ведущего.

Мюррей рванул ручку на себя, вспоминая все, что он знал из тактики. Он помнил, что «МИГ» легче «Фантома», и поэтому главное – не дать втянуть себя в сражение на маневре. Кроме того, «МИГ» лучше летит на малой высоте.

Перегрузка вдавила его в кресло.

– Чарли-третий, они над тобой! – неслось из шлемофона.

Мюррей выровнял самолет и увидел сверху, как пара «МИГов» заходят на еще не успевшего набрать высоту Джойса. Ударили пулеметы, и из «Фантома» полетели какие-то лохмотья.

– Дональд, бомбы! – закричал Макинтош.

– Что? – не понял Мюррей.

– Бомбы сбрасывай и баки отстреливай!

– Дерьмо! – Мюррей выругался на свою забывчивость и щелкнул рычажками. Кассеты с бомбами и подвесные баки полетели к земле. Облегченная машина стала намного послушнее. «Фантом» ведущего тем временем включил форсаж и стал потихоньку уходить от «МИГов».

– Пятнадцатые, – определил Макинтош, – старые, еще времен корейской войны.

– Чарли-второй, Чарли-третий, на базу! – раздался голос Блая. – Я сам разберусь!

Его «Фантом» выскользнул откуда-то снизу. «МИГи» заложили вираж и пошли на сближение. Мюррей дал газу и ушел на разворот. В наушниках звучали какие-то визгливые вопли и ругань Блая. Эскадрилья поспешно разбежалась в разные стороны, и только Блай со Смитом пытались оказать сопротивление. Мюррей не рискнул ввязываться в драку. Судя по стихшему эфиру, бой быстро прекратился.

– Чарли-первый, как дела? – не выдержал Мюррей.

– Ушли. – Блай был раздражен. – Чарли-третий, как там?

– Стабилизатор не работает, – ответил Джойс, – Но машина слушается.

– Дотянешь?

– Дотяну.

Джойс первый раз побывал в подобной переделке. Голос его дрожал.

– Чарли-третий! – окликнул его Мюррей. – Как давление в системе?

– Гидросистема не задета!

– Доletим.

Дальше они летели, перебрасываясь короткими фразами. Мюррей видел самолет Джойса, летящий впереди. Его сильно качало из стороны в сторону. Они сели через двадцать минут, показавшиеся Мюррею вечностью. Его собственный самолет не был поврежден, но Мюррей не сводил глаз с датчиков, ожидая, что какой-нибудь прибор покажет неполадку.

Мюррей вылез из кабины и, шатаясь, как пьяный, пошел к ангару. Светило яркое солнце, и он удивился тому, какие резкие и темные тени отбрасывают самолеты. Налетел ветер, пальмы по краям площадки начали размахивать своими листьями-лапами. Мюррей посмотрел на них и удивился тому, что не замечал раньше их красоты.

Санитарная машина подъехала к одному из самолетов, из кабины выволокли Джойса и его оператора. Не убитых и не раненых, но не стоящих на ногах. Мюррей помахал ему ру-

кой, и только теперь осознал, что остался жив, и что это небо, эти пальмы, эти тени сказочно прекрасны, потому что они – живые. И Мюррей почувствовал, что ему не нужен этот вьетнамский базар, эти самолеты, этот офицерский бар, эти женщины. Ему страстно захотелось жить долго и не умирать никогда.

***

Одной из самых сложных задач летчика на истребителе-бомбардировщике является сопровождение пехоты. Здесь важна точность действий. Немного недовернешь, и кассетные бомбы или бак с напалмом попадут не на врага, а в джунгли за его спиной. Дашь немного больше – и бомбы вывалятся на собственные войска. Поэтому наводили точно и тщательно. Новичков инструктировал сам полковник Уилсон. Первый раз на сопровождение пехоты их повел лично капитан Блай.

В тот раз пехотный батальон зажал вьетконговцев в клещи и загнал на самую вершину большого холма. Джунгли на холме и его западный склон кишели косоглазыми, и чтобы проредить этот муравейник с минимальными потерями, рейнджеры вызвали авиацию. Их звено шло двумя парами, и ведущим у Мюррея был капитан. Вьетнамская авиация им не попадалась, и они спокойно, плотной группой, на шести тысячах футов, подошли к цели. А затем пришлось снизить-

ся до трехсот футов, чтобы не промахнуться.

Как только они снизились, вьетнамцы открыли по ним бешеный огонь из ручного оружия. Мюррей знал, что этот огонь крайне неэффективен и все пули пролетят мимо, либо чиркнут по обшивке, не причинив ни малейшего вреда. А также он знал, что месяц назад в соседней эскадрилье вьетконговцы сбили-таки один самолет из обычного ручного пулемета. Когда они зашли на цель, и зеленый мех джунглей превратился в море отдельных деревьев, у Мюррея защемило под ложечкой. Навстречу самолету понеслись светлые строчки трасс. Казалось, зелень шевелится от скрытых под ней насекомых, которых надо срочно вытравить.

Капитан Блай нес напалм, а Мюррей – кассетные бомбы. Блай шел первым, чтобы взрывная волна не повредила его самолет. И когда сброшенный им бак лопнул, Мюррей увидел, как сплошное яркое море горящего напалма заливает лес, мощно просвечивая его изнутри. От сплошного потока оторвалась огненная клякса, подпрыгнула и разлилась в стороне. От этой кляксы в стороны разбежались маленькие, похожие на муравьев фигурки, отчетливо видимые на фоне лесной прогалины. На это муравьиное скопление и вывалил Макинтош все кассеты с «ананасами». Секунда, и растревоженный муравейник исчез под крылом.

Что там творилось, Мюррей не видел. И вообще он почти никогда не видел результатов своей работы. Слишком быстро летел «Фантом». Да его это и не слишком интересовало.

Отбомбился – и на базу. А о результатах пусть докладывает разведка, изучившая фотографии, сделанные хвостовой камерой.

Мюррей постепенно втягивался в боевую жизнь и из зеленого новичка превращался в ветерана. Он знакомился с джунглями, глядя на них с высоты. Он знакомился с жизнью вьетнамцев, гуляя по базару и окрестным селам. Жизнь его распалась на две половинки. В одной жизни он гулял с ребятами, пил в баре, веселился и смотрел на вьетнамцев. В другой – сидел в штабе над картами, летел над океаном и аккуратно поливал напалмом таких же вьетнамцев.

Воевать было просто. Все сводилось к обслуживанию техники, да и то всю черновую работу делала аэродромная служба обслуживания. Мюррей бросал напалм и видел его взрывы, но никогда не видел его в сыром виде. Техники крепили под крыльями герметичный контейнер – и все. Мюррей осматривал, проверял замки и взрыватель, а внутрь не лез.

Не видел он ни разу и живого вьетконговца. В его глазах они были даже и не людьми, а какими-то мелкими букашками, которые разбегались по земле при виде его самолета. И он вообще не чувствовал, что кого-то убивает. Он летел, выводил самолет на цель, Макинтош нажимал кнопку, и все. Огненная волна накрывала мелких букашек далеко-далеко внизу.

Глава 13. О том, как американцы первый раз столкнулись с русскими

Не на равных играют с волками

Егеря – но не дрогнет рука, -

Оградив нам свободу флажками,

Бьют уверенно, наверняка.

В.Высоцкий

На следующий день Рузаев и Кашечкин с утра приступили к проверке боевой готовности комплекса. Фан Ки Ну еле успевала за Рузаевым, который до мельчайших деталей изучал состояние техники и тут же экзаменовал вьетнамских операторов. Они знали несколько основных команд по-русски, так же как и Рузаев выучил пару вьетнамских фраз, но без Фан Ки Ну наладить взаимопонимание еще не получалось.

Больше всего Рузаева беспокоили дожди и сами вьетнамцы. Дожди были удивительные. Только что небо было чи-

стое, и вдруг на землю вываливались целые потоки воды. Час шел чудовищный ливень, потом небо светлело и снова появлялось солнце, жаря раскаленными лучами все вокруг. Но эти лучи не сушили землю. Наоборот, от них с мокрой земли поднимались густые клубы влаги, липкой и удивительно едкой. Дао Тхи Лан уже предупреждал их, что от сырости и дерево, и ткань одежды, и изоляция проводов мгновенно гниют и расползаются. Двигатели машин, залитые водой, не заводятся. Даже в лесу нет бревен – упавшие стволы мгновенно превращаются в труху. Влага, способная съесть автомобильный мотор, тем более губительна для электроники и конденсаторных батарей, которыми была напичкана станция.

Не меньшую сложность представляло и общение с вьетнамцами. Феноменально упорные и трудолюбивые, они днем работали, а по ночам сидели за книгами и учили, учили... Не имея образования, они наизусть выучивали то, что не могли понять. Они были готовы на все, на любые жертвы ради победы. Но в то же время, раз вбив себе что-то в голову, они потом переучивались с трудом. Уже утром Рузаев, ругаясь, сдирал изоляционную ленту с приемников давления, которую вьетнамцы накрутили, «чтобы вода не попадала».

Рузаев еще раньше, при вступлении комплекса в строй, гонял и гонял вьетнамцев до изнеможения, и теперь видел, что они вполне способны управлять дизельной электростанцией, заряжать установки и дежурить в кабинах. Что же касалось точного наведения, то здесь Рузаев, не строя иллюзий,

полагался только на себя и на Кашечкина. Все же трех классов образования и двухмесячной подготовки было маловато.

Около полудня в небе раздался рев, и на хорошей высоте прошла пятерка «Фантомов». Они шли плотным строем и только на значительном отдалении чуть снизились. Раздались приглушенные расстоянием звуки взрывов, затем пятерка в том же строю, на той же высоте парадным маршем вернулась назад.

– Они что, каждый день так летают? – Рузаев обернулся к Дао Тхи Лану.

– Нет, не каждый день, – покачал Дао Тхи Лан головой, – пять раз в день бывает тоже.

– На такой высоте?

– Да. Им так удобнее всего бомбить. Что, плохо?

– Наоборот. Идеальная цель. Плотная группа на высоте около километра. Сильно бомбят?

– Сильно. У нас там склады. И там тоже были, – Дао Тхи Лан махнул рукой, – и там были.

– А теперь?

– Теперь нет. Ковровая бомбардировка, и ничего нет. Ни деревни, ни складов, ни дороги.

– Давно была бомбардировка?

– Недавно. Три дня назад. Все погибли, все.

– А маскировка не спасла?

– Ничего не спасло. Они бомбят, о!

– Полковник, далеко это место? Хотелось бы посмотреть.

Тхи Лан как-то странно взглянул на него.

– Можно ехать. Сейчас безопасно.

Рузаев, Кашечкин, Тхи Лан и водитель-вьетнамец сели в «газик» и по скрытой лесом дороге отправились к бывшим складам. Через час езды они остановились. Дорогу преграждал завал стволов. Дальше, впереди, лес редел и совсем сходил на нет.

– Приехали. Здесь!

Тхи Лан вылез первым, Рузаев и Кашечкин за ним. Впереди простиралась вырубка. Земля на ней была перепахана крупными, в человеческий рост, воронками, и завалена кусками обгорелого дерева. Дожди уже сгладили воронки, вбили остатки деревьев в землю, и от этого вырубка выглядела еще хуже.

– Вот, смотрите.

Рузаев огляделся. Прямо в джунглях, словно чудовищным катком, была вырублена полоса метров триста шириной и почти в километр длиной. Посреди зеленоватых обломков выделялось желтое пятно.

– Что это? – Рузаев показал на пятно.

– Это деревня была. А это склады, – Тхи Лан показал на еще одно пятно.

– Ничего себе! – он полез через обломки.

– Не ходите туда! – остановил его Тхи Лан.

– Почему?

– Там мины. Неразорвавшиеся маленькие шарики.

– А как люди оттуда выходили? Кто их спасал?

– Там нет людей. Некого спасать. Это люди. – Тхи Лан махнул рукой в сторону темного пятна.

– Ясно. – Рузаев кивнул. – И как летели американцы?

– Как всегда. Три бомбардировщика.

– Это были не «Фантомы»? – уточнил Рузаев.

– Нет, большие самолеты. Кассетные бомбы. Бомбы падали сплошным ковром. Ничего не осталось.

– По-моему, тут даже почвы не осталось! – заметил Кашечкин.

– Все-все уничтожено, – подтвердил Тхи Лан, – лес, дома, люди. Все осталось там, под землей.

Рузаев и Кашечкин молча смотрели на эту гигантскую мясорубку, которая изгрызла такие огромные площади.

– Много погибло? – спросил Рузаев.

– Немного. Сто человек.

– Постарались янки! И часто они вас так бомбят?

– Здесь раз пять-шесть в день. Здесь склады. В других местах реже, два-три раза в день.

– Сколько же здесь бомб? – удивился Кашечкин.

– Много. У них бомбы ковром падают. Нигде не скрыться! – спокойно ответил Тхи Лан. – Они нас найти в лесу не могут, поэтому и уничтожают все подряд. А недавно ядом поливать стали. Пролетит самолет, все листья с дерева опадут. Потом бомбят.

– Все время строем летают?

– Да, один за другим. Один бомбы бросил, за ним другой, третий. Вот как здесь.

Рузаев еще раз внимательно осмотрел жуткую просеку. Опытным глазом он отметил направление и высоту захода, рассеивание бомб. В одном месте земля встала валом, и Рузаев понял, что здесь отбомбился один самолет и начал работу другой. По картине слепого, безжалостного уничтожения он восстанавливал тактику действий летчиков и тут же рисовал ее в блокноте.

– Тактику они не меняют? – снова уточнил он.

– Нет. А зачем? Стараются сделать больше шума и страха.

– Психическая атака, – усмехнулся Рузаев, – стараются испугать противника. Удастся?

– Да, – Тхи Лан посмотрел ему в глаза, – это очень страшно. И нечем ответить. Нас бомбят, а нам абсолютно нечем ответить.

Кашечкин еще раз посмотрел на прогалину. Отдельных воронок не было, все перемешалось в единый завал из взрытой земли и крупных щепок.

– А в войну так же было? – спросил он Рузаева.

– Нет. Фашисты бомбили, конечно, но не сплошным ковром. Эти хуже фашистов.

– Да, бомб не жалеют. И попадают снайперски, – заметил Кашечкин.

– Зато непуганые. И атакуют плотной группой! – спокойно ответил Рузаев.

Небо снова задрожало от гула. На этот раз на фоне чистого неба они хорошо разглядели, как пятерка «Фантомов» развернулась фронтом и, даже не снижаясь, сбросила бомбы на какую-то дальнюю цель. Куда падали бомбы, они не видели, и не слышали разрывов, потому что вновь хлынули потоки дождя.

***

Вернулись на позицию уже в темноте. Только под самый вечер вьетнамцы успели доставить ракеты и зарядить установки. Рузаев, проверив готовность, скомандовал отбой. Сам он достал записи, открыл свой блокнотик и устроился на командирском месте, вычерчивая планы. Начертив план, он что-то долго считал, затем, недовольный итогами, сминал лист, рвал его в мелкие клочки и выбрасывал.

Не спалось и Кашечкину. Он еще не имел опыта боевой стрельбы и сначала повторял инструкции и руководства, затем прокручивал в уме все свои действия. Каждый раз в результате этих действий самолет противника уходил. Кашечкин вздыхал и начинал все по новой.

Не спал и полковник Тхи Лан. Он проверял караулы, которые заставил-таки выставить русский командир. Он с надеждой и сомнением рассматривал кабины и пусковые станки ракет, зачехленные тягачи и вагончики передвижной дизельной электростанции. И ему казалось, что обнаружившие

их американцы ровными рядами, под рев моторов и барабанный бой, как на учениях, бомбят и бомбят их позицию. Вокруг все перерыто взрывами и сожжено напалмом, а американцы все бомбят и бомбят, добывая раненых.

Советские офицеры заняли свои места еще до рассвета.

– Включайте мощность! – скомандовал Рузаев, разложив перед собой наконец-то дочерченный план.

Кашечкин щелкнул тумблерами. Раздался тонкий свист, затем басовитое гудение. Аппаратура прогревалась, экраны засветились зеленым.

Вьетнамцы-операторы, вышколенные на курсах, делали свое дело безошибочно, хотя и медленно.

Кашечкин дал мощность в антенну и повел ее по кругу, осматривая небо сектор за сектором.

– Восемнадцатый, как воздух? – Рузаев включил микрофон и динамик.

– Чисто! – голос с сильным акцентом прорвался сквозь треск помех.

– Следите!

Рузаев сидел на высоком железном табурете с круглым сиденьем, на котором мог легко поворачиваться и видеть работу всего личного состава. Он отвернулся от экрана и оглядел планшет – огромный плексигласовый круг, на котором планшетист ставил маленькие фигурки самолетов по данным дальней разведки. Утренний воздух был чист.

– Двадцать второе июня... – тихо заметил Кашечкин, ис-

текая потом возле горячей аппаратуры, – а в Москве сейчас хорошо...

– Лейтенант Кашечкин, не расслабляться! – приструнил его Рузаев.

Лязгнули запоры, приподнялись ручки, броневая дверь открылась, и вошел Тхи Лан.

– Разрешите? – вежливо спросил он. В обстановке боевого дежурства Рузаев был единственным командиром с неограниченной властью.

– Входите! – Рузаев не отрывался от планшета. – Как обстановка?

– Вчера было восемь налетов. Разбит один склад. Погибло двенадцать человек. Ночью налетов не было.

– Это хорошо.

– Да. Обычно ночью охотники хоть одну машину да сожгут. И начинают бомбить рано.

– А сегодня у них перерыв на утреннюю зарядку. Два часа следили, и все чисто. Вы, может, напугали их чем-то?

– Товарищ полковник, а вдруг, они сегодня совсем не полетят? – заметил Кашечкин.

И тут же динамик ожил.

– Цель два-два-четыре! Высота пятнадцать!

Планшетист включил свой экран и выставил на плексиглас отметку цели. Кашечкин быстро и точно развернул антенны.

– Скоростная группа из шести самолетов-штурмовиков,

идет курсом три-один-ноль. В зоне поражения через тридцать секунд!

– Взять на сопровождение!

– Есть сопровождение!

Из головы Кашечкина тут же вылетели все-все руководства и инструкции. Перед ним была реальная цель, и руки сами делали то, что нужно.

– Сколько их? – неуверенно спросил Тхи Лан.

– Истребители-бомбардировщики типа «Фантом», шесть штук, идут плотным строем! – отозвался Кашечкин.

– Тхи Лан, не мешайте!

– Ай-ай, шесть! – Тхи Лан в ужасе причмокнул губами и, пятясь задом, вышел из кабины.

– Установки?

– Есть установки!

Оператор-вьетнамец Зуан Лон проверил готовность ракет.

– Цель в зоне поражения! Сопровождение устойчивое!

Кашечкин спокойно вел группу в прицеле локатора, удивляясь тому, насколько проще работается сейчас, чем на учениях.

– Хорошие ребята, непуганые. По струнке маршируют! – откомментировал Рузаев. – Что ж, попробуем и мы повоевать. Приготовились!

Рузаев в последний раз проверил положение цели.

– Пуск!

За стенами кабины взвыл ускоритель, снося ракету с пусковой установки. Раздался хлопок, и сигнал от нее появился на экране.

– Есть ракета! – Кашечкин прикусил губу. – Сопровождение в норме!

Со звонким хрустом застучал секундомер, отмечающий время полета ракеты, и эти тридцать секунд показались им вечностью.

– Подрыв!

Кашечкин увидел, как влетела прямо в середину строя и погасла отметка ракеты. Группа распалась – четыре отметки продолжили полет, а две вдруг изменили траекторию.

– Есть! – Кашечкин еще не верил своим глазам. – Две цели поражены. Одной ракетой!

Рузаев молча покачал головой.

***

Младший лейтенант Дональд Мюррей стал заправским воякой и неплохим военным летчиком. Он по-деловому вылетал на задания, возвращался, получал увольнения и шел во вьетнамский поселок. Там он или напивался, или шел к подруге со странным именем До Тхи Хай Зунг. Иногда он делал оба дела вместе. Иногда пил и в качестве развлечения бил морды косоглазым. Война была неприятной, но не страшной.

В этот день задание на бомбежку каких-то целей в джун-

глях казалось совсем простым, но капитан Блай решил лично вести звено, чтобы проверить его слетанность. Мюррей, конечно, полетел бы на выполнение задания, как ни хотелось ему увильнуть от него. Но во время проверки обнаружилась течь в гидроприводе, которую уже не успевали устранить до вылета. Кто бы и огорчился, но только не Мюррей с Макинтошем, для которых выпить пива с техниками было все же интереснее очередного вылета.

Поэтому рулежку звена Мюррей наблюдал со стороны. Блай прямо на земле выстроил их парами с минимальными интервалами и заставил взлетать попарно. Сотрясая воздух громом двигателей, шестерка «Фантомов» разбегалась и взлетала в безоблачное небо.

Нагрузились прилично. Взяли только бомбы и пару ракет воздух-земля, оставив на складе «Сайдуиндеры», предназначенные для обороны от «МИГов». В общем, готовились пострелять по очередной мишени под пристальным наблюдением отца-командира.

Весь маршрут шли парами, на небольшой дистанции. Блай маневрировал, и летчикам приходилось четко отрабатывать его эволюции. При подходе к цели Блай вообще полностью сомкнул строй так, что шестерка тяжелых машин шла, почти касаясь друг друга крыльями. Погода стояла прекрасная, видимость «сто», операторы заранее приготовились к сбросу.

Цель была хорошо видна и звено, перестроившись, приго-

товилось к снижению. Неожиданно самолет капитана резко встряхнуло. Связь со Смитом и Мэрфи прервалась, их машины вывалились из строя.

– «Чарли-три», «чарли-пять»! – Блай не сдерживал раздражения, – почему покинули строй?

Пилоты молчали. Блай продолжал вести звено прежним курсом, не понимая, что могло случиться. Вражеских истребителей вокруг не было. Зенитная артиллерия на такую высоту не доставала. Сразу два самолета сломаться не могли.

– «Чарли-первый», зафиксирован взрыв. Происхождение непонятно.

– «Чарли-второй», продолжаем задание, – решительно скомандовал Блай, – разбираться будем после.

Он повернул и начал пикирование на объект, в уме просчитывая красивую траекторию, по которой его эскадрилья выйдет с бомбометания. И получит благодарность полковника Уилсона за отлично выполненное задание.

***

– На цель заходят! – доложил Кашечкин. – Двоих потеряли, а не перестраиваются!

– Держать сопровождение!

– Есть!

– Приготовились! Пуск!

Еще одна ракета, ухнув, пошла к цели. Американцы, так

и не понявшие, в чем дело, на этот раз были ближе и шли развернутым строем. Ракета врезалась в крайний самолет и разорвала его на части прямым попаданием.

– Есть попадание! Три сбиты! – вскрикнул Кашечкин.

– Перехватываем на выходе с цели!

Рузаев, как дирижер, командовал операторами и разворачивал пусковые установки. Он боялся перезаряжать их в зоне пуска и отчаянно прикидывал оставшийся боезапас.

Три «Фантома» красиво, четко, строго по уставу вышли с цели, и тут Рузаев успел-таки подставить им еще одну ракету. Истребитель-бомбардировщик наткнулся на раскиданное ею облако обломков, резко клюнул носом и свалился в штопор. Только тут янки поняли, что происходит что-то невообразимое, и дали деру. Но им, никогда еще не сталкивавшимся с зенитно-ракетными комплексами, и в голову не приходило, что набор высоты от ракет не спасает. Они не знали, что единственное их спасение – это уходить на самой малой высоте. И они привычно и четко легли на курс. И Рузаев с удовольствием отправил им вдогонку две последние ракеты, хотя шансов поразить самолеты в хвост было немного.

Одна ракета все же догнала «Фантом». Капитан Блай, пять минут назад командовавший шестью самолетами, один, лично, удирал на север. Уже предупрежденные о произошедшем, все самолеты военно-воздушных сил США возвращались на базы. Через полчаса в небе Вьетнама не стало ни

одного американца – впервые за последние два года войны. Вслед за авиацией расползлись по щелям и десантные вертолеты – они стали легкой добычей вьетнамских истребителей. А ночью произошло и вовсе страшное – американские солдаты впервые в жизни остались без всякой поддержки с воздуха, в джунглях, лицом к лицу, один на один со свирепыми партизанами Вьетконга. И началось то, что последующие поколения стыдливо называли «роковой ошибкой Соединенных Штатов».

Глава 14. Столкновение сил

Пусть же вихрем сабля свищет!

Мне Костаки не судья –

Прав Костаки – прав и я!

Козьма Прутков

Сначала Сильвестру было страшно и противно бесчинствовать в мирных селениях под руководством полусумашедшего сержанта. А потом ничего, в службу он втянулся. Все же он был не кем-то, а настоящим рейнджером, героем-освободителем. Он завел себе темные очки и черную бандану, красиво схватывающую его длинные грязные черные волосы. Он научился еще сильнее выпячивать челюсть. А еще он научился свирепо косить глазами, совсем как сержант в бешенстве. Сам себе Сильвестр нравился – считал, что когда он вернется с войны, его будут любить все девушки.

Правда, ему начали сниться кошмары. Это было неприятно. А однажды после кошмара он встал и почувствовал, что глаз у него косит уже совершенно естественно и сама собой дергается щека.

А вообще шла обычная работа. Американские войска попытались выбить вьетконговцев из южных районов. Разовые карательные операции против партизан и мирных жителей переросли в настоящие боевые действия. Фронтная авиация наносила удары по вражеским частям, а потом пехота проводила массовые зачистки.

Однако партизаны в джунглях были почти неуловимы. Они нападали на войска и исчезали в зарослях. Чтобы очистить от них леса, авиация месила и месила обширные территории Южного Вьетнама. Рейнджеры ждали выстрела из-за любого куста и стремились, чтобы кустов не оставалось. Авиация сносила все на своем пути.

Иногда под этот удар попадали, спору нет, и партизанские войска. В этом случае их сопротивление сильно ослабевало. Но чаще, конечно, бомбили обычные деревни и поля. По окончании операции крестьяне возвращались домой, а домов не было. Конечно, бамбуковые хижины не составляло никакого труда восстановить, но вместе с хижинами исчезали и поля. Бомбардировки сносили ирригационные системы и уничтожали верхний слой почвы так, что там больше ничего не росло. Жители вздыхали и шли в партизаны. Поэтому американцы быстро поняли, что «гражданское» население тоже лучше в живых не оставлять.

Сержант Дойли берег солдат. Патронов и снарядов он не жалел, с удовольствием наблюдая, как после взрыва косоглазые смешно кувыркаются в воздухе. И лишь после хорошей

подготовки посылал ребят в бой. А иногда и не посылал, если противник попадался вооруженный.

***

Этот бой тоже начинался удачно, а вот потом вьетконговцы подтянули подкрепление и потеснили взвод Дойли к каменистому руслу реки.

То, что за них взялись не слабо обученные крестьяне, а настоящие войска, американцы почувствовали сразу. Шквальный огонь был не только дружным и плотным, но и метким. В их взводе уже двое были легко ранены, но еще немного такого боя, и раненых прибавится.

Сержант Дойли привык, что стоит как следует нажать на косоглазых, и они разбегаются по лесам. Однако выяснилось, что они наткнулись не просто на регулярные войска, а на военную базу. Вьетнамцы не думали убегать или сдаваться, они ловко маневрировали, стараясь зайти с флангов. И сержант растерялся. Этот противник был наглым и умелым и даже не думал сдаваться.

– Сержант! – радист кричал, перекрывая грохот боя. – Сержант, вас лейтенант требует к себе.

Облегченно вздохнув, Дойли нырнул за камни и побежал к командному пункту роты.

– Ну что, сержант, плохо дело? – лейтенант Фишер начал с самого главного.

– Плохо, – сержант кивнул. – Без авиации не обойдемся.

– Знаю, – лейтенант кивнул. – Наша задача оторваться от противника и дать авиации возможность нанести удар.

– Отступаем, лейтенант?

– Да, – Фишер кивнул, – объясняю план. Вы с взводом перемещаетесь на запад вдоль русла реки. Мы отступаем на юг, вы прикрываете фланг. Таким образом, мы оторвемся от партизан и дадим летчикам возможность полить их напалмом.

– А не опасно? Нас могут отрезать.

– Не успеют, – Фишер покачал головой, – самолеты уже в воздухе. Выполняйте, сержант!

– Есть, сэр!

Сержант пробрался к своему взводу, внимательно осмотрел все пути отхода и скомандовал:

– Ребята, внимание! На счет «три» прекращаем огонь и бегом за мной! Раз, два, три!

Они, прячась за камнями, кинулись вверх, вдоль русла.

Сначала все пошло по плану. Вьетконговцы еще некоторое время обстреливали опустевшую позицию, а затем разгадали маневр и с громкими криками кинулись вперед. Сержант усмехнулся, выждал немного, а потом сам лично начал поливать оставленную позицию огнем из пулемета. Сбоку ударила вся рота. Вьетнамцы смешались и отошли. Тогда и лейтенант Фишер спокойно отвел своих.

– Ну, сейчас им устроят костер! – Сержант хихикнул. –

Будет много жареных тушек.

Однако минуты шли, а в воздухе было тихо. «Фантомы» не появлялись. Осмелевшие вьетнамцы вылезли из нор и двинулись вперед, отрезая взвод от основных сил.

– Черт! – сержант выругался. – Что за дерьмо! Они же сейчас нас в клещи возьмут!

Взвод открыл огонь, но его сил явно не хватало.

– Роту, вызови роту! Лейтенант! – Сержант громко кричал по рации. – Лейтенант, где авиация? Что? Это приказ? Дерьмо... Да, сэр!

– Ребята, – срывающимся голосом сержант обратился к бойцам, – авиации не будет. Вообще никакой. Пробиваемся к нашим и уходим отсюда!

– К вертолетам?

– Вертолетов тоже не будет. Ничего не будет! Сматываемся!

Но это было проще сказать, чем сделать. Вьетнамцы, казалось, лезли изо всех щелей. Американцы бежали и отстреливались, а маленькие солдаты все приближались. Их узкоглазые, искаженные яростью лица казались очень страшными. Сильвестр оборачивался и стрелял. И сержант стрелял. Его знаменитый нож для перерезания глоток нелепо болтался на поясе, мешая двигаться. Сержант выхватил его, и в глазах, глядящих в разные стороны, вспыхнуло безумие. Но тут за спиной раздался хлопок гранаты, и взрывная волна ткнула его носом в песок.

В этом бою до ночи дожидла только половина солдат его роты. Лишь полевая артиллерия смогла остановить наступление косоглазых. В открытом бою, без прикрытия техникой, американцы отнюдь не были сильнее вьетнамцев. Санитары подбирали раненых и выносили убитых. Сильвестр не получил ни малейшей царапины. Он только икал и трясся, как тогда, когда убил первого вьетнамца. Сержант Дойли, которого солдаты выволокли с поля битвы, тоже икал и трясся. Это была уже четвертая его контузия, и мозг, привыкший к сотрясениям, не претерпел значительных изменений. Все шло своим чередом.

***

Капитан американских военно-воздушных сил Джеральд Блай понял, что происходит нечто из ряда вон выходящее, когда увидел молнии серебристых ракет, устремившихся к его звену, и не смог сманеврировать. Мощные воздушные взрывы выбили из строя еще три самолета, а он сам, прижимаясь к земле, пошел в сторону базы. Самолет получил небольшие повреждения и нечетко слушался рулей. База постоянно вызывала его, а он не знал, что докладывать. Началась настоящая война. На своих крыльях Блай вез в полк настоящую войну и настоящий страх. Самому себе, командованию, летчикам и в их числе младшему лейтенанту Мюррею.

До того война была неприятной, но не страшной. Берешь бомбы, летишь, бомбишь, возвращаешься. Первый раз Мюррей испугался, когда рассматривал простреленный «МИГами» самолет Джойса. Но это был еще не страх, это был испуг. Первый настоящий страх пришел только сейчас, когда с задания вернулся один капитан Блай, да еще вернулся так, что не смог с первого раза посадить машину. Когда остановилась турбина, он вылез из кабины и, не говоря ни слова, сразу пошел в штаб. Не переодеваясь. Как был, в перегруженном костюме и шлеме. А потом из кабины появился его оператор. Тот не пошел никуда, а встал на колени прямо под самолетом, поцеловал землю и начал истово креститься.

Мюррей не знал, что произошло. Но, взглянув на Блая, а потом на оператора, он тоже опустился на колени и перекрестился. Давно он этого не делал. Последний раз он читал молитву в пансионе. А вот тут вспомнил первую попавшуюся и, стоя коленями на жестком бетоне, одними губами шептал священные слова. К нему подошел Макинтош и тоже опустился на дорожку.

В связи с этим случаем боевые вылеты прекратили почти на неделю, ограничиваясь только полетами над Южным Вьетнамом. Командование сразу засекретило все подробности вылета Блая, и он сам куда-то исчез. Но в полку ходили упорные слухи, что вьетнамцы применили новое оружие, которое им поставили то ли русские, то ли китайцы.

На шестой день их всех собрал полковник Уилсон. Рядом

с полковником, вне строя, стоял Блай. Видно было, что он нервничает. Впрочем, полковник тоже утратил часть своего спокойствия. Покачавшись с пятки на носок, он начал речь:

– Господа офицеры! Противник применил новое оружие, зенитно-ракетные комплексы. Наша разведка ранее сообщала о наличии таких комплексов у Советского Союза. Но мы не думали, что русские осмелятся применить их в этой локальной миротворческой операции, противопоставив воздушным силам Ограниченного контингента. К сожалению, наглость противника превзошла все ожидания. Презрев слова Президента, Советский Союз в очередной раз вмешался, не получив никаких санкций ООН. Поэтому силам поддержания мира... А... – Уилсон запнулся, махнул рукой, пожевал губами и немного помолчал.

– Что это я... Начиная с этого дня, боевые вылеты будут представлять серьезную опасность. Тем почетнее наша миссия. Да, у нас есть потери, но с ракетами тоже можно бороться!

Уилсон снова задумался.

– Центральное разведывательное управление подготовило подробный доклад об известных технических характеристиках комплекса. К сожалению, русские окружили их секретностью, и многие попытки получить информацию не увенчались успехом. КГБ готовило нам сюрприз. Нельзя сказать, что он не удался.

Стоявшие «вольно» офицеры переглянулись. Уилсон вы-

ташил блокнот, перелистал его и продолжил.

– Мы выяснили основные недостатки комплекса. Ракеты у него мощные, но тяжелые. Маневренность плохая. Поэтому если летчик замечает старт ракеты, от нее можно уйти резким маневром. Пуск ракеты хорошо заметен. Для разгона на начальном этапе используется мощный пороховой ускоритель. Его срабатывание и отстрел видны с воздуха. Так что внимание вас спасет. Да.

Полковник говорил твердо, уверенно, со знанием дела. Мюррей увидел, что на последних словах Блай посмотрел на Уилсона и отвернулся.

– Проведя исследования, военные инженеры предложили следующий маневр. Увидев пуск, летчик должен направить самолет непосредственно на ракету и лететь так двадцать секунд. Считаем: «Миссисипи-один, Миссисипи-два, Миссисипи-три...»

Полковник считал, а Мюррей вдруг живо представил, как он доворачивает машину и ведет ее навстречу тяжелой зенитной ракете. И как эта ракета рвет на куски самолет вместе с ним. Так же, как она уже порвала пять самолетов.

«Заткнись!» – хотел крикнуть Мюррей, но лишь тихо пошевелил губами.

– Миссисипи-десять, Миссисипи-одиннадцать... – считал полковник.

Ракета летела Мюррею прямо в лоб. Это вам не букашек напалмом поливать! Это начиналась настоящая война.

– Миссисипи-двадцать! – закончил полковник. – Берете ручку на себя вертикально вверх, а затем горку, переходящую в пикирование. И все. Ракета пролетит выше. Показываю еще раз.

Полковник снова начал считать, и спина Мюррея вновь покрылась холодным потом.

– Вопросы? – спросил Уилсон, закончив демонстрацию маневра.

– Есть. Полковник, вы уверены, что маневр поможет?

– Уверен.

– Данные, на основе которых маневр рассчитывался, проверенные?

Полковник задумался, а потом честно ответил:

– Не знаю. Может быть, эти данные побывали в руках КГБ. Еще вопросы есть?

– Да. Полковник, кто-нибудь кроме капитана Блая, вернулся из столкновения с ракетами?

– Нет, никто больше – нехотя произнес полковник, – и других вылетов еще не было. Проверить теорию маневра придется нам. Сегодня начинаем тренировки. Разойдись!

Строй распался. Мюррей развернулся и хотел идти, но его остановил окрик Блая.

– лейтенант Мюррей, останьтесь!

Мюррей остановился и замер перед капитаном. Блай подошел к нему, обвел глазами асфальт вокруг, будто всматриваясь в тени погибших летчиков, и поднял взгляд.

– Учить вас буду лично я.

– Есть, сэр! – Мюррей щелкнул каблуками.

– На завтра назначена операция по штурмовке ЗРК. Она поручена мне.

– Есть, сэр! – снова ответил Мюррей, внутренне холодея от неприятного предчувствия.

– Вы будете в моей группе. Рядом со мной. Вот теперь можете идти.

Мюррей козырнул и медленно пошел к ангарам.

***

Весть о том, что в ходе одного боя сбито пять самолетов, причем два из них – одной ракетой, распространилась среди вьетнамцев с ураганной скоростью. Солдаты, даже стоя на посту, даже в присутствии командиров громко обсуждали такую новость и при этом подпрыгивали от радости. После обеда, когда убедившийся в полном отсутствии противника Рузаев объявил отбой, они устроили митинг.

Работал и «беспроводной телеграф». Слухи распространились мгновенно как среди солдат, так и среди крестьян. Поэтому на митинг явились не только солдаты, но и крестьяне ближайших деревень, которым было тоже очень и очень интересно.

– Товарищи! – митинг открыл известный Рузаеву Аунг Сан, – дорогие товарищи! Долгое время мы терпели нале-

ты американской авиации, не всегда имея силы дать отпор. Наконец-то положение изменилось. Благодаря усилиям коммунистической партии, благодаря руководству товарища Хо Ши Мина, благодаря советским товарищам мы наконец-то сможем расчитаться с ними за все то горе, которое они принесли нам.

Толпа слушала его, затаив дыхание, и лишь изредка прерывала выступление радостными криками.

По дороге, одной из тропок «тропы Хо Ши Мина», совершенно не маскируясь, плотной цепью ползли грузовики. Их водители уже знали, что их прикрывают «советские», и что теперь ни один «ганшип» не посмеет подняться в воздух. Водители ехали днем, пели и не следили за небом.

И как апофеоз перелома войны, на позицию явился Шульц. Конечно, если бы он приехал на машине, ему тоже были бы рады. Если бы он приехал верхом или на рикше, или даже пришел пешком, ему все равно были бы рады. Но он явился на вертолете. Это было неслыханно. До сих пор право летать на вертолетах имели только американцы, для которых вражеский вертолет был удобной мишенью. Здесь же Шульц прилетел, не боясь и не прячась, а пара «МИГов» сопровождения тут же отправилась ловить штатовские «вертушки».

Шульц вошел в командный пункт, сгреб Рузаева в охапку и долго обнимал его, хлопая по спине.

– Ну, спасибо, Георгий Семенович! Вот порадовал! Спасибо за успех.

– Служу Советскому союзу!

– Я уже написал рапорт. Генерал Воробьев представляет вас к ордену. Высокая, но заслуженная честь.

– Спасибо. А что слышно о пополнении?

– И это есть. У вас завтра соседи разворачиваются.

– Всех американцев перебьете? – спросил неожиданно появившийся Тхи Лан.

– «Не горюй, у немцев это не последний самолет!» – ответил Рузаев цитатой из «Теркина».

Шульц сразу посерьезнел.

– Не обольщайтесь. Американцы выработают новую тактику, и победа не дастся так легко.

Шульц улетел следующим утром, поздравив всех и приняв поздравления. Рузаев внимательно следил за воздухом, но прижатые к земле и к палубам авианосцев самолеты так и не рискнули взлететь. Кашечкин начал жаловаться, что от скуки и дождей он начинает покрываться плесенью. Дорога кипела. Партизаны оживились. Вьетнамцы радовались.

***

Американские самолеты не появились ни на следующий день, ни через день. Вся авиация США пять дней не беспокоила воздушное пространство Демократической республики Вьетнам. И только на шестой день Рузаев получил новое целеуказание.

На этот раз, видимо, американцы поняли, с кем имеют дело, и решили направить атаку не на Тропу, а непосредственно на дивизион. Хорошо известная тактика, использованная еще в годы Второй мировой войны, когда штурмовики сначала уничтожают средства ПВО, а затем уже атакуют объект. Используя свой прежний опыт, американцы снова шли плотной группой, на большой высоте.

Кашечкин внимательно следил за их победным маршем и красивыми маневрами. А затем Рузаев всадил сразу две ракеты в плотный строй и сбил два самолета.

– Курс три-один-три! – доложил Кашечкин. – Выходят из зоны поражения!

Американцы, так и не сумевшие сбросить ни одной бомбы, сменили курс.

– На соседей выходят! – Рузаев сверился с картой.

И вдруг еще одна засветка отделилась от строя и пошла куда-то вбок. Рузаев не видел ни самой ракеты, ни ее разрыва, но понял, что соседи не промахнулись.

– Есть! – радостно вскрикнул Кашечкин.

– Есть! – подтвердил Рузаев и нажал кнопку сирены. Металлический вой, оповещавший личный состав, понесся над дивизионом.

– Отбой? – удивился Кашечкин. – Почему?

– Перебазируемся. – Рузаев начал отключать аппаратуру.

– Зачем?

– Они нас засекли. А я не люблю находиться в укрытиях,

о которых знает противник. С войны научился.

– Может, ударим еще раз?.

– Нет. Меняем позицию. Выключайтесь.

Кашечкин вздохнул и обесточил передатчик. Операторы-вьетнамцы вылезли наружу и начали с неохотой откручивать тяжеленные кабели питания.

Несмотря на многочисленность и трудолюбие вьетнамцев, собирались достаточно долго, едва укладываясь в норматив. Неопытные солдаты все время путали какие-то мелочи, и советские офицеры просто не успевали следить за всем. Более того, пока Рузаев и Кашечкин что-то исправляли, командиры и солдаты кучей толпились вокруг и давали советы, а на все попытки расставить их по местам раздражались потоком искренних недоумений. Апофеозом сборов стали попытки зацепить тягачом установку с еще не убранной антенной. Вьетнамский командир утверждал, что и так сойдет, в дороге не помешает, а при разворачивании все будет хорошо и быстро.

Когда тронулись, все тоже шло вкривь и вкось. Водители не умели двигаться синхронно, все время рвали колонну. Машины чуть не сталкивались, после чего водители останавливались, вылезали из кабин и начинали кричать друг на друга. Затем к ним присоединялись операторы, которые вылезали из кузовов для поддержки своих водителей. Начался галдеж, пресечь который мог только личный авторитет полковника Тхи Лана.

И все же эта колонна новейшей техники, скрипя и шатаясь, двигалась вперед, ведомая железной рукой Рузаева. Да, люди были малограмотны и неопытны, но они горели ненавистью к врагу и феноменальным упорством. Рузаев командовал. Кашечкин учил. Тхи Лан заставлял.

На место прибыли уже в темноте, но вьетнамцы и слышать ничего не хотели об отдыхе. Они упорно делали и делали свое дело, пока станция не была снова развернута, и Рузаев вновь поразился их упорству и трудолюбию.

Тем временем в джунглях догорала половина авиаполка, гордости американских ВВС. Неустрашимая штатовская авиация ранее сметала все на своем пути. Но сейчас, в эту минуту, маленькие желтолицые солдаты прекратили ее полеты и заставили американцев воевать по своим правилам. Это была победа духа.

Только прибыв на место, Рузаев узнал, насколько он был прав с этой спешкой. Сразу после того, как их дивизион сбил самолеты и начал изнурительный марш, другая эскадрилья обнаружила позицию соседей, понадеявшихся на второй залп, и четко и грамотно атаковал ее.

***

Капитан Блай, как и обещал, сам повел в бой свою эскадрилью. Точнее, нет, не свою. Его эскадрильи не существовало, единственными ее представителями были Мюррей и

Макинтош. Вторая пара была временно придана им для поддержки.

Вторую эскадрилью вел майор Скотт. Полковник Уилсон выбрал его как самого опытного командира, а потом заперся с ним в кабинете и долго-долго разговаривал. Наверное, в этих разговорах был какой-то смысл, но уверенности Мюррею они не придавали.

Пока полковник Рузаев, опытный воин, срочно перебрасывал свой дивизион, Блай и Скотт атаковали соседний дивизион. Как и отрабатывали на учениях, группа Скотта шла на средней высоте, плотным строем. Точно как на учениях, Скотт навел свою группу на то место, где в прошлый раз фиксировались пуски ракет. Он внимательно следил за воздухом, а оператор впился в окуляр наблюдения земли.

– Сомкнуть строй! Уменьшить дистанцию!

Скотт был мастером пилотажа, и от своих подчиненных требовал того же. Группа, готовая к бомбометанию, шла на цель. Но цель не обнаруживала себя.

– Труссы! – выругался майор. Под крыльями расстилалась безбрежная девственная зелень. Разглядеть сквозь нее позицию было немислимо. Скотт решил отбомбить не цель, а площадь, и, красиво накренив самолет, начал разворот. Как и положено по инструкции, на высоте три тысячи футов.

Вот тут-то джунгли и ожили. Ракеты били практически в упор, и из всех пилотов один только Скотт успел взять ручку на себя.

Это в фильмах пилот самолета сначала долго препирается с командным пунктом по поводу пуска ракет, а потом одним нажатием кнопки уводит самолет от опасности. В реальном бою счет идет на секунды, на разговоры времени нет. Время остается на одну-единственную команду, на один-единственный маневр. Скотт успел скомандовать, и звено рванулось вверх.

Перегрузка вдавила Скотта в кресло так, что захрустели кости, затрещали силовые элементы фюзеляжа. Хрустнули и прогнулись крылья, а сам самолет стал в пять раз тяжелее. От дикого напряжения мышцы, как вода, стекли с лица пилота, обнажив рельеф костей. «Фантом» свечой пошел вверх, а потом Скотт, как и учили, завалил его на бок, навстречу ракете. И когда машина вышла из виража, в строю осталось два пустых места.

– Следовать прежним курсом! Уходить! – скомандовал Скотт оставшейся паре, а сам начал закладывать пологий разворот.

– Дерьмо, гребаное дерьмо! Я вас прикончу! – Скотт хотел отойти в сторону, развернуться и ударить-таки по обнаружившей себя цели. Он выровнял машину и начал понемногу набирать высоту, когда мощный взрыв прямо впереди буквально разломил машину. Чудом оставшаяся целой кабина пилота пролетела сквозь облако дыма, закувыркалась, задрожала. Майор Скотт сбросил фонарь и рванул ручку катапульты.

Блай, шедший вторым эшелонном, видел, как две ракеты ударили в эскадрилью Скотта и вырвали из нее самолеты.

– Вниз! Чарли-первый, всем вниз!

Опытный вояка, Блай интуитивно понял, что извечный враг летчика, земля, на этот раз сможет их прикрыть.

– Чарли-первый, рассредоточиться!

Шесть машин прижались к земле, пошли на высоте не больше сотни футов, тремя парами на большом расстоянии. Мюррей, шедший сразу за Блаем, вцепился в рукоятку. На малой высоте «Фантом» стал очень неустойчивым, и Мюррей тратил все силы, чтобы также плавно и красиво, как Блай, огибать все складки рельефа.

Блай вел звено на предельно малой высоте, разомкнутым строем. Это была его личная игра со смертью, находившей его и снизу, и сверху. Для жизни оставался узкий коридорчик, и Блай вел по нему Мюррея и других ребят.

Сосредоточившись на пилотировании, Мюррей не видел, что стало со Скоттом. А вот Блай видел. Он точно засек координаты точки, откуда произвели выстрел. Ему понадобилось несколько минут, чтобы вывести эскадрилью из опасной зоны, перегруппироваться и начать атаку. Но он не полез на противника маршем, как Скотт. Он снова нырнул к земле.

И лишь на подходе к цели он взял ручку на себя так, что чудовищная тяжесть вдавила его в кресло. Мюррей, как пришитый, шел за ним. Остальные две пары следовали на приличном расстоянии.

Навстречу метнулись ракеты, пуск которых был хорошо виден из этого положения. Блай, а за ним и Мюррей, пошли прямо на эти вспышки. Ладони Мюррея покрылись холодным потом, но он считал про себя: «Миссисипи-один, Миссисипи-два...»

Сверкающие сигары ракет летели ему в лоб. Раньше убивал он. Теперь убивали его. Закон войны.

«Миссисипи-двадцать...»

Обе ракеты ушли в землю, вспыхнув белыми облачками дыма. Путь впереди для второго атакующего звена был свободен. Янки с первого же захода высыпали все бомбы точно на дивизион, а затем вторая и третья волна долго месили позицию. Ни один самолет не сбили. Позже выяснилось, что зенитная артиллерия все же не дала янки отбомбиться как следует. Оборудование наполовину вышло из строя, погибло несколько солдат, но сама станция не пострадала, а командир, хоть и раненый, остался жив.

Мюррей поднял нос «Фантома» у самой земли и почувствовал легкий толчок. Кассеты с бомбами пошли на цель. Блай тут же начал набор высоты, чтобы зайти второй раз. Сзади, по их наводке, подошли «Чарли-второй» и «Чарли-третий». Они не стали бомбить, пока не развеялся дым, а прошлись по цели из пушек и пулеметов. Затем они сомкнули строй и пробомбили еще раз.

Над горящей позицией летели вверх пулеметные трассы, стреляла какая-то пушка. Блай хотел было зайти в третий

раз, но стекло его кабины треснуло, пробитое пулей. Они шли так низко, что их задевал пулеметный огонь.

– Мы еще встретимся!

Блай покачал крыльями и взял курс на базу.

Так началась невероятная схватка двух сил. Сошлись хваленая, победоносная, суперточная американская авиация и знаменитая стальная советская противовоздушная оборона. Сошлись, сжав захват на горле друг друга, и тем самым оставив наземные войска справляться собственными силами. Чем не замедлили воспользоваться вьетконговцы, ведя войну на истощение со знаменитыми зелеными беретами. С вьетнамским партизаном в родных джунглях справиться не так-то просто. А в небе тем временем развернулась своя битва, со своими победами, своими бессонными ночами, по своим правилам. Она захлестнула Рузаева, Кашечкина и Шульца с головой.

***

Кашечкин на боевом дежурстве даже часы отдыха проводил в командирской кабине. Лежа на соломенной циновке, после очередного сбитого над «тропой Хо Ши Мина» янки, он писал письма. Писал он их не на бумаге, а исключительно в уме.

«Дорогая Света, здравствуй!»

Василий подложил руки под голову, потянулся и продол-

жил:

«У меня все очень хорошо. Американцы присмирели, и летать боятся. Командир мой, Георгий Семенович, замечательный человек. Он настоящий герой и его представили к ордену. Надеюсь, когда-нибудь наградят и меня...»

Кашечкин подумал еще немного, а потом закрыл глаза и захрапел.

Глава 15. Рузаев и Кашечкин охотятся на ганшипы на тропе Хо-Ши-Мина

О, наша месть! Она еще в начале

Мы длинный счет врагам прибeregли:

Мы отомстим за все, о чем молчали...

Ольга Берггольц

После первых побед Рузаев не впал в эйфорию, за которой в реальной жизни обычно следует полный разгром. Он понимал, что хотя американцы и испугались, но успели по-пробовать крови соседнего дивизиона. Пройдя всю Великую Отечественную войну, Рузаев знал, что только теперь начнется игра в кошки-мышки и настоящая боевая работа. Их союзник и их враг – маневр. Обстреляв из укрытия авиационную группу, они вынуждены мгновенно сворачиваться и переходить на другую позицию раньше прибытия специального штурмового звена. Если сменить позицию успевали, то отбомбившееся по ложной цели штурмовое звено получало свою порцию ракет. Но Рузаев понимал, что стоит ему хоть

раз опоздать или ошибиться, и порцию ракет получит он сам. Американцы при бомбежке не промахиваются.

Еще американцы научились маневрировать в воздухе, пытаясь уклониться от ракет. Иногда им это удавалось, иногда – нет, но сам характер полетов резко изменился. Если раньше янки горделиво реяли на недоступной для зенитных орудий высоте, то теперь они жались к земле. Если раньше они летали строем и картинно заходили на цель, то теперь стали намного скромнее. В общем, они прониклись чувством, что им в любой момент могут дать сдачи. С одной стороны это хорошо – пуганый враг бомбил намного меньше. С другой стороны плохо – охота стала взаимной. Хотелось еще раз припугнуть врага так, чтобы надолго отбить у него охоту летать.

Именно этот вопрос и обсуждал Рузаев с Шульцем, когда тот приехал к ним в дивизион. На этот раз Шульц прибыл как все обычные люди, на машине. Похоже, он испытывал к американцам уважение, ставшее взаимным.

Комплекс очередной раз перевезли. Эту выматывающую процедуру выкапывания из земли, перетаскивания десятков тонн железа, обратного закапывания и маскировки они выполняли чуть ли не ежедневно. Ужасающая влажность и теплый дождь снаружи. Горячая аппаратура и тропическая жара в кабине. Советские офицеры, непривычные к таким условиям, измучились и сильно похудели. Спать удавалось лишь урывками, чем Кашечкин и воспользовался. Рузаев с Шуль-

цем сидели на ступеньках трапа и курили.

– Такое впечатление, что начинается окопная война, – тихо говорил Рузаев, – как в Первую мировую. Оборона противников так сильна, что никто и головы поднять не может, не говоря уж о том, чтобы пойти в наступление.

– Ну, вы же согнали янки с небес на землю. Они теперь и летают меньше, и к земле жмутся.

– Но и они загнали нас в это болото и головы поднять не дают. – Рузаев с отвращением раздавил очередного летающего кровососа.

– Грех вам жаловаться, – усмехнулся Шульц, – сколько вы их уже настреляли? Штук двадцать?

– Семнадцать, – скромно поправил Рузаев.

– А сами без единой царапины. Если бы вы знали, как я в начале войны в этих самых джунглях мордой в болоте лежал!

– Во время войны я столько раз мордой в болото падал, что и не сосчитать! Как начинается налет, так и ныряешь.

– В Отечественную и я по болотам ползал, – усмехнулся Шульц, – да не о той войне речь. Меня этой весной янки на тропе Хо-Ши-Мина так причесали, что мало не показалось.

Рузаев задумался.

– А они над тропой все еще летают?

– Летают, но реже.

– Я вот что думаю. Оборона у нас налажена, противник пуганый. Давайте возьмем один комплекс и перебросим его прямо на тропу? Поохотимся из засады.

– Да вы что! – удивился Шульц. – Нельзя ослаблять оборону.

– А я думаю, можно. Останутся соседи. Янки напуганы. За два дня ничего принципиально нового придумать не успеют. А мы за двое суток обернемся. Зато они и над дикими районами летать побоятся.

– Поохотиться думаете? А здесь дичи мало?

– Здесь не охота и не дичь. Здесь опытный враг, научившийся воевать. На один сбитый самолет мы уже тратим по пятнадцать ракет. Перебазируемся ежесуточно, а сбиваем раз в два дня. Надо учиться новой тактике

– Надо, – Шульц кивнул.

– Вот и будем учиться.

– Добро. Действуйте. Я договорюсь с вьетнамским командованием.

Они помолчали. Вокруг суетились вьетнамцы, оборудуя последние элементы позиции. Рузаев не вмешивался, зная, что вьетнамцы мастера маскировки и все сделают наилучшим образом.

– А все же в Отечественную войну было сложнее, – нарушил молчание Шульц.

– Да, – Рузаев кивнул, – противник намного сильнее и злее.

– Ох, как нас в сорок втором под Москвой били!

– А нас под Керчью.

– А нас потом в Сталинграде!

– И нас под Сталинградом!

Рузаев и Шульц переглянулись.

– А у вас дети есть? – неожиданно поинтересовался

Шульц.

– Есть. Две дочки в школе учатся, одна уже в десятом классе. Жена Настюша дома ждет. Вот.

Рузаев достал фотографию, завернутую в целлофан, и нежно разгладил ее на колене.

– Красивая, – Шульц посмотрел на фото и вздохнул, – и дочки замечательные. А я вот не женат.

– Не страшно, вернетесь домой и женитесь.

Рузаев любовно посмотрел на фотографию.

– Вряд ли женюсь. Старый уже, – усмехнулся Шульц.

– Найдете себе красавицу и умницу.

– Таковую?

– Нет, такую уже не найдете. Эта уже моя, – Рузаев аккуратно убрал фотографию, – она такая единственная и неповторимая. Замечательная!

– Вы счастливый человек, – заметил Шульц.

– Счастливый. А знаете почему? Мне есть за что воевать и есть о ком заботиться.

Они бы посидели еще немного, пользуясь редкими минутами затишья и глядя на хлопоты вьетнамцев. Но разверзлись хляби небесные, и хлынул дождь. До сухого курортного сезона еще далеко.

***

То, что затевается особенная операция, понимали все, от командования до рядовых. Рузаев, Кашечкин, специально сопровождавшие комплекс Шульц и полковник Тхи Лан закрылись в кабине управления и не выходили оттуда. Они совещались. Как только стемнело, дивизион быстро снялся с позиции и всю ночь ускоренным маршем двигался по узким кривым тропам под гигантским пологом дождевого леса. Только под утро они свернули на заранее расчищенную позицию и стали разворачиваться.

Недалеко от них, за стеной леса, пролежала одна из главных транспортных артерий этой страны, тропа Хо-Ши-Мина. По ней днем и ночью шли машины с оружием для измученной войной страны.

Американцы люто ненавидели ее и всеми силами пытались прекратить движение. Но разве американский пограничник остановит вьетнамского «челнока»?

Основной тракт состоял из множества дорог, троп и тропинок. Авиация бомбила их, но на месте уничтоженного тут же возникал новый путь и новый склад.

Комплекс не успели еще и наполовину развернуть, как взвыла сирена воздушной тревоги. Вьетнамские солдаты мгновенно забросали ветками открытые части установки и исчезли в укрытиях. Даже с земли позиция просматривалась

весьма смутно, а уж о том, чтобы увидеть ее с воздуха, не было и речи.

– Летит, охотничек! – Шульц прислушался к далекому гулу мотора.

Ровный звук прервался треском пулеметов, затем раздалась выстрелы пушки. Грохнуло эхо далеких взрывов.

– Кого-то накрыл, – злобно откомментировал Шульц.

– Одну машину. Стрелял мало, – пояснил Тхи Лан.

– Часто они так летают? – спросил Кашечкин.

– Два-три раза в день, – кивнул Тхи Лан.

– А людей много гибнет?

– Много.

– Пора это прекратить, – заметил Рузаев.

– Пора, – отозвался Тхи Лан, – если прекратятся налеты охотников, партизаны ни одного американца из леса живым не выпустят. Янки сами ничего не могут. За них авиация воюет.

Гул самолета постепенно стих, и Рузаев встал было, собираясь подать команду отбоя, но Шульц жестом остановил его.

– Он сейчас вернется. Это переделанный транспортник, он долго летать может.

Вдали раздалась еще взрывы, затем гул мотора вновь приблизился. И лишь когда он совсем стих, Рузаев продолжил подготовку.

Готовили операцию не только Шульц и Тхи Лан. Капкан,

который ставили на «охотников», был весьма масштабным. Пока Рузаев и Кашечкин заряжали пусковые установки и проверяли локационную аппаратуру, вьетнамские партизаны готовили наживку. Зная, что американцы слепо доверяют аппаратуре и без нее бессильны, они заранее разведали с десятков мест, где были разбросаны микрофоны. На ряд просек специально выкатили старые негодные машины. В секторах действия тепловых, звуковых и телевизионных обнаружителей приготовили столько гремящих бочек, что могли создать впечатление перемещения целой армии.

– Товарищ полковник, а что это за «охотник»? – спросил Кашечкин.

– Это из транспортных самолетов делают специальные штурмовики. Называется «ганшип» – самолет с ружьем. Летают и из пушек и пулеметов стреляют по машинам и людям. Так и висят в воздухе над тропой, долго летают, медленно...

– А нас они не того? – Кашечкин прищелкнул пальцами. Рузаев усмехнулся.

– Нет. Это не «Фантомы». У них и оружия-то порядочного нет, они только на совершенно беззащитных охотятся.

– Спасибо, понял!

Кашечкин встал за спиной у операторов– вьетнамцев, которые завершали подготовку. Похлопав одного по плечу, он укоризненно покачал головой. Вьетнамец обернулся и извиняюще-недоуменно посмотрел на него. Кашечкин протянул руку и переключил тумблер автоматики.

– Син лой той куен¹²! – чирикнул оператор.

– Впредь будь внимательнее! – Кашечкин вновь похлопал его по плечу и пошел на свое место.

На пульте Рузаева пискнул зуммер. Он снял с крепления наушники, надел их и стал слушать.

– Внимание, тревога! Две цели с юго-востока.

Кашечкин включил систему и начал быстро разворачивать антенну.

– Есть цель в зоне поражения! Стреляем?

– погоди! – остановил его Рузаев, – пусть побольше соберется.

Тем временем Тхи Лан с Шульцем начали в джунглях свое представление. Сотня партизан застучала возле микрофонов, завела двигатели старых машин, покатила по дороге пустые бочки.

Кашечкин видел, как один «охотник» развернулся, пошел на ложную цель и начал интенсивный обстрел бензиновых бочек. Часть из них загорелась.

Рузаев, точно ознакомленный с планом, понимал, что американское командование видит сейчас движение, по крайней мере, пяти грузовых колонн по главным тропам, и ждал. И дождался.

– Еще две цели, сектор три-два-пять! Идут курсом сто четыре! – отрапортовал Кашечкин, впившись глазами в лока-тор.

---

¹² Извините, забыл! (вьетн.)

– Воронье слетается.

– Товарищ командир, стреляем?

– Ждать!

Через минуту Кашечкин снова доложил:

– Еще цель, три-три-ноль.

– Итого, их пятеро. Все в зоне поражения?

– Все. Тихоходные, низколетающие.

– Цель три на сопровождение! – Рузаев весь подобрался.

– Есть ручное по высоте!

– Есть ручное по дальности!

Кашечкин сноровисто распределил цели по операторам.

– Готов к стрельбе!

– Пуск!

Каждый выстрел занимал минуту. Кашечкин, проведив одну ракету, мгновенно переключался на другую цель. Через пять минут у них кончились ракеты. Единственный уцелевший «ганшип» удирал на юг, к своим. Озабоченные вьетнамцы уже волокли к пусковому станку новую ракету. Американец оказался шустрее и успел-таки удрать от бойцов Вьетконга.

Мокрый от жары и напряжения Кашечкин выскочил под дождь, где вьетнамцы поставили-таки уже не нужную ракету.

– Все! – громко закричал он, пытаясь перекрыть шум небесного водопада, – отбой! Разряжай!

Его крик заглушила сирена отбоя, включенная Рузаевым.

Колонна была уже на марше, когда ее догнали на «газике»

Шульц и Тхи Лан. Они залезли в головную машину к Рузаеву и тут же, без комментариев, кинулись его обнимать.

– Понимаете ли вы, товарищ, – быстро заговорил Тхи Лан, – что у нас теперь будет две недели спокойной жизни?

Рузаев кивнул, а Тхи Лан продолжал:

– Вы теперь, – он показал на колонну, – можете ехать не маскируясь. Никто не прилетит.

– Некому летать, – пояснил Шульц, – дорога расчищена.

– Ну, это вы слишком оптимистичны, – возразил Рузаев.

– Вовсе нет. У них нет больше охотников в этом районе.

Дорога свободна. Люди могут спокойно ходить по своей земле. Эй, вы куда? – Шульц обеспокоенно посмотрел на просеку, на которую свернул ведущий.

– Туда, – Рузаев махнул рукой.

– Там деревня рядом, – наморщился Шульц, – надо было левее брать.

– Деревня не помешает, – хотел было ответить Рузаев, но проглотил слова.

Из леса прямо на дорогу выскочили три вьетнамских крестьянина в огромных конических шляпах. Один из них взвизгнул и исчез в лесу, а два других, размахивая руками, кинулись наперерез. Колонна остановилась.

– Что случилось? – удивился Рузаев.

– Все. Сейчас начнется, – обреченно вздохнул Шульц, – я же говорил, левее надо было ехать.

Тем временем крестьяне побежали вдоль колонны, изда-

вая радостные вопли, а им навстречу с такими же криками вылезали вьетнамские водители и солдаты.

Рузаев хотел было приказать следовать дальше, но из джунглей начали выбегать еще крестьяне. Солдаты что-то закричали им и замахали руками, показывая на командирский газик. Буквально через секунду Рузаевка и Шульца вытащили из машины, надели им на шею гирлянды цветов и натолкали полную машину фруктов. Офицеры пытались, было сопротивляться, но толпа росла, и Тих Лан пояснил, что теперь им без благодарностей не уйти.

В общем, колонна смогла тронуться только через полчаса. Крестьяне махали им вслед, а Рузаев радостно улыбался. Кашечкин сидел в кузове тягача и рубил штык-ножом ароматную шишку ананаса. Остальные ананасы, раскатившиеся от тряски по всему кузову грузовика, солдаты-операторы ловили и запихивали в огромный мешок.

Глава 16. Грустный рассказ о том, как лейтенант Кашечкин серьезно заболел, а потом выздоровел

Станет худо организму -

Покупай в аптеке клизму

Убедись, товарищ, лично

Клизма действует отлично

Нету сил совсем работать

И болезнь злая гложет

Клизма с перцем и горчицей

В педагогике поможет

Говорят, народное творчество

– А? Что, летят? – весь мокрый от пота, с выпученны-

ми глазами, Кашечкин вскочил с толстой плетеной циновки. Спросонья он ничего не понимал.

– Спи, – Рузаев, глядя на экран целеуказания, глубоко затянулся сигаретой, – все спокойно.

Последние три дня они вообще не вылезали из кабины управления. Правда, эта позиция была комфортней – трудолюбивые вьетнамцы, как кроты, отрыли огромный блиндаж и закатили туда весь комплекс. В блиндаже было тихо и более-менее прохладно. Однако от работающей аппаратуры стояла нестерпимая духота.

В редкие часы отдыха Рузаев и Кашечкин спали прямо в блиндаже, на полу кабины, готовые за считанные секунды вступить в бой. От жары и напряжения Рузаев похудел и весь осунулся. Кашечкин стонал во сне и сильно потел. А в последние три дня на него навалилась еще одна напасть – медвежья болезнь. Рузаев смеялся, что Кашечкин так боится американцев, что его желудок реагирует даже на разговоры о них.

– Спи, – еще раз повторил Рузаев, – пока можно!

В ответ Кашечкин только застонал и, бормоча под нос ругательства, побрел к выходу.

– Что, опять?

– Угу, – кивнул Кашечкин и с грохотом скатился по металлическому трапу.

Вернулся он минут через десять, все еще потный, бледный и трясущийся.

– Что-то ты мне не нравишься, – заметил Рузаев. – Ты лекарство пил?

– Пил.

Кашечкин схватился за живот и боком упал на циновку. Врач-вьетнамец, лечивший полк охраны, осмотрел его. И дал отвар какой-то травы, велел не есть ничего, кроме риса. Врач больше напоминал знахаря, хотя утверждал, что лечит по науке и что у него есть диплом медицинского колледжа. Но в это верилось с трудом. И все же Кашечкин отвар пил и рис ел. Легче не становилось.

– Что, живот болит?

– Да, – слабо простонал Кашечкин. – Я попробую заснуть.

– Ты когда в последний раз в туалет ходил?

– Час назад.

Рузаев хмыкнул, слез с табурета и подошел к нему, чтобы пощупать лоб.

– Нет, температуры нет. Ты давай, парень, держись. Сам знаешь, заменить тебя некому.

– Ах, черт возьми! – Кашечкин, прилегший было, снова резко вскочил и бросился к выходу из блиндажа.

– Болеть! – Тхан Донг, бывший рядом, проводил Кашечкина долгим взглядом и потом добавил:

– Много болеть.

– Сам вижу. Придется вместо него Зуан Лона сажать. Зуан Лон!

Зуан Лон оторвался от протирания пульта и подошел к

Рузаеву.

– Садись! – указал Рузаев на место офицера наведения.

Зуан Лон спокойно сел.

– Сумеешь?

– Стараться, – ответил Зуан Лон.

– Молодец.

Рузаев взглянул на часы. Прошло уже минут пятнадцать, а Кашечкина все не было.

– Товарищ Тхан, – забеспокоился Рузаев, – сходи, посмотри, где лейтенант Кашечкин.

Тхан выбрался наружу и очень быстро вернулся.

– Там... – не находя слов, он изобразил сложную пантомиму.

– Тен жа... То есть... Тюен зи сай жа¹³? – по-вьетнамски переспросил Рузаев.

Тхан разразился потоком вьетнамских слов, из которых Рузаев ничего не понял, но все сидевшие в кабине тут же оглянулись на него. Поняв, что произошло что-то серьезное, Рузаев приказал следить за воздухом и сам полез наружу.

Кашечкин лежал тут же, на земле. Глаза его были закрыты, колени подтянуты к животу. Он был без сознания.

---

¹³ Что случилось? (вьетн.)

Кашечкин как сквозь сон воспринимал дорогу. Живот болел нестерпимо, голова кружилась, сидеть было невозможно. Лежать тоже. Во рту пересохло. Хотелось пить, и он жадно хлебал из какой-то фляги, но вода тут же, не задерживаясь в организме, выходила таким путем, что и сказать стыдно.

Мучения его облегчились в Ханое, но не прошли совсем. Просто лежать на чистой покойной простыне намного удобнее и приятнее, чем на жестком сиденье автомобиля или даже на полу боевой кабины. Да и в госпитале его сразу окружили таким вниманием и заботой, что на душе полегчало. Чувствовалось – вьетнамцы готовы на все, лишь бы он поскорее поправился. Пришел старенький врач, наполовину седой. Его сморщенное лицо, напоминавшее сушеную сливу, неодобрительно кривилось, пока он ощупывал живот Кашечкина. Потом врач что-то долго объяснял двум женщинам, а Кашечкину дали лекарства, и он заснул.

Проснулся Кашечкин оттого, что почувствовал, как с него стянули одеяло и холодными твердыми пальцами мнут живот. Кашечкин открыл глаза и увидел над собой склоненного Шульца и полную русскую женщину средних лет. Женщина деловито ощупывала его.

– Так больно? – спросила она.

– Да! – простонал Кашечкин.

– А так?

– Так нет.

– А так?

Она нажала пальцем на какую-то точку, и Кашечкин взвыл.

– Ну что, Наталья Ивановна? – озабоченно спросил Шульц.

– Надо бы анализ сделать. Но вообще-то и без анализов все ясно. Они, – женщина кивнула куда-то в сторону, – не ошиблись.

Кашечкин проследил за ее взглядом. Там, чуть позади, стояли вчерашний старенький доктор и Фан Ки Ну. И Кашечкин с ужасом понял, что совершенно голый лежит под взглядами двух мужчин и, о ужас, двух женщин! Да к тому же Фан Ки Ну при этом саркастически улыбается. Кашечкин заерзал, нашаривая одеяло, и попытался сесть. Вспыхнула боль в животе, и он упал на спину.

– Ишь ты! – поняв его движение, усмехнулся Шульц и поправил одеяло. – Можешь не стесняться доктора. Кстати, вы знакомы?

Кашечкин отрицательно покачал головой.

– Это Наталья Ивановна, врач из посольства.

– Очень приятно, – Наталья Ивановна подала ему руку.

Кашечкин вяло пожал ее и умирающим голосом спросил:

– Что со мной, доктор? Аппендицит, да?

– Аппендицит захотел? – Шульц рассмеялся. – Благодород-

ную болезнь? С операцией? Почти что ранение? Не выйдет, дружок. У тебя болезнь грязных рук. Ручонки перед едой мыл? Воду кипятил? Овощи-фрукты мыл кипяченой водой, с мылом?

– Так ведь негде было, – покраснел Кашечкин.

– Видите, доктор!

– Да, – кивнула Наталья Ивановна, – преступная халатность в боевой обстановке. А в итоге дизентерия.

– Что? – всхлипнул Кашечкин.

– Дизентерия, – едва слышно повторил Шульц и, наклонившись к самому уху, прошептал, – Мучительная смерть от поноса на поле сражения.

– Я умру, да? Только маме не рассказывайте. И Свете не говорите!

– Вот такие у нас бойцы. – Глаза Шульца улыбались, и тут только до Кашечкина дошло, что он шутит.

– Не умрете. Но еще неделю будет очень плохо, – ответила Наталья Ивановна, – так что еще неделю проведете здесь. У нас ухаживать за тяжелыми некому, а доктор Тхиеу эту болезнь хорошо лечит. Потом переведем вас в посольство, и я сама вами займусь.

– Извините, я пост оставил, со мной столько хлопот...

– Да, нехорошо, – кивнул Шульц, – но ты не беспокойся, выздоравливай скорей. Я нашел тебе временную замену, так что месяц можешь лечиться. Буду тебя навещать, но не часто, дел, сам понимаешь, по горло. А вот Фан Ки Ну будет

каждый день тебя навещать. Фан Ки Ну, ясно?

– Да. – Фан кивнула. Она молча стояла возле койки Кашечкина, слушала разговор и смотрела. Глаза у нее были грустные.

– Это приказ – поставить лейтенанта Кашечкина в строй как можно скорее.

– Служу трудовому народу! – Фан Ки Ну по-военному вытянулась.

– Замечательно. Спасибо большое, доктор! – Шульц пожал руку пожилому вьетнамцу. – Оставляю его вашим заботам.

– Доктор просит, – Фан Ки Ну начала переводить ответное щебетанье врача, – прислать ему лекарства по списку.

– Наталья Ивановна, у нас все это есть? – спросил Шульц.

– Есть, – она кивнула.

– Пришлем. Наталья Ивановна будет приходить и осматривать его.

– Что ж, пусть приходит, – перевела Фан Ки Ну. – Доктор говорит, что он очень хорошо лечит и ему будет приятно показать свои методы русскому коллеге.

– Какие такие методы? – Наталья Ивановна вспыхнула, – разве они умеют лечить? Разве у них методы? Принятые здесь методы лечения не прошли бы экспертизу Минздрава!

– Доктор является бакалавром медицины! – заметила Фан.

– Вот, что я говорила! Всем известно, что бакалавр – это

студент, еще не получивший диплома. А Минздрав не признает методов, не имеющих научной основы.

– Доктор говорит, что с радостью поделится с коллегой своим опытом. – Фан Ки Ну едва успевала переводить.

– Без прочной научной основы лечение невозможно! – отрезала Наталья Ивановна.

– Доктор говорит, – продолжала Фан, – что весь его практический опыт в распоряжении советских коллег.

– Спасибо! – Шульц вежливо поклонился, схватил Наталью Ивановну под локоть и быстро вывел из палаты.

Бедный Кашечкин остался в руках доктора Тхиеу, который тут же радостно стянул с него одеяло и на глазах у невозмутимой Фан Ки Ну начал снова ощупывать живот и измерять пульс.

На следующее утро доктор, получивший все необходимое у Натальи Ивановны, с утроенной силой принялся за лечение. Особую радость ему доставляло то, что в его руки попал не простой пациент, а прославленный советский офицер, болезнь которого доктор так хорошо может лечить. Половину лекарств доктор тут же отложил, справедливо считая, что у советских и так всего много, а его пациентам эти лекарства тоже нужны. Чтобы как-то сгладить и стушевать неприятные вопросы, которые все-таки могут возникнуть у проницательной русской докторши, доктор Тхиеу взвинтил свое усердие и любезность до немислимых пределов. Немного подумав, он даже сделал Кашечкину укол полной дозой, а не половин-

ной, как намеревался.

В общем, Кашечкина окружили совершеннейшей заботой и лаской. Ему ежедневно застилали чистое белье. Из его палаты вынесли всех соседей, оставив Кашечкина в одиночестве. Для его стола достали свежую курицу, из которой сварили бульон. Половину бульона Кашечкин выпил через трубочку, и ему заметно полегчало. Оставшуюся половину за здоровье Кашечкина употребил обслуживающий персонал.

Фан Ки Ну явилась в первый же день утром. Кашечкин едва оправился, но уже мог нормально разговаривать. Фан Ки Ну деловито выложила принесенные сушеные бананы, переставила пузырьки на тумбочке и начала вытирать пыль. Кашечкин, млея от удовольствия, наблюдал ее быстрые и ловкие движения. Никогда раньше такая красивая девочка не ухаживала за ним, не занималась его хозяйством. Женатые товарищи рассказывали ему, как это приятно, но он слушал, не понимая.

– Фан Ки Ну, – преодолевая смущение, обратился он, – скажите, а откуда вы так хорошо знаете язык?

– Хорошо? – полувопросительно сказала она, отложив веничек для пыли и присаживаясь на край койки.

– Вы очень хорошо говорите по-русски.

– Я училась в Советском Союзе.

– Учились?

– Да. В Университете дружбы народов.

– Это в Москве?

– Да, в Москве.

– Ух ты! – обрадовался Кашечкин. – Здорово! Что, и жили в Москве?

– Да, пять лет.

– Надо же! А мне так и не пришлось в Москве поучиться. Даже пожить удалось не больше месяца, хотя у меня там мама.

– Меня наше правительство отправило, сразу после революции.

– И как вам Москва, понравилась?

– Красивый город. Такой спокойный, а главное, мирный. Никто не бомбит, не то, что здесь.

– Да, Москву даже в войну почти не бомбили, – встрепенулся Кашечкин, перейдя на любимую тему. – Наши войска ПВО были столь сильны, что немцы не могли прорвать оборону.

– Да, – кивнула Фан Ки Ну, – это хорошо. А у меня муж погиб под бомбежкой.

– Кто? – Кашечкин поперхнулся. – Вы разве замужем?

– Была, конечно. Женщине в моем возрасте неудобно без мужа и детей.

Фан Ки Ну спокойно сидела на краю койки. Ее маленькая фигура, узкие бедра, едва наметившаяся грудь девочки-подростка создавали впечатление школьницы. Кашечкин задумался, как бы половчее разузнать подробности.

– Давно вы замуж вышли? – хитро спросил он.

– Давно. Три года назад, как только из Москвы приехала.

– А ребенок у вас есть?

– Да. Сын. Ему два года.

– Так сколько же вам лет?

– Один, два... – Фан Ки Ну шепотом произнесла русские числительные, вспоминая. – Двадцать шесть лет.

– О! – изумленно хлопая глазами, Кашечкин посмотрел на нее. Совершенно гладкая кожа лица, без морщин, лишь глаза слегка усталые. Маленькая. С длинными черными волосами. Перед ним сидела девочка.

– О! – еще раз выдохнул он. – Так вы старше меня!

– Возможно, – кивнула Фан Ки Ну и добавила, – мой муж тоже был военным.

– Где он служил?

– Он воевал. Водил машины. И на Тропе его убили. А кто ваша жена?

– А я не женат!

– Бедненький! Кто же ведет ваше хозяйство, кто ласкает вас перед сном?

– Никто пока. Но у меня в Москве есть невеста. Да, невеста.

– Москва далеко, – улыбнулась Фан Ки Ну каким-то своим внутренним воспоминаниям, – очень далеко! И там холодно, очень холодно зимой. А здесь океан близко, дождь и тепло.

– А вы любили своего мужа? – спросил Кашечкин.

– Да. Он был храбрый воин и хороший отец. Он хорошо содержал семью.

– Извините, я не знал, – Кашечкин смутился, – это тяжелая утрата. А тут еще я на вашу голову.

– Это было давно, – Фан Ки Ну вздохнула, – и незачем об этом вспоминать. Расскажите лучше, какой стала Москва.

Кашечкин с радостью начал рассказывать ей про Москву, про маму, про свой отпуск, про то, как попал к ним, во Вьетнам. Фан Ки Ну слушала, изредка перебивая, а ее ловкие пальцы работали и работали, сметая пыль и переставляя предметы. И когда короткие сумерки сменились непроглядной ночью, Кашечкину снились девушки. То Фан Ки Ну в плиссированной юбочке длинным веником из рисовой соломы подметала площадь перед «Художественным». То Светлана Акиньюшина сидела на берегу океана и ела рис из зеленой пятнистой чашки. То вдруг Кашечкин брал их обеих за руки и летел с ними над джунглями, а внизу бежал вьетнамец в военной форме и кричал, что он муж этих двух женщин. А Кашечкин млел от восторга и все летел, летел...

Вьетнамец достал из-за плеча автомат и начал стрелять в Кашечкина. Пули прошили живот, причиняя нестерпимую боль. Кашечкин проснулся и, едва переставляя ноги и качаясь от слабости, побрел в туалет.

Фан Ки Ну пришла и на следующий день, и через день. Она приходила всегда в одно и то же время и ухаживала за Кашечкиным как родная мать или, лучше сказать, как любящая сестра. Она не только приносила ему еду и убирала в палате, но и меняла белье, и даже помогала совершать достаточно неприятные, но совершенно необходимые медицинские процедуры. Единственное, чего доктор Тхиеу не мог ей позволить – это процесс лечения, который он взял полностью на себя. Доктор лично готовил лекарства, лично, не доверяя медсестре, делал уколы. Он по три раза в день приходил к пациенту, мял ему живот, оттягивал веки, смотрел на язык и при этом качал головой и причмокивал губами.

Пациент доктору нравился – он не сопротивлялся правильному лечению, не задавал лишних вопросов и быстро шел на поправку. Доктор надеялся при выписке прочитать русской докторше лекцию об успехах народной медицины Аюр-веды в деле исцеления советских офицеров на примере лейтенанта Кашечкина. Доктор долго мял пульс своими сильными пальцами, нащупывая состояние трех дош. Нашупав эти самые доши, доктор доставал баночки с резко пахнущими мазями и натирал ими Васину грудь. От запаха першило в горле и хотелось чихать, но в голове неожиданно прояснилось, становилось легче.

– Фан Ки Ну, скажите, неужели вы верите во все эти ненаучные манипуляции? – спросил Кашечкин, когда доктор в очередной раз растер его, завернул в чистую простыню и, гордый содеянным, удалился.

– Это очень опытный доктор. Очень-очень хороший. Мы отвезли вас к самому лучшему из всех докторов, чтобы вы быстрее стали здоровым.

– И все-таки советская наука утверждает, что лечить надо таблетками и уколами, а не прощупыванием пульса и мазями из трав.

– Доктор лечит и тем, и другим. Он говорит, что таблетки излечивают низшее тело, а травы лечат тело высшее. А запахи даны от Бога и врачуют душу.

Кашечкин фыркнул.

– Бога нет! – твердо заявил он. – И души тоже нет. Наше сознание есть функция головного мозга.

Фан Ки Ну внимательно посмотрела на него. Она сидела на коленях, на соломенном мате возле стены. Так, неподвижно сидя, она ожидала, пока доктор закончит процедуры. Так же спокойно и молча она сидела, когда для нее не было работы. Вот и сейчас она, проводив доктора, ждала, когда можно будет забрать грязные простыни.

Фан Ки Ну мягко, бесшумно встала и, неслышно ступая маленькими босыми ногами, подошла к Василию.

– Да, конечно, – согласилась она, – и в университете нас учили так же. Но ведь доктор лечит не молитвами и не за-

клинаниями. Он дает вам лекарства, которые привезла Наталья Ивановна.

Фан Ки Ну мягко положила свою маленькую ручку ему на лоб и провела пальчиком по бровям. Кашечкин замер. Боясь спугнуть это удивительно приятное прикосновение, он закрыл глаза и даже затаил дыхание. Но комсомольская совесть требовала своего.

– Но доктор ссылается на какую-то Аюр-веду и на каких-то монахов!

– Конечно. Простите его, он ведь уже старенький и не умеет иначе.

– Да. Пожилого человека не переделать.

– Спасибо, что извинили доктора. – Не отнимая рук, Фан Ки Ну слегка поклонилась. – Он просто измеряет пульс. Это научно и правильно. А то, что он называет процедуры странными именами, ему позволительно. Он очень хороший доктор. Он быстро вас вылечит.

– Думаете? Мне надо скорее! – Кашечкин открыл глаза и непроизвольно дернул головой.

– Конечно. Ведь его мази приносят облегчение?

Она подняла простыню у него на груди и слегка помассировала расслабляющие точки в районе ключицы. Затем быстрыми умелыми руками прошлась по линии от локтя до плеча, вынимая негативную ци из каналов руки. Все пациенты, знакомые с массажем чжуд-ши, при этом лежали расслабленно и дышали равномерно, чтобы дать лечебным аро-

матам достигнуть нужных зон. Но Кашечкин о чжуд-ши не знал и поэтому смиренно лежать не захотел. Под простыней у него неожиданно все напряглось и он, не соображая еще, что делает, схватил ее руку и прижал к своим губам. Он пытался поцеловать ее, но она оказалась ужасно горькой от целебных мазей.

Рассмеявшись, Фан Ки Ну ловко выдернула руку и отошла на шаг. Кашечкин смутился.

– Ай-ай! – она покачала головой. – Выздоровление идет быстро!

Кашечкин смутился еще сильнее и покраснел. Фан Ки Ну ловко подняла простыню и закутала в нее Кашечкина по самое горло.

– Вам еще этого нельзя. Вы еще слишком слабы, и это может подорвать Ваши силы.

Кашечкин лежал, смущенный и довольный одновременно. Он был уже достаточно опытный мальчик и знал, как нужно обращаться с девушками. Он уже несколько раз целовался и слышал рассказы курсантов о своих похождениях. Он и со Светланой целовался несколько раз – не на прощание, в щечку, а по-настоящему, в губы, обнявшись и прижавшись друг к другу. Он знал, как найти дорогу к сердцу девушки. Он видел, что сделал по этой дорожке первый шаг. Конечно, в Москве у него была невеста, но Москва далеко, а молодой организм требовал своего. В Кашечкине проснулся ловелас, настоятельно требовавший, чтобы состоялись про-

гулки при луне, в конце которых... Тут фантазия разгулялась, представляя себе нежные губки, поцелуи... И это возможно...

Но, дверь распахнулась... На пороге, в совершенно неурочный час, возник доктор. За ним в палату шагнул Шульц.

– Здравствуйте, товарищи! – бодро приветствовал он Фан Ки Ну и Кашечкина.

Фан Ки Ну встала. Кашечкин скинул простыню и сел на койке. Маленький доктор, мелко семеня, подбежал к нему и, встревожено лопоча, попытался уложить обратно.

– Как самочувствие, лейтенант?

– Уже намного лучше!

– Замечательно. Вот и доктор говорит, что ты очень быстро поправляешься, и что он тебя очень хорошо лечит.

Фан Ки Ну перевела. Доктор закивал.

– Поэтому мы хотим перевести тебя в гостиницу и поселить с нашими военными специалистами.

– Меня? Зачем? Мне и здесь хорошо, – Кашечкин с тоской посмотрел на Фан Ки Ну.

– Доктор говорит, что ему надо восстановить энергию, – перевела Фан.

– Восстановим, – согласился Шульц, – при помощи военно-полевой кухни.

– И еще мази нужны! Доктор беспокоится, что нужны специальные мази.

– И мази возьмем. – Шульц бесцеремонно сгреб со стола все коробочки.

– Доктор говорит, что нельзя доверять завершающий этап лечения несведущему человеку, а он не может отлучаться из госпиталя.

– Наталья Ивановна – замечательный доктор.

– Но, Герман Генрихович... – начал было Кашечкин.

– Лейтенант Кашечкин! – резко оборвал его Шульц. – Вы прекрасно знаете положение об ограничении нежелательных контактов. Устроили тут лазарет, когда обстановка такая напряженная! В посольстве долечат.

Кашечкин снова сел, уже молча, и наблюдал.

– Какие мази нужны? – Шульц вынул из мешка одну баночку, открыл, понюхал и поморщился. Затем он обратился к Фан Ки Ну.

– Ты ведь в Дружбе народов на медицинском училась?

– Да, – Фан Ки Ну кивнула.

– Отлично. Тогда подробно узнай у доктора, чем и как надо мазать. В общем, хорошенько все выясни. И займи внимание доктора.

– А она со мной поедет, в посольство? – еще не веря в продолжение счастья, спросил Кашечкин.

– Доктор говорит, тебе какой-то массаж нужен. Вот она и будет делать. Наталья Ивановна не против. Наталья Ивановна! – Шульц громко крикнул в сторону открытой двери.

Врач вошла и, не говоря ни слова, кинулась ощупывать

Кашечкина.

– Здесь болит? А здесь? А здесь? А что это за гадость на вас намазана?

– Как его состояние? – перебил Шульц.

– Транспортабелен. Осталась реабилитация.

– Вот и замечательно, – кивнул Шульц, – берем его с собой.

– А что это у вас? – врач увидела в руках Шульца мешочек с мазями.

– Думаю, это не повредит.

– Я тоже так думаю, – неожиданно смягчилась Наталья Ивановна.

– Доктор хочет проконсультировать вас, как завершить курс лечения, – обратилась к ним Фан Ки Ну.

– Он, меня... – выдохнула Наталья Ивановна, но Шульц, крепко взяв ее под локоть, уже оттеснял к двери.

– Одевайся быстрее, – кивнул он Кашечкину, и добавил в сторону Фан Ки Ну:

– А вы внимательно выслушайте доктора и помогите лейтенанту добраться до машины. Мы будем там.

Он подхватил Наталью Ивановну, и они проследовали в коридор. Кашечкин начал торопливо одеваться.

Кашечкину, хоть и выздоравливающему, но все же инфицированному, выделили отдельный номер в гостинице для советских специалистов. Наталья Ивановна лично взялась за него, выставив из комнаты и Фан Ки Ну, и Шульца. Одна-

ко ее рвения хватило ненадолго – дел в миссии было много, и она успевала только дважды в день проделать необходимые процедуры. А потому, скрепя сердце, уступила остальное время маленькой трудолюбивой Фан Ки Ну. Фан начала хлопоты с того, что переставила все вещи. Затем она отнесла куда-то половичок, присланный Натальей Ивановной, и застелила весь пол мягкими соломенными циновками. На самую лучшую циновку она кинула маленькую подушечку, уселась на нее и гордо осмотрела комнату, посередине которой на деревянной кровати лежал лейтенант Кашечкин. Порядок был восстановлен.

С переездом в гостиницу для Фан Ки Ну значительно прибавилось дел. Больничной obsługi не было, и Наталья Ивановна согласилась передать в ее руки все хозяйственные хлопоты. Хотя Кашечкин быстро поправлялся и уже уверенно ходил, но в столовую его пока что не пускали по каким-то санитарным соображениям. Фан Ки Ну приходилось носить еду прямо в комнату. Кашечкин сразу разрешил ей забирать часть риса, который он не любил, и Фан Ки Ну с благодарностью носила его домой, своему маленькому сыну. Она ходила в библиотеку посольства и приносила Кашечкину книги, которые тот с удовольствием читал.

Кроме чтения, Кашечкин развлекался написанием писем. Он написал их уже много, целую стопку, и аккуратно сложил в ящик стола. Письма в Союз шли очень долго, часто терялись, и отправлять их не было никакого желания.

Однажды Кашечкин, презрев запреты, в момент, когда его никто не видел, выбрался в садик за гостиницей, срезал зеленый стебель бамбука и поставил его в воду. На следующий день Фан Ки Ну чуть было не выкинула эту композицию, но Кашечкин объяснил, что это подарок, специально для нее, и что он всегда дарит красивым девушкам цветы. Фан Ки Ну вспомнила Москву, общежитие, вспомнила подарки друзей-студентов и растрогалась. Она сказала, что это очень хороший съедобный бамбук, и она возьмет его с собой. Кашечкин разомлел от счастья и, окрыленный успехом, повторил свою вылазку. На следующий день Фан Ки Ну увидела целую оранжерею из побегов бамбука, листьев пальм и папоротников, воткнутых в бутылки. Она вздохнула и, выказывая признание, аккуратно расставила их под окном, возле своей цинновки.

– Спасибо, Вася, – прошептала она тонким голоском и поклонилась. – Но больше не выходи, а то скажут, что я не доглядела.

– Ничего страшного! Наталья Ивановна сказала, что мне с завтрашнего дня уже можно будет выходить на улицу, а через неделю вообще вернуться на батарею.

– Да. И мне придется ехать. – Фан Ки Ну вздохнула.

– Жаль расставаться. Но ничего не поделаешь, это долг воина.

– Да, это долг, – подтвердила Фан Ки Ну.

Она достала из тумбочки коробочку с плотной крышкой

из отрезка бамбука, открыла и понюхала.

– Это наша мазь. Тха-чурна. Доктор Тхиеу сделал ее специально для вас и велел растирать мазью ноги. Он сказал, что от этого кровь станет теплее.

– Спасибо. – Кашечкин грустно вздохнул и взял коробочку. Медицинские снадобья уже сидели у него в печенках, а пахнущие с чудовищной силой снадобья доктора Тхиеу стали просто ненавистны. Он с удовольствием бы выкинул их все, но тогда бы он лишился счастья ощущать легкое прикосновение женских рук, втирающих мазь в грудь и в живот.

Он обмакнул палец в пряную, зеленоватого цвета густую массу и провел пальцем по ступне.

– Нет, не так, – засмеялась Фан Ки Ну, – сильнее растирать надо.

– Ага! – Кашечкин кивнул и слегка потер ногу ладонью.

– Ложись!

Фан Ки Ну толкнула его на койку и попыталась закатать брюки. Но штанина была жесткая и не поднималась выше колена. Тогда она расстегнула пояс и ловко стянула с него штаны.

– Ай! – Кашечкин вздрогнул, оказавшись лежащим в одних семейных трусах, но покорился своему «домашнему доктору».

Фан Ки Ну набрала мазь на ладонь, смазала голеностоп и начала сильно и ловко разминать икроножные мышцы – сначала на левой ноге, затем на правой. Икры тут же запы-

лали огнем, а потом вдруг их свел ледяной холод, пронзающий иголками.

– Действует? – спросила Фан Ки Ну, продолжая растирать.

– Да! – Кашечкин почувствовал, что эта мазь действует сильнее прежних снадобий.

– Сейчас станет тепло!

Фан Ки Ну зачерпнула из банки еще и начала ловко разминать бедра. Тело Кашечкина кололи ледяные иглы, а вверх по животу поднималось тепло. Он попытался справиться с возбуждением, но низ живота сводило все сильнее.

– Хорошая мазь? Нравится? – невинно спросила Фан Ки Ну.

Кашечкин молча кивнул и попытался натянуть одеяло на свои семейники, которые все больше беспокоили его.

– Подождите, еще не все!

Фан Ки Ну откинула одеяло и вдруг уселась верхом на колени лежащего на спине Кашечкина. Деловито устроившись, она взяла мазь и начала растирать мышцы ног еще выше.

Кашечкин чувствовал жар в ногах и животе. Колени он ощущал упругие, теплые женские бедра и не мог сдержаться. Он закрыл глаза и застонал.

– Больно? – удивилась Фан Ки Ну.

– Нет, – тихо ответил Кашечкин, – не больно.

– А что же тогда?

Кашечкин смутился.

– Ах, это, – она провела своей ручкой по его семейным

трусам. – И давно у вас не было женщины?

– Что? – опешил Кашечкин.

– Вы давно не спали с женщиной?

– Никогда, – выдохнул Кашечкин горькую правду. – Я не женат. И с девушками никогда не общался.

– Совсем никогда? – удивленно спросила Фан Ки Ну. – В вашем возрасте это, должно быть, очень утомительно!

– Нет, я, что вы... – тихо лепетал Кашечкин.

– Неужели вы не хотите женщину? – в свою очередь удивилась Фан Ки Ну.

– Честно сказать... – Кашечкин замялся и выдохнул: – Хочу. Но пока не получалось.

– Так надо было об этом сразу сказать! – засмеялась Фан Ки Ну, тщательно вытерла руки о полотенце и стянула с него трусы.

– Бедный мальчик! – она нежно коснулась его груди губами и начала раздеваться. – Бедный мальчик! Я теперь поняла, зачем вы дарили мне эти травы!

В голове у Кашечкина все поплыло. Там играла музыка и цвели розы. Он чувствовал себя счастливым. Фан Ки Ну была опытной и ловкой, поэтому у него все получилось наилучшим образом.

Глава 17. Битва Сильвестра Великолепного с теньями

Everyday I fight a war against the mirror

I can't take the person starin' back at me

I'm a hazard to myself¹⁴

Pink

Именно с того боя, когда под огнем, оставшись без поддержки, погибла почти половина роты, в воинственную душу Сильвестра Макарони стали проникать страхи.

Сначала страхи были мелкие. Например, на позицию могли не доставить вовремя туалетную бумагу. Все доставили – патроны, газированную воду, саморазогревающиеся консервы, зубную пасту и жевательную резинку. А туалетную бумагу – нет. Ну что тут рейнджеру делать?

Когда такие черные мысли посещали Сильвестра, он брал зеркальце и смотрел на самого себя, сильного и мужественного. Потом страхи стали расти. Сильвестр боялся сержанта,

---

¹⁴ Каждый день я сражаюсь с зеркалом, Я не могу взять того, кто сзади... Я опасен самому себе

боялся его сумасшедших глаз и дергающейся щеки. Сержант был своим, но Сильвестру все время казалось, что тот вот-вот выстрелит ему в спину.

А потом Сильвестр породнился с сержантом, первый раз зарезав вьетнамца ножом. То, что это был не солдат с оружием, а мирный житель, только добавило страха. И каждый новый бой этот страх усиливал. Сильвестру казалось, что против него в этом бою идут какие-то тени, которых с каждым разом становилось все больше и больше. Джунгли, деревни, поля и реки просто кишели непонятными тенями, которые распадались от малейшего дуновения ветра.

Первоначально, до начала крупных операций, роту бросали только на «зачистки». Катера или грузовики везли их к населенному пункту, они выгоняли оттуда вьетконговцев, и авиация добивала вооруженных людей. Их отряд добивал невооруженных.

Затем все стало сложнее. Их грузили в вертолеты и бросали в бой против регулярных частей. Бои были кратковременными, но постепенно они переросли в длительные сражения. Сильвестр Макарони пережил все – гибель друзей, победы, поражения. И только одного он еще не знал – вьетнамской ночи.

В тот раз их полк целиком перебросили на рубеж атаки. Где-то недалеко, в нескольких милях, в зарослях скрывались целые партизанские соединения. Полк разбил лагерь, а взвод Макарони выдвинули вперед, в охранение.

Первым дежурил Сильвестр. Он оставил свой ранец в расположении взвода, выбрал укрытие и удобно улегся за огромным полусгнившим стволом. Этот ствол, обвитый какими-то лианами и тонкими вьющимися травами, хорошо прикрывал его.

В лесу было темно и прохладно, несмотря на то, что сверху палило яркое тропическое солнце. Нижний ярус леса просматривался достаточно далеко.

Сильвестр расстелил пористый коврик и улегся на него, вглядываясь в сумрак. Но понаблюдать ему не дали – в зад впился какой-то кусачий паразит. Сильвестр придавил его, поправил маскировочный куст папоротника на каске, надел защитные очки и замер.

Постепенно становилось все темнее, тени сгущались. Сильвестр изо всех сил напрягал зрение, но деревья и тени сливались в единый фон, и выделить что-то было почти невозможно.

Сильвестр сосредоточился на огромной метелке древо-видного папоротника, минут пять смотрел на него и вдруг краем глаза увидел какое-то движение.

Он быстро посмотрел туда, где промелькнула тень. Там с высокого тонкого ствола свисали змеи ротангов, но ничего подозрительного не было. Сильвестр посмотрел еще раз, и тут в самой глубине леса, в зеленом воздухе, зашевелились какие-то фигуры.

Не раздумывая, Сильвестр схватил винтовку, взвел затвор

и длинной очередью полоснул по зеленым призракам. Очередь срезала ветки и листья, они упали на покрытую перегноем землю.

Сзади раздались крики и топот. Сильвестр оглянулся. Весь взвод был здесь, готовый к стрельбе с колена. Впереди стоял Дойли, подергивая щекой. Дойли сжимал в руках пулемет. Несмотря на темноту, он был в темных очках. Наверное, ему было все равно – косящий глаз ничего не видел ни в темноте, ни на свету.

– Был контакт? – сдавленным шепотом спросил он у Сильвестра.

– Не знаю... – протянул Сильвестр.

– Двое за мной. Остальные остаются здесь! – скомандовал сержант.

Они быстро двинулись вперед и исчезли в зеленом сумраке. Сильвестр, прикинув к прицелу, ждал. Зеленые и черные тени пробегали где-то на краю зрения. День быстро угасал, стремительно надвигалась тьма, а взвод напряженно ждал.

Наконец показался шумно топающий и звенящий оружием сержант в сопровождении Смита и Робинсона.

– Никого. Возвращаемся.

Взвод, хрустя ветвями и разговаривая, ушел. Сильвестр снова остался один, напряженно вглядываясь в темно-зеленый сумрак. Сумрак сгущался, из зеленого постепенно стал черным. Эта чернота была обманчивой, в любой момент из

нее могли выскочить желтолицые узкоглазые воины, перебить их всех и скрыться в зарослях.

«Как же они видят в такой темноте? – подумал Сильвестр. – Они родились здесь. Это их лес. Они не люди, они животные. Мяукают и видят в темноте».

Внезапно справа от Сильвестра раздался громкий хруст, и в темноте вспыхнули два глаза. Сильвестр плотнее обхватил винтовку и попытался внимательно следить, но следить не удавалось. Огоньки исчезли, а в глаз вцепился комар. Сильвестр минут пять боролся с насекомыми, а когда бой закончился, правый глаз видел значительно хуже.

Сзади раздались шаги.

– Стой! – скомандовал Сильвестр.

– Денвер! – произнес пароль знакомый голос.

– Ориноко! – отозвался Сильвестр. – Смит, ты?

– Я.

Смит улегся рядом и выложил на бревно большую зрительную трубу.

– Тепловизор?

– Да.

В этой крошечной темноте, в хаосе звуков ночных джунглей их секрет был совершенно бесполезен, потому что они ничего не видели в двух шагах. Сильвестру казалось, что вьетнамец уже стоит у него за спиной и, усмехаясь, целится ему в затылок.

Смит включил прибор ночного видения, настроил его и

начал осматривать заросли.

– Ни черта не пойму, – выругался он. – Да они тут нам сто раз успеют глотки перерезать, прежде чем мы что-то увидим.

Сильвестр хмыкнул.

– Ну-ка, а это что?

Смит приник к трубе.

– Черт подери!

Смит схватил свою винтовку и нажал курок. Но винтовка лишь сухо щелкнула. В нее попала соринка.

– Зараза!

Смит рванул затвор и нажал курок еще раз. Винтовку со скрежетом заело.

– Где? – шепотом спросил Сильвестр, устанавливая свое оружие на бревно.

– Там, там! – Смит горячо шептал, жестикулируя в темноте.

Вспышка выстрела ослепила их. Сильвестр стрелял и стрелял, и в глазах у них прыгали огненные круги.

– Контакт! – истерически заорал Смит. Через их головы загремели выстрелы, а затем взревел пулемет в руках сержанта. Взвод крошил заросли.

И тут откуда-то из леса, из сплошной темноты ударили выстрелы. В ответ на них в расположении полка вспыхнули прожектора, загремела стрельба. С шипением ударила базаука.

Черные тени бежали на их взвод. Сильвестр стрелял и

стрелял. Неуловимые тени метались между деревьями, окружали их. В свете вспышки выстрела Сильвестр увидел маленькую темную фигурку прямо посреди их расположения. Сильвестр выхватил нож и кинулся на вьетконговца, но тот словно растворился.

– Отходим! – истерически закричал сержант.

Сильвестр рванулся в темноту. А когда понял свою ошибку, было уже поздно. Всегда, в любом бою, он видел командира и товарищей и выполнял приказ. А тут, отрезанный темнотой, он в двух шагах от взвода остался один. Пробежав десяток шагов, он ударился о невидимый ствол и упал.

Вокруг стреляли. Сильвестр перекатился на бок и тоже открыл огонь. По лесу метались страшные темные тени.

Сильвестр попытался вскочить, но снова ударился о ствол. Партизаны были всюду. Сильвестр завыл, ощущая, как партизан готовит нож, чтобы вонзить ему в сердце.

Тем временем стрельба переместилась в сторону и стихла. Сильвестр замер, боясь пошевелиться, боясь звуком выдать себя. Он сидел тихо-тихо, а вокруг бродили невидимые вьетконговцы. Перестрелка прекратилась. Полк погиб.

Только на рассвете изъеденный москитами Макарони рискнул встать и пойти посмотреть, что же осталось от полка. Он не прошел еще и сотни футов, как его окликнули.

– Денвер! – отозвался Макарони.

– Ориноко! – навстречу ему поднялся сержант, – они там?

– Там.

– Иди к ребятам, туда.

Сильвестр закинул винтовку за плечо и побрел в расположение.

Когда совсем рассвело, подсчитали потери. Никто не был убит. Во всем полку только двое легкораненых. Ночной бой закончился с минимальными потерями.

Поисковая группа прочесала место сражения и не обнаружила ничего. Ни оружия, ни следов крови, ни раненых, ни убитых. Только искромсанные пулями деревья. Никаких следов нападавших. Такое впечатление, что ночью воевали с призраками.

Сильвестр понял, что уже не хочет быть суперменом.

Глава 18. Столкновение сил продолжается

И когда рядом рухнет израненный друг

И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,

И когда ты без кожи останешься вдруг

Оттого, что убили – его, не тебя, -

Ты поймешь, что узнал,

Отличил, отыскал

По оскалу забрал -

Это смерти оскал! -

Ложь и зло, – погляди,

Как их лица грубы,

И всегда позади -

Воронье и гробы!

В.Высоцкий

Сказать, что миссия Армии Соединенных Штатов Америки во Вьетнаме идет в неверном направлении – значило не сказать ничего. Новые директивы и новые виды оборудования, устанавливаемые на самолеты, конечно, помогали. Но не сильно. Командование металось, и его растерянность была явно видна. Наземные войска несли колоссальные потери. И что самое страшное, летчики потеряли боевой дух и веру в собственную непобедимость. Летчики просто боялись летать. Поэтому полковник Хантер абсолютно не удивился вызову в штаб объединенного командования миротворческих сил.

Совещание проводил командующий воздушными силами ограниченного контингента генерал Форд. Вместе с Хантером присутствовали командиры полков легкой авиации. И если Хантер, еще не понесший ни одной потери, мог позволить себе вальяжный тон, то у полковников Уилсона и Макмиллана дела обстояли весьма и весьма не блестяще. Уилсон, действовавший на северном направлении, потерял уже почти четверть личного состава. Он улыбнулся в ответ на приветствие Хантера, но улыбка эта была холодной и натянутой.

– Господа! Изменившиеся условия ведения операции требуют новой тактики вмешательства во внутренний конфликт, – начал Форд.

– Новой тактики ведения войны. Мы здесь не политики, – тихо поправил его Хантер.

– Хорошо, – кивнул Форд, – для удобства будем называть этот затянувшийся локальный конфликт войной. Противник получил новые возможности предупреждения наших действий.

– Новое оружие он получил. Из Советского Союза, – поправил Уилсон.

– Господа, прошу не мешать! – резко оборвал его генерал. – Наша задача – выработать новую тактику борьбы. Полковник, ваши предложения?

Уилсон встал и развернул перед собой листы с записями.

– Наш полк принял на себя основной удар нового оружия русских. Мы понесли большие потери. Но наши летчики оказались способны наносить удары и в таких условиях. Они выработали тактику борьбы.

– Продолжайте, – кивнул Форд.

– Выработан противоракетный маневр. Он эффективен в случае атаки станции несколькими самолетами. Также эффективна бомбардировка комплекса сразу после первого пуска. К сожалению, вьетнамцы достигли исключительного мастерства в маскировке, и обнаружить комплекс до того, как он произвел первый залп, практически невозможно. По-

этому эскадрилья, идущая первой, подвергается чрезвычайному риску. Все наши потери – это потери от первых залпов ЗРК. К сожалению, первая эскадрилья теряет боеспособность, а вторая уже не застаёт комплекс на прежнем месте.

– Да, – кивнул Форд. – Это так. Прошу высказывать мнения.

– Необходима массовая акция, – заметил Хантер.

– Несколько раз первой эскадрилье удавалось прорваться. Но мы не можем давать приказ идти на верную смерть без поддержки.

– Да, – кивнул Хантер, – но наши бомбардировщики недавно были оборудованы аппаратурой постановки помех. Эффективность ее низкая, потому что ЗРК просто начинает вести огонь по самому источнику помех и в ряде случаев самолет погибает.

– Вам тоже досталось? – усмехнулся Макмиллан.

– Столкновения были, правда, без потерь для обеих сторон. Можно было бы использовать атаку в помехах для совместной акции.

– Предлагаете отвлечь противника? – спросил Форд.

– Да. Постановщик помех нашего полка будет летать вне зоны поражения ракет. А ваша эскадрилья, Уилсон, под прикрытием начнет атаку.

– Опасно, – Уилсон покачал головой.

– Моих ребят я поведу лично, – не задумываясь, ответил Хантер.

– Я тоже, – Уилсон кивнул.

– Полковник, а как вы предполагаете определить место размещения ЗРК? – спросил Форд.

– Для этого есть специальный план. Пожалуйста, внимание!

Хантер расстелил на столе схему, и офицеры углубились в ее изучение.

***

Первая и главная беда Рузаева состояла в том, что его фланги оказались без прикрытия. Соседи стояли слишком далеко. Это абсолютно неуставное явление усугублялось еще и тем, что на месте опытного Кашечкина сидел Зуан Лон. Ничего плохого сказать про него было нельзя, он уже самостоятельно провел несколько боев, а все же Рузаев чувствовал себя так, будто у него в бою открыта спина.

Эта группа «Фантомов», появившаяся с востока, вела себя как-то странно. Она разделилась, и ведущая пара направилась к объекту, а ведомая пара осталась барражировать на средней высоте. Лон несколько раз провел лучом, следя за их полетом.

Рузаев поморщился. Слишком долго Зуан Лон держал передатчики включенными, и пилоты могли уже засечь излучение. И очень его настораживала вторая пара, которая совершала какие-то нелепые маневры. Верным военным ню-

ХОМ чувствовал ловушку, но не мог понять, в чем она состоит.

***

Лейтенант Мюррей шел ведомым в первой паре. Вел их в атаку капитан Блай. И еще Мюррей знал, что вторую пару прикрытия ведет лично полковник Уилсон. Лейтенант понимал, что полковник вовсе не обязан совать голову в пекло, и этот поступок вызывал уважение. И насмешку.

«Если бы я был полковником, – думал Мюррей, – я бы никогда никого не водил в атаку, а сидел бы себе на базе. А еще лучше было бы вообще смотреть отсюда в Штаты и никогда больше не садиться в кабину».

Они заходили на цель. Оператор приготовился к бомбометанию, прикинув к прицелу. Внезапно в наушниках раздался стрекочущий свист, на приборной панели вспыхнула красная лампочка.

– Мак!

– Да! – оператор не отрывался от прицела.

– Радар поет!

– Слышу. Пока не пеленгуется.

Свист прошел еще раз, затем еще и еще.

– Есть пеленг!

Макинтош щелкнул тумблером.

– Чарли-первый! – Мюррей вызвал Блая.

– Слышу.

– ЗРК на пеленге тридцать.

– Слышу. Спасибо. Ждем пуска.

До цели оставалось миль пятнадцать. Свист шел не переставая, лампочка мигала красным. Станция вела самолет, и у Мюррея во рту появился неприятный кислый привкус. Внезапно наушники щелкнули, и тон сменился.

– Чарли-первый, есть пуск! – крикнул Мюррей.

– Чарли-второй, маневр!

Самолеты резко рванули вверх.

– Ковчег, есть пуск ракет! – раздался в шлемофоне голос Уилсона. – Начинаем!

– Понял, начинаю!

Стратегический бомбардировщик, ведомый полковником Хантером, шел слишком далеко, чтобы Рузаев мог его видеть. Поэтому внезапное включение помех ослепило станцию.

– Самонаведение!

Рузаев пытался хоть как-то удержать ослепшую ракету на курсе.

– Нет!

Лон беспорядочно щелкал тумблерами.

– Отставить!

Рузаев выключил мощность локатора и нажал кнопку sireны.

– Разбегаемся.

Но было поздно. Мощный удар потряс позицию, затем еще и еще. Американцы долбили установки, но пока еще не могли найти центр управления. Кабина качалась, на нее с грохотом осел разбитый накат блиндажа. Операторы повскакивали со своих мест, рванулись к броневой двери, но ее уже невозможно было открыть из-за съехавшей земли. Раздался еще взрыв, разлетелись разбитые приборы, кабина перевернулась.

***

Первым на цель зашел Уилсон. Он с первого захода высыпал все фугасы и с удовлетворением отметил, что в пыли разрывов мелькнуло дымное пламя. Значит, попали точно.

Мюррей станцию добивать не стал, а разрядил подвеску по партизанским складам.

– Чарли-второй, как цель?

– Чарли-первый, цель поражена!

– Чарли-второй, ложитесь на обратный курс. Я сделаю фотоснимки.

– Чарли-первый, вы поразили цель? – Хантер вызвал Уилсона.

– Ковчег, цель поражена. Можно заканчивать.

– Чарли-первый, вы уверены?

– Да.

Хантер вел машину на достаточном отдалении и не видел

результатов бомбежки. Но такое быстрое завершение операции казалось ему странным.

– Чарли-первый, укажите координаты цели! Я пройду по ним.

– Ковчег, не надо!

«Вот хитрый какой! – пронеслось в голове Уилсона. – Мы своей шкурой рисковали, а он отбомбит раз и станет главным героем. Нет уж, вся слава будет принадлежать легкой авиации».

– Чарли-первый, я жду!

– Знаете что, Ковчег, – Уилсон хихикнул, – можете ждать еще долго. Я уже сделал снимки и иду на базу.

– Чарли-первый, соблюдайте дисциплину!

Хантер нервно сжал штурвал. Он прекрасно понимал Уилсона. Легкая авиация не любила стратегическую.

– Операция закончена. Ковчег, возвращайтесь. Выключаюсь.

Хантер выругался, но по щелчку в наушниках понял, что его ругань уже никто не услышал.

***

От удара Рузаев потерял сознание. Когда он пришел в себя, вокруг стояла полная темнота. Невыносимо болел затылок. В бок вонзилась какая-то острая железяка. Но самым неприятным ощущением была тишина. Рузаев, постанывая

от боли, начал нащупывать дорогу к выходу. Сбоку кто-то заскребся и застонал.

– Лон?

Рузаев едва мог говорить.

– Я здесь! – по-мышьиному пискнул оператор.

Рузаев добрался до двери и дернул запоры. Дверь лежащей на боку кабины с грохотом выпала наружу, и в ее проем ворвались солнечные лучи. Рузаев увидел клубы дыма, поднимающиеся к небу. Прямо перед ним, задрав лапы вверх, лежала изуродованная пусковая установка. На ветвях дерева висела смятая, как бумага, ракета, из которой вытекала огненная струйка топлива. Оставшиеся в живых, оглушенные солдаты медленно выползали из укрытий.

– Ошибочка вышла! – пробормотал Рузаев, оглядев разрушения, и упал на землю. Сознание снова покинуло его.

Глава 19. О том, как лейтенант Кашечкин второй раз посетил Фан Ки Ну, а полковник Шульц написал на него характеристику

А девчонка перевязку

Нежно делает, с опаской

И, видать, сама она

В этом деле зелена

А.Твардовский

«Василий Теркин»

Кашечкина перевели в разряд выздоравливающих через два дня. С одной стороны, это было хорошо – он мог свободно гулять по окрестностям и наконец-то сходить пообщаться в клуб при посольстве. С другой стороны, это было плохо – полковник Тхи Лан тут же перевел Фан Ки Ну в штаб, чтобы помогать в работе совместных совещаний.

Первые два дня Кашечкин всю пользовался своим новым статусом: до обеда гулял в садике, шел обедать в посольство и после обеда до вечера играл в шахматы с сотрудниками миссии. Но организм требовал свое, – Кашечкин решил съездить в гости.

Ханой отличается от Москвы полным отсутствием общественного транспорта. Движение на улицах довольно оживленное, редкие автомобили с трудом проталкиваются сквозь толпу велосипедистов. Ездят местные жители мастерски, с феноменальной ловкостью маневрируя на дороге. Оказавшись в заторе, они не слезают с велосипеда и даже не ставят ног на землю. Так и стоят, балансируя на своем двухколесном друге, или медленно-медленно продвигаются вперед.

Однако велосипед – вещь дорогая и ценится так, как в иных странах не ценится машина. Хороший велосипед принадлежит главе семьи и передается по наследству. Естественно, велосипеда у Кашечкина не было. А пешком идти далеко.

Оставался один выход – такси. Настоящих такси, с бензиновым двигателем, в Ханое почти нет, а те, что есть, не по карману советскому офицеру. Оставались такси местные, национальные – велорикши. Это такое сооружение, когда в легкую тележку садится пассажир, а в оглобли впрягается велосипедист. Так и едут, верхом друг на друге. Недорого. И, относительно, комфортно.

Всех советских специалистов категорически предупре-

ждали, что ездить на рикшах нельзя. Это противоречит моральному кодексу строителя коммунизма, поскольку один человек не имеет права ездить на другом. Это правило соблюдалось далеко не всегда, но за ним следили.

Кашечкин решил рискнуть. Накупил в закрытом магазине посольства много всяческих, довольно ценных подарков, отошел на пару кварталов в сторону от гостиницы. Помявшись, выследил довольно молодого и жизнерадостного рикшу, загрузился, показал бумажку с адресом и поехал.

Добрались они благополучно, то есть незаметно. Кашечкин увидел Фан Ки Ну во дворе домика, возле пруда. Экономные вьетнамцы у многих домов устраивают прудики, в которых выращивают рыбу. Рыбу продают или едят сами. Получается неплохо – и дополнительный доход, и дому украшение.

В общем, Фан Ки Ну собиралась ловить рыбу. Увидев Кашечкина, она вскрикнула от неожиданности и выронила плетеную кошелку. Обрадованный Кашечкин ринулся к ней, попытался поцеловать, но она ловко вывернулась и, закрывая лицо, убежала в дом.

Кашечкин выгреб из рикши мешок с подарками и пошел за ней.

– Зачем вы приехали? – Фан Ки Ну отошла вглубь комнаты, стараясь держаться подальше от него.

– Как зачем? – удивился он. – Я вот соскучился.

– Вы же знаете, что вам нельзя приезжать сюда.

– Меня никто не видел!

– Все равно. А вдруг кто-то увидит? Будут неприятности.

– Но мы же... – Кашечкин немного растерялся. – Вы что, забыли?

– Что забыла?

– Мы любим друг друга! Мы поженимся!

Фан Ки Ну поглядела прямо на него, рассмеялась и подошла близко-близко.

– Не надо говорить глупости. – Она пальчиком зацепила его за ремень и легонько прижалась к его груди. – Вы офицер. И я служу. Не надо. Езжайте обратно. Здесь мой сын. Хао, поздоровайся с дядей!

В дом вошел маленький мальчик.

– Привет! Вот здорово! – Кашечкин обрадовался. – А я вам подарки привез!

Он развязал вещмешок и вытащил из него ярко-красную игрушечную машинку. Мальчик сразу схватил ее и начал сосредоточенно разглядывать. Фан Ки Ну взяла вещмешок и принялась с любопытством разглядывать содержимое.

– Это мне? – она достала флакончик дорогих французских духов. – Вам нравится этот запах?

Кашечкин кивнул. Фан Ки Ну отвернула крышку, прижала пальчиком отверстие, перевернула, а затем изящным движением провела по шее сверху вниз.

– Так?

Кашечкин задохнулся, увидев это удивительно женствен-

ное движение. Он обхватил ее за плечи и привлек к себе. Она не сопротивлялась.

И тут он почувствовал, что и мальчик тоже обнимает и его, и свою мать. Они замерли на секунду, а потом Фан Ки Ну мягко отстранилась и взяла ребенка на руки.

– Подожди здесь, – шепнула она и вышла в садик.

Кашечкин с замирающим сердцем прислушивался к их шагам и непонятному разговору. Наконец дверь распахнулась и вернулась Фан Ки Ну. Не говоря ни слова, она подошла к Кашечкину, нежно обняла его и ласково прижалась к его груди. Кашечкин, наслаждаясь, погладил ее по спине и поцеловал в лоб. Она подняла лицо и ответила страстным поцелуем. Кашечкин целовал ее жарко и неумело. Не отрываясь от ее губ, он чувствовал, как маленькие мягкие ручки расстегивают китель, проникают все глубже и глубже.

Они упали на циновку и предались любви. На этот раз Кашечкин ощущал ее намного лучше, и она, став мягкой и послушной, отвечала ему.

Внезапно стукнула дверь, в коридоре раздались два голоса, мужской и женский. Кашечкин уже не контролировал себя, но Фан Ки Ну, сидевшая на нем верхом, отстранилась и мягко прижала его губы. Голоса раздавались все ближе.

– Это сестра моя. С братом. Вернулись, – прошептала она.

И тут до Кашечкина дошел весь ужас положения. Он напрягся, хотел встать, но Фан Ки Ну так же мягко и властно прижала его голову к циновке.

Дверь распахнулась, и в комнату вошла молодая вьетнамка. Она, ничего не замечая, сделала шаг внутрь и замерла, увидев посреди комнаты обнаженную сестру верхом на белом мужчине, о должности которого легко было догадаться по брошенной в углу форме.

Сестра что-то быстро проговорила на своем языке. Фан Ки Ну ответила, не отрывая рук от губ Кашечкина. Они перекинулись парой фраз, и тут в дверях показалась головка мальчика. Кашечкин замычал. Фан Ки Ну что-то резко сказала, и сестра, взяв мальчика за плечи, аккуратно вытолкнула его наружу, вышла сама и тихо прикрыла дверь. Фан Ки Ну освободила губы Кашечкина.

– Ой! – только и мог произнести он. – Что же теперь будет?

– Они погуляют немного. Если вы хотите, можете продолжать.

Кашечкин хотел. И, скрепя сердце, продолжил. Затем продолжил еще раз, и еще, и лишь через два часа, устав, оделся и выглянул в окно. Там, за окном, возле пруда, на корточках сидели мужчина, женщина и мальчик, и с улыбками смотрели на дом.

Вечерело. Кашечкин быстро собрался и, пообещав вернуться, выскочил из дома, стараясь не смотреть на неподвижно сидящие у пруда фигуры. Проходя садовую калитку, он все же оглянулся. Мужчина поднял глаза и дружелюбно помахал ему вслед рукой.

Кашечкин кинулся к первому попавшемуся рикше и по-

нял, что попадет назад поздно и распросов не избежать.

– Быстрее! – он похлопал рикшу по спине. Рикша обернулся и продолжил так же неспешно крутить педали.

От нетерпения Кашечкин даже привстал в тележке и вертел головой, стараясь углядеть знакомые кварталы. Наконец дорога пошла под гору и до посольства осталось совсем немного. Почувствовав спуск, рикша прибавил и понесся по спуску, как хороший таксомотор.

– Эй, не надо к посольству, надо правее. Правее, я там выйду. Стойте, да стойте же!

Рикша не понимал. Он радостно прибавил.

– Стойте! – еще раз крикнул Кашечкин.

Рикша прибавил еще. Отчаявшись, Кашечкин попытался соскочить на ходу, но за время болезни тело потеряло былую ловкость. Нога зацепилась за колесо. Рикша вскрикнул и затормозил. Кашечкин с грохотом, опрокинув сиденье, упал и на животе проехал по тротуару. Смеясь и ругаясь, он встал, попытался отряхнуться и замер. Перед ним стоял Шульц.

– лейтенант Кашечкин? – строго спросил он и перевел взгляд на рикшу, который остановил свой велосипед и вприпрыжку бежал к ним. – Что здесь происходит?

– Явился в распоряжение! – Кашечкин козырнул.

– Каким-то странным образом вы явились. Гуляли?

– Так точно!

– Добро. Вы с ним расплатились?

Кашечкин лихорадочно полез в карман. Шульц, не дожи-

даясь ответа, повернулся к рикше и что-то спросил по-вьетнамски. После десяти минут отчаянной торговли Шульц выгреб из кармана несколько монет и высыпал в протянутую ладонь рикши. Затем подумал и дал еще две. Только после этого Шульц обратился к Кашечкину.

– Пойдемте со мной.

Кашечкин, понутив голову, покорно пошел за ним. Шульц обернулся и поманил за собой рикшу. Тот взгромоздился на велосипед и поехал вслед за ними.

Они вошли в посольство и так, втроем, пошли в кабинет Шульца. Тот усадил и Кашечкина, и рикшу за стол, открыл сейф, достал из него бутылку рисовой водки и три стаканчика. Разлив водку, он придвинул стаканчики Кашечкину и рикше, поднес свой стаканчик к губам и, подмигнув, выпил. Рикша тоже с удовольствием выпил. Кашечкин тоже выпил, но без удовольствия, и стал ждать экзекуции.

– Что ж, товарищ Кашечкин, обсудим ваш проступок. Надеюсь, вы понимаете всю его серьезность? Не бойтесь, – он кивнул на рикшу, – он не понимает.

– Понимаю серьезность проступка.

– Вы же знаете, что на рикше ездить запрещено. А вы кааетесь. Прилюдно. Что скажете?

– Я только раз съездил.

– Это еще не все. Вы думаете, я не знаю, куда вы ездили и чем там занимались? – Шульц встал и начал расхаживать по кабинету. – Половина миссии говорит про ваш роман.

– Какой роман? – попытался возразить Кашечкин.

– Все посольство говорит, – отчеканил Шульц, – что лейтенант Кашечкин поехал на рикше к любовнице. Все посольство! Как вы это допустили?

– Извините, товарищ полковник!

– Понимаете ли вы, лейтенант, что я обязан подать на вас рапорт? – Шульц подсел к Кашечкину и начал тихо, но строго выговаривать, делая акцент на каждом слове.

– Вы только что из госпиталя. Вам следует отправляться в часть. А вы с неясными целями ездите на рикше. Поэтому хорошенько запомните – вьетнамцы все видят и все знают, но они слухов не распространяют. А вот здесь, – Шульц показал пальцем вокруг, – видят меньше, а говорят больше.

– Я понял, – ответил Кашечкин, – я это прекращу.

Шульц грустно посмотрел на него.

– Ничего вы не поняли. Пешком ходите, лейтенант, пешком. Выполняйте!

– Есть! – Кашечкин сделал «налево кругом» и вышел, пытаясь понять, почему это у полковника было такое двусмысленное выражение лица и такие странные интонации.

Тем временем Шульц плотно закрыл дверь и повернулся к рикше. Для начала заговорщицки оглядел кабинет, приложил палец к губам и выудил из кармана еще десять донгов. Рикша, мирно сидевший в уголке со стаканчиком водки, сразу оживился и быстро-быстро начал объяснять, что он человек маленький, что у него плохо со слухом и зрением, а еще

хуже с памятью. Он, мол, и не помнит всех своих пассажи-
ров, и даже никак не может вспомнить, как попал в этот ка-
бинет.

Шульц прервал его словесный поток, сунув донги в сухую
ладошку и стянул с головы конусообразную шляпу. Рикша
замолк и не сопротивлялся. Он уже подсчитал, что шляпа
его и донга не стоит, и если этот странный «льен со» хочет
ее, то за пять донгов может взять.

Однако Шульц этим не ограничился, а начал ловко развя-
зывать куртку. Вьетнамец встревожился.

– Давай одежду! – Шульц говорил по-вьетнамски медлен-
но. – Я скоро вернусь.

И сам расстегнул свой форменный китель. Чтобы оконча-
тельно успокоить вьетнамца, достал из стола еще тридцать
донгов, поставил сверху бутылку рисовой водки и подвинул
это сооружение рикше. У того загорелись глаза, он ловко
схватил деньги и начал проворно раздеваться.

– На! – Шульц протянул ему свою старую рубашку.

Вьетнамец взял ее, накинул на плечи и с нерешительным
видом взялся за штаны. Шульц кивнул и тоже начал снимать
брюки. Через пять минут в кабинете сидел вьетнамец без
штанов, утопавший в рубахе Шульца. Сам Шульц быстро на-
тянул его одежду, которая по ширине имела хороший запас,
а вот по длине – нет, и обнажала ноги почти по икры, а руки
– по локоть. Но Шульц остался доволен. Он водрузил на ма-
кушку соломенную шляпу и поплотнее затолкал вьетнамца

в кресло, объяснив, что выходить из кабинета нельзя.

Для надежности Шульц запер кабинет на ключ и, стараясь пригнуться, чтобы скрыть свой рост, засеменил во двор. Там он уселся на велосипед и ловко покатил по улице. Вьетнамцы удивленно смотрели ему вслед, но встречные европейцы, в том числе и советские, не замечали в неуклюжем рикше с лицом, закрытым широкой шляпой, ничего странного.

До дома, где жила Фан Ки Ну, Шульц доехал абсолютно незамеченным, хотя и потратил на это больше времени, чем Кашечкин с профессиональным рикшей. Он слез с велосипеда, разулся на крыльце и постучал.

Дверь открылась, и в нее высунулась сразу половина обитателей дома. Еще половина высунулись в окна.

– Привет, Фаонг! – негромко поприветствовал Шульц сестру Фан Ки Ну, которую родственники тут же пропустили вперед.

– Здравствуйте, Гера! – Фаонг поклонилась. – Прошу.

Родственники тут же цепочкой потянулись из дома. Впереди шла бабушка, неся свернутую циновку, за ней дедушка. Затем их дети, братья и сестры с мужьями и детьми, циновками, котелками риса и чаем. Вся эта компания вторично расселась возле пруда и уставилась в окно, делая вид, что им совершенно не интересно, прихлебывая чай и внимательно прислушиваясь.

Фан Ки Ну пыталась проскочить вместе со всеми, но

Шульц ловко поймал ее за руку.

– Стой! – скомандовал он. – Кашечкин к тебе ездил?

– Да, – Фан Ки Ну кивнула.

– Ну и как?

– Все в порядке.

– Скажи своим домашним, чтобы помалкивали. Он тебе нравится?

– Да.

– Отлично. В городе больше свиданий не устраивайте. А то испортишь парню биографию, и все. Я постараюсь вас командировать вместе к Сорокину. Поедешь?

Фан Ки Ну снова кивнула.

– Ну иди. И чтобы все тихо.

Шульц прошел в комнату, из которой бабушки, дедушки и родственники вынесли часть циновок, а часть предусмотрительно сложили в две стопки. Ни слова не говоря, Шульц обнял Фаонг и крепко поцеловал ее. Она ответила на поцелуй, а затем стала снимать платье. Им было хорошо.

Вернулся Шульц уже под утро. В кресле спал рикша, обнимая пустую бутылку. Шульц растолкал его, передел и, дав еще десять донгов, выпроводил наружу. Рикша ничем не выдавал своего недоумения и лишь очень внимательно осмотрел велосипед. Тот был в порядке.

Шульц вернулся к себе, достал из стола чистый лист бумаги и начал писать рапорт.

«Во время пребывания в госпитале лейтенант Кашечкин

проявил мужество и моральную стойкость. Несанкционированных связей не имел. Общался только с врачами и переводчицей».

Шульц задумался и погрыз ручку.

«С этими представителями местного населения завязал глубокие дружественные связи».

Шульц задумался еще раз.

«В этих связях показал себя с наилучшей стороны и поддержал положительный образ и высокую репутацию советского офицера».

– Надеюсь, что поддержал, – вслух сказал Шульц, поставил жирную точку и запечатал рапорт в конверт.

Глава 20.

Философские беседы полковника Рузаева об Апокалипсисе

Мне нужно действовать.

Я каждый день

бессмертным сделать бы желал,

Как тень

великого героя.

И понять

я не могу, что значит отдыхать.

Михаил Лермонтов

Ярость полковника Хантера не знала границ. Он, командир полка стратегической авиации Соединенных Штатов, шаг за шагом терял свое незыблемое преимущество в небе. Одна операция, конечно, прошла успешно, но и она не обошлась без потерь. Ракетчики, противостоявшие американцам, на ходу перестраивались и готовили все новые и новые сюрпризы.

Дошло до того, что новейшие высотные стратегические бомбардировщики уже не могли летать на высоте. Там, где позволяла местность, им приходилось снижаться и идти возле земли. И если «Фантом» на бреющем полете выглядел даже красиво, то стратегический гигант представлял собой жалкое зрелище. Хантер, посмотрев на выполнение такой миссии, только плюнул в ярости. Он поклялся, что сам никогда не опустится до подобного стиля пилотирования. Поэтому, когда его вызвал генерал Форд, он обрадовался возможности что-то предпринять.

На этом совещании битых стало больше. Присутствовали пострадавшие от русских Хантер и Уилсон. В углу сидел мрачный Макмиллан. Присутствовали командиры пехотных полков Каупер и Ланс. По их свирепым взглядам в сторону

авиации Хантер понял, что в пехоте тоже далеко не все в порядке.

– Господа! – начал Форд. – Центральное разведывательное управление попросило меня о помощи...

Полковник Уилсон скривил губы, подавив усмешку. Мощественное ЦРУ никогда никого ни о чем не просило, а лишь приказывало. Это управление имело влияние непосредственно на президента.

«Это конец. Дальше некуда, – пронеслось в голове Хантера. – Если уж ЦРУ просит, значит, дело плохо».

– Для выработки тактики борьбы с ЗРК управление исчерпало все возможности. Разведывательных данных не хватает. Вверенная агентура не может добраться до советских военных советников, слишком хорошо их охраняют. Поэтому я собрал здесь представителей авиации и пехоты с целью обсудить план операции. Необходим захват комплекса.

– Ого! – Уилсон покачал головой.

– Необходимы совместные действия по уже опробованному нами сценарию. Полковник Уилсон проведет отвлекающий маневр и ликвидирует основное охранение. Полковник Хантер обеспечит прикрытие. А вам, господа, предстоит самая сложная задача, – Форд кивнул пехотным командирам, – силами десанта в количестве батальона захватить один из комплексов.

План операции разрабатывали долго и тщательно. И все же, когда полковник Хантер покидал совещание, у него в ду-

ше шевелились сомнения. Возможно, они что-то не ушли, и эта мелочь могла сыграть роковую роль в судьбе их замысла. Но полковник Хантер был старым волком, прошедшим не одну войну. Он знал, что в бою выполняется замысел только одного полководца, а замечательные планы другого так и остаются планами. В голове. Если голова полководца не покидает плечи.

***

На этот раз совещание вьетнамских сил ПВО проводили советские офицеры, в военной миссии. Из самих вьетнамцев пригласили только полковника Тхи Лана.

Возглавил совещание Шульц. Его сменили вновь прибывшие – командир дивизиона подполковник Сорокин и стреляющий майор Гора. Их дивизион уже был развернут, но еще не вступил в строй, ожидая прибытия советского персонала. Сюда же явился Кашечкин, которого Шульц временно передавал под командование Сорокина. Прибыл также и Рузаев, не совсем оправившийся от контузии.

– Здравствуйте, Георгий Семенович, – Шульц подвел смущенного Кашечкина к Рузаеву, – Вот, привез вашего подчиненного.

Увидев Кашечкина, Рузаев крепко пожал ему руку.

– Ну, как дела, парень? Снова в строй?

– Дела хорошо. Выздоровел уже. А как вы?

– Да вот, сам знаешь, причесали-таки нас американцы. Хотя семь сбитых самолетов на одного контуженого полковника – неплохое соотношение.

– И все-таки покидать боевой пост, даже по причине болезни, совершенно недопустимо, товарищ лейтенант, – покачал головой Шульц.

– Совещание скоро? – спросил Рузаев.

– Сейчас начнем.

– А банкет будет?

– Банкета не будет. Будет просто обед.

– И водки не будет? – хитро усмехнулся Рузаев. – Что же народ с пустыми руками сюда едет?

– Не заработали еще. Вот устроим показательный разгром американцам, тогда и будем водку пить.

– Значит, скоро, – кивнул Рузаев. – Потерплю.

– Товарищи, начинаем! – Шульц оборвал разговоры и занял свое место во главе стола. – Полковник Рузаев, доложите.

Рузаев встал.

– Американская авиация в последнее время понесла колоссальные потери от огня зенитно-ракетных комплексов и наземных средств ПВО. Чтобы снизить потери, американцы начали применять новую тактику использования активных помех. Разведывательный самолет летает вне зоны действия установки и осуществляет мощную шумовую подсветку. Станция ослеплена, а сбить источник помех не может.

В это время под прикрытием шума начинает действовать штурмовая авиация, которая наносит удар по цели. Просто, но эффективно. Целью были мы. Из-за помех подлет «Фантомов» пропустили. Результат налицо. И на голову тоже.

Рузаев дотронулся до повязки.

– Каковы ваши соображения?

– Маскировка. Вьетнамские товарищи, – он кивнул на Дао Тхи Лан, – мастера маскировки. Нужно еще лучше маскироваться, и быстрее менять позицию.

– Излучение выдает локатор, – заметил Сорокин.

– Да, конечно. Поэтому если станция ослеплена, ее надо выключать, а мы этого не сделали. Если ослеплен – замри и спрячься. С воздуха в джунглях не найдут. Это тоже элемент маскировки.

– Товарищ Дао Тхи Лан, передайте в дивизионы, чтобы изыскали дополнительные средства маскировки, – кивнул Шульц.

– Когда американцы знают, что они прикрыты, они нагледуют. Этим надо пользоваться, – добавил Рузаев.

Обмениваясь мыслями, на ходу, они вырабатывали новую тактику и тут же разыгрывали ее на планшете, переставляя по расчерченному кругами бумажному листу маленькие пластмассовые фигурки самолетиков. Тут же полковнику Тхи Лану показывали, как нужно готовить позицию и маскировать ее. Тхи Лан хитро улыбался и отвечал, что если надо, они заруют все установки в землю и их никто не найдет,

даже сами советские товарищи.

– Значит, так, – подытожил Шульц. – Товарищ Рузаев пока отдыхает до полного выздоровления и до восстановления комплекса. Вновь прибывший товарищ Семен Степанович Сорокин осуществляет командование дивизионом. Стреляющим – майор Гора. Лейтенант Кашечкин временно поступает в распоряжение подполковника Сорокина. Вы, Дао Тхи Лан, обеспечиваете запасные позиции и перебазирование. Вопросы есть?

– Есть, – снова выступил Рузаев. – Неплохо было бы допросить какого-нибудь пленного пилота и послать наблюдателя, чтобы визуально оценил действия американской авиации.

– Да, конечно, – согласился Шульц, – но у нас нет свободных офицеров, а все пленные летчики уже отправлены.

– Я мог бы сам пойти в разведку наблюдателем.

– А как ваше самочувствие? – спросил Шульц.

– Отлично. Для такой простой прогулки, как наблюдение, вполне годен.

– Добро, – кивнул Шульц. – Товарищи офицеры, разъезжаемся по местам. Общее командование операцией оставляю за собой. Товарищ Рузаев отправляется в наблюдение и доложит результаты на следующем совещании. Необходимо выработать новые методы борьбы. Хорошо бы составить доклад для наших инженеров. В общем, работы прибавляется.

Рузаев раздвинул листву, перегородившую тропинку, и увидел розовую скалу Вэй именно такой, как ее описывал Дао Тхи Лан. Он еще раз внимательно сверился с картой, вздохнул и убрал ее в планшет. До деревни уже близко, но идти не хотелось. Надвигался стремительный тропический закат, лесные тени накрыли поляну, и розовая скала в лучах заходящего солнца светилась красноватым светом. Ее красноватая пирамида была испещрена глубокими поперечными складками, будто горло старой черепахи.

У подножия одной из граней пирамиды чернело отверстие пещеры. Возле этого отверстия сидел человек и что-то помещивал в медном котелке, стоящем на кучке углей.

Чувствовалось, что человек этот очень и очень стар. Его узкоглазое лицо сморщилось и потемнело до такой степени, что стало похоже на сушеную сливу. Длинные волосы с седыми прядями заплетены в косичку, кончик которой свисал до земли. На самом старике был надет длинный балахон из грубой ткани, когда-то оранжевой, а теперь в достаточной мере линялой, где искусственный оранжевый цвет сменился естественной желтизной старой ткани.

Старик поднял голову, и глаза его на миг встретились с глазами Рузаева. Не меняя сосредоточенного выражения, старик вновь наклонился к котелку, что-то в нем помещивал, и

тут же подвинулся, переместившись на другой участок точно такой же травы. Старик не кивнул, не улыбнулся, не произнес ни слова, а только подвинулся. Но в этом жесте, полном спокойствия и достоинства, чувствовалось такое искреннее приглашение, что Рузаев без всяких сомнений подошел к нему и встал возле. От котелкапряно пахло.

Старик еще раз поднял глаза на Рузаева и опять занялся котелком. Рузаев посмотрел на примятую траву, примериваясь, как бы половчее сесть. Но сесть было неудобно. И стоять столбом рядом со стариком тоже было неудобно.

Рузаев осмотрелся. Ничего приличного, на что можно было бы сесть, не наблюдалось. Он кивнул старику и пошел обратно к стене леса. Старик оторвался от котелка и следил за ним немигающим взглядом. Он все так же спокойно ворошил угольки под котелком, и едва заметный пахучий пар стелился по траве.

Рузаев зашел в лес, в котором уже царил мрак. Кроны древесных гигантов качались высоко над головой на фоне еще светлого неба. Лежащие на земле ветки и обломки стволов были гнилыми насквозь. Рузаев подошел к одному обломку крепче на вид и пнул его ногой. Тот хрустнул, но выдержал. Рузаев подхватил его и неспешно поволок к костерку.

Старик все так же молча наблюдал за тем, как Рузаев, пытая, вытащил бревно из лесу, только лицо его чуть сморщилось хитрым прищуром. От этого легкого прищура глаза старика стали совсем узенькими, а набежавшие морщинки при-

дали лицу на редкость шельмовское выражение.

Рузаев, пыхтя, доволок обломок, и собираясь сесть, бросил его рядом со стариком. Обломок со стуком упал на каменистую землю и рассыпался. Вместо уютного сиденья на земле лежала неопрятная куча гнилушек.

Старик поглядел на Рузаева, затем на кучу мусора, еще подвинулся и наконец произнес скрипучим голосом на чистом русском языке:

– Суета сует.

С этими словами он взял несколько гнилушек и положил в костер, после чего вновь озабоченно помешал в котелке.

– Вы знаете русский язык? – удивился Рузаев, глядя на старика. Тот молча кивнул.

– Откуда?

– Давно было, – старик покачал головой.

Котелок ответил ворчанием. Гнилушки густо задымили. Солнце село. На Рузаева, стоявшего во весь рост, кинулись полчища moskitov.

Старик выгреб откуда-то из-за спины сложенные пальмовые листья и положил их на землю рядом с собой. Рузаев, кряхтя, сел. Его сразу охватил пряный запах варева, запах дыма и углей. Москиты отстали.

– Суета сует...

– Мне у вас переночевать надо. К своим иду. Утром зайду в деревню, и в путь.

Слушая его, старик мягко кивал головой. Рузаев резким

щелчком сбил в сторону надоевшего москита.

– Меткий глаз, – заметил старик.

– Да. Войска ПВО. – Рузаев замолчал. От старика, от его котелка исходили покой и тишина, и казалось, даже ветер стих, внимая его словам.

– А где вы так хорошо языку научились?

– Я жил у вас. Да, – старик цедил слова медленно-медленно. Его старое морщинистое лицо, желтый балахон, медный котелок – все было такое древнее, именно древнее, а не просто старое, что казалось вечным.

Говоря эту простую фразу, старик уже успел достать откуда-то две мятые жестяные кружки, налить в них варево и подвинуть одну кружку Рузаеву.

– Да, жил...

– В Советском Союзе? Где, в Москве, в Ленинграде?

– В России. В Советском Союзе не был.

– Российская Федерация – часть Союза, – уточнил Рузаев.

– Нет, Россия ничьей частью не была. Давно было... В Ляодуне был. Японцы пришли, – в Питер поехал.

– С японцами воевали? – все еще не понимал Рузаев.

– Нет, не воевал. Японцы воевали. Я не воевал. Мне нельзя. В Питер уехал от них.

– А что же после победы не вернулись?

– После какой победы? – старик поднял глаза.

– Мы японцам на Халхин-Голе всыпали по первое число!

– Нет, не при мне было, – старик покачал головой и от-

хлебнул варево. – Не при мне. Как корабли русские японцы утопили и Далянь взяли, много ваших там полегло. Много. Да. Много. Царю с императором мириться пришлось. А нам уехать пришлось.

Только теперь Рузаев понял, что старик говорит не о Великой Отечественной, и даже не о гражданской войне, а о разгроме царской армии под Порт-Артуром.

– Это же так давно было! – удивился Рузаев. – гнилой дореволюционный царский режим привел Россию к национальному позору. Но это было еще до революции.

– Да, это давно было. Дети у меня тогда уже были. Все прошло. Тогда русские царя гнилым не называли. За Бога, царя и Отечество кричали. И убивали. И умирали. Корейцы не хотели воевать. Не воевали. Да.

– Расскажите, как тогда было? – Рузаев не мог сдержать любопытства.

– Так и было. Звали меня «Эй, ты, китаец». Привезли в Петербург, дали метлу. Это хорошо. Это по мне было. Пей.

Старик подтолкнул кружку Рузаеву, и тот взял. Он опасался изделий местной кухни и местного варева, но запах в кружке противным не был. Он взболтнул его и затем осторожно отпил маленьким глоточком. Глоток приятно покатился по горлу, упал в желудок и согрел его. Это было очень кстати – ночная сырость быстро брала свое, становилось ощутимо холодно.

– Так вы до революции в Петрограде дворником работа-

ли? – Рузаев вопросом подбодрил вновь замолчавшего старика.

– Да. Дворник. Метла. А вот революции не помню.

– Как же так? – удивился Рузаев. – революцию знают все образованные люди в мире. Великая Октябрьская социалистическая революция – величайшая веха в мировой истории. Под предводительством Владимира Ильича Ленина. Большевикам удалось спасти Россию от поражения в Первой мировой войне и вывести на путь социалистического строительства.

– Да, – старик снова хитро посмотрел на Рузаева, – войны помню, войн много было. Сначала с японцами. Потом с немцами. Все воевали.

– И вы воевали?

– Мне нельзя. Сначала дворник, потом монах.

– Не воевали? Как же так? В гражданскую на Дальнем Востоке много китайцев Революцию защищало, а вы нет? – Рузаев неодобрительно покачал головой, – А революцию видели? В Питере или на Дальнем Востоке?

– Я монах. Теперь. А тогда был дворник. Царь это уважал. Я сказал: не могу воевать, и меня не брали. А потом Троцкий пришел. Сказал: воюй. Я сказал: не буду. Матросы меня били. Да.

– Значит, и революцию все-таки застали! – обрадовался Рузаев. – Только революцию Ленин делал, а не Троцкий. Троцкий был предатель.

– Нет. Ленина не знаю, – старик с улыбочкой отхлебнул своего чая. – Троцкий главный был. Меня били, в речку кинули. Большую такую, холодную. Потому что воевать не хотел. И не умел воевать. Да, не умел.

– Китайцы воевать не умеют. – подытожил Рузаев.

– Убивать нельзя, – старик стал серьезным. – Шрути не велит убивать.

– Ну да! – с насмешкой воскликнул Рузаев. – Когда немцы на нас напали, мы тоже вначале их «камрадами» называли, брататься пытались. А потом они нам такое устроили, что мало не показалось! Солдаты наши как узнали, что они в деревнях русских и белорусских творили, так сразу про «камрадов» забыли. За оружие как следует взялись и бить их от души начали. Ох, и сволочи же эти немцы были. Фашисты, одно слово. Никого не щадили, ни детей, ни женщин. Хуже, чем американцы тут у вас. Эти хоть в деревни лезть боят-ся. А немцы ничего не боялись. Они бы тут все захватили, и Вьетнам, и Китай.

– Китай никто не завоевывал. – Старик покачал головой. – Никто.

– Это Советский Союз вам помог. Без нас американцы бы и Корею завоевали, и Китай...

– И что? – старик вопросительно посмотрел на Рузаева.

– Как что?

– Завоевали, и что?

– И были бы вы под пятой захватчика.

– Добро и зло есть две грани одного лика! – Старик поднял палец. – И люди гибнут там, где борется добро и зло. Если бы зла не было, войны бы не было. Если бы добра не было – войны бы не было.

– Экий вы отсталый! Мы помогаем вашей стране защищать свободу и завоевания социализма! – Рузаев вспыхнул.

– Царь воевать не заставлял. Троцкий за социализм воевать заставлял. Я не хотел. Я в Монголию уехал. Домой хотел. А там опять война. Я в Корею. И там война.

– Это была мировая война. Все страны воевали. У меня отец погиб.

– Да. А потом Америка и Китай воевали друг с другом на корейской земле. Китай большой, Америка большая, а Корея маленькая. Когда слоны сражаются за один банан, они втаптывают его в грязь.

– А вы все от войны бегаете? – Рузаев почувствовал, как в нем растет неприязнь к этому старику, который осуждает справедливую войну.

– Я лист перед лицом урагана.

– Это философия труса. Надо защищать свою землю. Защищать своих детей.

– У меня нет детей. Жизнь – это иллюзия, – старик вздохнул и посмотрел на звезды, – в войнах нет смысла, как нет смысла в добре и зле.

– Сейчас идет война. Ваш народ защищает свою родину. Мы помогаем.

– Теперь это и мой народ, – кивнул старик, – это мои ученики. Америка воюет, вы воюете, а они гибнут.

– Если бы не наша помощь, – сквозь зубы процедил Рузаев, – вы бы тут давно сдохли. Американцы хотят свободно хозяйничать по всему свету, диктовать всем свою волю, и ради этого перебьют всех вьетнамцев. Они ни перед чем не остановятся ради своих интересов, ни перед какой подлостью. И только Советский Союз может им противостоять. Мы вмешались, и американцы завязли здесь. Им не победить. А без нашей помощи они бы победили.

– Да, – кивнул старик, – и установили бы свой порядок. И ушли. И война бы кончилась.

– И были бы вы под их игом. Они разграбят всю страну и оставят ваших детей умирать с голоду. Что, не так?

– Да, так. – старик снова кивнул, – Если они победят. А если не победят – под чьим игом будем? Революции или социализма?

– Поймите, дедушка, социализм – это свет свободы. Советский Союз несет свободу всем странам мира. Коммунизм – это свобода трудящегося человечества. Богатым и жирным нет дела до простых людей, их волнуют только деньги. И здесь, сегодня, с одной стороны империализм борется за мировое господство. И хочет, как паук, сосать соки из всех народов Земли. К счастью, на его пути стоит коммунизм, а коммунизм – это светлое будущее всего человечества. Так говорит научная философия, и я в это верю.

– Да, – старик кивнул, – вера это всегда хорошо. Она лечит душу.

– А вы не верите в коммунизм, – Рузаев усмехнулся.

– Я верю в великий Брахман. Сансара вращается, Брахман вечен.

– Фу! – Рузаев передернулся. – Это все религиозный дурман.

– Иже еси на небеси, – ответил старик.

– Вот это да! – Рузаев удивился. – Вы и старославянский знаете!

– Помню. В русских церквях так говорили.

– Это церковный язык. И как вы все помните? Это еще до революции было. И язык русский не забыли.

– Медитация. Погружение в глубины сознания. Я много языков знаю.

– Умный вы человек, но религиозный и темный. Нехорошо.

– Карма, – старик кивнул, – это все карма. Следующая жизнь будет лучше.

– А вы в нее верите?

– Я ее вижу, – старик снова хитро сощурился. – И в тебе, и в любом человеке, и в дереве, и в этом моските. Везде Бог.

– Бога на небе нет, – категорически заявил Рузаев.

– На небе нет, – подтвердил старик, – там только Брахман.

Уже совсем стемнело. Абсолютный мрак чуть рассеивали звезды. Костерок погас. Москиты, до этого летавшие в отда-

лении, навалились всей эскадрильей.

– Ух ты! – Рузаев яростно хлопнул себя по шее.

– Не увеличивайте население земли, оно и так слишком велико, – прокомментировал старик.

– То есть? – не понял Рузаев.

– Кто знает, в кого воплотится душа комара? Может, каждый убитый москит – это родившийся новый ребенок.

Рузаев засмеялся.

– Хорошо бы! А то завтра янки могут тут такую бойню устроить, что людей много понадобится.

Старик не ответил. Он поднялся, ловко подхватил невидимый в темноте котелок и побрел к своей пещерке.

Рузаев достал из кармана последнюю сигарету и закурил, экономно затягиваясь и стараясь продлить удовольствие. Выпуская из ноздрей тонкую струйку дыма, он смотрел на звезды. Москиты зудели над ухом, и только дым держал их на расстоянии. Рузаев понимал, что под открытым небом ему не заснуть, но идти в пещеру к старику не хотелось. Он ошупью собрал пальмовые листья, пошел к скале, кинул их на теплый камень и лег на спину. Сигарета догорала. Дымок едва туманил звезды. Порхали бледные мотыльки. Рузаев прикрыл глаза. Мотыльки все порхали и порхали, почему-то вызывая в мыслях образ валькирий, уносящих души воинов в заоблачные выси.

Глава 21. Полковник Рузаев наблюдает Апокалипсис XX века

Что страна! Хотя бы рота

Видеть издали могла

Какова его работа

И какие тут дела.

А вблизи от деревушки

Где застал их свет дневной

Самолеты, танки, пушки

У обоих за спиной

А.Твардовский

«Василий Теркин»

Проснулся Рузаев от холода. Небо уже посветлело, начи-

нался быстрый южный рассвет. Он потянулся, протер глаза и полез в полевую сумку за шоколадом, чтобы подкрепить силы. Но поесть не успел. Среди голубого неба, так низко над лесом, будто идя по головам, промелькнули бесшумные черные тени. И только потом, когда тени молниями исчезли из виду, раздался громовой удар и рев реактивных двигателей. Пара «Фантомов» прошла на бреющем и скрылась. Подполковник знал, что на такой скорости и с такой высоты по цели они не ударят. Вот сейчас развернутся, и тогда начнется. На выходе из боевого разворота их наконец-то увидят наши. И произойдет то, что он так давно хотел увидеть не через прицел локатора, а своими глазами.

Обламывая ногти, ударяясь коленями, Рузаев быстро полез вверх по скале. Карабкаясь по каменному боку, он краем глаза следил за черными точками штурмовиков. Самолеты развернулись, сделали небольшую горку и ринулись на цель.

Рузаев перевернулся, прижавшись спиной к шероховатому камню. Он поднялся выше деревьев и сквозь листву видел голубую чашу залива и притулившуюся к берегу деревню. Часть крыш из пожухлой рисовой соломы скрывала листва, зато длинный пирс для рыбацких лодок на высоких сваях и лодочный сарай хорошо виднелись на фоне воды.

Рузаев видел, как по пирсу бегут люди, заметившие самолеты. Маленький пулеметчик запрыгнул в корзину, обложенную мешками с песком, и начал ловко заправлять ленту. Из домов выбегали жители, таща за собой детей.

«Бедные люди, – неожиданно с болью осознал Рузаев. – Они так долго воевали, что каждое движение отработано до автоматизма». Да, в деревне началась паника, люди боялись, и все же каждый бежал в точно выбранном направлении. Деревня сверху напоминала муравейник, в который мальчишка ткнул палкой – все бегут и суетятся, казалось бы, глупой суетой, а, в конце концов, крыша оказывается заделана. И еще он вспомнил, что американцы называли их глупыми суетливыми макаками.

Самолеты ударили по окраине деревни кассетными бомбами. От обоих самолетов отделились серые сигары, которые раскрылись в воздухе и распались на сотни маленьких бомбочек. Бомбочки образовали клубящийся смертоносный рой, и этот рой ударил по окраине, прямо в толпу людей, которые бежали, неся за спинами детей, кошелки с имуществом и катя перед собой ручные тележки. Гудящий рой осколков пронизал воздух, не убивая наповал, а лишь нанося чрезвычайно мучительные раны.

В огромных клубах дыма и пыли вверх полетели бревна, пучки соломы, обломки, какие-то лохмотья. Промелькнула тележка с оторванным колесом, за ней – половина человеческого тела. Казалось, крик боли пронзил воздух, крик, неслышимый на таком расстоянии из-за гула разрывов.

Захлебываясь, вдогонку самолету застучал пулемет, тут же ему стал вторить еще один, замаскированный где-то на лесной прогалине. Самолеты, сотрясая ревом воздух, ушли

на разворот.

– Ну! – полковник стукнул кулаком по камню. Зенитно-ракетная батарея молчала, хотя самолеты сделали горку и пошли на второй заход. Это было непонятно. Батарея могла прикрыть этих несчастных – и не прикрывала.

Рузаев знал, что американцы боялись. Боялись наших ракет, которые четко объяснили им, кто хозяин в небе Вьетнама. И они боялись самих вьетнамцев, их маленьких, почти игрушечных солдатиков, едва достававших до плеча упитанным рослым рейнджерам и весивших в два-три раза меньше их. Маленьких солдатиков, не способных в рукопашном бою одолеть втроем одного «коммандос» не из-за недостатка выучки, а из-за вечного голода и невыносимо тяжелого детства. Но эти солдатики, невероятно трудолюбивые, были хозяевами в своих лесах и могли незаметно обойти любых часовых и неожиданно оказаться прямо посреди воинской части врага. Эти маленькие солдатики были мастерами маскировки и своими ловкими и сильными руками строили целые города под землей, абсолютно незаметные не только с воздуха, но и с земли. Они могли прорыть ходами целый холм и спрятать у него внутри стрелковую дивизию. Вьетнамцы походили на русских тем, что знали лес и любили его. Американцы леса боялись, им за каждым кустом мерещился маленький солдатик с желтым узкоглазым лицом. Не в силах справиться с Вьетконгом в его родном доме, янки пытались стереть с лица земли сами джунгли. Кассетные бомбы, напалм, химическое

оружие – все это они бросили в бой. Убить как можно больше. Просто жми кнопку и выливай химическую смерть, превращай квадратные мили земли в выжженную пустыню. А потом по этой пустыне пройдут рейнджеры и воткнут посередине звездно-полосатый флаг как символ новой демократии.

Американцы надеялись на такую войну. Они надеялись летать и убивать с воздуха совершенно безнаказанно, так, как это делалось всегда во всех странах, как они привыкли. Но летать не очень-то получилось, потому что полковник Рузаев стоял на страже и защищал этих маленьких смешных человечков. И хваленым рейнджерам приходилось-таки лезть в джунгли с автоматом в руках, пытаясь завоевать чужую землю и навязать ее населению «общечеловеческие ценности», как янки это понимают. Но там за каждым деревом их ждали маленькие, голодные, страдающие от дистрофии солдатики, которые были у себя дома и защищали свою землю.

Страх подвел американцев и на этот раз, превратив отлаженную войсковую операцию в очередную бессмысленную и губительную для них самих бойню. Думая, что на окраинах деревни, в лесу, среди мирных крестьян прячутся партизаны, они нанесли еще один удар – напалмом.

Знаете ли вы, что такое напалм? Это всего-навсего смесь бензина, масла и парафина с фосфором. Брошенный с самолета контейнер с напалмом расплескивается на огромной

площади, и эта смесь вспыхивает, превращая целую деревню в сплошное море огня. Капля напалма, попав на кожу или одежду, намертво прилипает к ней и горит, пока не прожигает тело до костей. Символично, что именно фашисты придумали, а американцы с удовольствием использовали столь зверское оружие. Напалм не убивает сразу – человеческое тело медленно горит несколько минут. Его невозможно потушить. Напалм способен гореть под водой. Его невозможно отчистить – пытающийся заняться спасением может загореться и сам. И даже если раненого забросать землей и сбить пламя, напалм вновь загорится, как только получит доступ воздуха. Хуже только фосфор, который тоже с удовольствием применяют янки. Врачи во вьетнамских госпиталях расскажут вам, как прямо на операционных столах у них гибли люди, раненые. Пациент горел на столе, а хирург ничего не мог сделать. Интересно, что бы сказали американцы, если бы небезызвестный Саддам бросил на их войска хотя бы одну такую бомбочку? А на парочку ферм штата Айова?

Пара «Фантомов» бросила напалм на джунгли, в которых пытались скрыться беженцы. Раздался рев двигателей пронесшихся над вершинами деревьев самолетов, тупой удар. Хлопок, и выше вершин поднялось ярко-рыжее бензиновое пламя. Резко запахло гарью. Вонючий дым заволок небо. В лесу творилось что-то невообразимое.

***

На этот раз американцы, пытаясь сбить зенитчиков с толку, применили мощные помехи и перехитрили сами себя. Они включили все технические средства, какие только имели, и полностью понадеялись на них. Пара «Фантомов» со станциями активных помех прошла над глубокими тылами. Кашечкин видел, как экран локатора заливают молочная муть помех, как помехи усиливаются и через них проступает апертура антенны. Кашечкин внимательно всмотрелся в экран. Муть нарастала, самолеты приближались. Он выключил передатчик и перехватил поудобнее штурвальчик управления.

– Товарищ подполковник, – Кашечкин подкрутил наводку, – а ведь я их вижу!

– Помехи сильные? – Сорокин следил за планшетом.

– Помехи активные. Засветок от самолетов нет.

– Как же ты их видишь?

– Вот же их тень. Они сами от своих передатчиков светятся!

Сорокин взглянул через плечо.

– Молодец, лейтенант! Как дистанция?

– Дальность не определяется. Помехи. А высоту и азимут вижу.

– Майор Гора! – Сорокин все еще не верил в такую уда-

чу. – Координаты получаете?

– Получаю, – подтвердил тот, – дальность поражения сокращена, но стрелять могу. И по цели, и по источнику помех.

Американцы заходили на разворот прямо над станцией, и Кашечкин достаточно хорошо видел и излучение от передатчика помех, и неуклюжие маневры «Фантомов».

– Вот хорьки слепые! – усмехнулся Гора.

– Они без приборов в двух шагах ничего не видят, – подтвердил Кашечкин, доворачивая молчащую антенну вслед за «Фантомом».

Американцы действительно ничего не видели. Правда, обнаружить позицию дивизиона с воздуха было весьма непросто. Трудолюбивые вьетнамцы, как кроты, зарыли станцию в землю. Тягачи, дизеля, пусковые установки – все было спрятано. Больше всего советских офицеров на этой позиции поразили огромные деревья, вершины которых вьетнамцы тросами привязали к тягачу. Сверху лес как лес, но стоило тягачу включить лебедку, и деревья послушно пригибались, образуя просеку для старта ракеты. Сама пусковая установка закрывалась шалашом из свежесрубленных древесных стволов с ветками. Около каждого ствола дежурил вьетнамец, готовый снять маскировку.

– Ну, вы даете! – прибыв на место, Сорокин с недоверием осмотрел это сооружение. – А успеете все снять?

Тхан Донг, отвечавший за инженерные работы, отдал команду, и вьетнамские солдаты, как полчища муравьев, ки-

нулась на установку. Миг – и зелень исчезла, а обнаженный пусковой станок с ракетой поднялся на стальных лапах.

– Тридцать секунд! – похвастал Тхан Донг, уже успевший выучить русский язык.

– Спрятаться не забудьте! – напомнил Сорокин. – При старте ракеты ударная волна такая, что весь ваш хвост летать будет.

Тхан Донг молча показал на окопчик, в который нырнули солдаты.

Теперь все эти выдумки вьетнамцев спасали им жизнь. Светя помехами и ничего не замечая вокруг, американцы разворачивались прямо над головой. Рев двигателей заглушил жужжание аппаратуры, достиг пика и начал удаляться.

– Рубеж-два! – доложил по телефону наблюдатель.

– На деревню пошли, – заметил Сорокин.

– Есть дистанция! – радостно вскрикнул Кашечкин. – Могу определить расстояние!

– Откуда? – удивился Сорокин.

– Смотрите! Помеха ослабла, затем усилилась. Они пролетели над холмом. Дистанция одиннадцать. Вот, опять мигнул! Они над морем! Дистанция восемнадцать! Идут над морем на малой высоте.

– К стрельбе готов! – отрапортовал Гора.

– Держать сопровождение! – скомандовал Сорокин. –

Включить передатчик!

– Есть цель! Азимут вижу! Высота недоступна!

– Следить! – Сорокин весь сосредоточился. – Они должны сманеврировать.

– Есть маневр! – доложил Гора.

– Огонь двумя ракетами!

Одна ракета на подлете задела землю и взорвалась. Другая достигла-таки цели.

***

Рузаев, удобно устроившись на выступе скалы, наблюдал в бинокль за маневрами американцев. Самолеты, сбросив груз, резко набрали высоту, чтобы самим не задеть прибрежные холмы. Ведущий взял вправо, уходя в сторону моря, а ведомый почему-то продолжал набирать высоту.

И тут показалось, что в самолет ударила молния. Со сверхзвуковой скоростью, бесшумно, оставляя яркий белый след, ракета попала прямо в самолет. «Фантом» исчез в облаке разрыва, из которого полетели какие-то горящие детали, а затем выскочил фюзеляж, лишенный хвоста и крыльев.

«В двигатель попали», – подумал Рузаев. До него докатился гулкий удар разрыва.

– Молодцы! – похвалил он своих подопечных.

Второй «Фантом», увидев все произошедшее, резко снизился и понесся над морем, вздымая столбы воды выхлопами турбины. Его мотало из стороны в сторону, пилот едва выравнивал машину, но жить экипажу хотелось отчаянно.

Из-за холмов бесшумной молнией выскочила вторая ракета, пронеслась выше самолета и гулко лопнула где-то над водой. «Фантом» в ужасе прижался еще ниже, почти задевая брюхом волны. Нос его рыскал, как форштвень катера в шторм. Турбина засасывала целый вал воды, который сверкающей стеной вставал в воздухе.

– Эх, уйдет, уйдет ведь! – Рузаев выругался про себя. Словно в ответ на его слова из своей ячейки выскочил маленький косоглазый пулеметчик и яростно потряс кулачком вслед улетевшему врагу.

Тем временем горящий фюзеляж сбитого «Фантома» тяжело ткнулся в землю, и на его месте поднялся яркий столб пламени. В воздухе раскачивались два парашюта – и пилот, и оператор успели катапультироваться. Легкий ветерок неумолимо сносил их к деревне.

То, что американцы попадут в руки партизан, полковник не сомневался. Партизаны могли отвести пленных на допрос, а могли сунуть в их собственный напалм, который снес полдеревни и весь окружающий лес. Рузаеву же они нужны были живыми. Он на спине съехал со скалы и кинулся в деревню, на ходу расстегивая кобуру пистолета.

Едва только он спустился по тропинке, гул пламени и крики жителей стали слышнее. Пробежав еще несколько шагов, Рузаев чуть не сбил с ног старого крестьянина, который неожиданно вышел из-за поворота. Крестьянин потерянно брел вверх по тропинке, волоча за собой какой-то мешок.

Лицо его окаменело и напоминало маску, а глаза стеклянно смотрели в одну точку. Редкая седая бороденка нелепо торщи­лась как-то вбок. Из ушей текла кровь.

– Ди лен нянь¹⁵! – крикнул ему Рузаев, но старик даже не посмотрел на него. Он все так же медленно, с трудом пере­ставлял ноги.

Рузаев понял, что старик контужен и не слышит его, а может, даже и не видит. Рузаев махнул рукой и побежал даль­ше. Задерживаться он не мог, у него своя задача, американ­цы нужны ему живыми и желательно не успевшими побы­вать в руках крестьян. Кроме того, он понимал, что янки те­перь не ограничатся одним налетом. Они засекли батарею и попытаются ее разгромить.

И еще Рузаев знал, что они попытаются отбить пилотов, которые наверняка успели связаться с базой. В безнадеж­ных случаях янки пилотов оставляли на полное растерза­ние Вьетконга, но когда была хоть малейшая надежда спа­сти, действовали решительно. А значит, в ближайшее время следовало ожидать десанта коммандос.

Рузаев выскочил из джунглей на дорогу и замер. Он еще не видел результатов налета так близко и так свежо. На до­рогу не упала ни одна бомба, но вершины многих деревьев были порезаны осколками, будто их жевало какое-то гигант­ское животное. Саму дорогу покрывал слой всякого мусора. Поверх этого мусора валялись какие-то обломки и тряпки.

---

¹⁵ Наверх, быстрее! (вьетн.)

Чуть поодаль стояла ручная тележка, скарб из которой вывалился в пыль. На тележке лицом вниз лежала мертвая женщина. Из-под нее натекала лужа крови, кровь пропитала рукав и стекала по руке, капая на землю.

Внезапно за лесом снова что-то громко ухнуло, и эхо взрыва гулко прокатилось по вершинам деревьев. Рузаев сделал еще несколько шагов, стараясь не смотреть на убитую женщину, но тут нечто страшное с криком выскочило из зарослей и бросилось к нему.

Рузаев с ужасом увидел, что на дорогу выбежала девушка, почти девочка. Она была совершенно обнаженная, в крови и саже. Все ее тело пересекали черные полосы, длинные черные волосы разметались по плечам, глаза округлились, а рот был распят в диком крике.

Время будто остановило свой бег. Рузаев видел искаженное лицо. Он видел обнаженную полудетскую фигурку, неразвитые груди, узкие бедра. Девочка не осознавала своей наготы, того, что бежит прямо на офицера, она ничего не видела и не замечала.

Рузаев бросился к ней, схватил, и тело девочки с ужасающей силой забилося у него в руках. Широко раскрытые глаза смотрели прямо на него и ничего не видели. Неожиданно она сильно и очень больно вцепилась в него, не переставая кричать, точнее, не кричать, а выть на одной ноте. Рузаев схватил ее за волосы, свисавшие странными клочками, и оторвал от себя. Спину девочки пересекала пунцовая поло-

са обгоревшей кожи. Посередине полосы шел черный шрам, который непрерывно сочился кровью.

– Напалм! – понял Рузаев. – одежда сгорела.

Он потянул девочку за руку, обратно на лесную тропинку. Она прекратила кричать, уже осмысленно взглянула на Рузаева, потом вся обмякла и упала на землю. Худенькие ручки скребнули землю, она застонала и затихла.

Рузаев легко подхватил ее и перекинул через плечо, стараясь не задеть ожог на спине, развернулся и бросился бегом назад, вверх по тропинке, к пещере старика.

***

Второй батальон дивизии полковника Каупера активно готовился к предстоящей операции. Готовился и рядовой Сильвестр Макарони. Еще с вечера он проверил все снаряжение и получил полный боекомплект. Ночь они провели в полевом лагере, у костра. Лейтенант Фишер принес карту.

– Значит, так, ребята! Наша задача – захватить деревню косоглазых! Мы вытесняем их на холмы, вторая и третья роты высаживаются рядом и добивают. Затем мы продолжаем бой, соседи ловят русских. Поняли?

– А у нас хватит сил? – осторожно поинтересовался сержант.

– Кто задает дурацкие вопросы? Мы сможем удерживать их столько, сколько захотим! В случае чего получим под-

держку с воздуха.

Сержант еще раз посмотрел на карту.

– Поняли, ребята?

– Да, сэр!

– Тогда вперед!

* * *

Едва забрезжил рассвет, над лагерем второго батальона прозвучал сигнал горниста. Взревели двигатели вертолетов, стоящих на широком песчаном пляже. Воздушный поток от винтов разметал струи крупного песка, заставлял кланяться резные листья пальм.

Десантники кинулись к вертолетам, на ходу поправляя оружие.

– Эй, как себя чувствуешь, Сильвио? – крикнул Брайан.

– Отлично, лучше всех!

Макарони подтянулся и прыгнул в грохочущее нутро. Сержант, проверявший установленный на консоли пулемет, проводил его глазами.

– Ну, все готовы?

Горнист затрубил еще раз. Сержант Дойли, свирепо кося глазом, надел темные очки и развернул пулемет в походное положение.

– Мать твою! Выпустим кишки косоглазым, выпустим кишки! – он вставил ленту, защелкнул крепление и сдвинул

дверь.

– Пошли, ребята!

Пилот махнул рукой. Все вцепились в сиденья. Вертолет взревел, наклонился и хищным прыжком взмыл в небо.

Занимался рассвет. Солнце, еще не поднявшееся над горизонтом, подсвечивало облака. Светя мощными посадочными фарами, вертолеты дружными стайками взмывали в воздух, издали похожие на черные хвостатые мячики. Они сразу выстраивались пятерками и ложились на курс над серебристой гладью океана.

Взошедшее солнце разогнало туман. Вертолеты шли на небольшой высоте, их мотало восходящими потоками.

Брайан позеленел и сплюнул, его укачало.

– Никак не могу привыкнуть к этим вертолетам.

Ему никто не ответил. Из-за шума приходилось кричать, никакой охоты разговаривать не было.

– Седьмой, седьмой! – услышал сержант в наушниках. – Я их вижу. Выходим на цель. Построиться в атакующее положение.

– Есть, сэр! – отрапортовал сержант и крикнул через плечо:

– Начинаем. Мы обычно атакуем на рассвете и включаем Вагнера.

– Что? – переспросил новичок Брэдли.

– Вагнера. Музыка. Пугает косоглазых так, что у них душа в пятки уходит. Каску сними, парень!

– Зачем? – удивился Брэдли, глядя, как взвод снимает каски и подсовывает их под себя. – Чего это вы, ребята, на касках сидите?

– Не хотим, чтобы нам задницы оторвало, – усмехнулся Макарони, – Косоглазые иногда стреляют.

– Снижаемся. Включаем музыку и летим! – крикнул Дойли. Он открыл дверь, снял пулемет с фиксаторов и развернул его наружу.

– А, черт! – вырвалось у него.

– Что?

– Полоса не расчищена!

– Первый, первый! – заорал он в микрофон. – Почему деревня плохо зачищена? Где авиация! Черт!

– Ну? – Макарони толкнул его в бок. – В чем дело?

– Говорит, русские.

– Что русские?

– Русские прикрыли. Летчики смогли сделать только один заход. План остается прежний. Не расслабляться. Что русские, что косоглазые, один черт. Давить!

Сержант заправил ленту и положил руку на станину пусковой установки ракет. Вертолет снижался под величественные звуки «Полета валькирии».

Макарони достал магазин и защелкнул его в винтовку. Все рейнджеры проверяли оружие. Сильвестр дернул затвор, но затвор не пошел. Магазин заело. Вообще, винтовка М-16 было хорошим, но капризным оружием.

Сильвестр чертыхнулся про себя, вынул магазин и слегка постучал его о поручень. В магазине что-то щелкнуло, патрон встал на место, и Сильвестр наконец-то смог перезарядить винтовку.

Брэдли молился, тихо шевеля губами. Макароны жевал жвачку, глядя в иллюминатор. Сержант устроился поудобнее в открытой двери и затянул подбородный ремень.

Они прошлись вдоль пляжа на самой малой высоте. Сильвестр увидел, как из деревни по узким улочкам разбегаются косоглазые в своих смешных шляпах. Школьная учительница гнала стайку детей к лесу, не подозревая о том, что именно по лесу будет нанесен главный удар.

Здесь, за холмом, джунгли дымились широкой выжженной полосой. Самолеты сумели-таки нанести удар, облегчив задачу десанта.

– Огонь!

Загрохотал пулемет. Трассы пулеметных очередей и следы ракет уперлись в деревню.

Откуда-то снизу застучал пулемет вьетнамцев. Вертолет развернулся и ударил ракетами прямо по пулеметному гнезду. Из него полетели какие-то щепки.

– Неплохой выстрел, ребята! – засмеялся сержант. – Ставлю вам за это ящик пива.

Они развернулись и пошли в сторону пляжа. Сильвестр вздохнул, надел каску и приготовился прыгать.

Уже возле самой скалы, на поляне, Рузаев, который нес девочку на плече, нагнал контуженого крестьянина. Тот достал-таки свой мешок до их вчерашнего костра и теперь застыл, раздумывая над дальнейшими действиями. Перед ним стоял отшельник в своей желтой хламиде и пристально смотрел на нового гостя.

Рузаев бережно положил девочку на листья. Она застонала и болезненно сжалась. Отшельник молча, все с той же скорбной грустью, посмотрел на нее.

– Ну, миротворец хренов? – Рузаев с трудом перевел дыхание. – Что теперь делать будешь?

Старик-отшельник сделал шаг к ним.

– Лечить.

– Тебе теперь только это и остается. Хоть чем-то помочь сможешь?

– Да. И ей, и ему. – Он кивнул на крестьянина, все так же стоящего с мешком.

– А воевать будем? Или на бога продолжим надеяться?

Старик не отвечал.

– Если бы мы не опоздали, если бы могли сбивать самолеты на подходе, этого, – он показал на девочку, – не было бы.

– Будем лечить, – словно не слыша его слов, повторил старик.

– Будете. Если янки дадут. Они скоро вернуться! Вернутся, и такой костер здесь устроят, что лечение ваше не поможет! – закричал Рузаев, глядя в невозмутимое лицо монаха. – Вернутся и сожгут всех. И ее, и всю деревню, и тебя. Всех.

– Я не боюсь. – Старик был спокоен. – Что эта жизнь, что следующая – все это череда иллюзий. А ты иди.

– Что? Да что же ты за человек такой! Дворником был, дворником и остался.

– Иди. – Старик опустил на колени перед девочкой, положил ей руки на затылок. – Иди. Спаси, кого сможешь.

– Понял-таки?

– Иди, – старик вздохнул. – Это моя внучка. Делай свое дело и ни о чем не беспокойся. Твою руку направит Шива, и греха на тебе нет.

Рузаев быстрыми шагами направился к зарослям, но перед тем, как зелень скрыла его, обернулся.

– Врачам их покажи!

– Иди, делай свое дело! Может, и спасешь еще одну душу.

– Чертовы янки! – вспомнил Рузаев, повернулся и снова бросился в деревню. Парашюты давно исчезли где-то в зарослях.

Соломенные крыши ярко горели. Дым пожара слегка рассеялся, окрасив небо в грязный цвет. На улицах валялись обломки, остатки домашней утвари, носились ошалевшие куры. Прямо посреди улицы лежали трупы – женский и детский. Не глядя на них, пробежали двое солдат с автоматами.

– Зынг лай! Зынг лай¹⁶! – закричал им полковник. – Где командир?

Солдаты остановились и недоуменно посмотрели на него. Наконец, опознали форму и поняли, кто стоит перед ними.

– О до¹⁷, – махнул один рукой и добавил какую-то длинную-длинную тираду.

– Той кхонг хиеу син ной тям хэн¹⁸, – едва выговорил заученную наизусть фразу Рузаев.

Солдат снова протараторил что-то на своем птичьем языке, развернулся и намеревался бежать дальше.

– Зынг лай¹⁹! – снова скомандовал Рузаев. Он подошел к солдатам, взял говорившего за плечи и развернул, – ди дэн до²⁰!

Солдат, поняв, что от него требуется, снова быстро затараторил, обращаясь к своему напарнику, но полковник резко встряхнул его и металлическим голосом скомандовал:

– Ди дэн ген! Нгой-ти-ху-ди²¹!

Солдаты переглянулись, подхватили оружие на ремень и мелкой трусцой побежали по улице, ведущей вверх по склону.

---

¹⁶ Стой! Стой! (вьетн.)

¹⁷ Там! (вьетн.)

¹⁸ Не понял, говорите медленнее! (вьетн.)

¹⁹ Стой! (вьетн.)

²⁰ Иди туда! (вьетн.)

²¹ Вперед! Веди меня к командиру! (искаж. Вьетн.)

По всему их пути деревня казалась вымершей. Обломки, куриный пух, следы бегства – и ничего более. Крестьяне с семьями попрятались в зарослях, немногочисленные партизаны затаились. Горящие дома никто не тушил. В одном переулке лежали трупы – их тоже никто не убирал.

Рузаев вслед за солдатами подошел к хлипкой бамбуковой лестнице и полез вслед за ними в пулеметное гнездо, примостившееся на откосе. Рузаев перевалился через мешки и в недоумении остановился. Гнездо было пустым. На куче мешков, прикрытый ветками, стоял хорошо знакомый зенитный пулемет ДШК с заправленной лентой. На полу валялась куча стреляных гильз и какие-то ящики. Командира не было. Не было никого, кто мог объяснить его отсутствие.

Полковник огляделся. Пулеметное гнездо наполовину зарыто в земляной склон. Деревья, срубленные, чтобы не мешать обзору, навалены вокруг, прекрасно маскируя его с воздуха. Рузаев автоматически, наметанным глазом, определил сектора обстрела. Получалось неплохо. Вроде бы можно остаться и подождать. Даже если высадят десант, вполне можно помочь огнем.

Выше, в горах, между этой разбитой деревней и его дивизионом, стоял целый партизанский пехотный полк. Без поддержки с воздуха десанту через джунгли не прорваться. А поддержки не будет. Рузаев слишком хорошо знал Сорокина, чтобы сомневаться в этом. На выручку летчикам бросят, скорее всего, лишь пару вертолетов.

Полковник еще раз оценил обстановку. Чем больше он вглядывался, тем меньше нравилась ему позиция. Сделанная с чисто восточной тщательностью, она чисто по-восточному была лишена той неожиданности, того маневра, который только и спасает на войне. Да, место хорошее. Прямо перед глазами расстилалась полоса пляжа. Но не видно соседнего пулеметчика. Удобно, но слишком близко. Вертолеты так не встречают.

Полковник еще раз задумался о своем задании. С одной стороны, он хотел найти командира, договориться с ним о пленных и идти к себе в часть. С другой стороны, своим военным нутром он чувствовал, что простым налетом дело не обойдется. Чутье победило. Рузаев молча откинул ветви с ДШК и принялся быстро складывать станину.

Оба вьетнамца уже признали его за командира. Они сноровисто вытащили ленту и аккуратно уложили ее в коробку. Когда Рузаев закончил, они деловито взвалили тяжеленный пулемет на узкие плечи и начали осторожно спускать его по лестнице. Маленький отряд готовился к встрече незваных гостей.

***

В кабине управления зенитно-ракетного дивизиона продолжалась боевая работа. Пискнул зуммер. Сорокин надел наушники.

– Медведь слушает. Так. Так. Ясно. Мы их видим, но достать не можем. Добро.

– Ребята, внимание! – Сорокин нажал «отбой» и обратился к сидевшим в кабине. Гора, Кашечкин и три вьетнамских оператора подняли головы от пультов.

– Наблюдатели сообщают о приближении американского десанта на вертолетах. Пока насчитали пятнадцать машин. Похоже, по нашу душу. Мы демаскировали себя пусками, позиция рассекречена. Будем перебазироваться на запасную.

– Далеко! – заметил Гора.

– Это не авиация, это десант. Если прорвутся, прочешут все окрестности.

– Сканирую сектор и выключаюсь. – Кашечкин снова приник к экранам.

– Добро. – Сорокин развернулся на своем табурете.

Кашечкин взялся за штурвал управления и повел луч антенны вдоль самого горизонта. Над северной бухтой на экране блеснула засветка.

– Две цели, на малой высоте, курс три-три-пять!

– К нам идут. Помехи есть?

– Помех нет. Пытаются маскироваться обтеканием рельефа.

– Гора, стрелять можно?

– Только на маневре.

– Цель уходит на курс три-два-два! – доложил Кашечкин.

– Будем перехватывать. – Сорокин схватил наушники.

– Восьмой? Наземная разведка сообщает о высадке десанта. Сопровождаем две цели. Нет, нельзя эвакуироваться.

Сорокин замолчал, прислушался к наушникам и оглядел кабину. Гора и Кашечкин сосредоточенно вели цели, чего нельзя было сказать о вьетнамцах. Одним глазом они смотрели на экраны, а другим – на дверь.

– Ох и вломят нам сейчас... – задумчиво произнес Кашечкин, подстраивая наводку.

Один из вьетнамцев вскочил, тихо подвывая, кинулся к двери и налег на рычаг запоров. Броневая дверь не поддавалась, он дергал ее, дергал быстро и бессмысленно, забыв снять блокировку. Внезапно дверь распахнулась, открытая снаружи, вьетнамец выскочил из нее. Раздался смачный удар, и вьетнамец, держась за щеку, влетел обратно. В двери показался Шульц, потряхивая ушибленной рукой.

– Чэ лай! Ви чи ку ди²²! – закричал он по-вьетнамски и добавил несколько чисто русских выражений, которые все вьетнамцы, однако, поняли. Смысл их сводился к тому, что пока советские офицеры защищают землю дружественного Вьетнама, они не позволят коммунистическим вьетнамским солдатам вместе с голыми женщинами разбежаться в интимные места. А если это произойдет впредь, то он, Шульц, лично совершит и с ними, и с их мамами, бабушками и всеми родственниками такие развратные действия, что мало нико-

---

²² Назад! А ну, на место! (вьетн.)

му не покажется.

Ободренные этой речью операторы уткнулись в пульта, благоговейно ожидая команд Кашечкина.

– Азимут на ручное! – скомандовал тот.

– Есть ручное! – оператор отщелкнул штурвал и повел прицел в указанном направлении.

– Высота на ручное!

– Есть! – второй оператор, зажмуривая подбитый глаз, повел цель.

– Дальность веду сам! – Кашечкин собрался, превратившись в хищника на тропе, в охотника, глядящего на дичь через прицел.

– Четвертая установка перезаряжена! – доложил Гора.

– Во дают вьетнамцы! – удивился Сорокин. – В два раза быстрее норматива.

– Жить хотят, – откомментировал Шульц. Он стоял в кабине, ни к кому не обращаясь, боясь отвлечь офицеров.

– Цель на подходе. Захват устойчивый, – снова доложил Кашечкин.

– Низко. Пока еще низко. Что же зенитки его не достают? Низко... – комментировал Гора. – Низко. Есть маневр!

– Огонь тремя установками! – скомандовал Сорокин.

Снаружи ухнуло так, что весь блиндаж затрясся. Неплотно закрытая дверь с лязгом захлопнулась, но в щель затянуло клуб порохового дыма.

– Отстрел ускорителей! – доложил Кашечкин. – Спро-

вождение устойчивое!

В кабине с хрустом застучал хронометр, отсчитывающий секунды полета ракеты.

– Цель снижается. Первая ракета ушла в землю, – доложил Гора. – Вторая ушла на самоликвидацию. Третья на подлете...

***

Рузаев посмотрел на часы. С начала налета прошло уже много времени. Следовало спешить. Он быстро спустился и широким шагом пошел к скалам, торчащим над заливом. Вьетнамцы мелкой рысью припустили за ним, сгибаясь под тяжестью пулемета.

Рузаев, задыхаясь, поднялся по крутому склону, все время оглядываясь назад. Он выбирал место, с которого широкая полоса ярко-белого пляжа была бы видна под нужным углом. Тяжеленный ящик с лентами на брезентовой лямке неимоверно оттягивал плечо, и только благодаря этому худосочные вьетнамцы кое-как успевали за ним. Наконец они поднялись достаточно высоко. Слева возвышался уходящий в море мыс, справа – отроги розовой скалы. Они стояли в ложбинке, окруженные зарослями, а прямо перед ними, в лесной прогалине, расстилалась деревня.

Рузаев вздохнул, вытер пот, скинул ящик и тут же полез в него, вытягивая свежую ленту. Оба вьетнамца, шумно дыша,

сложили рядом пулемет.

– Собирайте! – Рузаев кивнул им, обратившись по-русски. Вьетнамцы непонимающе смотрели на него.

– Нянь лен! Нянь лен²³! – Рузаев показал на пулемет. Вьетнамец опустил на колени и неловко попытался развернуть сошки треноги.

– Ясно. Не умеете, – вздохнул Рузаев и стал сам устанавливать станину. Солдаты помогали ему по мере сил.

И тут до их слуха донесся странный звук. Ровный гул моторов шел со стороны моря, но в его волны вливались мощные, хотя и ослабленные расстоянием музыкальные аккорды. Из-за островка, закрывавшего вход в бухту, показалась первая волна десантных вертолетов. Они черными мячиками катились над серебряной гладью. За первой линией из-за островка выскочила вторая волна машин.

Рузаев удивленно присвистнул. Сбывались худшие варианты развития событий. Вертолетов было не просто много. Их было очень много, не меньше тридцати штук. Это совсем не походило на спасательную операцию. Это летела штурмовая группа.

От нее волнами, заглушаемыми рокотом моторов, неслась суровая и торжественная музыка. Она делала вертолеты похожими на призраки, она подавляла и притягивала одновременно. Вьетнамские солдаты оторвались от пулемета и замерли, раскрыв рты, в неподвижности наблюдая за прибли-

---

²³ Давай быстро, быстро! (вьетн.)

жением черных стрекоз, несущих смерть.

Рузаев глянул на вертолеты, затем на свою команду. С таким гарнизоном, конечно же, не имело смысла ввязываться в бой. Приходилось отступать.

Но вдруг он понял, что такой большой группе нужны все не пропавшие пилоты и не мелкая деревушка. И даже не партизанский полк, притаившийся в горах. Им нужен плацдарм для захвата дивизиона.

Похолодев от одной этой мысли, Рузаев быстро вставил ленту и закрыл затвор.

– Ложись! – ладонью указал он вьетнамцам на землю.

***

Американские десантные вертолеты, обливая побережье торжественными и грозными звуками «Полета валькирии», приблизились. Им навстречу застучал пулемет, установленный в деревне. Из-за различных укрытий понеслись трассы автоматных очередей, в большинстве не долетавших до цели.

Американцы, уже успевшие набрать большой боевой опыт, действовали четко и слаженно. Первая волна машин, проскочив линию пляжа, пронеслась над деревней. Из открытых люков высунулись стволы автоматов десантников, и вся эта лавина прокатилась над обороняющимися, поливая их огнем. Свинцовый шквал прижал вьетнамскую пехоту к земле, не давая возможности отстреливаться. Коротко рывк-

нул крупнокалиберный ДШК из гнезда в деревне, несколько пуль прошли не в меру зарвавшуюся машину. Рузаев видел, как она покачнулась, и из нее вывалился человек.

Пара вертолетов первой волны тут же развернулась, белые молнии ракет ударили в пулеметное гнездо. Вокруг все окуталось дымом. Американцы развернулись и пошли на новый круг.

Силы янки разделились. Первая волна машин поднялась выше, прикрывая пляж с воздуха и прижимая вьетнамцев к земле. Вертолеты второй волны развернулись и зависли в метре над землей. Из них горохом посыпались солдаты.

Рузаев поднял сетку зенитного прицела, прижался к пулемету и затаил дыхание. Он привычно поймал в перекрестье горбик двигателя у одного из вертолетов, садившихся на пляж. Дистанция была почти предельной для ДШК, и к тому же полковник знал, что времени на второй выстрел у него не будет. Вертолеты охраны обнаружат его и начнут охоту.

Он облизнул губы, смахнул соринку с щеки и прицелился еще раз. Быстро двигавшийся вертолет сбавил скорость и медленно снижался. Полковник ждал того единственного момента, когда вертолет начнет выбрасывать десант, будет вынужден на секунду замереть и станет уязвимым.

Песок клубами полетел от мощной воздушной струи. Первый десантник прыгнул вниз. Рузаев плавно нажал на спуск и чуть повел стволом, чтобы надежнее зацепить цель. Секунда, пока летели пули, показалась вечностью. Но вот машина

резко дернулась, как-то нелепо завалилась на бок и тяжело рухнула на песок. Яркое бензиновое пламя поднялось над ней. Рузаев увидел, как летят на песок человеческие фигурки.

Он замер, сдерживая бешено колотившееся сердце, и оглядел поле боя. Вертолеты охранения зависли в воздухе, блестя тупыми мордами. Не видели! Место было столь удачным, что пилоты не видели, откуда был произведен выстрел, и безуспешно рыскали в поисках жертвы. Другие десантные вертолеты тоже приостановили выброску, ожидая уничтожения цели. Они бы с удовольствием бросились вперед и растерзали, если бы знали кого. Но пулемет до поры молчал.

Рузаев хладнокровно поймал в прицел еще один вертолет и снова дал очередь в пять патронов. Затем еще по одному. Секунда, и, не дожидаясь результатов, он дал еще очередь, — по третьему вертолету. Четко, спокойно и коротко, как в тире, он расстреливал из зенитного пулемета машины, не ожидавшие такого нападения, пока не кончилась лента. Затем подхватил пулемет, обжигаясь о ствол, ногой сшиб сошки и поволок его в сторону.

Оба вьетнамца, поняв, в чем дело, кинулись ему на помощь, и они втроем покатались вниз. Получив по ребрам острым пламегасителем, полковник обернулся и с удовлетворением отметил четыре жирных чадящих кляксы на белом песке.

Вертолеты охранения, завывая от натуги, рванулись к

ним. Раздался резкий взрыв, сверху посыпались ветки и комья земли. Ракеты ударили точно в то место, откуда они убежали. Тяжелый грохот двигателей стал ближе.

«Мы не средневековые рыцари, поле боя за собой не держим, мы и драпануть можем», – подумал Рузаев.

– Ложись! – заорал он и ткнул вьетнамцев в затылки, ловко нырнув за дерево.

Вертолеты, поливая лес сплошным огнем, прошли чуть в стороне. Буквально в сотне метров земля будто кипела от разрывов и ударов пуль. Пару раз пули свистнули невдалеке. Одна смачно шлепнула в ствол дерева, но вреда не причинила. Пара вертолетов с ревом перевалила холм и пошла расстреливать седловину. Снизу вновь раздался нарастающий грохот – еще один вертолет поднимался к ним. Рузаев прислушался и замер от ощущения удачи – вертолет шел один.

Устанавливать станину было некогда. Полковник раздвинул сошки и молча ткнул лежащего вьетнамца. Тот обернулся, подполз и подставил плечо.

– Ну, держись! – кивнул Рузаев.

Вертолет шел прямо над вершинами деревьев, такой близкий, и невидимый из-за листвы. Но и десантники тоже их не видели. Шансы были равными. Вертолет, рокоча и огрызаясь выстрелами, полз где-то в стороне. Рузаев следил за ним, поворачивая на звук ребристый ствол.

Вертолет двигался в небе, ствол, как магнитная стрелка, следовал за ним. И, наконец, в разрывах крон показалось се-

ро-зеленое брюхо. Так-так-так!.. Пулемет выплюнул очередь прямо в него. Маленького вьетнамца снесло отдачей, он сбил Рузаева, и они кубарем покатались по земле. По тому месту, где они только что стояли, хлестнула очередь – рейнджеры тоже умели стрелять.

Но выигрывает тот, кто стреляет первым. Гром двигателя изменил тональность, на секунду прервался, возобновился и прервался снова. Вертолет, срубая винтом вершины деревьев, вломился в джунгли, забился и повис на ветвях. Секунду он качался, будто не зная, что делать, и вдруг внутри у него что-то лопнуло. Раздался мгновенно смолкнувший человеческий крик, и машина взорвалась.

– Ходу отсюда! – закричал Рузаев, полез вверх и вбок, чтобы запутать противника. За ним, прихрамывая, верные вьетнамцы волокли пулемет. Сам Рузаев, бросивший патронный ящик, нес только одну ленту, по-матросски перекинутую через плечо.

***

О том, что готовится операция, и о высшей степени готовности, командир авиакрыла капитан Блай предупредил все экипажи накануне. Сказал он и об оперативных планах.

– Рельеф местности сложный, холмистый. Самый простой заход – со стороны океана. Для обеспечения точного взаимодействия с наземными частями удобно подходить к цели

с севера. Но вот северное направление... – Блай задумался.

– Может послать нам в задницу ракету. Так? – лейтенант Смит посмотрел на Блая.

– Да. – Блай кивнул, даже не сделав дисциплинарного замечания. – Наземные части штурмуют зону, имеющую плотное зенитное прикрытие. Ясно?

– Да, сэр, – ответил Смит. – Одно не ясно, за каким дьяволом они туда полезли?

– Основная задача операции – захватить один из зенитных комплексов в качестве образца.

Летчики переглянулись.

– Думаю, на подобную операцию найдутся добровольцы. Кто хочет поучаствовать?

– В качестве кого? В качестве мишени? – не выдержал Мюррей.

– лейтенант Мюррей! – Блай злобно сощурился. – Ваша недисциплинированность внушает опасения за вашу судьбу. Поэтому вы пойдете на операцию со мной, под моим личным командованием. Вопросы есть?

– Нет, сэр!

– А жаль. – Блай еще раз нехорошо усмехнулся. – А то бы я вам всем рассказал о служебной дисциплине. Во всех подробностях. Мюррей!

– Да, сэр!

– Возьмите на подвеску «Маверики» и напалм. Я возьму то же. Харпер и Смит – на подвеску «Ананасы» и кассеты.

Зайдете первыми и будете следить за воздухом. Остальные берут напалм. Все ясно?

– Да, сэр!

– Проверю! – Блай прищелкнул пальцами. – Разойдись!

Глава 22. О том, как полковник Рузаев принял участие в Апокалипсисе, и что из этого получилось

Хорошо, друзья, приятно,

Сделав дело, ко двору

В батальон идти обратно

Из разведки поутру

«Языка» – добычу ночи

Что идет, куда не хочет,

На три шага впереди

Подгонять:

– Иди, иди!

А. Твардовский

«Василий Теркин»

Полковник Рузаев и два вьетнамских солдата упрямо, как муравьи, лезли вверх и вверх по заросшему склону. Острые колючки разорвали рубаху и во многих местах добрались до тела. Вьетнамцы с осунувшимися лицами волокли пулемет и совершенно невнятно мяукали между собой. Рузаев пинал лианы, ломал ветки и громко, от души матерился. Снизу доносились гул и выстрелы. Десант оправился от неожиданности и вновь штурмовал деревню. Но Рузаев не волновался, он знал, что стоит десантникам хоть немного зайти в джунгли, и за них возьмется пехотный вьетконговский полк, до поры до времени скрытый на вершине соседнего холма.

Под ногами захрустели камни. Они вылезли на вершину, покрытую растрескавшимися скалами. Справа величественно возвышалась розовая скала Вэй. Слева безбрежной бархатной чашей сиял океан. А внизу шел бой. Десантные вертолеты новой волной заходили на посадку. Видно было, как из них выскакивают солдаты в нелепых касках, обвешанные всякой амуницией, которая изрядно сковывала их движения. Они быстро и точно, как на учениях, без всякой привязки к местности, разбегались по деревне. Рузаев хмыкнул. Американские новобранцы, привыкшие ко всяким полигонам и

тренажерам, совершенно не умели действовать в естественных условиях и торчали среди кустов, как пивные бутылки в траве. Вьетнамцев в лесу было, скорее всего, раза в два больше, но ни один шорох не выдавал их присутствия. Маленькие желтолицые солдаты возникали и исчезали, как призраки, и «коммандос» бестолково палили по кустам. Недаром каждый из них нагружался патронами, как выучная лошадь.

Рузаев глянул на своих солдат. Они аккуратно положили пулемет, и с выпученными глазами судорожно хватали воздух ртом. Один резко согнулся в позывах на рвоту. Но его не вытошнило, лишь на губах показалась пена.

– Так, нечего отдыхать, – Рузаев сам едва мог говорить, – Ди тиен ди²⁴!

Он махнул рукой, показывая, куда ставить пулемет, и скинул патронные ленты. Их оставалось мало.

Поднеся ладонь козырьком к глазам, Рузаев осмотрелся. Янки в очередной раз потеряли их и, слава богу, не преследовали. Но странным было то, что все вертолеты, и десантные, и охранения, прижались к земле или оттянулись далеко в залив. Даже стрельба стала реже. Американцы явно залегли, словно ожидая чего-то. Обломав зубы на первой высадке, они, видимо, запросили помощи у «дяди Сэма». Неожиданно Рузаев услышал мощный тонкий свист. Над морем показались две тонкие темные черточки. Перетрусившие «коммандос» вновь вызвали «Фантомы», чтобы те расчистили им

---

²⁴ Быстро вперед! (вьетн.)

путь в джунглях. Видимо, первый урок они усвоили плохо.

***

Лейтенант Дональд Мюррей сосредоточился на пилотировании. Дело затевалось нешуточное, и прикрытие прорыва предстояло серьезное. Тяжелые ракеты «Земля – воздух» маневренности не прибавляли. Мюррею пришлось пережить форсаж, чтобы подняться точно за Блаем. И как тот умел так взлетать?

Мюррей пошел в набор высоты, насвистывая мелодию из Эллингтона. Макинтош прицеливался пальцами в такт.

– Мак! – окликнул его Мюррей.

– Да?

– Как ты относишься к старине Дюку?

– Лучше, чем к этому паршивому ди-джею Финику на Сайгонском радио.

– Мак, а выпить хочешь?

– Хочу. – Видно было, как Мак кивнул.

– Значит, выпьем. Для этого только надо смешать с дерьмом кучу желтопузиков.

– Да.

– Мак, не промахнешься?

– Без проблем. – Мак кивнул. – Шарахнем пару раз, и назад.

– И назад, – поддержал Мюррей, – пиво пить и девок тра-

хать.

Они помолчали.

– Мак? – Снова спросил Мюррей.

– Да?

– Как думаешь, рейнджеры крепко влипли?

– По уши. Посмотри, вся эскадрилья перед нами ушла.

– Поможем?

– Надо же кому-то этих засранцев выручать.

– Чарли-второй! – раздался в наушниках голос Блая.

– Есть Чарли-второй! – Мюррей включил рацию.

– Перестроение.

– Есть.

Мюррей переключился на основную волну.

– Мак, через минуту первое звено начнет атаку. Внимательно слушай, что у ребят творится!

А у ребят творилось что-то странное и неприятное.

Уже при подлете к цели Мюррей получил точные указания с земли. Как он и предполагал, увязшие в дерьме рейнджеры верещали от страха и требовали поддержки.

С одной стороны, это свои ребята. Мюррей знал, что его дополнительно прикрывает постановщик помех, стратегический Б-52. С другой стороны, Харпер уже лежал грудой обгорелого металла где-то в джунглях, а Смит еле тянул на разваливающемся в воздухе самолете обратно на базу.

Выручать этих сволочей, не умеющих воевать с косоглазыми, предстояло им с Блаем. Стратегическая авиация что-то не спешила совать голову в пекло. Мюррей с удовольствием траванул бы вьетнамцев газом или кинул бы на них атомную бомбу, добившись победы одним нажатием кнопки. Но здесь не кино и не комикс. Предстояло расчистить коридор от этих узкоглазых полчищ для рейнджеров.

Мастер пилотажа, Блай четко повел их на цель, следуя береговой линии. Мюррей одобрительно хмыкнул – холмы хорошо прикрывали от ударов ракет. Они увидели место боя издалека – над деревней поднимался дым, в воздухе висели вертолеты, оттянувшиеся к морю, чтобы дать место «Фантомам».

– Мак! Видишь цель?

– Цель вижу! Напалм готов!

– Чарли-второй! Я Чарли-первый, выдвигайтесь!

Мюррей, шедший чуть ниже, прибавил газ, и его самолет вышел чуть впереди Блая.

– Чарли-второй! Травани косоглазых, я прикрою! – Блай хихикнул.

Откуда-то снизу, из джунглей, прямо в небо поднялась трасса пулеметной очереди. Самолет Мюррея наткнулся на нее, как слепой на дверной косяк, и пуля с громким чавканьем разбила что-то в центроплане.

– Мать твою! – вскрикнул Мюррей, выравнивая покачнувшийся самолет. Раздался щелчок, бак с напалмом ушел вниз.

– Мак!

– Да!

– Мы не промазали?

– Нет. Все в порядке.

– Чарли-второй, я его добыю!

Блай, шедший сзади, выпустил ракеты по обидчику.

– Чарли-второй, на разворот! А, чтоб тебя!

В наушниках раздался крик Блая, звон и шипение.

Мюррей оглянулся. «Фантом» Блая, превратившийся в гигантский костер, летел в джунгли.

– Чтоб тебя! – только и смог выдавить Мюррей.

– Командир?

– Мак, груз в воду! Уходим!

Мюррей прижал самолет к воде так, что бегущие по океану волны вызывали дрожь фюзеляжа.

– А может, попробуем? – произнес Макинтош.

– Да пошли они! – пробормотал Мюррей, стараясь удерживать машину. – Да пошли они!

И весь обратный маршрут он бормотал эту фразу, не отзываясь даже на вызовы командира полка. Крыло, пробитое пулями, скрипело, но держалось.

***

Вертолеты отошли, освободив рубеж для атаки «Фантомов». Отставив пулемет, Рузаев и солдаты с высоты холма наблюдали за разворачивающимся перед ним воздушным боем. Они забрались между обломками скал и замерли.

На этот раз самолеты не стали заходить с залива, а развернулись и пошли вдоль берега. Рузаев ясно видел, как они прижимались к земле. Снизу, из леса, первыми полетели трассы зенитных пулеметов вьетконговцев. Одна трасса ударила с холмов, сверху вниз. Сплошная стена смертельных светляков поднялась над деревьями.

Ведущий «Фантом», заходя на цель, развернулся пониже, и Рузаев четко увидел, как одна трасса полоснула по крылу. Самолет вздрогнул. Будто выброшенные маленьким взрывом, из него выскочила россыпь каких-то мелких осколков и маленькое плотное облачко дыма. Но ранение оказалось легким. «Фантом» выровнялся, и от его брюха отделилась похожая на неуклюжую тяжелую сигару кассета. Джунгли пре-

вратились в ад.

Увидев опасность, ведомый «Фантом» слегка развернулся, и из-под его крыльев ударили огненные струи. Ракеты пошли точно в то место, где скрывался пулемет. Мощный хлопок взметнул вверх столб земли, сломанных стволов и листья.

Что-то взорвалось, выбросив вверх столб дыма. Янки явно удачно попал. Стремясь не врезаться в поднятый собственной ракетой столб обломков и уйти от холма, американец резко взял ручку на себя и поднял самолет чуть выше. Раздался сухой шорох, белая длинная молния выскочила из-за холма, и самолет исчез в облаке дыма, откуда посыпались вниз горящие обломки.

– Классический сценарий, – оценил Рузаев, – стрелковое оружие не может поразить самолет, но заставляет его подняться. И он становится доступен для ракет.

Второй самолет, командир которого понял то же самое, на самом бреющем полете удирал. Пытаясь облегчить машину, он сбросил вторую бомбу прямо в воду, и она булькнула на дно, не взорвавшись. Янки явно были не в выигрыше. Рузаев видел, как санитары волокли раненых к вертолетам.

***

А дела у десанта и впрямь шли неважно. Ребята притихли, и лишь сержант Дойли, свирепо вращая глазом, садил из

пулемета по какой-то одному ему видимой цели. Он нервничал. Вертолет развернулся и, резко накренившись, пошел на посадку. Краем глаза Сильвестр увидел, как взорвался вертолет и из него выскочил горящий человек.

– Джойс, Брэдли, вперед! – скомандовал сержант и посторонился в люке, оставив пулемет.

Еще один вертолет рядом попытался присесть, и вдруг его двигатель выбросил из себя сноп огня.

– Черт! – вскрикнул сержант. – Взлет!

Их машина мгновенно поднялась в воздух.

– Вести наблюдение!

Сильвестр видел, как еще один шедший впереди вертолет вспыхнул и взорвался в воздухе.

– Право на четыре часа! – крикнул сержант. – С холма стреляют!

Машина продолжала набор высоты.

Тем временем остальные вертолеты сумели-таки выбросить десант на пляж, и солдаты рванулись вперед. Из джунглей их встретил плотный огонь засевших там партизан.

– Черт, да их там как грязи! – ругнулся сержант и наклонился к рации.

– Первый, первый! Вызывайте авиацию! Пусть расчистят полосу два-четыре!

– Четвертый, авиация не успевает! – лейтенант управлял боем уже с земли.

– Лес ими кишит!

– Летчики боятся русских.

– Обходим высоту два-ноль-два! Сейчас мы посмотрим, что там за русские!

– Сержант! – Сильвестр окликнул Дойли. – Вот они!

На вершине холма мелькнули маленькие фигурки, мелькнули и пропали. Сержант быстро развернул пулемет и дал длинную очередь. Сразу за ней пилот ударил последней оставшейся ракетой.

– Ребята, вниз! – Дойли махнул рукой. – Прикончите этих гаденышей!

– Мы таких даже в плен не берем! Это же косоглазые! – крикнул Сильвестр, – мелочь!

Он выбросил за борт тросик. Трое солдат прыгнули вниз.

– Я вас прикрою!

Вертолет с ревом ушел в сторону, унося сержанта.

– Вот сволочь! – выдохнул Сильвестр. – Удрал! Ну, пойдемте мочить этих крыс.

***

Рузаев с вьетнамцами все еще сидели в своем укрытии. Внезапно раздался резкий щелчок, затем звук пулеметной очереди. Гигантский молоток вбил несколько гвоздей прямо в камень. Мелкая крошка секанула по телу. Сзади, натужно гремя винтом, поднимался вертолет.

Не разбирая, куда летит, Рузаев рыбкой сиганул прямо в

щель между камнями. Он больно стукнулся головой, кожу на плече содрало. Сверху что-то зашипело и звонко грохнуло. От удара в ушах заложило. Поплыли красные пятна.

Раздался второй удар, затем рев двигателя. Вертолет вылез наверх и завис над скалами. Рузаев осторожно выглянул наружу. Все вокруг застилал дым. Из вертолета выкинули тросик, и по нему ловко, один за другим, на противоположный склон съехали три солдата в касках грибами. Охота началась.

Рузаев понял, что опасаться еще одной ракеты не стоит – по своим стрелять не станут. Он осторожно вылез из щели и, пригибаясь, бросился к пулемету. На камнях валялись красные ошметья, в которых Рузаев с ужасом опознал части человеческого тела – все, что осталось от маленького солдата. А вот второй солдат, как ни странно, был жив, хотя и оглушен. Из ушей у него сочилась кровь, руки тряслись. И все же он вытянул из-за спины автомат и неуверенным движением перезарядил его. Самым приятным было то, что уцелел и верный ДШК. Правда, патронов осталось совсем мало.

Рузаев осторожно похлопал вьетнамца по плечу. Тот, не отпуская автомата, обернулся. Молодое безволосое лицо с гладкой, почти по-детски чистой кожей было все в крови, которая блестела на солнце. Черные полосы копоти покрывали рваную гимнастерку. Блестящие глаза. Он не мог говорить. Но он улыбался щелочками глаз. Он вел себя достойно, он боролся с врагом и победил его. Он был настоящим

воином. И Рузаев понимал это. Он слегка толкнул солдата в плечо, глазами показав в сторону скрывающихся за камнями янки. Вьетнамец кивнул, и змеей скользнул в расщелины, едва видимый для Рузаева, и уж совсем незаметный американцам. Сам Рузаев быстро развернул пулемет и стал прилаживать его на камнях. Потерянной станины сильно не хватало, но уж чем богаты... Судя по изменившемуся грохоту, вертолет обходил холм, пытаясь выследить беглецов. Рузаев взвел затвор и прикинул к прицелу.

Вертолет, страшный, как доисторический ящер, вылез не сверху, а сбоку. Ему досталось в бою – бок был грязен и закопчен, в нем виднелись точки пулевых пробоин. Гордый сознанием своей силы и непобедимости, своей мощи перед одним человеком, он вибрировал, будто смакуя предстоящую охоту. Лопасты со свистом рассекали воздух, с консолей щетинились стволы пулеметов. Из люка, опираясь на посадочную лыжу, наглой улыбкой оскалился сержант в широкополой шляпе и узеньких темных очках. Он с рычанием нажал гашетку, и пулемет ударил очередь по камням. Вертолет мощно развернулся, чтобы дать сержанту прицелиться. Дух Америки приготовился карать мятежных вьетнамцев, убогих крестьян, которые вместо сохи взяли за оружие. Да только тут были, мягко говоря, не вьетнамские крестьяне, которых так легко отстреливать сытым рейнджерам.

Солнце сверкнуло на голубоватом плексиглазе кабины, и через стекло, в кружке зенитного прицела, совсем рядом с

собой Рузаев увидел молодого чернокожего пилота в узких темных очках. Пилот сосредоточенно вел машину боком, держа под прицелом сидящего в люке сержанта весь склон холма. Рузаев нажал гашетку, моля пулемет, чтобы его не заело, не перекосило, чтобы не было осечки.

– Знаю, милый, – шептал он, – тебя бросали, били и еще не чистили. Но не подведи, пожалуйста.

И надежная советская техника не подвела. Пулемет ударил ровно и твердо.

Рузаев встретился взглядом с сержантом. Один из них умрет – это они поняли оба. И оба выстрелили. Но сержант защищал лишь плексиглас, а Рузаева – камень. Удар пули смел сержанта с люка, швырнул внутрь вертолета. Рузаев перенес огонь на кабину пилота. Фонарь, прошитый крупнокалиберными пулями, треснул в нескольких местах. Взрыв осколков ударил в черное лицо, на прозрачный пластик хлынула кровь. Рузаев еще раз нажал гашетку. Пулемет ответил единственным выстрелом и смолк. Лента кончилась.

Вертолет медленно развернулся и затем нелепо скользнул вбок. Он задел посадочной лыжей склон, накренился, рубанул скалу винтом и упал. Зеленая туша развалилась на части.

Рузаев отодвинул ставшее почти родным оружие, по-кошачьи двинулся вперед и выглянул со склона. Упавший вертолет не взорвался, а просто развалился. Второй сбитый вертолет жирно чадил где-то внизу под кронами деревьев.

Десант явно захлебывался. Без поддержки с воздуха, без

штурмовиков, которые расчистили бы дорогу, янки не могли удержаться в джунглях. Они были чужими в этой стране и поливали свинцом каждый подозрительный куст. Лес скрывал партизан, а горе-вояки в пятнистых комбинезонах, с размаляванными лицами, были заметными чужеродными элементами. Они отступали, четко сохраняя при этом порядок и еще нанося чувствительные потери перешедшим в контрнаступление партизанам. Но теперь уже весь прибрежный лес, казалось, кишел вьетконговцами. Выстрелы не просто перемещались, от них шевелилась вся листва. Если бы они были более дисциплинированны и стреляли так, как советские солдаты, от янки давно осталось бы одно мокрое место. Рузаев, глядя на бой, с горечью понимал, что это все же крестьяне, а не солдаты. Этот бы полк на полгода в его руки... А сейчас, прежде чем десант будет отбит, погибнет еще очень и очень много этих маленьких, шумных, вздорных, но очень гордых и упорных людей.

Джунгли сверху все более напоминали муравейник. И вьетконговский полк наступал уже совершенно хаотично, как толпа муравьев. И жив этот полк был только потому, что янки так и не смогли вылить на вьетнамкий муравейник свое ведро напалма. То, что «Фантомы» уже не смогут поддержать десант, понял и Рузаев, и американские командиры.

***

– Есть поражение цели! – Кашечкин аж подскочил. – Держу вторую цель.

– Уходит, – вздохнул Сорокин. – Отбой.

– Молодцы! – Шульц похлопал Кашечкина по взмокшей спине. – А теперь сматывайтесь отсюда!

– Сканирую... – начал было Кашечкин, но Сорокин оборвал его.

– Выключай немедленно! Врубай ложный маяк! Не хватало нам еще «Шрайк» на излучение привести.

Шульц вытащил у Сорокина с пульта наушники с микрофоном.

– Седьмой! Поднимайте охрану. Перебазировемся. Половину охраны оставить здесь для отвлечения противника. Как десант? Сколько их? Что? Поднимайте восьмую бригаду. Некогда, сам поведу. Да-да, сам поведу бригаду.

Сорокин шелкал тумблерами. Смолкло гудение пультов и шкафов автоматики. Дизеля в последний раз ухнули, поперхнулись и смолкли. Погас основной свет, сменившись тусклым резервным освещением.

Сорокин нажал красную кнопку. Взвыла сирена, означавшая срочную эвакуацию.

– Уходим.

Командир пропустил операторов, Шульца, Гору и Кашеч-

кина, вышел последним, закрыл дверь и нажал рычаг запора. Вьетнамцы кинулись под кабину и начали выкручивать гайки кабельных разъемов.

К ним бежал Тхан Донг.

– Какие будут приказания? – коверкая слова, спросил он.

– Быстрее разряжайте установки, уходим на вторую позицию.

– Есть! – Тхан Донг приложил руку к своей армейской панамке, отдавая честь, и хотел уйти.

– Тхан Донг! – остановил его Шульц. – Десять автоматчиков со мной в девятую бригаду. Остальные пусть укрепляют эту позицию. Мало ли что. Идите.

В руках у Шульца уже был автомат. Он привычно проверил оружие и спокойно закинул его за спину.

– Ну, ребята, ни пуха! – махнул он и пошел вслед за Тхан Донгом.

В это время Кашечкин с вьетнамцами уже полностью разобрал кабельную колодку и навинтил на нее крышку. Попинав для проверки скаты кабины, он вышел через пандус, достал флажки и встал посередине проема.

– Заводи!

Кашечкин поднял левую руку с флажком и сделал правой круговое движение. Водитель-вьетнамец высунулся из дверцы и поднял руку. Двигатель взревел. Огромный трехосный тягач вздрогнул и начал задом заползать в блиндаж. Кашечкин встал спереди и чуть сбоку и начал флажками направ-

лять его к сцепке. Два вьетнамца в глубине блиндажа, пыхтя и обливаясь потом, вытаскивали крюк.

– Стой! – Кашечкин поднял флажки. Тягач пошел не в том направлении. – Вперед!

Чуть помедлив, водитель подал машину вперед. Кашечкин махнул флажком, и тягач снова начал задом вползать на пандус блиндажа. И снова двигался не туда. На этот раз водитель остановился, даже не дожидаясь сигнала.

Кашечкин вскочил на широкую подножку и распахнул дверцу. И только тут заметил, что вместо их всегдашнего водителя за рулем сидит совершенно незнакомый солдат.

– Где Хон?

Водитель понял, махнул рукой.

– Ракета.

– На ракетных тягачах? Да? А тебя сюда? Так, что ли?

Водитель мелко-мелко закивал. Лоб его покрылся потом.

– Сейчас американцы прилетят, и тут такое начнется, что нам всем несдобровать! – крикнул Кашечкин и, заметив пот на лбу, добавил:

– Ты что, болен?

Вьетнамец вытер испарину и развел руками.

– Вылезай! – скомандовал Кашечкин. – Бери флажки и давай отмашку!

С этими словами он выволок вьетнамца из кабины и сам сел за руль. Выкатив машину с пандуса, Кашечкин постарался на глаз измерить положение сцепки. Включив задний ход,

он открыл дверцу и, повиснув на ней, аккуратно начал загонять армейский «ЗИЛ» в узкий проход. Один из вьетнамцев, держащих крюк, понял ситуацию и взмахами руки давал ему направление. Наконец он поднял раскрытую ладонь, и Кашечкин нажал тормоз.

Машина встала. Вьетнамцы кинулись на сцепку и начали быстро-быстро закручивать болты и затаскивать кабели. Кашечкин, знавший их ловкость, выскочил из машины и тут же начал проверять крепление.

– Готово, командира! – крикнул один из солдат.

– По машинам!

Вьетнамцы, на ходу опираясь ветки маскировки, полезли в крытый брезентом кузов. Водитель попытался, было сесть за руль, но Кашечкин не позволил.

– Иди в кузов, малярня! Потом сменишь.

Водитель убежал.

От двигателей тягачей, вытаскивающих из укрытий блоки станций и пусковые установки, стоял такой рев, что невозможно было спокойно говорить и приходилось кричать. Кашечкин дал газ, тягач с натугой вытащил кабину из блиндажа. У выезда на просеку стоял майор Гора с флажками и строил колонну.

– Майор! – Кашечкин высунулся в окно. – Водитель заболел! Я сам поведу колонну!

– Давай! – майор отмахнул флажком, и многотонный тягач, тяжело переваливаясь, пошел за легким «газиком» ко-

лонновожатого Тхан Донга, в котором сидел и сам Сорокин. Кашечкин знал, что замыкающую машину поведет Гора.

***

На вторую позицию вела дорога, в конце переходящая в специально прорубленную просеку. Ехали больше часа, двигатель перегрелся, зато хорошенько высох, и вечно сырые свечи перестали дергать. Кашечкин слегка прибавил, подтягиваясь к ведущему, и тут из леса выскочила целая толпа вьетнамцев, которые встали вдоль дороги. Не успев понять, в чем дело, Кашечкин притормозил, и только тут в сумраке леса рассмотрел огромную лужу, почти болото, через которую шла дорога.

Ведущий «газик» смело прибавил, нырнул в болотину, от него в разные стороны полетела грязь и пошел пар от двигателя. Машина села на брюхо и взвыла, забуксовав.

Тут же к застрявшей машине кинулась целая толпа вьетнамцев с шестами из толстого бамбука наперевес. Подсунув шесты под брюхо газика, они буквально на руках поволокли его вперед и вытолкнули на сухое место. Сорокин и Тхан Донг выскочили из дверей и, по колено утопая в грязи, пошли назад, к тягачу Кашечкина. Прямо за ними толпа вьетнамцев поволокла бревна, ветки и огромные листья в болотину.

– Вперед! – скомандовал Сорокин, подбегая к тягачу.

– Не пройдет! – с сомнением покачал головой Кашечкин.

– Вперед! Они выволокут!

Кашечкин дал полный газ и на пониженной передаче повел тягач в мерзкую жижу. Машина клюнула носом, он почувствовал, что колеса проворачиваются, не находя опоры.

И тут же под машину засунули шесты. Хрипя от натуги, мокрые, потные, грязные, маленькие узкоглазые солдаты налегали на рычаги. Кашечкин осторожно манипулировал газом, и тягач ревел, хрипел, буксовал, но полз вперед.

– Ну же, ну! – подбадривал его Кашечкин, вцепившись в руль. – Давай, давай! Там наши погибают, им помочь надо.

И, будто слушая его, тягач полз вперед. Маленькие, похожие на детей солдаты ломami, руками и палками волокли двенадцатитонную сцепку через болото на своих плечах. Кашечкин вел эту гору железа, следя в зеркало за прицепом. Его операторы выскочили из кузова и тоже месили грязь.

Наконец тягач выполз на сухое место, и Кашечкин попытался вылезти, чтобы помочь остальным.

– Куда! – Сорокин, весь в грязи, стоял рядом. – Тхан Донг, Кашечкин, по местам. Вперед!

– Давайте двумя тягачами потянем! – предложил Кашечкин.

– Некогда. Вперед, разворачивать позицию, пока нас не ждут. Время!

– Есть!

Кашечкин вернулся на место.

– Готов! – закричал он и махнул Тхан Донгу. Колонновожатый тронулся. Кашечкин за ним. На сухое место с ревом вылезал еще один тягач. Колонна, не снижая скорости, шла дальше. И эту скорость, как все понимали, давали ей маленькие трудолюбивые вьетнамские солдаты и крестьяне, на руках переносившие тягачи.

***

Рузаев услышал сухой треск «Калашникова», доносящийся снизу. Ему ответило харканье американских М-16. Еще выстрелы. Глухо хлопнула граната, еще одна.

Рузаев осторожно пополз на выстрелы. Маленький солдат вел свой последний бой, уводя «коммандос» от командира. Одного десантника он поразил насмерть, почти в упор, подкравшись к нему в кустах. Два других обошли его и спокойно, методично забросали гранатами. Все было кончено.

Рузаев потянулся к кобуре и замер. Десантники, маскируясь, мелкими перебежками двинулись вперед. Янки старались соблюдать тишину, двигались, используя укрытия, видимые среди кустов нижнего яруса. Но вот только Рузаев, наблюдая эту картину сзади, хорошо видел их спины, украшенные громоздкими ранцами и каски, в которые для маскировки были воткнуты ветки. И совсем уж нелепо выглядели черные очки, плотно насаженные на переносицу одного из янки.

Американцы подбежали к оставленному пулемету, посмотрели вниз, на обломки вертолета и, о чем-то недолго посоветовавшись, направились вниз. Они двинулись в сторону Рузаева, так и не видя его, и на своем пути должны были пройти совсем близко.

Рузаев осторожно вытащил свой любимый, верный, пристрелянный, еще военных времен, «ТТ», аккуратно сдул соринку с рукоятки и передернул затвор. Затем он пристроился к развилке сучьев и пару раз глубоко вздохнул, успокаивая биение сердца. Американцы двигались чуть в стороне от него. Они быстро приближались. Наконец, первый янки пробежал метрах в тридцати, зорко оглядываясь по сторонам, залег и замаскировался, выставив довольно толстый зад. Второй двинулся чуть дальше, немного пробежал и прижался к стволу дерева, повернувшись спиной к Рузаеву. До него было далеко, с полсотни метров, но Рузаев верил своему пистолету и не имел предрассудков. Он глубоко вздохнул, ласково обнял ребристую рукоять и нежно-нежно нажал спуск. Раздался выстрел, отдача сбила прицел. Рузаев снова выдохнул и выстрелил еще раз. Десантник дернулся, выронил автомат и медленно упал на землю. Его напарник, длинноволосый, растрепанный, вскочил, сорвал темные очки и начал дико озираться. Рузаев прижался к дереву и замер, не дыша и прикрыв глаза, чтобы их блеск не выдал его. Выждав немного, Рузаев осторожно выглянул из укрытия и, наконец, разглядел лицо противника. Американец бестолково крутил

головой и стоял столбом, забыв всю свою выучку. Это был совсем молодой парень, почти мальчик, мускулистый и загорелый. Красивые сильные руки сжимали ложе автоматической винтовки. Лицо его, с темными печальными глазами, показалось Рузаеву каким-то чужим и холодным. Это было лицо, лишенное мелких черт вьетнамца или мягкости русского. Это было породистое лицо с квадратной челюстью, с обложки дорогого журнала.

Рузаев поднял пистолет и снова тщательно прицелился. На этот раз цель была ближе, но и условия стрельбы сложнее. И все же Рузаев выстрелил.

Пуля попала точно в плечо. Глаза американца расширились, он выронил оружие и со стоном осел в кусты. Рузаев бросился к нему. Янки лежал без сознания. Рузаев потянул рукав рубахи, перевернул того на спину и осмотрел. Кровь обильно текла из простреленного плеча. Рузаев заломил здоровую руку за спину и притянул ремнем. Ткань рубахи американца была плотная, крепкая, чистый хлопок. Рузаев оторвал рукав, разорвал его вдоль и привычно и ловко начал перевязывать матерчатыми лентами раненое плечо. Американец очнулся и застонал. Испуганно и недовольно он посмотрел на Рузаева, а затем что-то быстро залопотал на своем языке.

– Да тише ты! – Рузаев постарался ту же затянуть повязку. Американец застонал и снова что-то залопотал.

– Тише ты, ... – Рузаев покрыл его матом.

– Oh, God²⁵! – американец замер.

– Дошло, ...? – Рузаев выругался еще раз.

Американец кинул взгляд на перевязанное плечо, на Рузаева, и вздохнул. Потом потянулся ногой к отброшенному в сторону ранцу, толкнул его, и начал что-то быстро говорить, указывая глазами то на ранец, то на свое плечо.

– Чего? – Рузаев не понял.

Американец вновь толкнул рюкзак и поддел носком ботинка его карман. Рузаев залез в карман и вынул оттуда белый пенал с красным крестом.

– Аптечка! – догадался Рузаев. – Ну что ж, ладно.

Он разорвал плотный пакет с ватной подушкой и бинтами, и перебинтовал руку. Американец стонал и морщился. Наконец, Рузаев закончил и только тут почувствовал, что лоб невыносимо саднит. Он поднес руку ко лбу и убедился, что тот весь в крови. Оторвав остатки бинта американца, он промокнул рану. Кровь шла, но не сильно.

– Так, – Рузаев вытряхнул все содержимое аптечки. Бинтов больше не было, зато был пузырек со спиртом.

Тихо матерясь, Рузаев оторвал рукав у своей рубахи, густо смочил его спиртом, и начал заматывать голову. Американец молча смотрел на него, пока тот не закончил.

– Вставай, – толкнул его Рузаев, многозначительно вытащив пистолет из кобуры. – Пошли.

Американец встал, и злобно оглядываясь, двинулся впе-

---

²⁵ О, боже! (англ.)

ред, под конвоем едва шагавшего полковника.

– Летчика упустил, так хоть тебя приведу, – бормотал он, – шагай давай.

***

Если бы не вожатый, Кашечкин никогда бы не нашел новую позицию. Просека просто заканчивалась в джунглях, и все. Мастера маскировки, вьетнамцы создали нечто феноменальное. Места под технику, установки, кабины – все это было вырублено так, что стволы деревьев отсутствовали, а их кроны оставались на месте. Единственное, чем эта позиция была хуже, так это отсутствием блиндажей.

Повинуясь флажкам вьетнамца, оборудовавшего площадку, Кашечкин развернул тягач и поставил его между двумя кольшками. В результате кабина встала точно на свое место. Сзади тяжело гудели другие машины. Колонна втягивалась на позицию.

Кашечкин выскочил из машины и похлопал по бортам кузова. Вьетнамцы горохом посыпались наружу и тут же кинулись к сцепке, но подбежавший Тхан Донг остановил их.

– В чем дело? – Кашечкин торопился, понимая, что дорога каждая секунда.

– Включайца! – Тхан Донг смотрел на Кашечкина.

– Надо расцепить, достать кабели! Сами же знаете.

– Не надо кабели, – замахал руками Тхан Донг. – Включо-

цайца!

С этими словами он нырнул под прицеп и начал расшвыривать кучу огромных листьев, которая оказалась точно под сцепкой. Два оператора бросились к нему и выволокли прямо из-под земли конец кабеля, который тут же начали накручивать на место. Тхан Донг что-то объяснил солдатам, и они кинулись разгребать другие кучи листьев под установками и вытаскивать из них оголовки соединителей.

– У вас тут уже кабели разложены? Да? – догадался Кашечкин.

– Да. Быстрее! – кивнул Тхан Донг.

– И где они?

– Здесья! – Тхан Донг топнул ногой о землю.

– Лейтенант Кашечкин! – к ним подбежал Сорокин.

– Вы видели? Они кабели заранее в землю зарыли! – Кашечкин показал на уже готовое соединение.

– Да. Идите, запускайте дизеля и включайте питание. Ускоренный запуск!

– Есть дизеля!

И в этот момент над ними с ревом пронеслось звено «Фантомов». Кашечкин невольно посмотрел им вслед.

– Сейчас они нас утюжить будут! – усмехнулся Сорокин.

– Нас? – Кашечкин остановился.

– Ну не нас, конечно. Старую позицию. Я там ложный генератор оставил, так что они даже сигнал видят.

За лесом гулко лопнул разрыв. Затем загремело так, что

пошел звон.

– Молодцы! – одобрил Сорокин. – Прицельное бомбометание называется. Все по уставу. Жаль, нам их на возвращении взять нечем! Лейтенант Кашечкин, вы все еще здесь? Бегом к дизелям!

– Есть!

Кашечкин побежал к кабине, только что занявшей свое место, и ногами чувствовал колебания почвы. Американцы четко, мощно и безжалостно бомбили ложную позицию. Полковник Сорокин в экстремальном темпе разворачивал станцию, понимая, что эта четверка все равно уйдет безнаказанной.

Глава 23. О том, как Кашечкин принял участие в Апокалипсисе, и что из этого вышло

И злодея слезам

Не давали остыть,

И прекраснейших дам

Обещали любить;

И, друзей успокоив

И близких любя,

Мы на роли героев

Вводили себя.

В.Высоцкий

– Давай, шагай, быстрее!

Рузаев для острастки погрозил Сильвестру поставленным

на предохранитель пистолетом. Тот споткнулся. От страха и боли у него мутилось в голове.

– Я американский гражданин! Я требую, чтобы со мной обращались в соответствии с Женевской конвенцией, как с военнопленным!

– Кончай лопотать! Двигай, – Рузаев с удовольствием ткнул его стволом в толстый зад. Макарони намек понял и прибавил.

Измученный Рузаев ходко поспешал за ним. Глаза застилала кровь из открывшейся раны, но он не останавливался. Когда Сильвестр сбивался с темпа, Рузаев тыкал его в бок пистолетом.

– Давай, давай, немного осталось! – подбодрил он бывшего рейнджера, а ныне пленного рядового Сильвестра Макарони.

Так американец, подгоняемый пинками и тычками, а за ним и русский, вышли на поляну возле скалы Вэй. Увидев эту парочку, вьетнамцы, сидевшие у скалы, вскочили с дикими криками.

Сильвестр заметил толпу похожих на обезьянок вьетнамцев, которые закричали, при виде него. На него надвинулись мужчины и женщины, страшные, окровавленные, обожженные, в каких-то рваных лохмотьях. Вид свежих кровавых ран был омерзителен. Крик резок и неприятен. Скрюченные руки тянулись к нему, и Макарони понял, что это его сейчас порвут в клочья. Он громко взвизгнул и спрятался за спину

русского.

– Стой! – закричал Рузаев. – А ну, все назад!

Толпа отхлынула и замерла, но продолжала кричать. Вперед, к Рузаеву, вышла женщина. На руках она держала мертвого ребенка. Она двумя руками подняла ребенка, показывая его Рузаеву, и начала что-то быстро говорить, кивая в сторону Макарони.

– Нет! Нельзя, он пленный!

Рузаев сделал шаг, пытаясь загородить Сильвестра, который с ужасом смотрел на женщину. Крестьяне зашумели сильнее и снова начали приближаться. Ком грязи пролетел в воздухе и шмякнулся Сильвестру прямо в лицо. Тот вскрикнул и отвернулся. Вьетнамцы окружали их плотным кольцом.

– Назад! – Рузаев выхватил пистолет и два раза выстрелил в воздух.

– Что за стрельба, Георгий Семенович? Что здесь происходит? – сквозь толпу протискивался Шульц, раздвигая людей стволом автомата. За ним следовал взвод вьетнамцев. Лицо Шульца потемнело от копоти, рукав был прожжен.

– Товарищ Шульц! – обрадовался Рузаев и почувствовал, как силы покидают его, а ноги подгибаются.

– Георгий Семенович, вы ранены? – Шульц осторожно усадил его на землю.

– Легко. Пленного возьмите.

– О, вот это добыча! – обрадовался Шульц и что-то при-

казал солдатам. Вьетнамцы схватили перепуганного Сильвестра и повели его в лес.

– Поосторожнее с ним! – крикнул Шульц вдогонку, – перевяжите получше и без меня не допрашивайте!

– Ну? – Рузаев вопросительно посмотрел на Шульца.

– Полный разгром. Всего десанта. Правда, и у нас потери большие.

– А как дивизион?

– Три самолета сбили. Два на старой позиции и один на новой. И ни царапины ни у кого!

– Жалко, летчик ушел...

– И летчика одного в плен взяли! Спасибо тебе.

Шульц двумя пальцами взял руку Рузаева, сжал ее и держал.

– Спасибо.

– Служу Советскому Союзу, – слабо ответил Рузаев.

– Полный разгром, – повторил Шульц. – Мы им так вломили, что они теперь неделю летать не смогут!

– Не горюй, у немцев это не последний самолет, – процитировал Рузаев.

– Шутите? Значит, все в порядке. Пошли! – Шульц закинул автомат за спину, обнял Рузаева и помог ему подняться. Так, обнявшись, они и пошли к санитарной машине.

Новая позиция кипела и бурлила движением. Вьетнамцы дружно трудились. Самую тяжелую работу по рубке и раскорчевке леса, рытью укрытий и прокладке просеки выполнили добровольцы крестьяне из соседних деревень. Сделав свое дело, они уже разошлись по своим домам. После прибытия дивизиона солдаты освободительной армии под руководством операторов готовили аппаратуру. Вдвоем, втроем, они тянули тяжелые сцепки и оголовки кабелей, ловко ставя их на место. Заняли свое место пусковые станки, и к ним сразу подтянулись транспортно-заряжающие машины. Сорокин вздохнул – ракет осталось только четыре.

Кашечкин подбежал к дизель-генераторам, проверил соединения, прошел вдоль кабеля и внимательно осмотрел работу солдат. Дизеля загудели, хлопнули и с громом и дымом начали работать. Развернулась антенна, ожили пусковые установки.

Вьетнамцы работали как бешеные. Они устали, пот катил с них градом. Тхан Донг метался по позиции, стараясь использовать каждую пару рук. Кашечкин тоже устал, но виду не подавал. Глядя на этих неутомимых тружеников, он стыдился выказать слабость.

– По местам! – раздалась команда Сорокина.

Еле волоча ноги, весь мокрый, Кашечкин влез в кабину

управления и сел на свой табурет. Щелкнув тумблерами, он включил и прогрел аппаратуру, а затем плавно повел антенну, прощупывая горизонт.

– Командир! Цель курсом один-три-ноль! Одиночная, высотная!

Сорокин вбежал и сел. Быстро заняли свои места Гора и операторы. Кашечкин спиной почувствовал установление боевого ритма, но оторваться от экранов уже не мог.

– Есть две цели. Цель номер один – постановщик активных помех вне зоны поражения. Цель номер два – крупная неидентифицируемая, идет на нас.

– Помехи?

– Цель скрыта не полностью. Командир, это что же за чудище такое летит?

Кашечкин, не отрываясь, следил за огромной зеленой за светкой, которую не скрывали даже помехи прикрытия.

– Это стратегический бомбардировщик послали, – заметил Сорокин, – Новейший Б-52! Но, похоже, он не на нас заходит.

– Что будем делать?

– Перехватываем! Работаем по схеме три! – принял решение Сорокин. – Он идет на вторую ложную позицию.

***

Шульц подошел к санитарной машине, как вдруг Рузаев

остановился и прислушался. Высоко в небе полз тяжелый гул, несравнимый ни с визгом «Фантомов», ни с гудением «Геркулесов».

– Что? – Шульц тоже прислушался.

– Стратегический идет. На наших.

– Это опасно?

– Да, – Рузаев кивнул, – опасно. Теперь Сорокину надо позаботиться о своей жизни.

– Они собирались перебазироваться. Должны успеть.

С тяжелым гулом бомбардировщик прошел на большой высоте прямо над их головами, невидимый из-за покрывала леса. Затем звук изменился.

– Разворачивается, – заметил Рузаев. – Сейчас начнется.

Даже смягченный расстоянием, грохот взрыва был впечатляющим. Вдрогнула земля.

– Знаешь, если бы я умел, – тихо сказал Рузаев, – я бы помолился.

– Не положено. Надо воевать, – спокойно ответил Шульц. – Пойду, вызову их по радиии.

– Подожди, не надо. Не мешай. У них сейчас самая работа, – остановил его Рузаев.

***

На экране локатора Кашечкин четко видел заход бомбардировщика на цель. Видел он, как противорадарные ракеты

ударил по второй ложной позиции, а затем Б-52 начал снижение.

Даже в кабине Кашечкин слышал грохот взрывов и почувствовал сотрясение. Операторы переглянулись, но продолжали работу. Кашечкин вел цель, готовый передать ее на сопровождение.

– Выходит с боевого курса! Приготовиться к стрельбе! –
скомандовал Сорокин.

– Есть! Пуск!

Гора выстрелил двумя ракетами, с коротким интервалом.

– Есть подрыв первой! Подрыв второй! Есть попадание!

– Сколько попаданий?

– Одно!

– Летит?

– Летит, товарищ подполковник!

– А попадание было?

– Да, было.

– Курс?

– Курс два-ноль-два.

– На нас повернул, значит. Незадача получилась. – Сорокин поежился.

Операторы снова переглянулись и дисциплинированно склонились над экранами.

– Еще ракету! Держать сопровождение!

Еще одна ракета пошла навстречу стремительно приближающемуся самолету. Внезапно на экране возникла вспышка

ка.

– «Шрайк» пошел! – закричал Кашечкин.

Специальная ракета, чувствующая излучение станции, понеслась на них.

– Выключай антенну! – скомандовал Сорокин. – Ложную цель!

– Не развернули ложную цель! Не успели!

– В укрытие! – Сорокин нажал кнопку сирены.

Операторы, как кузнечики, сиганули в открытую дверь. Кашечкин бросился за ними, добежал до окопа и, не глядя, прыгнул в него. Приземлился он удачно, прямо на операторов-вьетнамцев, успевших спрятаться раньше. Сверху их придавил Гора. Сорокин опустил ноги на дно, не задев никого. По всей позиции, как тараканы, разбегались солдаты.

И тут грохнуло так, что в ушах зазвенело. Со свистом над головами пролетели осколки, а затем с неба посыпалась земля, обломки дерева и что-то невероятно вонючее и гадкое.

– Отбой! – Сорокин вылез из окопа, стряхивая с себя вонючую жижу. В небе над ними с гулом прошел бомбардировщик. Сорокин оглянулся.

– Ракетой ударил. Хорошо что прицелиться не смог и бомбы не сыпанул.

– Что за гадость? – Кашечкин с недоумением осмотрел пятна мерзкой жижи на своей гимнастерке.

– Не о том думаете, лейтенант. Кабина цела?

– Цела! Ракета туда попала! – Кашечкин показал рукой на дымящуюся воронку. Рядом с ней валялись мощные бетонные обломки.

– Тхан Донг! – окликнул Сорокин. – Отбой! По местам!

– Да! – Тхан Донг вылез из окопа. Из других противоздушных щелей начали быстро выбираться остальные солдаты.

– Все целы?

– Целы! – отозвался Тхан Донг.

– А там у нас что было? – кивнул Сорокин на дымящуюся воронку.

– Там? Там туалет был.

– Так, замечательно! – Кашечкин начал быстро-быстро вытираться. – А бетона зачем столько?

– Вы же, русские, любите закрытые туалеты! – радостно ответил Тхан Донг.

– И теперь этот бронированный уловитель дерьма спас нам технику, – отметил появившийся на поверхности Гора. Он единственный оказался чистым.

– По местам! – скомандовал Сорокин. – Он сейчас вернется. Осталась последняя ракета.

И тут снова хлынул дождь.

***

Полковник Хантер с трудом вел самолет, пытаясь удерж-

жать его на курсе. Пятый и шестой двигатели, пробитые осколками, заглохли и воспламенились, автоматика пыталась подавить начинающийся пожар. Бортинженер и второй пилот выравнивали тягу двигателей, но пока им это плохо удавалось, и пятидесятитонная громада рыскала, как крыса на помойке. Хотя смертельных повреждений не было и заход можно еще повторить.

Хантер переключил наушники и прислушался. В эфире царило безмолвие. ЗРК не пел, его антенна молчала.

– Командир, что будем делать? Еще заход?

Хантер задумался. «Шрайки» кончились, но запас фугасов еще остался. Самолет управлялся плохо, но и зенитный комплекс, конечно, пострадал. Неплохо бы развернуться и вывалить на него пару кассет с бомбами. Для зачистки.

– Поворот четыре! – скомандовал Хантер, все еще колеблясь.

И тут его наушник защелкал. Пачка быстрых щелчков. Пауза. Пачка щелчков. Тишина. А двигатели перегревались. А давление в гидравлике падало.

– Дерьмо! – Выругался Хантер. – Все дерьмо! Курс двести. Уходим.

***

Сорокин сел на свое место и пощелкал тумблерами.

– Кашечкин, внимание! Включаем мощность и быстро

осматриваемся. Осталась последняя ракета. Быстрый обзор горизонта.

– Есть! – отозвался Кашечкин

– Командир, а может, не надо? – уточнил Гора.

– Надо. Они вернутся. Они не дураки и не тусы.

Кашечкин быстро поднял антенну и повел ее по кругу. На экране вспыхнула засветка.

– Есть координаты! Выключаю! – Кашечкин мгновенно снял мощность, пытаясь сбить американца со следа.

– Подождем, – кивнул Сорокин, засекая время.

Через полминуты Кашечкин снова включил антенну.

– Курс один-два-два! – доложил он.

– Точно?

– Ошибка исключена.

– Уходит! – Гора стукнул кулаком. – Уходит, гад!

– Кашечкин, еще раз! – Сорокин расслабился.

– Курс прежний.

– Нервы у америкоса не выдержали, – усмехнулся Сорокин. – Отбой. Я подежурю, остальным отдыхать.

– Матч закончился со счетом ноль-ноль, – заметил Кашечкин, вставая со своего места.

– Скорее, один-один, – мрачно уточнил Гора и колупнул пальцем вмятину от осколка на внешней стороне двери, – и еще продолжение будет.

Однако на этот раз продолжения не последовало. Ночью пришел новый приказ, и дивизион Сорокина вместе с пол-

ком начал перебазирование. Кашечкин с ними не поехал, – его срочно вызвали в Ханой.

***

– Ну, здравствуйте, лейтенант Кашечкин! – Шульц встретил его сильным рукопожатием. – Очень рад вас видеть живым и невредимым.

– Здравия желаю, – Кашечкин отдал честь и с удовольствием пожал руку Шульца.

– Наслышан о ваших подвигах, наслышан. Молодцы! Вьетнамцы только о вас и говорят. По радио передают о ваших успехах. И все требуют, требуют... Черти бы их драли!

– Чего требуют? – удивился Кашечкин.

– Как чего? Увеличения помощи. – Шульц взял со стола лист, – «...просим увеличить поддержку наступления частей народно-освободительной армии на южном направлении». Или вот: «...просим оказать расширенную помощь в реорганизации противовоздушной обороны городов Ханоя и Хайфона». Кстати, затем тебя и вызвали. Тут намечается визит американского президента в Москву. Будут вестись переговоры о прекращении войны и выводе войск. Так вот, по данным нашей разведки, американцы хотят оказать давление на нашу сторону и готовят образцово-показательный прорыв обороны. Как немцы Москву в июле штурмовали. Помнишь небось?

– Не помню, – признался Кашечкин, – я тогда маленький был.

– Немцы в войну первым делом столицу с воздуха громили. Всю авиацию в бой бросали и устраивали показательную бомбежку. Мадрид бомбили, Лондон бомбили. А вот Москву не смогли. А знаешь, почему немцы не бомбили Москву в войну?

– Применение средств ПВО! – отрапортовал Кашечкин.

– Правильно, – заметил Шульц. – Твой друг Рузаев не дал. Георгий Семенович был против, вот они и не бомбили. Кстати, снова поступаешь под его командование. Доволен?

– Доволен. Товарищ полковник – замечательный командир.

– Добро. Вот его вьетнамские товарищи и хотят видеть в числе специалистов по защите Ханоя. Они все хотят и хотят, требуют и требуют. Вооружения хотят, людей, инструкторов... Кругом требования. Вот, например...

Шульц повернулся к столу и взял с него зеленую папку.

«Командование народно-освободительной армии выражает благодарность лейтенанту Василию Семеновичу Кашечкину...» – начал читать Шульц, – Нет, это не то. Это они орден тебе требуют. Такой же, как у Рузаева. Впрочем, я отвлекся.

– Орден? – Кашечкин оторопело посмотрел на Шульца.

– Ну да. Я поддержал. Но не задирай нос, приказа еще не было.

– Мне, орден?

– Тебе. По просьбе вьетнамских товарищей и по моему личному ходатайству. Кстати, Рузаеву вчера орден Красной Звезды вручили. Не знал? Вчера его все поздравляли, но и сегодня тоже поздравить можно. Так вот, товарищи награжденные и представленные, дело в том, что битва за небо еще далеко не закончена. Ожидается воздушный штурм столицы социалистического Вьетнама по тому самому плану и методу, которые предназначались для Москвы. Знаешь ли ты, любезный друг, что американцами уже разработан план атомной бомбардировки Москвы, и на полном серьезе решают, удастся им этот план или нет. Атака силами стратегической авиации. Думаю, ты с этими силами познакомился?

– Так точно, – ответил Кашечкин. – Позавчера имел контакт.

– Слышал, – кивнул Шульц. – Ну и как результат?

– Один-один, – вспомнил Кашечкин шутку Горы.

– То есть? – не понял Шульц.

– Слегка мы их, слегка они нас.

– Да. Там вы были один на один. А здесь будет столкновение армий, стратегической авиации США и Советских ракетных войск. Знаешь, что мы на линии Ханой-Хайфон организуем эшелонированную оборону, как вокруг Москвы? Это тайна. И сюрприз.

– Думаете, будет большое сражение?

– Будет, – кивнул Шульц. – Американцы, пока не проиг-

рают, за стол переговоров не сядут. Знаешь, кто должен должен окончательно сбить с них спесь?

Кашечкин промолчал.

– Ты. Вы с Рузаевым. И еще два десятка советских специалистов. Поэтому приказываю...

И тут дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял Рузаев.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – твердо отрапортовал он.

– Здравствуйте! Вот, возвращаю вам подчиненного.

Рузаев подошел к Кашечкину, молча и крепко обнял его. С минуту они стояли молча, обнявшись. Грудь Кашечкина уколол новый орден.

– С наградой вас! – Кашечкин отстранился и посмотрел на рубиновую звезду.

– А, это! Да, я теперь при ордене.

– Заслуженно, заслуженно! – кивнул Шульц, – снова отличились! Теперь пленного взяли!

– Кстати, его допросили? – поинтересовался Рузаев.

– Ага, допросили! – Шульц усмехнулся, – потрясающая личность. Говорит только свое имя и табельный номер.

– Им так положено. В плену называть только свое имя. И ничего больше.

– Нет, – Шульц помотал головой, – этот бы и еще что-нибудь сказал, если бы знал!

– Почему вы так думаете?

– Да вот товарищ Тхи Лан его все же разговорил. Он и номер части назвал, и перемещения ее описал. А дальше ничего сказать не может. Где бой был, спрашиваем, у какой реки? Молчит.

– Скрывает?

– Нет! Не знает! Вообще географии не знает! Представьте себе, воюет во Вьетнаме, а в каком полушарии этот самый Вьетнам находится – не знает. Карту читать не умеет. Считать до ста и писать, конечно, может. А вот попросил я его 120 на 4 разделить, так это он уже затрудняется. Говорит, колледж не кончал.

– Может, притворяется? – удивился Рузаев, – может, с ним пожестче надо?

– Ну да, – снова усмехнулся Шульц, – конечно! Он тут, знаете, на что жалобу подал? На то, что его, американца, содержат так же, как местного жителя. Что паек у него не как у американского солдата, а как у солдата вьетнамского. А голодом морить пленных, мол, негуманно. Издевательства над пленными запрещены.

– А он действительно голодает?

– Как мы с тобой. Получает нормальный паек риса и хлеба, и орет, что сдохнет без гамбургеров и колы. Вьетнамцам надоело его допрашивать, так они его и послали на восстановительные работы. Как мы немцев после войны. Пусть восстановит то, что разрушил. Знаешь ведь, что их пленные о зверствах вьетнамцев все уши прожужжали. Мол, работать

их заставляют, как вьетнамских крестьян, и кормят, как сами вьетнамцы питаются. Жестокость чудовищная.

– Это называется трудовым воспитанием, – заметил Кашечкин.

– Теперь полковник Рузаев не только герой, но и воспитатель.

– Хотел я тут вам, Георгий Семенович, боевую задачу поставить, да, наверное, сейчас не время, – усмехнулся Шульц, – Этот юноша собирался вас поздравить.

– Добро, – кивнул Рузаев, – пошли ко мне. У меня немного жидкости осталось. Герман Генрихович, идемте с нами.

– Не могу, – развел руками Шульц, – меня полковник Тхи Лан дожидается. И опять об увеличении поставок говорить будет.

– Знаете что, – усмехнулся Рузаев, – у меня есть идея отвлекающего маневра. Тхи Лан не устоит...

***

Ровно через час в гостиничном номере Рузаева собрались четыре офицера, три советских и один вьетнамский. Они выпили. Сначала за орден Рузаева. Затем за то, чтобы орден получил Кашечкин. Затем закусили. Затем выпили за мир во всем мире. Затем еще раз закусили и снова налили.

– Ну, товарищи, давайте выпьем за то, чтобы все остались живы, – предложил Шульц.

– Да вы что, разве это тост? – удивился Рузаев.

– А как надо, по-вашему?

– За победу. За нашу победу! За победу нашей великой Родины!

– Ну да, это все патетика! – усмехнулся Шульц. – До Союза тысячи километров. Позади все же Ханой, а не Москва.

– Ошибаетесь, – Рузаев отставил стакан с водкой в сторону. – Ошибаетесь. Мы сейчас и Москву защищаем, и Ленинград, и Киев, и всю Россию. Если мы сейчас не покажем им силу нашего оружия, после Ханоя будет Москва. Поднять воздушную армаду с атомными бомбами, и вперед. Они сейчас на примере Ханоя проверяют нас и попробуют план уничтожения Москвы. А а мы покажем, что ни один их самолет до Москвы не долетит. Ни один. Как этот!

С этими словами он расстегнул планшет и выкинул на стол кусочек рваного дюраля, который жалобно звякнул, упав на стол.

– Что это? – удивился Кашечкин.

– Это Пауэрс. На память лично для меня. А для них, – Рузаев показал на небо, явно намекая на американцев, – у нас в музее Советской армии еще один такой же лежит. Будешь в Москве, сходи, полюбопытствуй. На долгую-долгую память. Чтобы им война эта ночами в кошмарных снах снилась, чтобы забыть ее не могли. Чтобы помнили, что получается из попыток завоевать мировое господство. Чтобы пятьдесят лет потом внукам своим о ней рассказывали, книжки писали и

фильмы снимали.

Кашечкин усмехнулся.

– Вон какая война была, вторая мировая, сколько людей погибло. А у них в фильмах Америка героически победила всех, причем без особых усилий.

– Так они почти не воевали, – покачал головой Рузаев. – А здесь мы их гордости, их силе, флоту и авиации так прикурить дали, что пехота на своей шкуре это прочувствовала. Их здесь так проняло, что они Вьетнам долго помнить будут.

– А вы правы! – Шульц обнял за плечи Рузаева и Кашечкина и подмигнул внимательно слушавшему Тхи Лану. – Вот пройдет лет двадцать...

– И пойдем мы в кино смотреть американский фильм о вьетнамской войне... – продолжил слегка охмелевший от тепла и уюта Рузаев.

– И покажут нам в этом фильме, как Сильвестр Макарони русских пачками побеждал! – захохотал Шульц.

– Да вы что? Они покажут, как ужасна война.

– Никогда в жизни не покажут они, как мы тут их влет, как куропаток, бах-бах!

– И ведь никто из наших пока не погиб, – покачал головой Рузаев. – Сколько сбито американцев, сколько их в плену, и ни одного нашего.

– Вот что, с этими разговорами мы и водку забыли! – хлопнул его по плечу Шульц. – А пить в таком случае надо за то, чтобы все живы остались. Эй, парень, не спи!

Кашечкин поднял голову, взял свой стакан и они дружно, со звоном чокнулись, затем выпили.

– Нам дороги эти позабыть нельзя... – затянул Рузаев. Шульц подпел, и они с чувством исполнили эту старую военную песню. Кашечкин и Тхи Лан молча смотрели на них.

– Память – великая вещь! – Шульц налил еще по полстакана. – Помнить надо все.

– Войну мы все помним. И гражданскую, и Отечественную! – заметил Кашечкин. – И об этой войне всем расскажем!

– Ты не забывай, что подписку о неразглашении давал, – остановил его Шульц.

– Война в Испании тоже секретная была. А все ее помнят.

– Эту тоже запомнят, – кивнул Шульц. – Только не мы, а американцы. И знаешь, о чем они будут рассказывать?

– О том, что на Москву летать нельзя. Что ни один не долетит. Что репетиция третьей мировой сорвалась! – заявил Кашечкин.

– О том, что полковник Рузаев пинками гнал этого Сильвестра Макарони по вьетнамскому селу! – отметил Шульц.

– Вьетнамский народ благодарный. Он не забудет! – подал голос Тхи Лан.

– Во, еще тост! За вьетнамский народ!

– Ура!

Они снова выпили. И снова запели:

Нерушимой стеной

Обороны стальной

Сокрушим, уничтожим врага...

Три русских офицера пели, а пожилой вьетнамец, не знавший слов, мелодично мычал в такт и музыкально стучал ложкой по стакану.

***

Утром Кашечкину было худо. Правда, и ночью ему тоже было не очень хорошо. Вместо приятного расслабляющего сна в голову лезли кошмары. То он сидел за пультом, а с экрана на него летел самолет и стрелял. То ему снились джунгли, то Шульц, и в каждом сне присутствовали кнопки, тумблеры, маховички и манипуляторы, и отчаянные попытки вычислить скорость цели. Кашечкин потел, просыпался, пил противную теплую воду из графина и снова пытался заснуть. Снова приходили дурацкие сны. Утро принесло испарину, дрожащие руки и больную голову. Хорошо, что гуманный Шульц на сутки отложил его отбытие на позиции.

Кашечкин лежал в полудреме. Голова болела, глаза ломило. Он расслабился и мысленно взялся за бумагу и карандаш, как он уже делал это много раз.

«Здравствуй, дорогая Света! – мысленно начал писать он. – Давно мы не виделись. Как там Москва? Наверное, цветет и хорошеет? Если бы ты знала, как я люблю тебя, как мне хочется с тобой увидеться, обнять тебя и поцеловать. Тебе будет хорошо со мной. Я здесь узнал много нового и многому научился от нашей вьетнамской переводчицы...»

– Ой, что-то не то! – Кашечкин мысленно стер эти строки и написал иначе:

«Конечно, здесь настоящая война и мне очень трудно. Постоянно рискуем жизнью. Недавно был очень тяжелый бой, и меня за него представили к ордену.

Я очень благодарен твоему отцу...»

Кашечкин поежился, но глаза не открыл и продолжил:

«...Очень благодарен твоему отцу за то, что он помог мне попасть сюда и испытать свое мужество. Когда я вернусь, то получу хорошую должность, куплю машину, и мы с тобой поженимся. Я очень, очень люблю тебя и с нетерпением жду встречи».

Кашечкин вздохнул, поставил точку и открыл глаза. По телу разлилась приятная истома. Он встал и пошел умываться.

Побрившись, Кашечкин надел парадную форму и вышел на улицу. Там было ветрено, и он пошел вперед, с завистью глядя на велосипеды и рикш. И только тут он понял, куда идет. Он свернул по памяти, и попал на улицу, превращенную в небольшой базарчик. Прямо на земле, расстелив ци-

новки, сидели вьетнамцы в широких конических шляпах и смотрели на нехитрый товар, разложенный на земле или на циновках. В основном это была еда – фрукты, частью знакомые, частью неизвестные Кашечкину.

Увидев советского офицера, все торговцы вежливо закивали и начали что-то быстро говорить, обращаясь и к нему, и друг к другу одновременно.

Вообще-то Кашечкин, бывая во вьетнамских городах, привык к знакам внимания. Чем дольше шла война, тем больше любили русских вьетнамцы. На улицах простые жители толпами ходили за офицерами, просто глядя на них. Теперь, после успехов в отражении налетов, Кашечкин не раз видел полные обожания глаза детей, женщин и мужчин, остановившихся, чтобы посмотреть на него.

Вот и здесь Кашечкин, стараясь ответить на все приветствия, кивнул и хотел пройти мимо, но потом замедлил шаг, решив, что нужен все же какой-нибудь подарок. Правильно поняв его жест, торговцы вскочили, подбежали, окружили его. Они тараторили хором и протягивали ему фрукты, овощи, сандалии, соломенные шляпы и расписанный розами китайский термос.

– Лиен Со, Лиен Со! – только и слышал Кашечкин в гуле голосов.

Неожиданно кто-то тихонько потянул его сзади за китель. Кашечкин оглянулся и увидел подростка, который во все глаза смотрел на него.

Один из вьетнамцев, расталкивая остальных, сунул прямо в руки Кашечкину сверток бамбуковой соломки и отбежал на три шага. Кашечкин развернул его и увидел яркие цветы на синем фоне, нарисованные на маленькой бамбуковой ширмочке. Кашечкин сунул руку в карман и вытащил десять донгов – все, что у него осталось. Он протянул деньги вьетнамцу. Тот взял их и замер, глядя прямо на Кашечкина.

– А нет у меня больше, – пожал плечами Кашечкин. – Больше нет!

С этими словами он свернул ширмочку и протянул ее вьетнамцу, пытаясь объяснить, что денег нет, и больше он дать не может.

– Ай! – взвизгнул вьетнамец и оттолкнул ширмочку. – Бери!

Взяв один донг, он сунул его себе в карман, а остальное вложил в руку Кашечкину.

– Вьетнамцы любят советских! – сказал он на ломаном русском и добавил:

– Бери!

Вьетнамцы загомонили. К торговцам сбежались друзья, родственники, друзья друзей, любопытствующие дети, собаки, куры... Плотная толпа, окружавшая Кашечкина, угрожающе росла и волновалась, запрудив всю улицу. А с разных концов с радостными криками бежали и бежали еще люди. Увидев щедрость торговца, к Кашечкину протиснулся старик. Взяв два кокосовых ореха, он сунул их Кашечкину и

произнес что-то длинное и нравоучительное. Довольный собой, он показал сначала на циновку, затем на Кашечкина, и отошел. Торговец тут же подтащил циновку к ногам Кашечкина, бережно взял у него орехи и ширмочку и положил их на циновку. Толпа радовалась, галдела, и тут же на циновку потащили все, что было у людей и чем они могли отблагодарить любимого защитника.

– Советски, хорошо! – раздался голос из толпы. – Спасибо!

Из массы выбрался маленький темноглазый паренек и потряс Кашечкину руку.

– Спасибо!

– Спасибо, товарищи, но мне не нужно столько. Мне один подарок нужен.

– Бери, спасибо! – вьетнамец все улыбался и кивал.

– Да я не унесу столько!

Вьетнамец тут же что-то крикнул, и толпа загудела. Кашечкин с ужасом увидел, как через нее протискивается рикша.

– Вот, ехай!

– Спасибо, товарищи, но мне нельзя! Я не могу...

Вьетнамец понял его слова по-своему.

– Ехай! – он начал грузить вещи и еду на рикшу. – Моя провожай!

Кашечкина схватили десятки рук, взгромоздили на рикшу и повезли. А толпа пошла следом, неся за ним циновку

с частью не уместившихся вещей, напевая и приплясывая. Неожиданно в руках у кого-то появилась бамбуковая флейта, все задвигались под звуки музыки, придерживая рикшу, чтобы тот не увез Кашечкина слишком далеко.

Так весело, с песнями и плясками, они достигли дома Фан Ки Ну, на пороге которого уже сидели и курили братья, сестры, дети братьев, бабушки, дедушки и внуки. Фан Ки Ну сидела тут же и, увидев Кашечкина, подошла к нему и обняла его за шею.

– Здравствуй, – пробормотал Кашечкин.

– Здравствуй! Ты жив. Я рада тебе! – сказала Фан Ки Ну и прижалась щекой к его щеке.

Сопровождающие, поняв, кому предназначались подарки, радостно загалдели и потащили циновку к дому. Родственники, дети и бабушки вскочили, вцепились в циновку и начали расхватывать подарки. Поднялся невообразимый гвалт. И тут, к всеобщей радости, на крыльцо вышел Шульц, тоже, как и Кашечкин, в парадной форме.

Толпа гомонила. Шульц распоряжался. Уже на улице начали варить рис, раздались звуки оркестра. А Кашечкин закрыл дверь, припер ее столом и кинулся к Фан Ки Ну, жадно целуя ее губы. Она умело, покорно и ласково отвечала ему. Она гладила его по голове и расстегивала его рубашку. Кашечкин с наслаждением отдавался ее рукам и поцелуям. За окном звучала музыка. Он ласкал ее маленькие, как у подростка, груди и целовал их. Он весь напрягся, чувствуя ее

податливое тело, чувствуя, что вот-вот...

В небе раздался грохот. Кашечкин услышал смягченный расстоянием гром стартового ускорителя ракеты, еще и еще один. Взрыв ракеты. Вой сирены.

В дверь застучали.

– лейтенант Кашечкин! – раздался голос Шульца. – Тревога!

– Есть! – закричал Кашечкин, вскакивая, как был, без штанов.

Перед ним на коленях, с очаровательно приоткрытыми губами, с закрытыми глазами и распущенными волосами сидела обнаженная девушка, нежно обнимая его за ягодицы. А за спиной наступала американская армия, гремели взрывы. С визгом разбегались по улице музыканты.

– Есть тревога! – еще раз крикнул Кашечкин и, оттолкнув Фан Ки Ну, начал быстро одеваться. – Бегу, товарищ полковник!

Глава 24. Штурм Ханоя

Из-за елей хлопочут двустволки —

Там охотники прячутся в тень,—

На снегу кувыркаются волки,

Превратившись в живую мишень.

Волк не может, не должен иначе!

Вот кончается время моё:

Тот, которому я предназначен,

Улыбнулся – и поднял ружьё.

В.Высоцкий

Охота на волков

Рузаев широкими шагами мерил помещение штаба полка и курил, курил, курил. Консервная банка на столе была завалена смятыми бычками, а Рузаев все закуривал новые сига-

реты. Когда пачка заканчивалась, он открывал ящик стола, доставал следующую, раздраженно срывал с нее обертку и вытряхивал новую кучку табачных палочек. Сизый дым плавал в воздухе такими плотными слоями, что случайный москит сумел дотянуть только до середины стола и сдох в воздухе. Его маленький трупик упал на стол, застеленный огромной картой окрестностей Ханоя и Хайфона.

– Сбил, – откомментировал Рузаев и переставил на карте маленький пластмассовый самолетик.

Полковник Георгий Семенович Рузаев, командир вновь сформированного 16-го зенитно-ракетного полка, играл в войну. Он высыпал на карту пригоршню разноцветных самолетиков, расставлял их в строгом порядке и переставлял, записывая ходы, как бывалый шахматист. Недовольный передвижениями, он аккуратно сгребал самолетики в ящик, разглаживал листы, думал и снова курил.

Рузаев прекрасно понимал, что в первом столкновении, закончившемся вчера, он проиграл. Из трех эскадрилий, атаковавших город, две отвлекали внимание, а третья прорвалась и уничтожила армейские склады, потеряв только один самолет. И чем дольше Рузаев играл в самолетики на карте, тем лучше понимал, что шансов отразить новую атаку у него немного.

В последнее время советские и вьетнамские специалисты очень многому научились и приобрели огромный опыт. Они научились находить самолеты врага днем и ночью, на фо-

не активных и пассивных помех. Они научились бороться с ракетами типа «Шрайк», которые сами находили станцию по излучению. Они научились вовремя выключать антенну и расставлять ложные цели на пути штурмовиков. Они научились мастерски маскироваться и мгновенно менять позицию после стрельбы.

Но и американцы значительно поубавили спеси, стали хитрее. Они перестали летать парадными строями, прижались к земле и начали маневрировать. Они изобрели специальные маленькие ракеты с маячками, которые летели впереди самолета и заставляли стрелять по ложной цели. Они стали периодически выбрасывать за борт пачки алюминиевой фольги, наподобие конфетных оберток, которые создавали хаотичное мельтешение на экране радара. Они стали храбрыми и в случае столкновения не убегали, а атаковали позиции в лоб.

И, наконец, Рузаев знал, что против массивной атаки его полку, состоявшему из пяти дивизионов, не устоять. Когда несколько дивизионов прикрывают друг друга, одиночный налет не страшен. Но если самолеты идут массой, несколькими эшелонами, ломая оборону, то дело обстоит намного хуже. Внезапными выстрелами полк разрушит первую волну атакующих, но легко демаскирует себя и разрядит половину установок. Тогда вторая волна, под прикрытием помех, сумеет прорваться и если не уничтожить, то полностью связать ракетчиков боем. Тогда третья волна сможет делать

все, что захочет. Нет ничего страшнее массированной атаки.

***

Полковник Джеймс Гордон Хантер, командующий 217-м авиационным полком стратегических бомбардировщиков США, матерый хищный волк, откинулся на спинку глубокого кожаного кресла, положил ноги на стол, взял чашку принесенного адъютантом кофе и глубоко задумался. Штурм противовоздушной обороны Ханоя – это не шуточная задача. Особенно после вмешательства русских.

Полковник отхлебнул кофе и еще раз посмотрел на карту, испещренную пометками. Нет, прямая атака не годилась. Даже под прикрытием, даже в сопровождении «Фантомов» и штурмовиков, они неминуемо должны понести тяжелые потери.

Правильнее был бы другой вариант. Полк должен наступать эшелонами. Первый эшелон занимается исключительно уничтожением противника. В этом случае половина полка будет связана боем, но половина все же сумеет прорваться.

– Дерьмо! – Полковник выругался, поставил пустую чашку на стол и толкнул ее каблуком. Чашка, как бильярдный шар, проехала по столу и остановилась на самом краю.

В этом случае вся слава, конечно, достанется этим проходимцам из Гонолулу. Полковник знал о намерении министерства обороны устроить Варфоломеевскую ночь в Ханое

для устрашения русских. На Вьетнам собирались бросить сразу три полка стратегической авиации с Филиппин и Гавайев, а еще один, четвертый полк, должен прибыть в резерв из самих Штатов. Эти-то отсилятся в тылу или придут на все готовенькое. А его, Хантера, ребята, как всегда, должны первыми лезть в пекло.

Полковник еще раз выругался и встал. Все не то. Все не так. Ребята не должны гибнуть в этой дурацкой войне. Ханой защищает всего один полк, а на штурм пойдут сразу три, имея четвертый в резерве. И первые две эскадрильи вообще не возьмут никакой бомбовой нагрузки. Никакой. Только противозенитное оружие. Нагрузятся до предела «шрайками» и ракетами «воздух-земля». Будут стрелять по всему, что подает признаки жизни, сотрут в порошок этих вьетнамцев, а за ними пойдут самолеты с бомбовой нагрузкой. Так, как по плану уничтожения Москвы. Ханой все же не Москва. В Ханое живут обезьяны, не люди. Вьетнамцы.

Хотя какие там вьетнамцы! Он знал огневую мощь ПВО. Разве косоглазые умеют отстреливать новейшие истребители-бомбардировщики, как мишени в тире?

Полковник выдвинул ящик стола, порылся и вынул с самого дна две фотографии. На одной – худое высокомерное лицо с маленькими усиками. Шульц. На второй – круглолицый, типично русский мужичок. Даже нос картошкой. Рузаев. Тоже мне, вьетнамцы!

Полковник взял со стола фотографию Рузаева и повертел

ее, разглядывая на свет. Затем щелкнул зажигалкой и поднес маленький синий огонек к уголку. Нервы шалют. Фотография вспыхнула странным зеленоватым пламенем, круглое лицо с крупным носом съежилось и сторело. Полковник быстро сжал кулак и высыпал пепел на ковер.

Начнем сначала. Что может применить это советско-вьетнамское сообщество? Никаких бомб в первом эшелоне. Помехи и ракеты, и быстро уйти. Бомбить будет только третий эшелон.

***

Рузаев раздавил окурок и вновь расставил самолетики. Эта война из войны армий постепенно превратилась в войну инженерной мысли. Штатовцы применили помехи – советские инженеры изобрели селектор движения цели. Американцы сделали «шрайк» – мы оснастились ловушками. То одна, то другая сторона получала преимущество, но решительной победы не добивался еще никто.

Рузаев прекрасно знал о планах холодной войны Америки против Союза. Он знал, что у американцев полностью готов и несколько раз чуть было не приводился в исполнение план атаки ядерных бомбардировщиков на Москву. Если бы не страх перед обороной и ответным ударом, они давно сделали бы с нашей столицей то же, что с японскими Хиросимой и Нагасаки.

Атака будет массированной. И на Ханой, и на Москву. И так, что придумают американцы? Они пойдут сразу на цель? И на заходе мы их возьмем?

Нет, американцы не дураки. Первый эшелон займется подавлением его, Рузаева, полка. И второй тоже. А может быть, и третий. Авиацию ПВО, малочисленные МИГи свяжут истребители сопровождения. И что получится? Мы обстреляем первый эшелон. Пустим в них ракеты. В ответ получим тучу «шрайков». Выключимся. И останемся без ракет, которые улетят в «молоко». Или не выключимся, перестреляем друг друга, и на этом конец. А второй эшелон прорвется.

Рузаев раздавил еще окурок. Стандартные комбинации здесь не подходили. Да и не выиграл русский человек еще ни одной битвы, не применив своей знаменитой смекалки. Да, теперь это слово забыто. Смекалка! Умение взглянуть на проблему со стороны и найти совершенно неожиданное решение. Не просто думать, а смекать.

Рузаев переставил самолетики. И так, и этак выходило плохо. Ничто не помогало. Он залез в ящик стола и вытащил папку. Развязал шнурочки и вытащил большие листы. Знаменитый американский супербомбардировщик Б-52. Вид сбоку, сверху, спереди, снизу. Вооружение. Фото. Холеное лицо в высокой фуражке. Полковник Хантер.

Рузаев посмотрел на фото, отложил его в папку и снова взялся за изучение самолета. Должны, должны у него быть уязвимые места!

Рузаев смотрел на чертежи и представлял себе армаду вот таких самолетов. Вот они летят, вот маневрируют, вот они стреляют...

Осененный догадкой, Рузаев вскочил и переставил самолетики, затем стер резинкой отметки на карте и поставил их в другом месте. Он двинул самолетики, записал ход на лист и удивленно поднял брови. Выходило неплохо. Он еще раз двинул самолетики, глубоко затаился и задумался. На карту упал еще один дохлый москит.

Рузаев взял линейку и начал перечерчивать план. С каждым разом выходило все лучше и лучше. Когда стало совсем хорошо, а на карте лежало уже пять дохлых москитов, Рузаев глубоко вздохнул и сел писать приказ с новой диспозицией. Теперь главное было успеть. Времени мало, очень мало. Оно на вес золота.

***

Полковник Хантер закончил расчеты нового плана боя и с удовольствием затаился дымом. Полковник следил за своим здоровьем и тщательно ограничивал количество выкуриваемых сигарет. Но эта сигарета была утренней, запланированной.

Расчеты сходились. Результат был замечательным. Полковник подготовил приказ и теперь обдумывал докладную записку, в которой гарантировал успех операции благодаря

новой тактике. Вчерашний налет прошел успешно. Новый план даст результаты.

Полковник еще раз задумался. Он решил, что сам, лично поведет полк в бой, хотя давно уже не совершал боевых вылетов. Он пойдет с третьим эшелоном, чтобы видеть всю картину в целом. А пока надо менять вооружение самолетов и ждать прибытия резерва. Всего сутки. Время еще есть. Времени много. Можно подумать о победе.

***

Тревога началась перед рассветом. Получив новый приказ, майор Гора только покачал головой. На дежурстве оставались только два дивизиона, а остальные, в том числе и они, срочно перебрасывались на другие позиции. Времени отводилось так мало, что Гора понял – дело серьезное. Вьетнамцы кинулись сворачивать комплекс. Срочно мобилизовали жителей окрестных деревень – прокладывать просеки и готовить новые позиции. Несмотря на утренние часы, в джунгли шли и шли машины с оборудованием. Везли генераторы для ложных позиций. Волокли старые корпуса неисправных ракет и даже один полный, но безнадежно поврежденный комплекс. Гора, оставив все сборы на Кашечкина, помчался осматривать новые позиции.

Вьетнамцы работали бешено. Кашечкину не приходилось ничего говорить – достаточно было показать пальцем, и все

делалось как бы само собой. Малограмотные, за счет упорства они очень хорошо обучались, в их полку уже был один дивизион, целиком под вьетнамским командованием.

Кашечкин поднял флажок и дал отмашку. Первый тягач выполз из блиндажа и пошел в голову колонны. Повинуясь флажкам в руках Кашечкина, комплекс четко и быстро строился в походную колонну. Счет времени шел на секунды, и они успели.

* * *

Полковник Хантер лично поднял полк с аэродрома Фукуоки и повел на задание. Однако сразу все пошло не по плану. Первая станция была замечена еще в районе Дананга и обстреляна массированным залпом. А дальше сигналы от ЗРК пошли сплошной чередой, так плотно, будто ракеты находились за каждым кустом. Не в силах отличить истинную цель от ложной, Хантер вынужден был стрелять на каждый сигнал. В итоге еще на подлете к Ваю первая эскадрилья полностью лишилась вооружения и была вынуждена повернуть назад.

Озадаченный Хантер дал второй эскадрилье приказ не стрелять, и две цели они прошли спокойно, так и не увидев пусков. Хантер было поздравил себя с разгадкой уловки врага, и тут вторая эскадрилья получила в хвост сразу три ракеты.

Бомбардировщики развернулись и атаковали место пуска, но одна машина уже горела в джунглях. Разведка увидела стоящий прямо в лесу плохо замаскированный комплекс, и третья эскадрилья с удовольствием вывалила на него пару кассет с бомбами. Больше они не пропускали ни одного сигнала.

Полковник Рузаев с удовольствием наблюдал, как американцы громят ложные цели. На точно рассчитанном им рубеже у американцев кончились боеприпасы, и они пропустили вперед вторую эскадрилью. Здесь-то их и встретил дивизион засады, мгновенно спрятавшийся после первого выстрела. А вторая эскадрилья и бомбовозы третьего эшелона превратили в груды металлолома старый комплекс, имитировавший пуски ракет подрывами ящиков со взрывпакетами.

– Пока все идет по плану, – Рузаев глубоко затянулся сигаретой. – Половина разоружена, один сбит.

Он потянулся к телефону.

– Пятый! Это восьмой. Объявляйте тревогу. Идут.

***

Лейтенант Мюррей шел на Хайфон в эскорте стратегических. Задание было не сложным.

– Мак!

– Да!

– Скажи, ты чувствуешь, что выполняешь особую мис-

сию?

– Не чувствую.

– Мак, да ты только посмотри вперед!

Впереди, милях в трех над ними, шла армада стратегических бомбардировщиков. Пять самолетов тянули за собой белые хвосты инверсионного следа и, казалось, перечеркивали этими хвостами все небо.

– Посмотри, Мак! Что думаешь?

– Думаю, ПВО больше заинтересуют эти цели, а не мы.

– Верно. Но ты не расслабляйся, следи за землей.

– Есть следить.

Впереди, на расстоянии мили, шел самолет капитана Терри, сменившего погибшего Блая. Его самолет, шедший ниже стратегических, следа за собой не оставлял и лишь вспыхивал искоркой в лучах восходящего солнца.

– Дональд! – Макинтош неожиданно нарушил молчание.

– Да, Мак?

– Мне почему-то кажется, я это где-то уже видел.

– Дежа вю! Так говорила моя мама, – усмехнулся Мюррей.

– Не смейся. Мы в начале войны так же летали, всем полком, красивым строем. Помнишь, чем это кончилось?

– Брось, Мак! Нам же объяснили, что это будет специальная операция, специально для уничтожения систем ПВО. Попробуем план прорыва колец ПВО Москвы. И правильно. Давно пора коммунистов к ногтю прижать, чтобы их вони здесь не было.

Внезапно прямо перед ними из совершенно обычного леса ударила ракета. Она ушла по наклонной траектории и исчезла из виду. Эфир наполнился руганью. В кого-то явно попали.

– Вторая эскадрилья, отставить штурм! Чарли-третий, Мюррей, за мной. В драку не ввязываться, – прозвучал приказ Терри.

– Лучше бы мы обработали эту цель и отвалили, – прокомментировал Макинтош.

Мюррей поднял машину еще на тысячу футов, следуя за маневром командира.

– Мак, прекрати болтать! Что-то ты не к добру разговорчив стал.

– Ощущение у меня скверное. Кругом цели, кругом враг, а ничего не видно.

– Командиры за нас подумали.

– Знаю. Но все равно жутковато.

Сигналы радаров свистнули в наушниках.

– Скат-два, пеленгуете? – услышал Мюррей в наушниках переговоры стратегических.

– Пеленг взят.

– Скат-два, я Ковчег. Приказываю подавить!

Мюррей увидел, как от одной из «крепостей» отделились стрелы ракет «шрайк» и нырнули куда-то вниз.

– Мак, скоро цель?

– Еще шесть минут пятнадцать секунд.

– Хорошо живем.

– Чарли-второй, маневр со снижением! – вновь раздались приказы.

– Есть, сэр!

Мюррей начал новое маневрирование.

– Мак, проверь оружие!

Макинтош тоже занялся делом. Подготовка к бою заняла все их внимание, и они сосредоточились, отвлекаясь от мрачных мыслей. Мрачные мысли придут потом, после выполнения задания. А сейчас предстоит сложная операция, которая, вполне возможно, положит конец войне.

А конец войне давно пора положить. Как красиво закончила Америка Вторую мировую войну! Две атомные бомбы на Японию, и все! Сбросить бы пару атомных бомб на Ханой, и эта война бы тоже закончилась. Ходили слухи, что сейчас на борту стратегических имелся свой «Толстяк». Ну, не даром же такую армаду собрали! Всех проучить, и Вьетнам, и Советский Союз. Да, если бы одна бомба закончила войну, Мюррей без колебаний взял бы ее на подвеску.

Тем временем стратегические начали перестраиваться. Капитан Терри, подстраиваясь к ним, немного отстал.

– Чарли-второй, готов? – прозвучал в наушниках его голос.

– Готов!

– Через тридцать секунд начинаем!

Мюррей крепче сжал рукоятку. Этой победой они закон-

чат войну!

***

Рузаев прекрасно понимал, что на прорыв идут не обыкновенные истребители-бомбардировщики, к борьбе с которыми более-менее привыкли. На них шел целый полк стратегической авиации, и хотя Рузаев не сомневался в своих силах, исход подобного сражения все еще не был ясен.

К счастью, вьетнамское командование, осознав остроту момента, придало им еще один зенитно-ракетный полк, находившийся под командованием вьетнамцев, прошедших обучение в Союзе, и только-только успевший развернуться. Теперь силы были практически равны, если не считать слабой выучки вьетнамских товарищей.

Рузаев курил, спокойно затягиваясь и поглядывая на планшет, на котором двигались точки самолетов. Огромный, от пола до потолка, лист стекла был установлен вертикально и на него тонкой гравировкой нанесена карта местности. Два планшетиста слушали донесения операторов локационных станций и наземной разведки, и переставляли по стеклу маленькие самолетки на присосках. С другой стороны, отделенные стеклом планшета, сидели командир полка Рузаев, начальник штаба Дао Тхи Лан и операторы связи. Со своего места Рузаев, видя воздушную обстановку в целом, мог развернуть любой из комплексов в нужном ему направлении и

указать ему цель.

Часть маневра прошла успешно. Первая волна бомбардировщиков расстреляла все ракеты по ложным целям, а дивизион засады не давал им пропустить ни один маячок. Американцы исправно маневрировали, стреляли, ставили помехи и упражнялись в борьбе со средствами ПВО. Рузаев ждал, когда им это надоест.

Вторая волна бомбардировщиков, вооруженная «шрайками», уже давно прошла рубеж обороны и углубилась в зону Ханоя. Самолеты ударили по городу ракетами, но Рузаев знал, что они не смогут нанести существенного вреда.

Наконец бомбардировщики второй линии, израсходовав практически весь боезапас, развернулись и пропустили вперед третью линию.

– Начинаем!

Рузаев схватил микрофон.

– Первый! Цели два-четыре-два и два-три-один! Второй!
Цели три-один-шесть и три-два-семь! Третий!

– Первый готов!

– Второй готов!

Рузаев бросал один взгляд на планшет и быстро диктовал координаты целей, тут же занося пометки в блокнот. Командиры дивизионов включали молчавшие до того передатчики, и американцы только сейчас обнаружили, что находятся на самой линии огня. Благодаря точному расчету получилось так, что третий эшелон лег на боевой курс и не мог

свернуть с него, красиво подставив свои хвосты под огонь. Второй же эшелон, призванный прикрывать его, с наполовину израсходованным боезапасом разворачивался над самой плотной зоной огня. А первый эшелон, с пустыми подвесками, уже находился на полпути домой. И началась бойня.

* * *

Кашечкин мгновенно поймал в прицел группу по данному ему указанию. Генератор едва успел прогреться, а он уже вел один из самолетов.

– Азимут на ручное! Дальность на ручное!

Кашечкин передал самолет операторам, еще раз проверил готовность. Снаружи вьетнамские солдаты с криками растаскивали маскировку с пусковых установок. Едва дождавшись их сигнала о готовности, майор Гора включил синхронизацию. Установки осели на лапах и начали двигаться, хищно поводя носами ракет вслед за самолетами.

– Пуск!

Ракета пошла четко, по хорошо видимой цели, и когда ее отметка вспыхнула и исчезла во взрыве, Кашечкин на экране локатора увидел, как отваливается крыло у «Боинга».

– Кашечкин, бери два-три-три, левее! – скомандовал Гора. – Тхан Донг, вторую установку на перезарядку!

– Беру управление! – Кашечкин перехватил манипулятор. – Цель захвачена! Передаю цель операторам!

Стены блиндажа содрогнулись от пуска двух ракет, которые пошли прямо в брюхо еще одной цели. Вновь захрустел хронометр.

Полковник Хантер с ужасом понял, что случилось именно то, чего он боялся. Эти вьетнамцы, науськанные русскими, перехитрили его. Только сейчас, увидев, как отламывается крыло у впереди идущего, он догадался, что перед этим истреблял ложные цели. И что его план атаки был ошибочен. Что вся эта затея была одной большой ошибкой.

– Всем сбросить бомбы! Второй эскадрилье, огонь по целям!

Избавляясь от опасного груза, самолеты вывалили тонны бомб на джунгли, безжалостно истребляя зверей и деревья. Вторая эскадрилья пыталась развернуться, чтобы прикрыть товарищей, но не успевала. Разящие, как молнии, серебристые ракеты выбивали из строя один самолет за другим. Гигантские «Боинги» разваливались в воздухе, и оставшиеся в сознании члены экипажа выскакивали из них с парашютами.

– Это была ошибка, ошибка! – воскликнул Хантер. – Все ошибка! Ее надо исправить!

Секундомер на пульте Кашечкина досчитал последние секунды. Сноп осколков ударил по кабине «пятьдесят второго», выбив бронестекла и превратив приборную доску в стеклянное крошево. Самолет резко накренился, и Хантер увидел прямо перед собой проклятые вьетнамские джунгли. Дымящиеся, иссеченные взрывами и осколками, но непобеди-

мые и такие чужие. Невероятно чужие и ненужные.

– Боже, какая ошибка! Исправить...

Хантер попытался привстать, поправляя защелки парашюта. Перед глазами крутилась ненавистная земля. Полковник Хантер хотел жить. Но тут взорвались топливные баки.

Кашечкин отследил подрыв ракеты и гибель очередного самолета, затем точно и четко перенес огонь на следующую цель. Теперь американцы даже не пытались сопротивляться. Они отстреливались и бросали бомбы, но уже без захода и без прицеливания, стремясь удрать как можно быстрее.

Рузаев отстреливал убегающего противника, как на учениях. Даже когда последний самолет был на самой границе зоны поражения, ему вдогонку пустили ракету.

Результаты оказались впечатляющими. 217-й авиационный полк, потеряв две трети личного состава и командира, полностью утратил боеспособность и фактически прекратил свое существование. Восемнадцать самолетов так и остались гореть в джунглях. Все остальные получили различные повреждения. Целая партизанская дивизия, срочно поднятая Шульцем, шныряла по лесам и ловила оставшихся в живых летчиков, отбивая их у местных крестьян.

Однако Рузаев прекрасно понимал, что это не конец битвы, а только ее начало. Он, не давая людям отдохнуть и насладиться победой, срочно перебазировал дивизионы на новые позиции, используя возникшую паузу на сто процентов.

Командование ВВС США было, мягко говоря, в шоке. Со-

что все случившееся трагической случайностью и роковой ошибкой, оно срочно перебрасывало имеющиеся резервы из Гонолулу.

Второй день начался атакой двух свежих полков стратегической авиации при поддержке полка истребителей-бомбардировщиков. Рузаев задействовал все резервы и сумел-таки связать их боем. На этот раз не обошлось без потерь и со стороны вьетнамцев, но американцы оставили на поле боя еще двадцать самолетов. Еще два полка вышли из строя. В резерве американского командования оставался только один полк, который угробили на третий день.

Глава 25. О том, как вьетнамцы победили американскую армию

Запомни все! И в будничной тревоге

На всем чистейший отблеск отмечай

Стоит победа на твоём пороге

Сейчас она войдет к тебе.

Встречай!

Ольга Берггольц

Не все американские самолеты, попавшие в «нежные»

руки советских ПВО, разбились. Некоторым удалось уйти. Лейтенант Мюррей с трудом удерживал свой «Фантом» от сваливания. Располощенное осколками крыло нарушало балансировку, самолет неудержимо мотало. Самым плохим оказалось то, что из поврежденной гидросистемы вытекала жидкость. Давление падало и в резервной системе, самолет все хуже слушался штурвала.

Макинтош не отвечал. Его голова безвольно моталась в ложементе, и только по хриплым вздохам Мюррей понимал, что тот еще жив. Фонарь кабины был совершенно цел, и Мюррей никак не мог понять, откуда залетел роковой осколок. Впрочем, Мюррей, занятый борьбой с умирающей машиной, не слишком об этом задумывался.

– Дерьмо, вот дерьмо! – изредка кричал он. Разбитый приемник молчал, но передатчик работал, и лейтенант надеялся, что полковник Уилсон его слышит.

– Все дерьмо! – кричал он в мертвые микрофоны. – И эта гребаная война – дерьмо!

Внизу проплывали проклятые джунгли. Справа маячили горы, слева синел океан. На переднем кресле умирал Мак. Истекающая жидкостью машина теряла управление. Он летел над территорией врага в тысячах миль от дома. На горизонте показался Дананг.

Неожиданно в самолете что-то звонко лопнуло. Ручка стала мягкой. «Фантом» начал плавно опускать нос. Давление в гидросистеме упало до нуля.

– Мак! – закричал Мюррей. – Катапультируемся!

Оператор не отвечал, лишь в наушниках звучало его тяжелое дыхание.

– Макинтош! – Мюррей встряхнул его плечо. – Мак!

Самолет неуправляемо переворачивался в воздухе. Вот мелькнуло небо, горизонт, горы, джунгли, горизонт.

– Макнитош!

Штурман не откликнулся. Голова его все так же безвольно моталась на подголовнике. Самолет резко пошел к земле.

– Прости. – Мюррей сорвал чеку, взялся за рукоятку катапульти и рванул ее вверх. Раздался хлопок, фонарь слетел, страшная тяжесть вдавила лейтенанта в кресло. И резкая боль ударила по ногам. Поврежденный фонарь на смог правильно отстрелиться и задел голень.

Мюррей пришел в себя уже на земле. В глаза ему светило яркое солнце. Мюррей лежал на вершине холма, свободного от растительности. Он лежал на спине, глядя в небо, и солнце било ему по глазам, больно и жестко. Мюррей попробовал было перевернуться, но дикая боль в ногах заставила застонать и откинуться на спину. Тогда Мюррей закрыл лицо ладонями и принялся языком слизывать капли пота, стекавшие по рукам. Вскоре он услышал приближающийся гул двигателя.

– Вот и все. – Мюррей вздохнул с облегчением. – К счастью, помощь близка.

Он расстегнул карман комбинезона и вынул ракетницу,

направил картонный цилиндр на гул мотора, дернул за шнурок и проводил глазами красную ракету.

Пара самолетов выскочила из-за деревьев на малой скорости, заложила вираж и снова скрылась. Мюррей посмотрел им вслед, поняв, что они все равно не смогут сесть и подобрать его, и что вся надежда только на вертолеты. А вертолетам лететь сюда немало.

Самолеты сделали круг и вернулись. Мюррей выхватил белый платок, взмахнул им и закричал:

– Эй, ребята, я здесь, здесь!

Его голос потонул в жутком грохоте двигателей, но ведущий на пролете плавно качнул крыльями.

– Привет, парни, привет!

Мюррей еще раз помахал платочком и откинулся на раскисшую землю.

Внезапно краем глаза он заметил движение у подножия холма. Присмотревшись, он увидел несколько фигурок в зеленой форме и широких соломенных шляпах.

– Вот дерьмо! Дерьмо! – крикнул он вслед самолетам, узнав партизан. Он вытащил пистолет и взвел затвор. – Ребята, возвращайтесь!

С холма было видно, как самолеты развернулись и легли на обратный курс. У Мюррея мелькнула мысль, что он напрасно пустил ракету, выдав свое расположение вьетнамцам. Кружащие над холмом самолеты также не способствовали маскировке.

Вьетконговцы шустро, как тараканы, бежали вверх по некрутому склону, размахивая автоматами. Самолеты, почти невидимые в лучах солнца, быстро приближались. Вдруг из-под крыльев ведущего ударили белые молнии, мощный взрыв разметал вьетнамцев. Ведомый чуть-чуть приотстал и прострочил пулеметами группу оставшихся в живых. Последние партизаны в отчаянии вскинули автоматы и дали бесполезную очередь в небо.

– Есть! Молодцы, ребята! – Мюррей радостно закричал, сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул. – Так им, косоглазым!

Неожиданно из кустов выскочили еще партизаны, дали залп вслед уходящим самолетам и бросились наверх. Часть из них остались возле убитых и раненых товарищей, а часть, поглядев на трупы, с дикими криками побежали по направлению к Мюррею.

Но самолеты сделали новый заход. Они вернулись и ударили из пулеметов по атакующим. Между ними и раненым летчиком встала стена разлетающейся земли. Навстречу неуязвимым самолетам потянулись жидкие трассы выстрелов. Самолеты ударили еще, и несколько пуль просвистело прямо над головой Мюррея. Тот вжался в землю, почувствовав пролетевшую рядом смерть.

– Дерьмо! – снова выругался Мюррей. – Куча дерьма! Что же вы, засранцы, делаете?

Вьетнамцы, не обращая внимания на пролетевшие само-

леты, быстро бежали к нему. Мюррей, забыв про пистолет, с ужасом наблюдал за ними. Один из вьетнамцев подбежал на сотню шагов, поднял автомат к плечу и прицелился.

– О'кей, о'кей, не надо! Сдаюсь!

Мюррей попытался приподняться, но перебитые ноги не дали этого сделать. Он отбросил пистолет и поднял руки вверх, показывая, что в них нет оружия. Вьетнамец, не снимая его с прицела, замер, склонив голову набок. К нему подбежал еще один и тоже остановился. Мюррей посмотрел вбок и увидел, что с трех сторон к нему приближаются по меньшей мере два десятка человек.

– О'кей, о'кей, финиш! – громко закричал Мюррей. В ответ вьетнамцы прокричали что-то мяукающее. Двое закинули оружие на плечо и пошли к нему.

И тут небо обрушилось на землю. Это было страшно. Как в замедленной съемке, Мюррей увидел, как прямо на него летит красивая, чистенькая бомбочка, покрытая желтой эмалью. Такая аккуратная. Несущая смерть ему, лично ему. Прекрасная посылочка от дяди Сэма за долгие годы безупречной службы.

Эта бомба вонзилась в землю близко, но не очень. Она не принесла смерть. Только резкий удар взрывной волны сжал голову обручем. А за первой бомбой летела вторая.

Бомбы перемальывали землю и людей вокруг Мюррея. Он пытался кричать, но не слышал своего голоса, как в кошмарном сне. Вокруг летали комья земли и куски человеческих

тел.

Могучий рев пронесся и стих. Мюррей закрыл глаза и застонал с облегчением. Превозмогая боль в ногах, боль дикую, до тошноты, Мюррей подтянулся на руках и пополз вперед. Он прополз, казалось, вечность, но не слишком удалился от места падения. Шагов на двадцать. И наткнулся на человека.

Пожилой вьетнамец был, видимо, тоже ранен в ноги. Застонав, он схватил свой автомат и попытался поднять его. От автомата отвалился расщепленный осколком приклад, а из механизма выпало несколько мелких деталей. Вьетнамец посмотрел на оружие и отбросил его в сторону.

– Эй, парень, – прохрипел Мюррей, – не надо. Будем жить мирно. Я жить хочу, и ты хочешь.

Вьетнамец что-то быстро залопотал, а потом махнул рукой вниз. Мюррей посмотрел туда и увидел, что по склону к ним бежит целая рота вьетконговцев. Но вид этой толпынисколько не напугал его. Наоборот.

– Эй, желтый, думаешь, твои ребята вытащат нас?

Вьетнамец не понял, проследил за взглядом и быстро-быстро закивал. Однако солдаты резко остановились, скинули оружие, начали стрелять в воздух. И опять на них навалился чудовищный рев самолетов.

– Нет, не надо! – закричал Мюррей. Но самолеты его не слышали. Сигара напалмовой бомбы сорвалась и полетела прямо на поляну.

Мюррей и сам не понял, как остался жив. Вокруг горела земля. Горели люди. Горело все, даже вода в лужах. И хотя на него не попало ни капли напалма, Мюррей чувствовал, как страшный жар стягивает кожу, как дымится комбинезон. Рядом кричал и кричал раненый вьетнамец. А самолеты все летели и летели. Мюррей остро осознал, что они не могут сесть, и в их задачу вовсе не входит его спасение. Они прилетели убивать. Они не предназначены для спасения. Они предназначены для уничтожения.

Вокруг все умерло. Только выжженная земля. И стоны вьетнамца, который все не мог умереть. А потом самолеты улетели. Вьетнамец затих. Напалм догорел. Мюррей остался один.

– Ублюдки! – прошептал он. – Будьте вы прокляты!

А потом прилетели мухи. Мюррей рад был бы потерять сознание, но не мог. А мухи жужжали и кусали.

И Мюррей запомнил выжженную землю, вьетнамца, самолеты и мух. Запомнил руки вьетнамцев, которые несли его в деревню, положив на подстилку из рисовой соломы.

***

А потом пришел вьетнамский врач. Он снял с Мюррея комбинезон. Промыл и приложил мазь к ожогам.

– Sava bien²⁶! – доктор накрыл рану марлевым тампоном.

– Parle vous francais²⁷? – Мюррей удивленно поднял брови. – Вы говорите по-французски?

– Немного говорю, – доктор кивнул.

– Ноги. – Мюррей повел глазами вниз.

– Да. Сейчас будет больно.

Доктор взялся мягкими пальцами за ноги лейтенанта и начал прилаживать к ним лубки. Дикая боль пронзила Мюррея.

– О Боже! – вскрикнул он на полузабытом языке матери, и, чтобы не слышать боли, начал быстро-быстро говорить.

– Я сам из Калифорнии. А мать меня языку учила, хотела, чтобы я говорил. Думала, пригодится. Пригодилось. Сейчас. Ой, больно! – Мюррей громко вскрикнул.

– На, выпей! – доктор поднес к его губам чашку с пахучим травяным настоем.

Мюррей выпил. Голова у него закружилась, но болеть стало меньше.

– Доктор, а откуда ты язык знаешь?

– Мы со всеми воевали. Всегда воевали. Здесь французы были. Я у них учился, – с этими словами доктор начал прилаживать лубки.

– О Боже! Мать божья! Да что же ты там делаешь! Оставь мои ноги, не вправляй, в больницу вези. Не могу я

---

²⁶ Порядок (франц.)

²⁷ Вы говорите по-французски? (франц.)

больше, ты мне кости неправильно сложишь. Поехали в госпиталь.

– Госпиталь? – удивился доктор. – Это и есть госпиталь.

– Это дыра! – вскрикнул Мюррей. – Нужен европейский госпиталь, нужны лекарства.

– Лекарства были, – кивнул доктор, – были. А потом прилетели ваши и все разрушили. Лекарств нет, травы есть.

– Ну, поехали к вашим. В плен поехали!

– Не на чем. Все разбомбили.

– Я же тут сдохну!

– Сдохнешь, – кивнул доктор, – если захочешь. Раны не смертельные, но если захочешь, можешь сдохнуть.

– Дерьмо! Что же делать?

– Война, – покачал головой доктор, – это война. На войне как на войне. Люди друг друга убивают. Вот и тебя убили.

– Сволочи, я не хочу! – Мюррей застонал. Ногу дернуло жуткой болью.

– Это война. – Доктор прикрыл его ноги простыней.

– Будь проклята эта война. – Мюррей скрипнул зубами.

– Да. Наш народ устал от войны, – одобрительно кивнул доктор.

– И я. И я не хочу воевать. Не хочу. Надоело.

– И мне надоело. Я уже десять лет воюю. – Доктор налил в чашку еще какого-то снадобья и философски продолжил:

– Раньше солдаты ходили, стреляли. Теперь вот летают. А все равно убивают.

– И нас убивают. Мака убили.

– Это бывает, – доктор меланхолично помешал снадобье в чашке. – У меня тоже жену убили и сына убили.

– Воевал?

– Нет. Лечил. Там, на складах. Склады сожгли. Деревню сожгли. Сына сожгли. Огонь вылили с неба.

– Напалм, – уточнил Мюррей, вспомнив, что сам следил, как на подвеску цепляли огромные сигары-баки.

– Да, – доктор кивнул. – И тебя этим же напалмом жгли. Тоже мог сгореть.

– Мог, – подтвердил Мюррей.

– Будешь воевать, можешь сгореть.

– Я не буду воевать. Не хочу. А знаешь, старик, есть на свете страны, которые никогда не воевали? Есть такая страна – Австралия.

Мюррей закрыл глаза, вспоминая рассказ Джойса.

– Зеленая страна. Я туда поеду.

– Зачем? – удивился врач, – можешь и у нас остаться.

– У вас? – не понял Мюррей, – воевать? Я овец хочу пасти, молоко пить по утрам. А у вас война.

– Эх, парень, – врач покачал головой, – да если бы ты сюда приехал овец пасти, а не бомбы возить, тебя бы совсем иначе встретили. Знаешь, какая у нас красивая страна, когда нет войны? Знаешь, как у нас хорошо? Мы бы и тебя в гости пригласили, и ты бы хорошо пожил. У нас – пляжи, океан и солнце.

Мюррей до боли зажмурился, и перед глазами у него встала стена пламени.

– В гости хочу. На пляж под пальму. К овцам. Я больше не буду воевать!

– Уверен? – усмехнулся доктор. – Значит, почти выздоровел.

– Дерьмо! – выругался Мюррей. – У тебя же лекарств нет.

– Нет, – согласился доктор, – но есть трава.

– Да что твоя трава может!

– Тогда возвращайся к своим. Воевать будешь.

– Не издевайся!

– Завтра сюда колонна придет из Вая. Могут забрать тебя.

Если не сожгут ее.

– А если сожгут?

– Здесь сдохнешь, – философски заметил доктор. – Ты ведь хотел.

– Не хочу я сдохнуть! – Мюррей откинулся на подушку из соломы. – Я жить хочу!

– Тогда молись, чтобы ваши не прилетели.

Неожиданно соломенная кровля содрогнулась от дикого грохота двигателей «Фантомов». Грохот пронесся и быстро стих.

– Прилетели, – заметил доктор. – Сейчас за тебя мстить начнут.

Раздались мощные взрывы.

– Не надо! – Мюррей закричал по-английски, пытаясь

подняться. – Я здесь! Здесь я, не бомбите здесь! Не бомбите меня!

– Ты чего? – не понял доктор, задумался на секунду и догадался: – Погибать боишься?

– Да.

– И я боюсь. Пора бы уже привыкнуть, а все боюсь.

Снаружи раздались выстрелы.

– Не привык я к смерти. – доктор ловко завязал последний бинт.

Выстрелы повторились, доктор высунулся наружу и тут же отпрянул. С испуганными глазами он повернулся к Мюррею, желая что-то сказать, но тут дверь распахнулась. Раздался выстрел. Доктор вскрикнул и упал на Мюррея. Его сведенные судорогой руки вцепились прямо в перебитые ноги в лубках, и Мюррей закричал от дикой боли.

В дверь вихрем ворвались американские десантники. Один из них ударом сшиб умирающего доктора на пол и оттолкнул в угол ногой, чтобы не мешал.

– Привет, парень, вот и мы. Что, рад?

Мюррей вяло кивнул.

– Вижу, рад, вижу. Ранен?

– Да.

– Стивен, сходи за санитарями. Ничего, парень, ты еще повоюешь.

– Нет, – слабо промычал Мюррей и потерял сознание.

***

Разгром американских военно-воздушных сил советско-вьетнамскими войсками продолжался еще три дня. Сначала американцы положили под Ханоем четыре полка стратегической авиации, а потом заодно еще и пару полков истребителей-бомбардировщиков. Джунгли покрылись пятнами гари на месте падения самолетов. Едва держащиеся в воздухе машины могли доползти только до Фукуока – Филиппины и Гонолулу были слишком далеко. Некоторые самолеты-убийцы разваливались в воздухе, из них выскакивали с парашютами члены экипажа. Они опускались все в те же ненавистные «дерьмовые джунгли», где их радостно ловили шустрые крестьяне. Еще бы! Наконец-то враг был в пределах досягаемости, а не реял гордо и недоступно в небесах.

Рузаев смертельно устал. За всю неделю он сумел поспать максимум пару раз. Вымотались и вьетнамцы. Командование привлекло все резервы, и полковник Дао Тхи Лан лично расставлял их. Каждый дивизион обслуживали почти двойным составом, и все равно вьетнамцы едва успевали подвозить ракеты и перезаряжать установки.

Неплохо действовали и чисто вьетнамские дивизионы. Конечно, они не отличались такой меткостью и часто расходовали ракеты впустую, но все же и на их счету оказалось два десятка самолетов.

А затем наступило затишье. Налеты прекратились совершенно, наземные операции свелись к мелким стычкам, а из самолетов в небе остались лишь разведчики далеко вне зоны досягаемости. Продолжалась эта благодать два дня. Весь личный состав продолжал дежурство, но люди наконец-то получили возможность отдохнуть. Рузаев заснул прямо в штабе, строго-настрого приказав разбудить его при малейшей тревоге. Но тревоги не случилось, и Рузаев проспал почти сутки. Потом он поел, выпил чаю и спокойно, с наслаждением выкурил пару хороших сигарет. И сел писать рапорт. За этим делом и застал его Шульц.

– Георгий Семенович! – с радостной улыбкой Шульц возник в дверях командного пункта. – Товарищ полковник! Здравствуйте!

– Здравия желаю! – Рузаев слегка козырнул.

– Ну, здравствуйте, герой! – Шульц стиснул его руку и сильно, дружески встряхнул. – Отдохнули?

– Отдохнул, – кивнул Рузаев. – Вот, ждем продолжения.

– Все! – Шульц твердо пристукнул ладонью по расстеленной на столе карте. – Не будет продолжения. Отбой. Насо-
всем.

– Что, самолеты кончились в Штатах?

– Нет! Государственный департамент США подтвердил визит президента Никсона в Москву. Понимаешь, что это значит?

– Не очень.

– Похоже, это конец войны. Это победа.

– Да, похоже, – кивнул Рузаев и запустил руку куда-то под стол. – Выпьем по этому поводу?

– Что у тебя там?

– Там? Рисовая водка.

– Нет. Рисовую водку в таких условиях мы пить не будем.

– Значит, это все же еще не победа, – заметил Рузаев.

– Мы будем пить французский коньяк на банкете в Доме советско-вьетнамской дружбы.

– Тогда это действительно победа. – Рузаев кивнул и задвинул водку на место. – Коньяк я хочу. А девушки будут?

– Будут! Все будет! Поехали.

Шульц похлопал Рузаева по плечу и повел к ожидавшей машине.

– Отбой!

***

За неделю боев лейтенант Кашечкин смертельно устал. От постоянного наблюдения за мерцающим зеленым экраном у него воспалились глаза, а кожа на лице начала шелушиться. Вьетнамские операторы заваривали ему чай и травы по какому-то хитрому рецепту, он умывался настоем, но помогало это мало. Молодой организм относительно легко переносил недосыпание, и все же, когда на шестые сутки штаб полка объявил отбой, Кашечкин упал на соломенную циновку на

полу кабины и тут же заснул.

Снились ему самолеты. Снились ему взрывы. Снились ему сложные воздушные маневры.

За один этот шестидневный бой на счету лейтенанта было восемь самолетов, и еще пять, поврежденные, скрылись в неизвестном направлении. Во сне Кашечкин переживал каждый эпизод, каждое столкновение заново. В одном из кошмарных снов к нему пришел молодой американский летчик, у которого горело плечо, и просил Кашечкина прекратить эту войну. Кашечкин отвечал, что он бы и сам рад, да только самолеты все летят и летят. А летчик все кричал, что он не будет воевать, и чтобы Кашечкин не стрелял. Но Кашечкин во сне нажал на кнопку, а кнопка превратилась в шприц, и он сделал летчику укол. А потом пожилой вьетнамский врач помогал Кашечкину бинтовать летчика и объяснял, что так уколы не делают.

В следующем сне Кашечкину снилось, что он гуляет со Светланой по чистому подмосковному лесу, залитому солнцем. Светлана весело смеется, Кашечкин обнимает ее, и они целуются. Он пытается ее раздеть, но какая-то смутная опасность мучительно мешает ему предаться любви. Кажется, сотни злых глаз наблюдают за ними. И тут Светлана превращается в Фан Ки Ну, и на них нападают огромные серебристые комары. Кашечкин ловит одного и видит, что это маленький «Фантом». Тогда Кашечкин берет мухобойку и долго бегаёт вокруг радостно смеющейся Фан Ки Ну и лу-

пит мухобойкой по комарам. Комары с громким писком «мы гордость нации» разбегаются от мухобойки, а Кашечкин все бьет их и бьет.

А потом Кашечкину снилось, что он сидит в Москве, в кинотеатре, и ему показывают какой-то странный фильм. В нем полуголый, мускулистый, патлатый американец в темных очках то и дело убивает русских в джунглях Вьетнама и освобождает десятки американских пленных. Кашечкин кричит, что все это неправда, а какие-то лохматые типы в кожаных куртках кидают в него жареной кукурузой. Но фильм меняется, и на экране Рузаев пинками гонит того самого патлатого американца с грустными глазами, в полном соответствии с исторической истиной, а тот лишь тихо поскуливает. А типы в куртках с восторгом глядят на экран, хрустят огурцами и кричат: «Да здравствует Россия!». Один из них бросается к Кашечкину и в восторге трясет его за плечи.

И тут Кашечкин просыпается. В кабине включен свет, а оператор Зуан Лон трясет его за плечо.

– Что случилось? – Кашечкин еще ничего не понимает со сна.

– Обед!

– Обед? Я же только заснул. Ты хочешь сказать, завтрак?

– Нет, обед. Цетыре цаса! – говоря со смешным акцентом, вьетнамец кивнул на часы.

– Вот это поспал! – одобрительно кивнул Кашечкин. – Цели были?

– Целей не было!

– Где командир?

– Отдыхает. Отбой тревоги.

Кашечкин посмотрел на миску, в которой лежал рис с подливкой и приготовленная специально для русских свинина, сглотнул слюну и накинулся на еду. Покончив с мясом и рисом, он, уже не спеша, принялся за чай.

Тем временем вьетнамские операторы, продолжая профилактику оборудования, вытащили один из блоков, подрегулировали его и вернули на место.

– Стоп! – Кашечкин отставил чашку. – А юстировка?

Вьетнамцы переглянулись.

– Вот о чем я и говорю, – Кашечкин подошел к блоку и ткнул в него щупами вольтметра.

– Летит, понимаете, самолет, – начал он, доставая отвертку, – пускаете вы в него одну ракету – мимо. Пускаете вторую – мимо. И тут подхожу я...

Кашечкин сделал нравоучительную паузу.

– ...Подхожу я, офицер наведения, делаю юс-ти-ров-ку...

С этими словами Кашечкин воткнул отвертку в блок и начал медленно поворачивать ее. Закончив, он довольно осмотрел сначала блок, затем вьетнамцев.

– И ракета попадает!

Кашечкин довольно прищелкнул пальцами.

Дверь открылась, и вошел Гора.

– Здравия желаю!

Так и оставшись с отверткой в левой руке, Кашечкин отдал честь.

– С добрым утром! – ответил майор. – Продолжайте занятия.

– Занятия окончены! – бодро отрапортовал Кашечкин.

– Молодец, – одобрил Гора. – А знаете ли вы, что в связи с началом мирных переговоров наш дивизион снимают с дежурства? И не хотели бы вы, лейтенант Кашечкин, в связи с этим получить трехдневный отпуск?

– Хотел бы, товарищ майор! – тут же отозвался Кашечкин, представив себе возможность вернуться в Ханой, отдохнуть, погулять и, что уж греха таить, зайти в гости к Фан Ки Ну. Видимо, все эти мысли так отчетливо проступили на лице, что Гора лишь усмехнулся.

– Более того, лейтенант Кашечкин, – продолжал он, – вам ведь известно о представлении к ордену? Так не хотели бы вы получить его? И если хотели бы, то когда и где?

– Как можно скорее, в штабе полка!

– Фу, как вы прозаичны. А не хотели бы получить его через месяц?

– Долго ждать, товарищ майор!

– Да, но зато в Москве.

Кашечкин замер и лишь через полминуты смог перевести дыхание.

– Что, все? Конец войне?

– Похоже, да. Во всяком случае, вы свое отслужили. Оба

приказа подписаны. Останетесь на дежурстве вместо меня, потом в отпуск. Так что дослуживайте, гуляйте свои три дня, а затем вернетесь, передадите дела, и в путь.

Майор раскинул руки и загудел, изображая самолет, несущий Кашечкина на Родину. Плохо понимавшие разговор операторы ловко, как белки, прыгнули на свои места и начали включать станцию.

– Отбой, – засмеялся Гора, – это наши летят.

Глава 26. Некоторые мысли об отношении народа и армии

Я буду сильным

без ваших долбанных машин

Я буду сильным

очаровательно крутым

Я буду классным

когда взорву ваш магазин

Таким опасным

и сексуально заводным

Пока ты чистый

пока ты прешья по борьбе

Любая девка

умрет от счастья на тебе

Глеб Самойлов, «В интересах революции»,

Агата Кристи

Обыкновенно Дома дружбы отражают обычаи и предпочтения гостей. Здесь же у советских специалистов не было ни времени, ни сил заниматься строительством и оформлением. У благодарных вьетнамцев, наоборот, силы были. Поэтому торжественный вечер в честь советских гостей и специалистов проводили так, как это казалось правильным хозяевам.

Рузаев успел перед приемом вымыться, как следует побриться и надеть парадную форму. Было уже темно, когда он подошел к высокому зданию под крышей с загнутыми вверх углами. Перед входом висели огромные красные фонари с золотыми кистями, а между красными деревянными колоннами был протянут плакат с чарующей глаз надписью «Слава КПСС!». На чистеньких деревянных ступенях стояли две девушки в красных платьях и красных шапочках и кланялись всем входящим.

– Девушки есть, – заметил Рузаев, входя, – это дает надежду на банкет.

– Не на то смотрите, Георгий Семенович! – поправил его

Шульц.

– А на что надо смотреть?

– А вы на флаги посмотрите! Обращали ли вы внимание на то, что флаги двух стран являются копиями нашего, советского флага. И это ведь не случайность! Если спросить правительства Китайской Народной Республики и Демократического Вьетнама, то они честно скажут, что их флаги – это измененные советские флаги именно потому, что они признают Советский Союз своим старшим братом! Каково? Вот результаты нашей работы.

– Ну уж, вы и скажете... – протянул Рузаев.

– Скажу! – спокойно продолжил Шульц. – Сколько Америка ни пыжилась, сколько ни давала денег всяким марионеткам, сколько ни воевала, а копий с ее флага что-то нет! Более того, флаг царской России сам был копией голландского, и никому не был нужен. А тут наш красный флаг победно шествует по миру!

Рузаев посмотрел на фронтон клуба, где рядом висели три флага. Советский – красное полотнище с серпом и молотом в верхнем углу. Вьетнамский – красное полотнище с большой звездой посередине. Китайский – пять звезд в верхнем углу. Три флага, похожие друг на друга, как родные братья.

– Вот за это нас и будут чествовать. А остальное все мелочи. Прошу! – Шульц церемонно открыл дверь с полупоклоном и пропустил Рузаева вперед.

В зале собрались практически все знакомые. Распоряжал-

ся всем полковник Дао Тхи Лан. Здесь были подполковник Сорокин, майор Гора и много вьетнамских командиров. Не было только Кашечкина, который остался на боевом дежурстве. Зал выглядел весьма торжественно и был убран большими фонарями и кумачовыми транспарантами с высказываниями лидеров советской и вьетнамской коммунистических партий на русском и вьетнамском языках.

Рузаев направился было к группе товарищей, но вдруг кто-то окликнул его нежным голоском.

– Товарищ полковник!

Рузаев оглянулся. Перед ним стояла Фан Ки Ну. Вместо всегдашней военной формы на ней было красное платье, делавшее фигуру удивительно красивой и стройной. Рузаев даже не узнал ее, и лишь взглядевшись, увидел в восточной красавице хорошо знакомую маленькую переводчицу.

– Здравствуй, муха! – Рузаев весело подмигнул. – Как жизнь?

– Хорошо. – Фан Ки Ну кокетливо прикрыла глазки.

– Вот и славно!

Рузаев кивнул и собрался было идти дальше, но Фан Ки Ну остановила его.

– Товарищ полковник! Скажите, пожалуйста, а почему нет товарища лейтенанта? Где он?

– Какого лейтенанта? – не понял было Рузаев. – А, ты о Кашечкине?

Фан Ки Ну кротко кивнула.

– Так он на дежурстве.

– С ним все в порядке? – почти неслышно спросила она.

Рузаев внимательно посмотрел на нее. Фан Ки Ну пристально изучала носки своих туфель, но даже ее макушка изучала напряженный вопрос.

– Э, какое дело! – понимающе протянул Рузаев и, взяв Фан Ки Ну под локоток, повел ее за собой. – Я, честно говоря, давно его не видел. Вот Герман Генрихович о нем все знает. И Семен Степанович знает.

Рузаев подтащил слегка упирившуюся Фан Ки Ну к группе офицеров.

– Здравия желаю! – поприветствовал он товарищей. – Вот, девушка здоровьем лейтенанта Кашечкина интересуется.

– А что ему будет? Воюет, как все! – ответил Сорокин.

Шульц внимательно посмотрел на Фан Ки Ну и усмехнулся. Он сам давно уже не был в городе, день и ночь мотаясь на передовой, и ничего не знал о Кашечикне. От постоянной бессонницы Шульц еще больше похудел и осунулся, но глаза смотрели ласково и доброжелательно.

– Хороший парень. – Шульц заговорил медленно, с расстановкой. – Очень хороший. Это настоящий офицер. Смелый и дисциплинированный. По службе далеко пойдет. Воюет смело. К награде его представили. Знаешь об этом? Нет, не знаешь? Ничего, вернется и расскажет.

Фан Ки Ну слушала, затаив дыхание, и суровый Шульц как-то внутренне обмяк.

– Да, парень очень хороший. А что нет его сегодня, так не беда. Он на дежурстве. Должен ведь кто-то вас охранять, если янки вернутся? Вот он и охраняет. Не горюй, девушка, завтра он к тебе живым и невредимым явится. И я зайду.

Шульц заговорщицки подмигнул.

– Он завтра приедет? – тихо переспросила Фан Ки Ну.

– Непременно. А я, как старший по званию, прослежу, чтобы он тебя не обижал и непременно привез подарков. Будешь ждать?

– Буду, – кивнула Фан Ки Ну. – Мы вас хорошо встретим.

– И еще учти. Кашечкин скоро уезжает в Союз.

– Да, я знаю, – Фан Ки Ну кивнула, – мы победили в войне.

Благодаря ему. И ему надо ехать домой.

Она хотела еще что-то добавить, но в этот момент грянула музыка. О, что это была за музыка! Пытаясь угодить гостям, вьетнамцы включили в репертуар все известные им русские песни. А по причине отсутствия настоящего оркестра исполнили их на своих народных инструментах. Итак, вьетнамский национальный оркестр грянул «Калинку-малинку» на бамбуковых дуделках в ритме марша, а несколько красавиц в кителях и брюках вышли на сцену и начали по-восточному томно приседать, изображая русскую плясовую.

Шульц онемел и замер, глядя изумленными глазами на это вьетнамско-российское действие.

Девушки закончили восточную плясовую, а на смену им вышел плотненький вьетнамец, одетый почти по-европейски

– во фрак и соломенные сандалии на босу ногу. Он церемонно раскланялся, широко развел руки и, откинув голову назад, начал петь неожиданно низким голосом.

Расцветали яблони и груши...

Впрочем, пел он не слишком внятно и с очень сильным акцентом, и Шульц только по мелодии понял, что же он такое поет. Вьетнамец степенно допел, поклонился и ушел. Шульц захлопал. Рузаев ошеломленно смотрел то на сцену, то на Шульца, то на Фан Ки Ну.

– Вот это да! – наконец выдохнул он.

– Они очень хотят сделать нам приятно! – прокомментировал Шульц, продолжая аплодировать.

– Это замечательно, правда? – спросила Фан Ки Ну.

– О да! – Рузаев тоже захлопал.

Тем временем на сцену вышел еще один вьетнамец, откашлялся и, аккомпанируя себе на звенящих медных трубочках, запел.

Дорогая моя столица,

Золотая моя Москва!

В общем, вечер прошел замечательно. Особенно удался банкет, на котором полковник Тхи Лан зачитал обращение товарища Хо Ши Мина и лично поблагодарил всех советских товарищей. А затем они выпили сначала за здоровье товарища Хо Ши Мина, затем за мир во всем мире. А затем полковник Тхи Лан произнес здравицу в честь каждого офи-

цера, называя его имя, звание и должность. Рузаев расчувствовался, Шульц произнес ответную речь. На столе стояло лучшее угощение. Гостям наливали хорошее вино. Играл замечательный вьетнамский оркестр, играл хорошие вьетнамские мелодии. Под них красиво и плавно танцевали изящные вьетнамские девушки и красных платьях, украшенные цветами. На шею Шульца надели огромную гирлянду живых цветов, и его голова смешно выглядывала из пышных белых соцветий.

Вьетнамский народ благодарил советских военных специалистов за спасение от неминуемой гибели. Советские специалисты принимали благодарность преимущественно в жидкой валюте, и выражали ответную благодарность. А над ними было чистое звездное небо. По этому небу, далеко-далеко, на другом конце света, американский президент летел на поклон в Москву, и все радовались, и всем было хорошо.

***

Лейтенант авиации Дональд Мюррей лежал в армейском госпитале в Сайгоне. Врачи там были нормальные, американские, практически все белые, лишь один черный. А вот младший персонал нормальным не был, все имели черные волосы и желтые узкоглазые рожи. И раньше лейтенант Мюррей, конечно, не выдержал бы этого отвратительного соседства, но теперь ему было все равно. У него было занятие

– борьба за жизнь.

Лейтенанта всю ночь везли транспортным вертолетом, утром доставили в госпиталь, а вечером он горел в лихорадке и бредил. Лейтенанта мучили кошмары. Кошмаров было много, и во всех фигурировала эта Богом проклятая страна и ее вонючие джунгли. То лейтенант летел сквозь заросли, а у него на переднем сиденье лежал скелет оператора. То он выделял виражи, а из наушников со всех сторон неслась песня ЗРК, повсюду летели ракеты. Он уклонялся, а ракеты все летели и летели. То он бежал домой, а вместо дома перед ним возникал палубный тамбур авианосца. А то мерещился командир авиакрыла с кровавой дыркой во лбу. Лейтенант хрипел, распихивал призраков и кричал, но призраки не уходили. Они все множились и множились.

Но самых страшных, без конца повторяющихся бреда было два. В первом он раздваивался. Его первое «я» лежало на земле и смотрело, как с неба на него надвигается хищный силуэт «Фантома». А в это время его второе «я» бросало самолет в пикирование на самого себя. Он нажимал кнопку сброса и видел, как от самолета отделяется контейнер с напалмом и летит прямо на него. Самолет пролетал над огнем, и он пролетал над огнем, в котором горел он же.

Во втором бреду к нему приходил вьетнамский доктор. Он мял его ноги и от этого их начинало невыносимо дергать болью. Он кричал. Рядом с ним лежало много вьетнамцев, доктор трогал их, и они тоже кричали. Но самое страшное

было то, что у доктора из спины торчал огромный нож, и Мюррей знал, что доктор уже умер, а двигается лишь как заводная кукла. Мертвый доктор ходил и щупал их. Мертвый доктор разлагался на ходу, и все равно ощупывал, делал уколы, перевязывал.

Эти два кошмара преследовали его с навязчивым постоянством. И когда Мюррей впервые открыл глаза, первое, что он увидел, был все тот же мертвый доктор. Он дико закричал и, закрыв лицо левой рукой, правой попытался оттолкнуть страшный призрак. К его удивлению руки на этот раз послушались и не упали как ватные. Правая рука вцепилась во что-то мягкое и с наслаждением начала рвать это мягкое в клочья...

– Сестра, три кубика! – громко раздалось над ухом, – у него шок!

Кто-то с силой оторвал ладонь от лица, и в вену вонзилась игла. Не открывая глаз, Мюррей провалился в черноту. Но это был уже не бред, а нормальный сон.

Проснулся Мюррей оттого, что кто-то осторожно ощупывал его ноги. Он попытался рывком сесть, но голова закружилась, и он упал на подушку. Над ним склонялось лицо человека в зеленом халате и в зеленой шапочке. Лицо это было не желтым и узкоглазым, а нормальным, человеческим, черного цвета.

– Американец? – только и сумел выдохнуть Мюррей пересохшим ртом.

– Конечно, – черное лицо расплылось в улыбке, – доктор Беккер.

– Благодарю тебя, Боже! – прошептал Мюррей.

– Правильно, – доктор кивнул, – благодари Бога.

– Доктор, ноги? – выдохнул Мюррей вопрос, мучивший его через весь бред.

Доктор улыбнулся еще шире и показал ему черную руку с розовой ладошкой, со сложенными бубликом большим и указательным пальцами.

– Все ОК!

– Не болят! – удивился Мюррей.

– Начали заживать. Кто-то замечательно над вами потрудился, прекрасно собрал кости и наложил шины. Это был не санитар?

– Не помню, – соврал Мюррей и отвернул голову.

– Наверное, кто-то из врачей в вертолете. Он спас вам ноги. Мне даже оперировать не пришлось. И ожоги хорошо обработали. А лихорадка от транспортировки началась. Могли бы и не возить так далеко, в том госпитале и оставили бы.

– Нет, не могли – Мюррей скрипнул зубами. – Я домой хочу.

– Сейчас это невозможно, – доктор развел руками. – Вот подлечим вас немного, начнете ходить, и янки дудль!

Доктор сделал шаг в сторону, и из-за его спины показалась женщина в медицинской одежде. Но лицо ее было узкоглазым.

– Доктор, доктор, как вас там...

– Беккер, – в поле зрения опять возникла приятная черная физиономия.

– Не надо... Не надо..., – Мюррей показал глазами на женщину.

– О, не бойтесь! Нго Ха – наша медицинская сестра. Она будет у вас дежурить, не беспокойтесь.

– Доктор, а ее не убьют?

Мюррею показалось, что он уже видит торчащий из спины вьетнамки нож.

– Ее? Нет, конечно! Она от наших союзников, она будет вам помогать.

– Доктор, пожалуйста, – умоляюще попросил Мюррей, – попросите рейнджеров не убивать ее.

Доктор присвистнул и потрогал его лоб.

– Доктор, дайте слово!

– Успокойтесь!

– Доктор, попросите не убивать ее.

– Конечно, конечно! – женщина заговорила со смешным акцентом, – здесь ничто не угрожает ни мне, ни вам. Не бойтесь.

Доктор внимательно посмотрел сначала на нее, потом на Мюррея.

– Две таблетки барбитала.

Женщина кивнула и отошла.

– Подождите! – воскликнул Мюррей.

Она снова подошла к нему.

– Повернитесь.

Она безропотно повернулась к нему спиной. Ножа не было. Зеленоватая ткань ровно обтягивала лопатки.

– Вы живая? – уточнил Мюррей.

– Конечно, – она сразу поняла, что он имеет в виду, – убивают вьетконговцев. А мы здесь, в Сайгоне, мы живы. И я жива, и доктор, и вы живы остались.

– Нго Ха, дайте ему лекарство!

Доктор усмехнулся и вышел.

– Нго, а вы точно не умрете? – снова спросил Мюррей, когда дверь за доктором закрылась.

– Я точно живая. И когда-нибудь я обязательно умру.

– Но не сейчас? – уточнил Мюррей.

– Нет.

Он послушно выпил таблетки и погрузился в сон. А во сне он снова бомбил, и по небу летали клочья тел вьетнамцев, а затем эти клочья превратились в ракеты и разорвали его самого. А под конец ему приснился зеленый луг, поросший мелким белым клевером. Он хотел выбежать на этот луг, но с каждого цветка поднялось по злой пчеле, и этот рой кинулся на него. Он все бежал и бежал, а пчелы все гнали и гнали его от вожделенного лужка с беленькими мягкими цветочками.

Любимым занятием Мюррея стало глядение в потолок. Он лежал, заложив руки за голову, и смотрел. Не то, чтобы ему был интересен цвет потолка или форма трещин. Просто ничего другого придумать он не мог. Ноги срастались медленно. Ходить невозможно. Он пробовал было писать письма, но писать было вовсе некому. В Штатах его никто не ждал. Временная вьетнамская жена, перекупленная у Блая, читать не умела, на записку не ответила, и Мюррей не испытывал никакого желания ее видеть.

Мюррей попробовал было слушать радио. Но передачи из Штатов здесь не ловились, а местные станции лопотали на своих языках или звенели медными горшками. Была пара станций на английском, которые чередовали Билли Кинга, Хью Гранта и политику. В голове Мюррея политика перемешалась с Грантом, в какой-то момент он схватил приемник и с наслаждением начал долбить им об пол. И больше радио не слушал.

Узнав об этом, доктор Беккер распорядился поставить в палату Мюррея вторую кровать, на которую на следующий день положили летчика с легким ранением. Этот чудик, конечно же, был вписан сюда в терапевтических целях. Мюррей это понял по тому, как весело новичок стал заигрывать с обслуживающим персоналом. Поэтому Мюррей сразу воз-

ненавидел и его, и заодно доктора Беккера.

– Летчик? – спросил Мюррей новичка.

– Бортинженер, – ответил тот, и начал что-то длинно объяснять. Но Мюррей не слушал. Он закрыл уши руками и продолжил изучение потолка.

Под вечер Мюррей заснул и погрузился в кошмар номер один – он опять бомбил самого себя. Он, как всегда, проснулся на том месте, когда горячий напалм полетел прямо в него, и услышал какие-то странные звуки, напоминающие царапанье по стеклу. Звуки доносились с соседней койки, и только когда их сменило тоненькое повизгивание, Мюррей понял, что это сосед скрипит зубами и воет во сне.

– Эй, парень! – Мюррей позвал сначала тихо, затем громче.

– Парень, очнись!

– А, – выдохнул сосед, и, приходя в себя, прошептал, – О, Боже!

– Давно ранили?

– Вчера.

– Сбили?

– Нет. Долетели. Меня осколками задело.

– Ракета?

– Да.

– И меня тоже, над Ханоем.

Они помолчали.

– Скажи, – спросил новичок, – тебе кошмары снятся?

Мюррей фыркнул.

– Все время.

– А когда началось?

– Началось давно. Но после ранения не уходят никогда.

– И у меня раньше были. Но не такие. Это надолго?

– Насовсем.

– Мне все время кажется, что мой самолет горит. Горит и горит, горит и горит.

– А я все время сам себя бомблю.

– Нет, – сосед задумался, – этого еще не было.

– Будет, – усмехнулся Мюррей.

– Нет, не будет. Я не бомбил, я на разведчике летал.

– Думаешь, разведчиком был, так уже чистенький? Думаешь, в крови да в дерьме не выпачкан? Ошибаешься! Все мы в дерьме по уши!

– Да ты что? – удивился сосед, – мы все воевали.

– Воевали! Не воевали, а сунули нас носом в дерьмо, дали ведра и приказали этим дерьмом поливать друг друга!

– При чем здесь дерьмо?

– А при том, что это твоя первая ночь. Впереди будут еще. И каждую ночь к тебе будут приходиться дохлые вьетнамцы, и каждую ночь ты будешь гореть! Все время!

Мюррей отвернулся. Сосед тоже помолчал, а потом тихо заметил.

– Знаешь, ты прав. Это и есть дерьмо.

Было слышно, как он засопел, потом его дыхание стало

ровнее, а потом он заскрипел зубами и завыл. Но Мюррей не стал его будить. Это бесполезно. Пусть привыкает.

***

Двенадцатого июля командование решило их порадовать и для поднятия боевого духа воинов по палатам прошлась делегация представителей объединенного командования сил Южного Вьетнама.

– Проходите, сэр! – доктор Беккер открыл дверь, в которую вошел высокий седой пехотный полковник в сопровождении двух вьетнамцев. Американский полковник в своей отутюженной форме выглядел строго и величественно. Рядом с ним косоглазые, с торчащими зубами вьетнамцы в своей смешной форме выглядели крупными крысами.

– Глубокоуважаемые господа! – обратилась старшая из крыс к лежащим летчикам, отодвинув полковника в сторону.

– Командование Южного Вьетнама поручило нам передать приветствия солнцеподобного наследного принца доблестным воинам, вставшим на помощь в защите идеалов... – старший гаденыш раскрыл рот пошире и хотел было толкнуть длинную речь, но Мюррей неожиданно прервал его, обратившись к полковнику.

– Сэр! Разрешите спросить?

– Да, разрешаю.

Полковник жестом оборвал вьетнамца на полуслове.

– Скажите, сэр, как же можете вы, полковник, находиться в обществе этих...

– Лейтенант, это наши союзники! – оборвал его полковник.

– А вы были на войне? Вы воевали сами? – Мюррей обратился прямо к вьетнамцам.

– Да, – кивнул старший, – воевал. Я есть боевой офицер, и вполне разделяю вашу озабоченность предстоящим визитом господина президента в логово медведей. Война принимает затяжной характер, но мы надеемся на ее скорое завершение.

– Ты стрелял? Ты в них стрелял? – Мюррей кивнул на столпившихся в коридоре вьетнамцев из обслуживающего персонала при госпитале.

– Враги! Врагов уничтожают!

– Сволочь! – закричал Мюррей, – Ты, сволочь, пошел войной на своих братьев. И ты еще командиров наших подговорил. И мы пошли в это дерьмо!

– Прекратите, лейтенант! – одернул полковник.

– Полковник! Сэр, вы же рядом с крысами ходите. Мы же за крыс воюем. За крыс! Мы же крысятник усмиряем, а нас бомбят и бомбят.

– Прекратить!

– Не прекращу! Мне бояться нечего. Я уже горел.

– Вас разжалуют!

– Не разжалуют! Я не хочу служить больше, не хочу! Не буду!

Мюррей схватил пузырек со столика и метнул его в лицо вьетнамца и завизжал. Глаза у него закатились. Военные и доктор ретировались, оставив бьющегося в припадке Мюррея на попечение вьетнамских медсестер. Вьетнамские девушки занялись сумасшедшим американским воякой. Они сделали ему укол, и он затих.

– Сожалею, – полковник кивнул вьетнамцам. – Доктор, и часто с ним такое?

– Часто. Тут много таких, – вздохнул Беккер, – вьетнамский синдром.

– Как вы сказали?

– Вьетнамский синдром. Не лечится. Идемте дальше.

***

Лейтенант Кашечкин мысленно писал письма.

«Здравствуйте, дорогая Светлана!»

Он с удовольствием намылил щеки и с хрустом провел по ним острым лезвием. Вновь оказаться в гостинице, на кровати с белыми чистыми простынями было невероятно приятно. Кашечкин брился и сочинял новое письмо.

«Наконец-то меня отпускают домой, переводят служить на родную землю. Наконец-то состоится наша долгожданная встреча, и мы сможем обнять друг друга...».

– Нет, нехорошо, – подумал Кашечкин, мысленно зачеркнул последнюю строчку и написал:

«...И мы сможем поцеловать и нежно обнять друг друга. Не думайте, что на таком расстоянии я забыл Вас. Я по-прежнему люблю Вас и жду этой встречи. Надеюсь, что отец Ваш теперь уже не будет препятствовать нашим чувствам. Мы поженимся и вместе уедем далеко-далеко, в глухой таежный гарнизон на границу, на самый край света».

Кашечкин задумался. Конечно, вдвоем с любимой будет хорошо и на краю света. Жить в офицерской казарме за ширмочкой. А вокруг на сотни километров тайга. И в город можно попасть только вертолетом. Кашечкин бывал в таких местах. Офицерские жены жили там со своими мужьями, но не всегда счастливо. Поэтому Кашечкин снова вычеркнул строки и написал:

«Я теперь ветеран и участник войны, кавалер ордена Красного Знамени. Мне положено много льгот, я подам рапорт, чтобы меня оставили в Москве, и мы будем жить вместе, у Вас или у моей мамы».

– Вот так будет намного лучше, – одобрил самого себя Кашечкин. – В Москве служить хорошо. И жить тоже хорошо.

«А потом у нас будет много-много детей, и они тоже станут офицерами».

Кашечкин закончил бриться, ополоснул лицо и побрызгал на себя одеколоном.

А затем Кашечкин шел по улицам Ханоя и радовался. Светило яркое солнце. Город сиял, радуя красками. Он не был превращен в руины и пепел. Это не были зловещие раз-

валины наподобие Сталинграда и Новороссийска, это не было черное выгоревшее пятно, как на месте Хиросимы и Нагасаки, это был живой город, по улицам которого шли толпы людей и катили целые армии велосипедистов. На улицах торговали фруктами с корзин. Кашечкин взял пару сушеных бананов, а торговец, видя форму, не взял с него денег. Навстречу шли веселые девушки, они радостно махали Кашечкину руками, и Кашечкин помахал им вслед. Девушки тут же окружили его и защебетали, часто-часто повторяя «Тяо как, лиен со²⁸». Кашечкин схватил одну из них и поцеловал прямо в щечку. Она засмеялась и легонько оттолкнула его, и все девушки со смехом разбежались.

Хорошо еще, что к русским на улицах Ханоя более-менее привыкли, и появление Кашечкина не вызвало интереса у мальчишек. Но взрослые, знавшие об исходе битвы, поворачивали за Кашечкиным и целый квартал шли за ним, глядя во все глаза.

Кашечкин шел, выбирая подарки и думая о том, как много ему нужно будет сказать Фан Ки Ну. Думал он о своем отъезде, думал он о том, что надо расставаться, и что когда-нибудь она сможет приехать в Москву. Думал он и о том, какая она славная, и о том, что он все равно не мог бы полюбить ее. Но он успел полюбить весь ее народ, весь этот город, всю эту страну. И он любит их всех, а значит, и ее. О чем он ей и скажет.

---

²⁸ Здравствуйтесь, советские! (вьетн.)

Кашечкин смело свернул на знакомую улицу и подошел к дому. Бабушки, дедушки, дяди, тети и братья были на месте. Они сидели возле пруда. Один из мужчин, завидев Кашечкина, мелко семеня, подбежал к калитке, распахнул ее и тут же отошел в сторону, пропуская его. Из дома выбежал мальчик, секунду глядел на них, скрылся в доме и тут же выскочил назад, ведя за руку Фан Ки Ну.

– Здравствуйте! – Кашечкин степенно кивнул дедушкам, бабушкам, дядям и тетям, а также другим родственникам, выскочившими вслед за Фан Ки Ну из дома. Родственники мелко и торопливо начали кланяться в ответ. Когда поклонны закончились, он подбежал к Фан Ки Ну и поцеловал ее в щеку.

– Здравствуйте, герой! – Фан Ки Ну нежно обняла его за шею, но Кашечкин мягко отстранил ее.

– О, не стесняйтесь! – улыбнулась Фан Ки Ну.

– Фан Ки Ну, нам надо поговорить.

– Да, конечно. – Фан Ки Ну стрельнула глазками и взяла его за руку.

Они пошли в дом, на каждом шагу натываясь на родственников. Кашечкин хотел было остановиться, но Фан Ки Ну сильно повлекла его дальше, через сад, к небольшому уединенному домику.

– Здесь! – она опустилась на циновки. – Здесь нам не помешают.

– Спасибо, – Кашечкин опустился рядом, – но нам дей-

ствительно надо поговорить.

– Конечно, – кивнула Фан Ки Ну и нежными пальчиками расстегнула его воротничок.

– Нет! – Кашечкин отвел ее руки. – Не сейчас.

– Я чем-то вам не угодила? – удивленно посмотрела на него Фан Ки Ну.

– Вы очень, очень хорошая девушка! Вы просто замечательная. А я очень виноват перед вами, очень виноват. Мне ужасно стыдно и я прошу у вас прощения.

– За что? – удивилась Фан Ки Ну.

– Я скоро уезжаю. Мне совсем недолго осталось здесь жить.

– Я знаю, – кивнула Фан Ки Ну, – и мне очень жаль.

– И мне жаль. Я очень виноват. Но я не могу, не могу...

Фан Ки Ну молча вопросительно смотрела на него.

– Я не смогу взять вас с собой. У меня там, в Союзе, есть невеста, и мне очень и очень стыдно перед вами. И перед ней. За те три раза. Но вы мне очень и очень нравились, очень, и я не мог сдержаться.

– Нравилась? – удивилась Фан Ки Ну. – Почему в прошедшем времени? А теперь я вам не нравлюсь?

Они сидели один на один, на мягких циновках из рисовой соломы, в маленьком домике, и смотрели друг другу в глаза.

– Очень нравитесь. Я люблю вас всех, люблю вашу страну, ваш народ, вашу семью. Я люблю вас! Я не лгу. Но Светлану я тоже люблю, и она моя невеста. Мне стыдно.

– Почему вы стыдитесь? Разве вы не знали, что уедете? – удивилась Фан Ки Ну.

– Знал. И мне очень стыдно, что я обманывал вас. Я хочу попросить прощения. У вас и, если хотите, у всей вашей семьи.

– Не надо ничего просить. Они все знают. И я тоже знала, что вы уедете. Но даже недолго быть с вами – это подарок.

– Вы меня простили? – обрадовался Кашечкин.

– Вы меня не обижали. Мы доставили друг другу удовольствие, и должны быть за него друг другу благодарны. Вам ведь было хорошо?

– Да, – кивнул Кашечкин, – хорошо. Но мне стыдно.

– Бедный мальчик! Вы стыдитесь какой-то ерунды. Моя семья полюбила вас как мужа этого года, и мне следует гордиться вами.

Фан Ки Ну ласково посмотрела на него, а потом легким движением плеч сбросила с себя платье, оставшись обнаженной. Длинные, черные как смоль волосы стекали по плечам и прикрывали ее маленькую грудь. Она легким движением руки откинула их назад и замерла перед ним, тихо, одними губами шепнув:

– Иди ко мне, мой муж!

– Не могу, не могу! – Кашечкин покраснел. – Я честный человек, и не могу допустить низости по отношению к женщине.

Фан Ки Ну поднялась с колен, перешагнула через упавшее

с плеч платье и подошла к Кашечкину.

– Бедный мальчик! – Она ласково погладила его по лицу. – Ты не можешь меня обидеть. Я настолько старше тебя, что ты и представить себе не можешь! Я пережила две войны. Я училась в Москве. Я родила сына. Я похоронила мужа. У меня погибла вся семья. А ты думаешь, что обидишь меня тем, что любишь женщину, до которой отсюда тысячи километров пути. У меня же никого нет! То, что ты больше года жил со мной, делает мне честь.

– А твои родственники?

– Это не мои родственники. Это семья моего погибшего мужа и семья моего сына. Они бы выгнали меня, но живут на твои подарки.

Ошеломленный Кашечкин пытался что-то сказать и не мог, не находя слов.

– Иди ко мне, герой! – снова поманила его Фан Ки Ну, обнаженная, похожая на девочку.

– Почему герой?

– Потому что все вокруг знают, что ты спас нас от гибели. Все тебе благодарны. Твоя слава возвышает всю семью. Все считают ее семьей героя. Вся твоя слава достанется нашему сыну, а родственники выделяют и ему, и мне часть наследства.

– Что? Сыну? – Кашечкин попытался привстать, но Фан Ки Ну мягко усадила его на место.

– Так ты... – Кашечкин не знал, что и сказать.

– Нет, – она грустно покачала головой, – пока еще нет. Но

сегодня можно надеяться на то, что да. Сегодня можно.

– Но мы же не женаты, – растерянно протянул Кашечкин.

– Так вот же я! – Фан Ки Ну опустилась рядом с ним, коснувшись его упругим бедром.

– Что же скажут люди? Что они подумают о тебе и обо мне? А впрочем, пусть думают что угодно! – Кашечкин то-ропливо расстегивал форменную рубашку. – Я тебе оставлю все, что у меня есть. Помогу. А люди пусть думают что хотят!

– Они подумают, что в их семье растет сын героя, и будут очень уважать меня, очень! Совсем не так, как жен американцев!

Фан Ки Ну расстегнула его рубашку и прижалась своей грудью к его груди. Они упали на циновку и крепко обнялись.

– Сына хочу!

Фан Ки Ну застонала в его крепких руках и выгнулась дугой.

Глава 27. Родина встречает американских героев

Как мы раньше выбирали губернатора?

Толстых дядек находилось штуки три

За которых платные ораторы

Драли глотки с ночи до зари

Дормидонт Народный

"Комсомольская правда»

Ноги у Мюррея зажили, и он уже мог ходить, опираясь на трость. Транспортный самолет перебросил его в Гонолулу, а там ему, как раненому, выделили место в гражданском самолете. Одетый с иголки, в парадной форме, Мюррей, прихрамывая, поднялся по трапу. Он сел возле иллюминатора и с удовольствием потянулся. Впервые в этой новой жизни он летел не в кабине, и в его руках не было штурвала. Впервые он летел в полной безопасности, не испытывая угрозы в любой момент получить русскую ракету в лоб. Мюррей бла-

женствовал от этого сознания.

Рядом с ним в кресло плюхнулся высокий длинноволосый парень с черными грустными глазами, в гражданской одежде. Он механически двигал челюстями, катая жвачку языком. Судя по тому, что он летел этим рейсом, парень демобилизовался по ранению. Мюррей еще раз внимательно посмотрел на него. Взгляд парня слегка блуждал – он то замирал на какой-то точке, то вновь перескакивал на новый, одному ему ведомый предмет. Глаза у него, казалось, смотрели независимо друг от друга, как у хамелеона. Левый глаз перемещался с предмета на предмет явно быстрее правого. Щека чуть подергивалась. Несмотря на жвачку, челюсть и губы парня слегка дрожали. Эта мелкая дрожь неприятно накладывалась на жевательные движения. Мюррей опустил глаза и увидел, что руки у парня так же мелко дрожат. В общем, это был обычный ветеран вьетнамской войны, ничего особенного. Мюррей посмотрел на свои руки. Они тоже мелко дрожали.

– Привет! Как дела? – привычно поздоровался Мюррей.

– Привет. Хреново, – вежливо ответил парень и отвернулся.

– Дональд Мюррей. Лейтенант, – Мюррей протянул руку.

– Сильвестр, – парень заикнулся, скользнул взглядом по погонам и нашивкам, и добавил, – Рядовой Сильвестр Макарони. Сэр.

Мюррей опустил протянутую руку и отвернулся. Самолет

взлетел. Парень все так же сидел в кресле и жевал. Мюррей все так же смотрел в иллюминатор. Пассажиры откидывали спинки кресел, устраиваясь поудобнее. Им не было дела до отставных военных. Стюардесса начала разносить выпивку. Мюррей взял виски и остановился, не торопясь выпить. Парень тоже взял стаканчик.

– Будь проклята эта война, – выдохнул Мюррей, и одним глотком выпил обжигающую жидкость.

– И пошла в жопу эта армия, – парень эхом повторил тост, а затем обратился к Мюррею.

– А ты был лейтенант?

– Да.

– Летчик?

– Да.

– Ну тогда и вас в жопу, сэр! – парень деревянно засмеялся и выпил.

– Сволочь, – отозвался Мюррей.

– Сам дерьмо! – Сильвестр еще раз хихикнул и бросил пустой стаканчик на пол. Стюардесса укоризненно посмотрела на него и молча подобрала стакан. Макароны усмехнулся и отвернулся. Он с удовольствием закрыл бы глаза, но тогда вместо хорошенькой попки стюардессы передним возникло бы ненавистное лицо вьетнамского солдата, отраженное в лезвии ножа. Он скрипнул зубами.

Услышав знакомый звук, Мюррей обернулся.

– Кошмары мучают? Горел?

– Нет. В плену был.

– Долго?

– Нет. Обменяли. – Парня передернуло. – Сволочи. Глаза закрою, и все рожи косоглазые вижу.

– Попробуй перед тем, как закрыть глаза, постучать по лбу.

– Сам пробовал? – недоверчиво спросил Сильвестр.

– Пробовал. – Мюррей кивнул, – становится лучше.

Макарони постучал костяшками по лбу и прикрыл глаза.

– Не помогает.

– Крепче стукни.

Сидящие рядом пассажиры с недоумением посмотрели на них. А Макарони и Мюррей одновременно стукнули себя кулаками в лоб, закрыли глаза и откинулись на спинки кресел. И с наслаждением отвернулись друг от друга.

***

Их самолет, дозаправившись в Лос-Анжелесе, взял курс на Детройт. Вылетели они утром, провели короткую ночь в самолете, и утром следующего дня были в аэропорту назначения. Военное ведомство послало к ним встречающего и небольшой автобус, бывших вояк не хотели выпускать в широкую публику. По всей Америке прокатились волны демонстраций протеста против вьетнамской войны. Эксцессов боялись и старались упрятать ветеранов подальше от глаз.

Оказалось, что таких отставников в самолете было еще трое, все они в гражданском, только Мюррей, которому еще предстояло лечение в военном госпитале, носил форму. Тяжело опираясь на трость, он пошел к стоянке, сопровождаемый огромным чернокожим сержантом. Остальные молча шли за ними.

Макароны вместе со всеми сел в автобус, и они поехали. Он с восторгом смотрел на поток машин, суетливо бегущих по автостраде, и радовался. Вокруг стоял не жуткий зеленый лес, а высотные дома. Вокруг были люди и самая совершенная в мире страна Америка.

Основной поток машин свернул в сторону, а автобус в тонком ручейке машин начал пробираться по улицам. Сначала двигались быстро, затем движение встало.

– Что такое? – удивился чернокожий сержант, сидевший за рулем.

Тем временем машины впереди начали разворачиваться и отъезжать в противоположном направлении. На дороге показались двое полицейских. Они подходили к водителям, что-то говорили им, и машины отъезжали.

– Что случилось? – сержант высунулся из окна.

– Разворачивайтесь! – полицейский махнул рукой, – дальше не проедете. Там демонстрация будет.

– Какая демонстрация?

– Гомосексуальных меньшинств. Тьфу, и не выговоришь. Толпа подростков собралась.

– Как же мэрия разрешила?

– Они не разрешали. Подойдет подкрепление, будем разгонять.

– А... – протянул сержант. – Только мне здесь не развернуться. Я до перекрестка доеду, и назад.

Полицейский с сомнением оглядел автобус.

– Они уже на подходе. Займут улицу, и вам не выбраться.

– Я быстро.

– Ну, давай, – согласился полицейский, – развернешься, и назад. Там пока еще свободно.

– О'к!

Сержант вывернул за угол и увидел, что на площади собралось уже много людей. Он притормозил, пытаясь свернуть хотя бы на соседнюю улицу, но толпа качнулась, и автобус встал.

– Все, влипли – сержант сплюнул.

Макарони расширенными глазами смотрел на давно забытую, шумную, веселую и слегка пьяную толпу сверстников.

– Встали? – спросил он у сержанта.

– Наглухо.

Макарони откинул люк в потолке, подтянулся и вылез на крышу. Он уселся поудобнее, свесил ноги с автобуса и стал наблюдать. Внезапно толпа закричала, засвистела. На площадь выехал грузовик с установленным на нем микрофоном, а за ним хлынула сплошная людская толпа. Прямо за грузовиком шла кучка девиц, одетых в зеленые комбинезоны

и в строительные каски, раскрашенные во все цвета радуги, с прилепленными сверху пластмассовыми рогами. Рядом вышагивали пузатые молодые люди. Некоторые из них были гладко выбриты, но с огромными копнами взлохмаченных волос на голове. Другие, наоборот, утопали в огромных бородах и блестели гладкими затылками. И все, как один, были обуты в огромные шнурованные ботинки. За ними шли еще демонстранты, неся плакаты с огромными надписями «Мир» и нарисованными черно-желтыми лицами.

Макарони взгляделся в толпу и не поверил своим глазам. Там шли девушки в клетчатых рубашках, драных джинсах и накидках, которые при ближайшем рассмотрении оказались парнями с густо подведенными глазами и накрашенными губами. Там же шли коротко стриженные парни с сигаретами в зубах, в белых рубашках, под которыми явственно проступали груди. Все они поминутно обнимались, целовали друг друга в губы и задорно смотрели по сторонам. Над толпой появились плакаты: «Свободу голубым», «Не хотим битв, хотим секса», «Долой войну, будем делать любовь».

Макарони с удивлением смотрел на эти надписи и голубые круги с изображением птичьей лапки, не понимая, какая может быть связь между войной и сексуальными меньшинствами.

– Братья! – на платформу вылез патлатый юноша в плотно облегающем тело блестящем костюме и накинутой жилетке с американским флагом на спине, – наше гребаное правитель-

ство никак не кончит! Оно никак не кончит эту гребаную войну, которая всех нас заколебала! И мы повторяем свой призыв – не брать геев в армию.

Толпа восторженно заревела и засвистела.

– Мы, сексуальные меньшинства, не хотим воевать. И мы говорим этому правительству – кончай! Кончай скорее, наше правительство! Кончай войну! Кто не хочет служить в армии – становись геем!

– Правильно! – заорал Макарони вместе со всеми. Он не понял и половины сказанного, но война его достала.

Тем временем на место патлатого юноши вылез импозантный мужчина среднего возраста. Заигрывая с молодежью, он накинул поверх костюма зеленое пальто с большим грязным пятном на боку.

– Война – это бедствие, – начал он, – Америка стремительно летит по канализационной трубе. И упадет в болота Вьетнама. И там она сломает себе шею. Мы теперь только отравляем мир. Мы отравили его своими идеями о прогрессе, демократии и цивилизации. Нам нужна экология!

Мужчина поднял руки и подпрыгнул. Толпа заревела. Макарони слушал.

– Мне кажется, что тяга к убийству у нас в крови. С рождения. Посмотрите. Тут у меня есть фотографии наших вице-президентов.

Он махнул кому-то, и над машиной поднялся плакат с фотографиями.

– Вот пример дурного вкуса. Эти лица походят на тупиц, на преступников, или просто на идиотов. Все государственные мужи всего мира – тупоголовые пройдохи. Это они придумали войну. Войны питают капитализм, а капитализм питается нами. Нам нужна любовь, а не война!

Толпа заорала, и в портреты полетела какая-то гадость. Один ошметок попал в оратора. Тот быстро вытерся и продолжил:

– Война во Вьетнаме – это мерзость. Если Гитлер – преступник, то кто же мы? Болтаем много, а жажда крови в нас очень сильна. Болтаем о демократии, много болтаем. Вам кажется, ничего не боитесь, демократия спасет вас? Вспомните такое ведомство – Пентагон! Или ФБР! Что, штаны намочили? Вот кинут вас во Вьетнам, еще не так намочите!

Макарони соскочил с крыши автобуса прямо в толпу и начал протискиваться ближе к грузовику. Он поминутно цеплялся за полы невообразимых хламид, наступал на свисающие до земли шарфы и длинные шнурки. Кто-то мазнул его по щеке кисточкой с краской. Он раздвигал плечом спины в клетчатых рубашках и невероятного фасона накидках. Существо неясного пола попробовало задом прижаться к нему, но Макарони оттолкнул его и оказался возле самой платформы. А оратор все кричал и кричал.

– Пентагон тащит нас в канализацию. Там мы свернем себе шею. Некоторые уже свернули. Сегодня все партии ведут войну. Вьетнам – дерьмо! И мы все в дерьме. Геи не воюют!

Мюррей слышал эти крики, усиленные микрофоном. Он видел, как придурочный сосед спрыгнул с автобуса и полез в толпу.

Сбоку в митингующих врезались полицейские. Оратор еще говорил, а дубинки уже замелькали в воздухе. Демонстранты похватали камни и стали бросать в полицию. Та отступила, но из переулка выехала пожарная машина, и мощная струя воды ударила в толпу. Люди, крича, падали, катились, образуя одну огромную кучу. Драка охватила уже половину площади.

– Ложись! – скомандовал сержант в автобусе. Все послушно и дисциплинированно легли на пол. И вовремя. Раздался удар. Лопнуло стекло, и в окно влетел большой булыжник.

Струя водомета наконец-то снесла с трибуны оратора со всей его аппаратурой, и усиленные техникой вопли смолкли, сменившись ревом толпы. Полицейские быстро работали дубинками, продвигаясь вслед за струей водомета.

Толпа, рванувшаяся от полиции, прижала Макарони к стене, а затем вытолкнула прямо на пластиковые щиты. Над его головой мелькнула резиновая дубинка, и дальше Сильвестр действовал уже чисто автоматически. Он быстро пригнулся, лег на асфальт и подкатился под ноги стоявших в строю. Конечно, плен высосал силы, но боевая выучка еще осталась. Он ловко сшиб растерявшегося человека, выхватил у него дубинку и, оказавшись сзади строя, начал лупить разгонявших демонстрацию полицейских по головам. Мгно-

вание – и в строю образовалась внушительная брешь, в которую тут же с криками ринулись волосатые геи, лесбиянки и всякие пестро-клетчатые личности

Но полисмены быстро опомнились, развернули щиты и ловко зажали ими прорвавшихся. Дубинки обрушивались на головы, и хипповые личности с воем валялись на землю.

Сильвестр ловко отбивался дубинкой, прорубая себе проход во второй линии, но поддержки сзади уже не было. Сильвестр оглянулся. Демонстранты, в панике, отступали, и только одна странная личность в ярко-розовых джинсах топталась прямо среди драки, недоумевающе крутя головой. Сильвестр рванул его за руку и бросился в переулок.

Полицейские кучей кинулись за ними, но тут Макарони был в своей игре. Он несколькими ударами раскидал противников и быстро побежал, дыша глубоко и ровно. Спасенная им странная личность бежала впереди, хрипя от одышки и кашляя на ходу. Полицейские попробовали было снова нагнать их, но, получив еще порцию ударов, отстали.

– Стой! – пискляво проблеял спутник Макарони, – можно не бежать.

Они пошли какими-то задворками по узкой улочке, пахнущей нечистотами. По обеим сторонам стояли облупленные дома. Из амбразуры двери навстречу им вышла дешевая проститутка, но, увидев окровавленные физиономии, быстро шмыгнула в тень.

– Где это мы? – спросил Макарони.

– Вокзал рядом, – спутник махнул рукой, – устал?

– Да.

Макарони устал после перелета и драки, все мышцы болели.

– Поесть бы и выпить.

– Башли есть?

– Есть.

– Тогда пошли.

Они завернули за угол и из темной подворотни вышли на чистую оживленную улицу. Зайдя в кафе, они заказали себе еду и пошли умываться.

– Здорово ты их! – заметил волосатый хиппарь. Макарони только тут сумел разглядеть его. Парень был одет в расшитую цветами рубаху навыпуск и розовые джинсы. Длинные волосы были аккуратно завиты, но сильно растрепались на бегу. Он интенсивно смывал с гладко выбритой морды остатки косметики, смешанной с засохшей кровью. Весь его вид, какой-то слащавый, внушал Сильвестру отвращение.

«К нашему сержанту бы его на пару недель, – подумал он, – живо из него мужчину бы сделали»

Парень оторвал бумажное полотенце и аккуратно высморкал разбитый тонкий нос. Из-под расстегнутой рубашки у него виднелась женская кружевная кофточка.

– Ты кто такой? – грубо спросил его Сильвестр.

– Желудь. А ты?

– Сильвестр Макарони.

Макарони чуть было не добавил «рядовой», но вспомнил о своей отставке и воздержался.

– Ну что, Желудь, чем угощать будешь?

– Пивом.

– Годится. И давно у вас такое веселье?

– Не, такая демонстрация в первый раз. Ведь до чего эти военные додумались! Геев в армию призывают! На, пей.

Желудь подтолкнул к Сильвестру высокий стакан. Сильвестр с удовольствием хлебнул.

– Так ты весь этот маскарад придумал, чтобы в армии не служить?

– Не, что ты! – Желудь возмутился. – Я натуральный гей!

А вот ты на гея не похож!

– Я не знаю, кто такие геи.

– О! Гей – это круто!

– Модно, что ли?

– Да. Это новое поколение. Новое поколение выбирает геев!

– Мужик одевается женщиной?

– Да, – радостно закивал головой Желудь, – очень модно.

Когда выступаем, все тащатся!

– Где выступаете? – Сильвестр насторожился.

– Поем. Ансамбль «Дупель базар»!

– И как, успешно?

– Да. Я сам не пою, я продюсер! Для продюсера-гея у нас возможностей больше.

– И что, целый ансамбль извращенцев?

– Но-но! – встрепенулся Желудь. – Ты поосторожнее выражайся. Мы не ансамбль, а рок-группа.

– А я до войны в театре выступал. И песни писал. – Сильвестр вздохнул.

– О! Круто! А теперь?

– А теперь домой возвращаюсь.

– Так ты что, – Желудь внимательно посмотрел на него, – оттуда? Из армии?

– Да! – Сильвестр расправил плечи, – случайно к вам попал.

– А круто ты их! – Желудь рассмеялся, вспоминая полицейских. – Драться можешь. А петь можешь?

– Могу.

– Ну-ка, давай, спой мне до-ми-соль!

Сильвестр взял три ноты. Желудь прислушался, взял салфетку и стер остатки туши с ресниц.

– Неплохо. А теперь соль-ре-си?

Сильвестр спел. Посетители бара оглянулись.

– Вещь! – Желудь удовлетворенно кивнул. – Значит, у нашей шляпки появляется новый образ! Мужественный ветеран войны вместе с группой геев в своих песнях клеймит ужасы войны!

– Давай без группы геев?

– Без геев нельзя. Немодно.

– Ладно.

Желудь вынул из кармана визитку и протянул ее Макаро-
ни.

– На. Если дело пойдет, я тебя папе покажу. Он у меня режиссер, фильмы снимает в Голливуде. А я здесь учусь.

Сильвестр кивнул и молча спрятал визитку.

– А ты письма домой, маме, писал? – снова спросил Же-
лудь.

– Нет.

– Жаль. А то бы папа издал. Сейчас спрос на такие воспо-
минания. Чтобы с ужасами, со слезой, с героизмом. Письма
ветерана матери нехило толкнуть можно.

Сильвестр усмехнулся.

– У нас почти никто не писал.

– И дневники не вели?

– Нет.

– Жаль. Издать бы! Да еще загнуть про страдания, про
ужасы войны! Куча зелени! А ты сам, часом подвиги не со-
вершал?

– Подвиги? – Сильвестр задумался. Перед глазами у него
замелькали банковские чеки от издательств с немеряным ко-
личеством нулей, – Да, совершал!

– Ну-ка, рассказывай! – Желудь придвинулся поближе.

И Сильвестра понесло. Он рассказывал про свои подвиги.
Он рассказывал, как в ночном бою они заняли деревню. А
потом их бросили десантом на русских, против которых бо-
ялась выступить эта сраная авиация. И он сумел взять в плен

русского полковника.

Глаза Сильвестра округлились. Он рассказывал, как их любило мирное население, какие у него там были красивые девушки. Он рассказывал, как партизаны боялись их взвода. И лишь в самом конце рассказа упомянул, что побывал в плену. Очень кратко, не вдаваясь в подробности. Только упомянул, что его захватили в плен раненым, и то понадобилась рота русских. Желудь слушал молча.

– Во, давай, напиши про это! Только русского полковника не упоминай. Просто расскажи, как мочил русских десантников, напиши, как спасал пленных. Про пленных ты ведь все знаешь?

И Сильвестр начал писать. О подвигах. О пленных. О Вьетнаме. О себе. О том, как он, красивый и сильный, в жутких джунглях истреблял партизан и русских и освобождал пленных, как блестели его черные очки и мужественно выдвигалась челюсть. Его книга и сценарий имели успех. Он начал писать еще, и нулей на чеках все прибавлялось. Но это уже другая история.

***

Тем временем битва с демонстрантами на площади продолжалась. Полиция оттеснила буйную молодежь. Автобус с выбитыми стеклами сдал задом, развернулся и медленно пополз обратно. Далеко уехать ему все равно не дали. Дви-

жение снова остановилось. Окружающие их машины загудели, и переключка гудков постепенно перешла в болезненный рев. Узкую улицу загораживал наряд полиции.

– Что еще? – сержант высунулся в разбитое окно.

– Объезжайте там! – он указал на поворот. – Здесь у нас съемка митинга в поддержку губернатора штата Мичиган!

– Кино? – Мюррей, хромая, начал пробираться к двери.

– Телевидение.

– Достали! Там демонстрация, здесь митинг с телевидением. Зачем?

– Поддержка республиканской партии на выборах.

Заинтересованный, Мюррей махнул сержанту.

– Подожди. Я погляжу.

Вокруг площади были расставлены огромные телекамеры на штативах, прожектора. Кабели от них тянулись к урчащему автобусу без окон. Молодой человек в кепке надрывным голосом считал в похожий на грушу микрофон. Царила деловая суета.

Мюррей остановился, опираясь на трость, и начал искать глазами выступающих. Тут кто-то так хлопнул его по плечу, что Мюррей покачнулся.

– Привет, старик!

Мюррей оглянулся. Перед ним стоял Джордж, тот самый, с которым они вместе учились в школе национальной гвардии.

– Вау, привет! – Мюррей хлопнул его по руке. – Как дела?

– Хорошо. А ты?

– Неплохо! Что здесь делаешь?

– Да вот, папаша заставил приехать. Он тут митинг организовывал в поддержку кандидата от их партии.

– О чем речь пойдет?

– О войне, конечно. Специально разгона демонстрации ждем. Как им там набьют, мы в их поддержку и выступим. Раньше нельзя. Если покалеченных не будет, драматического эффекта не получится.

Мюррей молча кивнул и посмотрел на суетившихся телевизионщиков.

– Ты что, слушать будешь? – перехватил Джордж его взгляд.

– Буду, – Мюррей кивнул, – надо же знать, чем тут люди занимаются.

– Брось, парень, ерундой заниматься. Пойдем лучше выпьем. Здесь недалеко.

Мюррей кивнул и крикнул сидевшему в автобусе сержанту, чтобы тот ехал без него, а он останется поговорить с другом.

– Да, поговорим, – весело подхватил Джордж. – Обо мне тут уже и по ТВ говорили, и статья была.

– О тебе? – удивился Мюррей.

– Это все наши политические противники нас обсуждают. Есть тут грозный писака в нашей партии. Когда я говорю о политике... Нет, о бизнесе, Тьфу, запутался! – Джордж до-

стал из кармана жвачку и сунул в рот. – Когда я говорю о себе, и когда он говорит обо мне. Я не аналитический человек. Я не трачу много времени на себя, думая о себе, думая, почему я делаю то, что делаю...

– Джордж, – Мюррей с сомнением посмотрел на него, – ты уверен, что в губернаторы выдвигают не тебя?

– Уверен. – Джордж кивнул. – Я бизнесом занимаюсь. Пришли.

Они толкнули массивную дверь со стеклянным окном. В полутемном помещении было пусто, лишь парочка завсегдаев заняли квадратный столик в углу.

– Что будешь? Я угощаю!

– А виски хороший у них есть? – Мюррей сглотнул слюну. Даже в самолете напитки были, мягко говоря, местного производства.

– Есть.

– Двойной со льдом. И без содовой.

– Ого! – Джордж подмигнул. – Отлично!

Они сели за столик и выпили. Джордж, как показалось Мюррею, абсолютно не изменился. Он остался таким же розовощеким младенцем с теми же бегающими глазами и пустыми рассуждениями. Когда он отпил одним глотком половину стакана, Мюррею показалось, что Джордж сейчас снова напьется и устроит драку.

– Бизнес. Да, бизнес идет! – Джордж, не замечая взглядов Мюррея, продолжал болтать. – Я вот тут собрал группу ин-

весторов и думаю сделать хорошее вложение.

– В политику? – усмехнулся Мюррей.

– В футбол. Футбольная команда – это сила нации, пере-
силивая которую нация становится значительно сильнее. А
политика, конечно, дело грязное, но прибыльное. Но этим
папаша занимается. Он миллионы на нефти сделал и столько
же на политике.

Мюррей вспомнил своего отца. Тот не поддерживал с ним
никакой связи. Мюррей совершенно забыл о своей семье и,
по правде сказать, не испытывал никакого желания с ней
встречаться.

– Благодаря нефти и политике папашка, Джордж, отмазал
тебя от армии. И от войны.

– Война? Да, я думаю, что война – опасное место, – в го-
лове Джорджа кувыркались мысли, – я уже заметил, что ты
в форме, да, заметил. Ты что, в армию загремел?

– Да, – кивнул Мюррей.

– Во, повезло мне! – Джордж оскалился улыбкой. – Ты
мне поможешь. Мы ведь что, мы ведь губернатора с анти-
военной программой выдвигаем. Нынче это модно. Мы ар-
мию попинаем, войну эту вьетнамскую с дерьмом смешаем,
и знаешь, как рейтинг вырастет! Вот папаша удивится, как я
его двинул вперед. Давай, выпьем, и ты в камеру расскажешь
про все гнусности, которые творятся в армии.

– Джордж, – сдержанно остановил его Мюррей, – а ты не
задумываешься над тем, что со мной случилось, где я был,

почему я ранен?

– Так ты оттуда? – Джордж внимательно посмотрел на него и махнул рукой. – Тем лучше. Ты расскажешь про истребление мирных вьетнамцев. Про то, как беззащитных детей военщина поливала напалмом. Говорят, там у вас головы старикам резали. Ты не резал?

Мюррей отрицательно покачал головой.

– Жаль. А то бы рассказал, как ты там раскаялся и как теперь поддерживаешь нашего кандидата. И лесбиянки бы тебя поддержали. Это классно будет – избитые на демонстрации лесбиянки нежно обнимают раскаявшегося вояку, который уничтожал мирное население, а теперь выступает против войны. Все газеты на это клюнут.

– Джордж! – выкрикнул Мюррей. – Ты сволочь!

Завсегдатаи оглянулись на его крик, а потом занялись своими делами.

– Ты сволочь и дурак! Я ведь там воевал за вас. Там не все вьетнамцы мирные, там есть и военные. Я едва жив остался.

Мюррей попытался схватить Джорджа, но не смог встать.

– Так ты что, за войну? – удивился Джордж, – Это сейчас не модно. Это незаконно. А о незаконности надо говорить так, словно ее у нас нет. Если меня с тобой рядом увидят, то могут подумать, что я такой же ястреб из Пентагона, как и ты. И геи меня не поддержат. А геи нынче в силе. Все больше и больше наших избирателей предпочитают голубой цвет. Знаешь что, ты тут развлекайся, а я пойду, у меня дела!

Джордж отодвинул стул и начал задом отползать в сторону двери.

– Ублюдок! Все вы ублюдки!

Мюррей схватил стакан и с силой метнул его, целясь Джорджу в лоб. Тот уклонился, и стакан со звоном ударился о дверное стекло, разбив его на сотни стеклянных брызг.

– О! – радостно взвыл Джордж, выскакивая на улицу. – Член республиканской партии страдает за свои антивоенные убеждения от рук распоясавшихся агрессоров!

***

Что было дальше? И поныне на зеленом западном побережье Австралии живет владелец небольшой фермы, которого его соседи зовут «Техасским ковбоем». Каждое утро он, прихрамывая, выходит на веранду своего дома. К нему подходит жена, за которой следуют пятеро детишек. Жена подаст ему молоко в глиняном кувшине, и он долго, с наслаждением, пьет. Затем он седлает коня, садится верхом. И скачет осматривать свое небольшое, всего пять тысяч голов, овечьё стадо. Сияет солнце. Ветер несет влажное дыхание океана. Техасский ковбой счастлив. Ночные кошмары сняты ему значительно реже.

Глава 28. О том, как лейтенант Кашечкин вернулся домой и нашел себе жену

...Позора я не потерплю!

Пускай откажется веронец от Флориче –

Иначе я,

Иначе я,

Иначе я его на шпагу наколю!

«Труффальдино из Бергамо»

Кашечкин прилетел в Москву в конце сентября, когда летняя жара спала, но стояли еще ясные дни. Москвичи удивлялись позднему теплу, а Кашечкин мерз. Зато его загар не вызывал никаких подозрений и казался просто особым курортным загаром. Он с удовольствием смешался с толпой москвичей.

Кашечкин не спешил. Он не спешил получать новое назначение. Он не спешил никуда идти. Он наслаждался Моск-

вой. На груди у него сверкал новенький орден.

Кашечкин приехал к маме. К матери с войны вернулся сын, возмужавший, прошедший огонь, воду и медные трубы. Вернулся молодой ветеран. Весь вечер и всю ночь он рассказывал матери о своей жизни, выпивал с отчимом и соседом и слушал их изумленные замечания. Заснув только под утро, он вскочил уже через час и, горя от нетерпения, ринулся к телефону.

Дрожащими руками он набрал номер Светланы и вслушивался в гудки, нетерпеливо ожидая ответа. Наконец в трубке хрустнуло, и баритон полковника произнес:

– Алло! Я слушаю!

– Товарищ полковник, здравствуйте! Это я, Василий Кашечкин, вернулся!

– Здравствуйте, – сухо поприветствовал полковник, и Василий с удивлением заметил, что голос у полковника не такой уж твердый и уверенный.

– Извините, что не писал. Не мог. С почтой там проблема.

– Да. Знаю.

– Не могли бы вы позвать Светлану?

– Не мог бы. Ее нет дома.

– А, так она в институте! – догадался Кашечкин. – У них уже занятия начались! Тогда я поеду, встречу ее.

– Не надо никуда ездить. – Голос Акиньшина стал каким-то вялым и бесцветным.

– Почему? – удивился Кашечкин. – Что случилось?

– Ничего. Просто вам лучше не встречаться.

– Я ничего не понимаю. Пожалуйста, объяснитесь.

– Никаких объяснений не будет. Это решено.

– Нет, ничего не решено, – прервал его Кашечкин. – Должен вам напомнить, что именно из-за любви к вашей дочери я оказался совсем не на курорте. Так что теперь все, что касается ее, касается и меня. Я имею право требовать объяснений.

– Единственное, что я могу вам сказать – это рекомендовать не встречаться со Светланой. – Без объяснений.

– Знаете что... – Кашечкин немного помедлил. – Не нужно мне ничего объяснять. Мы со Светланой вполне самостоятельные люди и сможем все решить сами. И, скорее всего, так будет лучше. Так что прощайте.

– Пойдите!

Но Кашечкин уже повесил трубку. В душе его роились самые нехорошие подозрения. Самой страшной была мысль, что Светлана уже успела выйти замуж, а ее отцу неудобно говорить о таком прискорбном факте.

Немного поразмыслив о возможном женском коварстве, Кашечкин надел китель и фуражку и посмотрел на себя в зеркало. Сам себе в зеркале Кашечкин понравился. Он отдал самому себе честь, открыл дверь и вышел.

В это субботнее утро Москва казалась необыкновенно красивой. Кашечкин с удовольствием шел к университету и надеялся, что сумеет встретить Светлану. С толпой студен-

тов он прошел в хорошо знакомую калитку, посмотрел на памятник Ломоносову и принялся ждать.

– Салют, лейтенант! – кто-то хлопнул его по плечу. Кашечкин обернулся. Там никого не было. И только, посмотрев в другую сторону, он увидел довольную физиономию Паши. Без бороды. И вообще, Паша стал выглядеть скромнее и приличнее.

– Ха! Старая студенческая шутка! – Паша оскалился в улыбке. Бритая физиономия казалась круглой, как блин.

– Здравствуйте! – Кашечкин протянул ему руку.

– Здорово!

Студент хотел было хлопнуть по его ладони, но Кашечкин перехватил его ладонь и сильно пожал.

– Ух ты! – удивился быстроте его реакции Паша. – Ловок стал! Силен! А загар-то какой! Где же ты все это время пропадал?

– Служил.

– Заметно. В Средней Азии, что ли?

– Дальше.

– Ну да. А теперь к Светке пришел?

– Да.

– Эх хватился! Ты что, совсем фишку не просекаешь?

– Хватит паясничать. Светлана здесь?

– Диплом у нас. А когда диплом, то что?

– Что?

– В универ не ходят. А только на консультации. Я вот се-

годня совершенно случайно сюда попал. А Светка позже будет.

– Так она дома?

– А чо ты удивляешься?

– Отец сказал, нет ее дома.

– А, ну значит, у хахаля она.

– Что?

– А ты, лейтенант, что, не в курсе? Она тебе что, не писала?

– Нет.

– Ну, ты, лейтенант, с прибабахом! Два года где-то мотался, не писал, а тут явился!

– Не мог писать, далеко был.

– А, вот что, – понимающе кивнул Паша. – Слушай, воин, ты совсем не в теме. Пива хочешь?

– Хочу, – честно признался Кашечкин.

– Ну и черт с ней, с консультацией! Пошли, вздрогнем.

Они пошли в ту же самую пивную на Дмитровке, взяли по кружке разведенного пива, отхлебнули и посмотрели друг на друга. Кашечкин за это время прокалился солнцем. Лоб прочертили первые морщинки, и они же тонким веером разбегались из уголков глаз.

Паша же нисколько не остепенился и, казалось, не изменился. Только пивное пузико стало больше, а патлы на голове – чуть короче.

– Да, лейтенант, – наконец нарушил Паша затянувшееся

молчание, – видать, досталось тебе.

– Не без этого, – кивнул Кашечкин. – Ну, рассказывай подробно. Что за хахаль?

– Да с весны ее какой-то перец регулярно подвозит. А на неделе она к нему после универа в тачку садилась.

– Что, на такси ее возит? – удивился Кашечкин. Даже для него, боевого офицера, возить девушку на такси было непозволительной роскошью.

– Не, круче! На своей тачке. «Волжанка» черная.

Кашечкин призадумался. Черная «Волга» была не просто машиной, а олицетворением принадлежности к номенклатуре коммунистической партии. Машины «Волга» простым людям не продавали, а черные «Волги» имелись только у начальников. И только у коммунистов. Паша поправился:

– Вру. Тачка не его. Видать, папашкина. А папашка – большая шишка

– Тоже следит за сыном, как у Светы?

– Не! – усмехнулся Паша, – этому на сынулю, судя по всему, начхать. Он сам по себе.

– Она его любит? – с замиранием сердца спросил Кашечкин.

– Она, конечно, дура. Но не такая, чтобы его любить. Но ездит с ним.

– Замуж за него не собирается?

Паша покрутил пальцем у виска.

– Да ты че? Нужна она ему! Это ж мальчик-мажор, и же-

нится он упакованной шмаре, на дочке министра. Ему подстилка нужна, а не жена.

Кашечкин протянул руку через стол, схватил Пашу за ворот и мощно пригнул.

– Ты что же, сволочь, говоришь! Как ты смеешь такие слова произносить?!

– Э, лейтенант, успокойся, – прохрипел Паша. – Сам просил все рассказать.

– Да. – Кашечкин выпустил его. – Извини.

– Не было пока ничего у них, успокойся. Она только раз в машину к нему села.

– Ты уверен? Что говорит ее отец?

– А ну его, – Паша махнул рукой. – Там папашки такие, что друг друга за версту обходят. Притушили его, вот он и молчит.

– Так, – протянул Кашечкин, – нашелся, значит, на полковника генерал.

– О, верно просек! – Паша отхлебнул пиво. – Сам-то лучше не лезь, а то и тебе голову оторвут. Как папашке.

– Посмотрим. А когда он ее подвозит?

– Подвозил. Один раз.

– Слушай, Паша, а когда Света в университет должна приехать?

– Да вот сейчас и приедет. Двинулись, что ли?

Паша ловко влил в себя остатки пива и пошел к выходу.

Радости Светлане от знакомства с Юрой было пока что не очень много, но все же лучше, чем одной. Пару раз подвез ее на машине. Но делал это не специально, а по пути. Периодически звонил ей. Один раз взял ее с собой в театр. Сидели они в закрытой ложе одни и, как только погас свет, он грубо полез ей под юбку. Она сопротивлялась, как могла, и все время боролась с желанием дать ему по морде. Но бить нельзя – шуметь в театре было неприлично. В общем, в театре ни платье, ни девичья честь сильно не пострадали. В антракте он успокоился, а потом поговорил с каким-то знакомым, они вместе понюхали какой-то порошок, после чего он сидел весь спектакль тихо и неподвижно, с широко открытыми глазами.

На этот раз не свалился, как снег на голову, а соизволил предупредить ее, что хочет поговорить. Она сама назначила встречу у университета, а он подъехал на папиной «Волге» так, что и ждать почти не пришлось.

– Здравствуйте, дорогая Светлана! – Он распахнул дверцу, – прошу вас присоединиться к моей поездке.

– Не могу, я на консультацию опоздаю!

Он вышел из машины и встал, слегка покачиваясь и глядя на нее неподвижным взглядом маленьких, наглых глаз. От него приятно пахло дорогим парфюмом.

– Дорогая, прошу вас составить мне компанию по дороге на дачу к другу в Немчиновку. Обещаю развлекать по пути и познакомить с приятной и хорошей компанией. И главное, в ходе этой беседы мы обсудим важные вещи.

– Не могу. Я опоздаю.

– Что ж, если вы не хотите скрасить мое одиночество и побеседовать в приятной обстановке, то сообразуйте хотя бы принять скромный презент, – Юра вынул из кармана коробочку, достал из нее маленькую золотую цепочку, надел на палец и покачал у Светы перед глазами. – Скромный такой и совсем маленький.

Он щелкнул пальцами, и цепочка упала ей на плечо. Она взяла тонкую золотую змейку в руки.

– Не упрямитесь, дорогая моя. – Юра больно сжал ее плечо.

– Отстань! – она попробовала оттолкнуть его, но он не разжимал рук.

– Милочка, не глупи, пожалуйста. Никуда твоя консультация не убежит!

Юра втолкнул ее в машину, захлопнул дверцу и сел за руль.

* * *

– Вот и она, а вот и пижон ейный! – Паша издалека увидел машину.

– Что они делают?

Кашечкин прибавил шагу. Он видел, как Светлана отталкивала холеного незнакомца, как тот почти силой впихнул ее в машину. Кашечкин побежал, но машина уже тронулась. Сзади с топотом подбежал Паша.

– Вот так! – откомментировал он, задыхаясь. – Жди ее теперь в понедельник.

– Нет! – Кашечкин резко обернулся. – Не буду ждать.

Он выскочил на мостовую и поднял руку. Поймать такси в то время в Москве было большой удачей, но Кашечкину повезло. Из общего потока вырулила машина с красной крышей.

– Паша, ты со мной? – крикнул он.

– Да ты что! Меня из универа выгонят, а тебя в Магадан служить пошлют.

– Ну и ладно! – Кашечкин сел в машину.

– Эй, стой! Я передумал. Я с тобой.

Паша влез на заднее сиденье.

– Куда? – пожилой таксист в сдвинутой на одно ухо кепке обвел их угрюмым взглядом.

– Вон за той черной «Волгой».

– Да вы что, ребята? Я в шпионов не играю.

– Двойной тариф! – подал голос с заднего сиденья Паша.

– Ехать неизвестно куда... – более сговорчиво протянул таксист.

– Вот! – Кашечкин залез в карман и выложил на прибор-

ную доску инвалютные чеки.

– Ух ты! – шофер недоверчиво взял розовую бумажку и повертел перед глазами, затем проверил напросвет.

– Догоним – еще столько же.

– Дак что же ты молчал! Мигом догоним!

Таксист одним движением смахнул чеки в карман и включил передачу. Машина рванулась вперед.

– От Сухова еще никто не уходил! – пробормотал он и понесся по Москве.

Таксист Сухов был, конечно, мастером вождения. Он не стал приближаться к «Волге», а отпустил ее на значительное расстояние так, чтобы его не заметили. И потерял Юрика только в самой Немчиновке, пропустив поворот.

Юрик ловко загнал машину во двор. Он закрыл за ней огромные, выше двух метров в высоту, ворота, за которыми так удобно скрывать всяческие бесчинства.

– Пойдем! – Он вытащил слабо сопротивляющуюся Свету и повел ее в дом.

Это был дом классической советской дачной архитектуры, традиционно скрываемой за огромными глухими заборами. Юрик поднялся по скрипучему крыльцу и распахнул входную дверь. Внутри было сумрачно и прохладно, попахивало дымом от едва горящего камина в гостиной, который совсем не давал тепла. В самой гостиной царил легкий беспорядок – кресла сдвинуты, журнальный столик перевернут, по полу катались пустые бутылки. В углу стоял корявый

лакированный пень, исполнявший роль стола, обмазанный майнезом.

– Брависсимо! – С одобрением заметил Юрик, – ребята замечательно повеселились!

– Прошу присаживаться и располагаться со всеми удобствами, – он поставил столик на ножки и извлек откуда-то хрустальную менажницу с остатками салата. – По всей видимости, это единственная имеющаяся в доме еда.

Он прислушался. Сверху, со второго этажа, доносилась музыка и какой-то неясный шум.

– Давайте выпьем за нашу встречу, а потом пойдем знакомиться с моими друзьями.

Юрик выудил из-под кресла коньяк и разлил его в пузатенькие рюмочки.

– Я не хочу. – Светлана села в кресло и устало прикрыла глаза. – Ты ведь поговорить хотел. Давай поговорим на трезвую голову.

– Моя голова чиста, как лучший хрусталь, – удивился Юрик. – И поговорил я уже обо всем, о чем хотел, в машине. А теперь следует выпить и познакомить тебя с моими лучшими друзьями. Так что выпей, пожалуйста!

Он подтолкнул к ней стаканчик, ловко чокнулся с ним и выпил. Светлана тоже выпила разом, залпом, обжигая горло. Перед глазами у нее поплыло. Она сунула ложку в салат и закусила.

– Фу! – Юрик поморщился. – Что за плебейские манеры!

Кто же так коньяк пьет? Его смаковать надо и лимончиком закусывать.

Светлана молча кивнула.

– Давайте повторим так, как это принято в благородных семействах!

Юрик налил еще, и они выпили. В голове у Светланы закружилось. Но Юрик не дал ей расслабиться. Он встал и поднял ее с кресла за руку.

– Пойдем, начнем наше знакомство и душевное общение. Эй, Леопольд, Рубен! – заорал он, поднимаясь по лестнице и волоча за собой Светлану.

Навстречу ему вышел угрюмый смуглый тип в малиновом шелковом халате и шлепанцах на босу ногу.

– Юрий, что ты так громко кричишь?

– О, Рубенчик, с добрым утром! Светлана, познакомьтесь, это Рубен. Рубенчик, познакомься, пожалуйста со Светланой.

– Целую ручки!

Рубен церемонно поцеловал Свету сначала в руку, а потом еще раз, в плечо. Светлана отдернулась.

– О, пардон! – галантно поклонился Рубен. – Лобызаю прекрасное создание. Однако вы, дорогие мои, припозднились. Поскольку, согласно уговору, мы начали еще вчера, то в ближайшее время просим вас развлекаться самостоятельно! Мы же присоединимся чуть позже.

– Рубен! Ну что ты там! – раздался из-за двери томный

женский голос.

– Вот видите, какой шармюнец! – развел руками Рубен и задом протиснулся в дверь, закрыв ее за собой.

– О да, они не проснулись еще, – прокомментировал Юрик. – И ждали нас вчера, а не сегодня, а мы немножко задержались!

– И что будем делать? – спросила Светлана. – Может, поедем?

– Ни за что! – Юрик усмехнулся, – останемся здесь и получим свою собственную порцию удовольствия.

Из-за двери Рубена раздались звуки новомодного рока, а затем приглушенная возня. Юрик толкнул дверь в соседнюю комнату.

– Милости прошу в мои апартаменты в этом доме! Здесь и поговорим, и выпьем.

– Не пойду.

– Что же ты все упрямисься! То хочешь говорить, то не хочешь!

Он подтолкнул ее в комнату к дивану, достал из бара бутылку, стаканы и налил.

– Выпей еще! На душе сразу легче станет.

– Нет! – Светлана твердо покачала головой.

Юрик отставил бутылку, внимательно посмотрел на нее и, не говоря ни слова, повалил на диван. Светлана почувствовала, как холодные жесткие губы припали к ее губам. Она попыталась вывернуться, но Юрик сильно прижал ее, и она

не могла сопротивляться. Ей удалось только отвернуть голову.

– Юра, не надо! – закричала она.

– Я хочу тебя! Сильно хочу!

Губы Юрика снова зажали ее рот, и она почувствовала, что он пытается стягивать с нее трусики. Но зато его хватка ослабла, и Светлана, извернувшись, толкнула его на пол.

– Помогите! – закричала она во весь голос.

Юрик встал, с издевательской улыбкой послушал крики и кинулся на нее снова. На этот раз она была готова, оттолкнула его руками и, не переставая кричать, залепила звонкую пощечину.

Юрик отшатнулся. Светлана ловко пнула его ногой в живот так, что Юрик с грохотом отлетел в угол. Светлана вскочила, распахнула дверь и кинулась в гостиную. За ней бросился выкарабкавшийся из своего угла Юрик.

Светлана успела сбежать вниз по лестнице и распахнуть входную дверь, но кто-то схватил ее за руку.

– Лео, держи ее! – Подоспевший Юрик схватил ее за другую руку и развернул.

– Это и есть твоя подруга? Знакомь.

Рядом с Юриком стоял высокий блондин в одних шортах. Светлану неприятно удивила сухая, пергаментная кожа его лица и рельефные, гипертрофированные мышцы груди и рук.

– У вас проблемы, или мне показалось?

Он до боли сжал ее руку своими сильными пальцами.

– Помогите, – едва выдохнула Светлана, – он...

– Вы жалуетесь на моего друга Юрия? – Блондин с усмешечкой, склонив голову, смотрел то на нее, то на раскрасневшегося Юрика. – Он плохо воспитан? Тогда идите с ним и продолжайте процесс воспитания.

Лео усмехнулся и отпустил Светлану. Юрик потащил было ее к лестнице, но неожиданно замер, остановленный твердым окриком.

– Стойте! Света, что здесь происходит?

Светлана оглянулась. Блондин тоже обернулся и присвистнул. В открытом дверном проеме стоял Кашечкин.

– Вася! – вскрикнула Светлана и рванулась к нему, но Юрик удержал.

– Бог мой, что за явление? Ты кто такой? – удивился Лео.

– Я хотел бы поговорить со Светланой.

– Наконец-то мне назвали имя юной леди! – Лео развел руками, – но не познакомили с вами, молодой человек. Юрик, ты его знаешь?

– Нет, не знаю.

– В таком случае вы непрошенный гость! – обратился Лео к Кашечкину, – выметайтесь отсюда как можно быстрее.

– Света, я, конечно, долго отсутствовал. – обратился Кашечкин к Свете, не обращая внимания на Лео, – но я тебя люблю и не хочу терять. Я ехал за вашей машиной, хотел поговорить, узнать. Я хотел увести тебя с собой. Но если ты

хочешь, если ты любишь этого человека, то я могу уйти и никогда больше не появляться.

– Нет! – Светлана рванулась еще раз, – не уходи!

– Ты хочешь продолжить наши отношения? – Кашечкин посмотрел на Свету, затем на Юрика. – И ты его не любишь?

– Нет, не люблю! – Светлана еще раз попробовала оттолкнуть Юрика.

– Света, скажи, – Кашечкин шагнул к ней, – а меня ты любишь?

В горле Светланы встал комок. Она судорожно пыталась его проглотить, но никак не могла, поэтому еле смогла произнести тихо:

– Да...

Но тут комок сам собой рассыпался, и она закричала во весь голос:

– Да, люблю! Я ждала тебя, ждала! Милый, ждала!

Кашечкин попытался подойти к ней, но железная рука Лео оттолкнула его обратно к двери.

– Стойте где стоите! А еще лучше убирайтесь отсюда побыстрее. В этой ситуации решать моему другу, а не вам.

Ободренный такой защитой, Юрик обхватил Свету за плечи и снова попытался втащить по лестнице.

– Не смей ее трогать! Это моя невеста, – гордо и уверенно произнес Кашечкин, и еще раз повторил, смакуя каждое слово, – Это моя невеста.

Лео засмеялся.

– Уходи отсюда, лейтенант, пока живой! А то ведь можно сделать так, что ты совсем жениться не сможешь.

– Ага, убирайся из этого дома, а то охрану вызовем! – поддержал его Юрик, – Или лучше Лео тебе задаст! Лео, ты ведь все лето мышцы качал! Ты где качался?

– В Антверпене, – важно кивнул Лео.

– Во! Целый состав в одиночку разгрузил! – подобострастно подхихикнул Юрик. – Он тебя одним пальцем. И я ему в этом помогу! – Он наконец-то отпустил Светлану и подошел к Кашечкину.

– Света, пойдем! – Кашечкин сделал шаг к девушке.

Лео попытался схватить его за ворот, но Кашечкин ловко отвел его руку. Отвести-то отвел, но почувствовал силу противника и понял, что даже один на один с ним не справится. А противников было двое.

Лео встал в странную стойку, которую Кашечкин часто видел в гимнастике вьетнамцев, и сделал выпад. Однако Кашечкин, привыкший к тому, что на войне побеждает не самый сильный, а самый хитрый, ловко нырнул за кресло.

Лео усмехнулся и начал скользящим, крадущимся шагом приближаться. Он был силен и опасен. Тогда Кашечкин, не дожидаясь атаки, выскочил из-за кресла и наотмашь рубанул Лео выхваченной из камина кочергой. Лео отвел удар, но взвыл от боли, и Кашечкин ловко навесил его с левой руки бутылкой по голове. Лео покачнулся, и Кашечкин еще раз огрел его кочергой. Лео со стоном упал.

– Ну? – Кашечкин полувопросительно повернулся к Юрику.

– Рубен! – завизжал Юрик и бросился вверх по лестнице. Дверь открылась, и Рубен в том же халате выполз наружу. – Что за шум? – удивился он. – И что за драка?

Они с Юриком двинулись на Кашечкина, который оттер Светлану в сторону и загородил собой. В руке у Юрика блеснул неведомо откуда взявшийся нож. Сзади тяжело завозилась Лео. Светлана ойкнула и прижалась к спине Кашечкина. Так ей было спокойнее. В воздухе пахло кровью.

И тут Юрик посмотрел Кашечкину в глаза. Книжный мальчик, читавший и про гражданскую, и про Отечественную войны, увидел глаза человека, на совести которого более сотни жизней. Они были спокойны и холодны. Офицер, прошедший два года войны, ученик разведчика Рузаева, слегка поигрывал тяжелой кочергой. Юрик с Рубеном поняли, что их сейчас будут убивать, убивать не шутя, а всерьез. На счету Кашечкина станет на две жизни больше, и это не слишком обременит его совесть. Они, не сговариваясь, развернулись, бросились вверх, вломились в комнату и крепко заперли за собой дверь.

Кашечкин слегка обнял Свету за плечи и повел к выходу. Опомнившийся от удара Лео, стоя у стены, проводил их долгим, пристальным взглядом. Они вышли на крыльцо. На крыльце сидел Паша.

– Ну, наконец-то! Светка, там машина тебя заждалась!

Светлана вспыхнула и уткнулась лицом в плечо Кашечкина. Лицо ее было мокрым от слез.

– Паша, – серьезно предупредил его Кашечкин, – держи язык за зубами!

– А то я не понимаю! Буду молчать, как могила! – ответил Паша и хитро прибавил:

– А на свадьбу позовете?

– Само собой! – важно кивнул Кашечкин и, обнимая Свету, вывел ее к машине.

Кашечкин привез Свету домой, в комнату матери. Он быстро выгнал соседа из ванной, налил горячей воды и отправил Светлану мыться, а сам пошел на кухню, помогать матери. Там собрались уже все соседки, вернувшиеся с работы и ожидавшие возвращения мужей. Они делали вид, что готовят, и старались растянуть уши на немыслимую ширину. Они боялись упустить хоть слово из разговора сияющего от радости Кашечкина с такой же счастливой матерью. Они замирали с ножами в руках, чтобы стуком не заглушить разговор, и укоризненно смотрели на ту, которая пыталась с грохотом помешивать суп металлической ложкой в алюминиевой кастрюльке.

Впрочем, начало этой любовной истории все хорошо знали. У Васи есть невеста, дочка не то генерала, не то маршала, папа которой составил протекцию младшему лейтенанту. Появление ее не стало неожиданностью. Настораживало соседок отсутствие приготовлений к встрече, а также немно-

го потрепанный вид и слегка порванное платье невесты. А самым подозрительным казалось то, что вместо обеда и смотрин молодые сразу по-хозяйски распорядилась общественной ванной.

Света мылась, а Кашечкин все рассказывал и рассказывал матери о том, как они любят друг друга, как он писал письма и не мог их отправить, о том, как радостно Светлана встретила его, бросилась ему на шею и сразу призналась в любви. Мать плакала от счастья, а соседки кивали. Они понимали, что любая с удовольствием бросилась бы на шею этому красавцу-лейтенанту, без пяти минут капитану.

Наконец тетя Дуся не выдержала:

– А свадьба-то у вас когда?

Соседки затаили дыхание и замерли, превратившись в слух.

– Не знаю. Не говорили еще, – пожал плечами Кашечкин.

– А жить где будете?

– Получу назначение, вместе поедem на место. Там комнату дадут.

– Значит, в Москве не поживете?

Кашечкин задумался. Везти Светлану обратно к отцу, а уж тем более жить у него совершенно не хотелось. Назначение дадут не сразу. А еще ему отпуск на свадьбу положен, и много прочих удовольствий!

– Поживем, – кивнул Кашечкин. – Мама нас приютит.

– Да, да, конечно, – закивала мать. – В тесноте, да не в

обиде.

– Значит, здесь сначала поживете, а потом уедете? – уточнила тетя Дуся.

– Да. Месяц поживем. Не возражаете?

– Да ты что! – тетя Дуся расплылась в улыбке. – Милые мои, разве ж вы нас стесните? Это радость для нас, стариков, видеть вас! Я тут знаешь, что надумала?

Тетя Дуся заговорщицки подмигнула и склонилась к Кашечкину. Соседки вытянули шеи еще сильнее.

– Мои-то молодые на Север поехали, на заработки. Бог знает, когда вернутся. А комната пустует. Хотите, так пользуйтесь. Ой!

Тетя Дуся сдавленно вскрикнула, когда мощные лапы Кашечкина сгребли ее в охапку, а на пухлой щеке запечатлелся горячий поцелуй.

– Ой, дурной! – Тетя Дуся кокетливо потупилась, но не отстранилась.

– Дурной! – еще раз взвизгнула она, после второго поцелуя. – Иди вон, лучше девку свою целуй!

Кашечкин обернулся. В дверях кухни стояла Светлана, в мамином халате, с мокрыми волосами.

– Вася... – тихо произнесла она и покраснела, – у тебя иголки с ниткой не будет?

– Светик, милый! – Кашечкин подошел и нежно взял свое сокровище за руку. – Все есть. И нитка есть, и обед сейчас будет. Отчим с соседом за вином пошли. А тетя Дуся комна-

ту нам дает, на первое время.

– Знаешь, я только сейчас поняла, как ждала тебя, и как я тебя люблю.

Светлана посмотрела ему прямо в глаза и добавила:

– Милый...

Вася обнял ее и повел в комнату, ставшую на некоторое время их жильем. Его нимфа сидела на табуретке, смущенная, и зашивала платье. А он перебирал светлые мокрые волосы, которые снились ему по ночам там, во Вьетнаме, и неумело расчесывал их деревянным гребешком. Они говорили друг о друге и были счастливы.

И жизнь пошла дальше. Они поженились, и Кашечкин, как боевой офицер, получил очень и очень неплохое назначение в пограничный гарнизон в тихий, чистый и красивый эстонский город Раквере. Кашечкин быстро получал повышения, у них родился сын, а затем и дочь. Они жили долго и счастливо... Но нет, они не умерли в один день. Окруженные заботой детей и внуков, они благоденствуют в Москве в квартире, оставленной им растроганным полковником. Недавно я был у них в гостях. Кашечкин смотрел по телевизору парад, посвященный Дню Победы, а потом надел свою парадную форму полковника в отставке, с орденами, и мы пошли на Красную площадь на концерт.

Глава 29. Глава последняя, о том, как живет полковник Рузаев

Будет вечер – тихо и сурово

О военной юности своей

Ты расскажешь комсомольцам новым

Сыновьям и детям сыновей

И с прекрасной завистью, с порывом,

С тем, которым юные живут

Назовут они тебя счастливым

Сотни раз героем – назовут...

Ольга Берггольц

Этот день в Алуште выдался очень душным, но к вечеру слегка посвежело. Небо покрылось сплошь крупными яр-

кими звездами, а над самой головой завис огромный звездный треугольник. Студенческий лагерь отужинал и начинал бурную ночную жизнь. На абсолютно темном пляже, таком темном, что совсем не различалась граница галечного пляжа и моря, слышались веселые молодые голоса и шумное падение тел в воду. Пограничники ругались, запускали ракеты и гоняли студентов. Студенты выгоняться не желали, они отдыхали, пили заранее приготовленное вино из знаменитых подвалов Массандры и пели песни.

На пляжной гальке возле домиков собралась группа студентов, юношей и девушек. У них с собой было. Имелись в наличии: гитара, несколько бутылок вина и три граненых стакана, тайно вынесенных из столовой. Гулял Энергетический институт.

– Значит, так, учитесь правильно чокаться, – наставительно поучал один студент, – надо наливать стакан на две трети.

Он ловко разлил вино по стаканам и роздал в протянутые руки.

– Затем берете двумя пальцами за самое дно и тихонько стучаетесь верхним ободком. При этом стекло звучит, как хрусталь.

– А-а-некдот в тему... – раздался из темноты запинаящийся голос.

– Поручик, не сейчас. Давайте лучше поднимем бокалы за наше священное голубое знамя. Гусары пьют стоя!

Раздался музыкальный хрустальный звон и бульканье.

– Ура, ура, ура! – дружно гаркнули студенты.

– Вольно! – раздался из темноты голос Рузаева.

– Здравия желаем, товарищ полковник! – дружно откликнулись будущие офицеры, – выпьете с нами?

Мгновенно Рузаеву налили стакан великолепного красного вина и передали шоколадку.

– Пить я, конечно, не буду, – Рузаев взял стакан, а шоколадку отодвинул в сторону, – а вот песни послушаю с удовольствием.

– Толик Калинин! Ты где? На инструмент!

Одному из студентов тут же сунули в руки гитару, тот ласково взял ее и провел по струнам.

...Прошло много лет с тех пор, как полковник Рузаев вернулся из Вьетнама, и пять из них он занимался подготовкой смены офицеров в своем родном институте. Студенты были гражданские и недисциплинированные. Но студенты они еще и умные, все схватывали на лету, молодые и веселые. Стать преподавателем в вузе – это, наверно, лучшая награда, которую он мог получить долгие годы безупречной службы отставной по ранению полковник. Студенты любили его, но относились слегка насмешливо, как ко всем военным.

Толик потянулся к стакану, выпил глоток вина и запел веселый разухабистый марш.

Вражеским наветам

Красочным ответом

Красная ракета целится в зенит,

И зимой, и летом,

Под дождем и ветром

Бабушку, невесту

И мать твою хранит

29

!

Вся студенческая компания дружно грянула заливчатский припев.

– Молодцы, – одобрил Рузаев. – На сборах устрою вам дополнительные строевые занятия с исполнением строевых песен.

– Товарищ полковник, в современной армии строевые занятия потеряли всякий смысл. Современная армия побеждает не силой, а уровнем техники и умом!

Один из студентов, невидимый в темноте, с намеком постучал по гитаре.

– А что? – раздался из темноты другой голос. – Наше оружие самое лучшее в мире.

– Наше стрелковое оружие, наверное, лучше. Не даром

все говорят про автомат Калашникова! А вот с высокими технологиями мы отстали. Какие у американцев авиация и флот, ты только посмотри! Им сейчас любую страну завоевать – дело пары дней.

– А мы? Мы не дадим! – раздался из темноты еще один голос. – Наша армия сильнее американской, сильнее всех их НАТО.

В темноте раздался саркастический смешок. Наверное, перед глазами студентов пронеслись старательно выводимые в прессе, кино и телевидении образы дубинноголовых прапорщиков, не способных не то что американцев победить, но и двух слов связать правильно. Армия в глазах молодого поколения превратилась в насмешку над здравым смыслом.

– Что смеетесь, – продолжил тот же голос, – вон какую войну выиграла в сорок пятом!

– Так то когда было! В древние времена. А современных, высокотехнологичных войн СССР никогда еще не выигрывал. И в сорок пятом, какие потери понесли! На одного немецкого солдата – трое наших. И потом, если атомная война начнется, воевать будет бесполезно. Ничего на земле не останется. И победителей не будет.

Спор было затих, придавленный таким весомым аргументом. Некоторое время слышалось только бульканье красного вина и тихий перебор гитарных струн.

– А если все же дойдет до войны? – студенты не могли удержаться от продолжения разговора, – вдруг НАТО напа-

дет на кого-то из наших союзников? Вдруг начнется обычная, а не атомная война? Кто победит?

– Победит тот, у кого техника лучше. А какая у нас техника, – допотопная! Американцы такую сто лет как в утиль списали. И тот победит, кто умнее. Наши-то командиры и боя настоящего не видели никогда, с войны сколько времени прошло. А ты знаешь, какие командиры у американцев?

– Ну, какие?

– Каждый в военном конфликте лично поучаствовал! Они по всему миру воевали! В журнале «Америка» были воспоминания сына одного командира авиационного полка об отце. Полковник Хантер! Гений стратегии! Во Вьетнаме воевал, там погиб. Непобедимый! Его как огня враги боялись. И вообще, интересная статья.

Студенты выпили еще раз. Рузаев сидел чуть в сторонке и молча слушал их разговоры. Он глядел на звезды и с удовольствием курил, отгоняя дымом мелкую ночную мошкарку. В разговор он не вмешивался, лишь яркие воспоминания пережитого пролетали перед глазами. По окончании вьетнамской кампании он дал строгую подписку о неразглашении тайны, и студенты не подозревали о его участии в этой знаменитой войне.

– Товарищ полковник, а как вы думаете, если мы с американцами столкнемся, кто победит? – обратился к нему один из студентов.

Рузаев глубоко затянулся, подумал и ответил:

– Ох, не хотел бы я этого, ребята. Не хотел бы я ни с кем больше воевать.

– А вы много воевали?

– Достаточно пришлось! – Рузаев усмехнулся.

– В войну? – последовал наивный вопрос из темноты. – В Великую Отечественную?

– И в нее тоже.

– Кем вы там были?

– Солдатом. Всю войну в войсках связи провоевал.

– Тяжело было?

– Не то слово. Страшная война. Но били мы немцев крепко, ох как крепко.

Студенты зашушукались, забулькали, зазвенели стаканами. Толик меланхолично перебирал гитарные струны.

– И все же, товарищ полковник, скажите, – раздался тот же голос, – в случае войны кто победит?

– Никто. Не надо войны, ребята!

– А если начнется мелкий конфликт? Ну, например, столкнулись бы вы с тем самым американским полковником, из журнала? Кто победит?

– Мы, – твердо сказал Рузаев и, усмехнувшись, добавил, – если, конечно, это тот самый полковник.

– Может быть, – раздался другой голос. – Но сколько жертв было бы, не сосчитать!

– С чьей стороны? – уточнил Рузаев.

– С нашей, конечно. Как в Отечественную, и даже больше.

– С нашей стороны жертв не будет. А они положили бы весь полк с самим полковником во главе.

– Ну да! – раздался еще один насмешливый голос. – Сигнал к атаке – три зеленых свистка.

Рузаев шутливо погрозил пальцем в темноту.

– Ай-ай-ай, Бронсович! Это ты в стенгазете выпустил сборник армейского юмора?

– Ну, я, – неохотно отозвался один из студентов, – извините.

– Да я не обижаюсь. Когда вы надо мной смеетесь, я это потерплю. Я не потерплю только одного, – насмешек над армией. Армия – наша гордость. Немцы над нами в свое время смеялись. Американцы смеются. А смех этот х...вый.

– Ну, да – Бронсович смутился, – я понимаю. Сейчас модно стало над офицерами смеяться. А все это ни к чему хорошему не приведет. Хотите еще вина, товарищ полковник?

Рузаев протянул стакан, и ему налили.

– А знаете, – продолжил Бронсович, – один мой приятель песню классную слышал. Группа такая, «Машина времени». И песня совсем про вас.

– Без глупостей и без насмешек? – уточнил Рузаев.

– Абсолютно! Толик, давай!

Тот обнял гитару и ударил по струнам.

...Вот море молодых колышат супербасы.

Мне триста лет, я выполз из тьмы.

Они торчат под рэйв и чем-то пудрят носы,

Они не такие как мы.

Рузаев закурил еще сигарету и прикрыл глаза. Он почти не слушал, не зная, смеются студенты или говорят серьезно. А Крис запел сильнее:

...И я не горю желаньем лезть в чужой монастырь.

Я видел эту жизнь без прикрас...

Рузаев прислушался. Он думал о том, как плохо пока эти студенты знают жизнь, что им еще расти и расти, набираться ума, силы и гордости за свою страну.

Хор студентов грянул припев:

...Не стоит прогибаться под изменчивый мир,

Однажды мир прогнетя под нас.

Рузаев сделал последнюю затяжку и щелчком отправил окурочек в море. Море беззвучно поглотило упавший в него огонек.

1998-2005